

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

ЛЕЧЕНИЕ ЗАБОЛЕВАНИЙ БИЛИАРНОЙ СИСТЕМЫ МЕТОДОМ ЭНДОСКОПИЧЕСКОЙ РЕТРОГРАДНОЙ ХОЛАНГИОПАНКРЕАТОГРАФИИ

Юсиф-заде Кенан Рафаэль

Доктор философии по медицинским наукам, главный врач военного госпиталя Государственной пограничной службы Азербайджана

В последнее время альтернативой хирургическому лечению пациентов с конкрементами желчных протоков все чаще становятся эндоскопические методы. Незаменимым методом ранней диагностики патологии органов панкреатобилиарной системы (ПБС) является эндоскопическая ретроградная холангиопанкреатография (ЭРХПГ). Эндоскопические ретроградные вмешательства на внепеченочных желчевыводящих путях с разрешением желтухи, холангита, ликвидацией стенозов, удалением камней холедоха и последующей лапароскопической холецистэктомией получили широкое распространение в хирургическом лечении осложнений ЖКБ. ЭРХПГ обладает неоспоримым преимуществом перед другими методами диагностики желчевыводящих путей. Это объясняется также тем фактором, что после завершения диагностического этапа он позволяет непосредственно перейти к лечению с использованием декомпрессии желчных путей и ЭПСТ [1, 3].

Материалы и методы. За период с 2006 по 2014 гг. нами было произведено 264 эндоскопической ретроградной холангиопанкреатографии (ЭРХПГ) и 218 эндоскопической папиллосфинктеротомии (ЭПСТ). Во всех случаях ЭРХПГ была проведена под интравенозной седацией. В целях седации для каждого больного в индивидуально выбранных дозах вводили пропофол, в некоторых случаях мидазолам (дормикум) и фентанил, а для местной анестезии применялся 10%-ый Лидокаин-спрей. При необходимости, для уменьшения дуоденальной перистальтики, применялся бутилскопаламин (Buscopan). Во время процедуры осуществлялся контроль пульсоксиметрии больных. Использовались все виды папиллотомии: канюляционная (полная, неполная), игольчатая (pre-cut, фистулотомия).

Результаты. Результаты, полученные при проведении исследований по оценке эффективности эндоскопических процедур указывают на высокую разрешающую способность метода ЭРХПГ (97,3%), как «золотого стандарта» при лечении внепеченочных билиарных заболеваний.

Прочищение холедоха баллонным экстрактором было осуществлено у 146 (95,4%) из 153 больных при наличии у больных холедохолитиаза. Для удаления крупных камней применялся механический литотриптор. Проведение эндопротезов в холедох выше препятствия при опухолевых поражениях было осуществлено у 5 больных: 4 больным установлен металлический стент, а 1-му – пластический. При наличии выраженного расширения протоочной системы и при гнойных холангитах применялось назобилиарное дренирование (НБД). Из 10-ти больных с гнойным холангитом 9-ым установлен назобилиарный дренаж. При ятрогенном повреждении гепатикохолеоанастомоза, а у другого было спонтанное заживление ретро-

перитонеальной фистулы. При склерозирующем холангите (1 больной) баллонная дилатация завершена стентированием.

При невозможности атравматично канюлировать Фатеров сосочек и попасть в желчную систему, применялась неполная игольчатая или pre-cut папиллотомия. Далее папиллотомию продолжали обычным папиллотомомом, расширяя разрез до оптимальной величины, т.е. использовали смешанный способ ЭПСТ. Выбор тактики ведения больных не случаен. Для повышения эффективности операций и избежания осложнений, мы стараемся в особо тяжелых случаях процедуру не затягивать, а проводить ее повторно или производить неполную папиллотомию игольчатым электродом с повторением операции на 3-4 день.

Полученные нами данные указывают на сравнительно невысокий процент осложнений – из 264 больного в 15 (5,7%) случаях.

Необходимо отметить, что в процессе ЭРХПГ без папиллотомии возможно возникновение осложнений, в основном, это постманипуляционный панкреатит и холангит, что чаще всего является результатом эндогенной инфекции. В нашем случае холангит, как осложнение пост-ЭРХПГ не встречалось, а все другие выявленные осложнения устранялись адекватными терапевтическими манипуляциями.

При невозможности канюлизировать сфинктер Одди стандартным ЭРХПГ катетером мы использовали игольчатый папиллотом. По нашим результатам в 18 неудачных случаях канюлизации холедоха удалось достичь положительных результатов с использованием игольчатого электрода [4].

В проведенном нами исследовании процент осложнений при стандартном сочетании операции ЭРХПГ+ЭПСТ составил 3,7% (у 8 из 218 больного).

По нашим данным ЭРХПГ и ЭПСТ, как во время вмешательства, так и в послеоперационном периоде общая частота осложнений составила 5,7% (15 случаев). Самое частое осложнение – панкреатит. По разным литературным данным частота панкреатита после ЭРХПГ и ЭПСТ варьирует от 2 до 10% [2, 5]. В нашем случае панкреатит развился у 9 (3,4%) из 264 пациента, проявлялся клинически – опоясывающими болями различной степени интенсивности, возникшими в течении суток после проведения ЭПСТ, с приступами рвоты, повышением температуры; подтверждался лабораторными (амилаза мочи, крови) и инструментальными (УЗИ, КТ) диагностическими методами, явления которого были купированы консервативными мероприятиями в течение 2-4 суток. Другим по частоте осложнением было кровотечение из области папиллотомной раны – у 6 (2,7%) из 221 пациентов. Клинические признаки его проявились непосредственно в момент папиллотомии. Кровотечение из области разреза при ЭПСТ было незначительным и прекра-

шалось после введения 1:10000 раствора адреналина склепизирующим инъектором посредством обкалывания сфинктеротомного разреза.

Выводы. Результаты анализа эффективности эндоскопических процедур указывают на высокую разрешающую способность метода ЭРХПГ (97,3%) и она является «золотым стандартом» при лечении внепеченочных патологий. Констатируется высокая результативность эндоскопической папиллотомии, достигающая 96,9-100%. Использование игольчатого электрода способствует повышению эффективности оперативного вмешательства при условии четкого выполнения данной процедуры с учетом всех установленных правил и нормативов.

Список литературы

1. Котовский А.Е., Глебов К.Г., Уржумцева Г.А., Петрова Н.А. Эндоскопические технологии в лечении

заболеваний органов гепатопанкреатодуоденальной зоны. *Анн. хир. гепатол.*, 2010. – Т.5, №1. – С. 9-18.

2. Тарасенко С.В., Брянцев Е.М., Мараховский С.Л., Копейкин А.А. Осложнения эндоскопических транспилярных вмешательств у больных доброкачественными заболеваниями желчных протоков. *Анн. хир. гепатол.*, 2010. – Т.15. – №1. – С. 21-26
3. Adler DG, Baron TH, Davila RE, et al. ASGE guideline: the role of ERCP in diseases of the biliary tract and the pancreas. *Gastrointest Endosc.*, 2005. – 62:1.
4. Katsinelos P, Mimidis K, Paroutoglou G, et al. Needle-knife papillotomy: a safe and effective technique in experienced hands. *Hepatogastroenterology*. 2004; 51:349.
5. Linder S, Söderlund C. Factors influencing the use of precut technique at endoscopic sphincterotomy. *Hepatogastroenterology*. 2007; 54:2192.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМИРОВАННОСТИ И ОСНОВНЫХ ВИДОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Зелионко Алина Владиславовна

Ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова, г. Санкт-Петербург

Актуальность. Современная здоровьесберегающая политика в здравоохранении предусматривает необходимость повышения уровня медицинской информированности, гигиенической грамотности, оптимизации профилактической и медико-социальной активности различных групп населения [3,4,5]. На различных этапах жизнедеятельности индивиду требуются специально ориентированные знания, умения и навыки, необходимые для коррекции и профилактики возможного воздействия факторов риска формирования органической патологии [1]. В настоящее время до конца неясными остаются медико-социальные причины невысокой медицинской грамотности населения. Одни научные работы показывают, что недостаточный уровень медицинской грамотности населения обусловлен несовершенством системы профилактики на уровне первичного звена здравоохранения, а именно: 1) снижением качества и методического уровня гигиенического воспитания населения; 2) отсутствием у врачей навыков и мотивации к медицинскому информированию пациентов [2,6,8]. В других научных работах доказывается, что невысокий уровень медицинской грамотности населения обусловлен недостаточным качеством жизни и неудовлетворительными условиями жизнеобеспечения [4].

Цель исследования – выявить особенности социально-гигиенического функционирования городских и сельских жителей, влияющие на формирование медицинской информированности, а также изучить влияние уровня медицинских знаний, компетенций и комплаентности на основные виды функционирования в структуре качества жизни.

Материалы и методы. Анализ показателей основных видов функционирования в структуре качества жизни проводился среди жителей Санкт-Петербурга (18 районов – 1150 человек) и Ленинградской области (3 района – 560 человек) с различным уровнем медицинской информированности.

Для изучения качества жизни, связанного со здоровьем, был использован специальный универсальный многомерный опросник, разработанный на кафедре общественного здоровья и здравоохранения СЗГМУ им. И.И. Мечникова и согласованный с международным и национальным Центрами качества жизни. Опросник состоит из 145 вопросов, составляющих 10 шкал по видам функционирования с признаками и градациями признаков: социально-гигиеническое функционирование; социально-экономическое благополучие семьи; психоэмоциональное благополучие; профилактическая активность и рекреационная деятельность; физическое функционирование; медицинская деятельность по укреплению здоровья; выраженность боли; симптомы, донозологические и патологические состояния; обобщенные показатели качества жизни и субъективные показатели общей оценки здоровья. Оценка по каждой шкале производилась в баллах, исходя из числа суммарных измерений признаков (от 6 до 20) и градаций признаков (от 3 до 5). Эти позволило дать количественную оценку качественным признакам. При этом установлено, чем выше балл по отдельным шкалам и видам функционирования, тем лучше считается показатель качества жизни.

В процессе медико-социологического исследования медицинской информированности был использован компетентностный подход при изучении знаний, умений и навыков на разных этапах формирования личности. Исследование проводилось по специально разработанной программе медико-социологического анализа. Проведена процедура валидизации программы исследования при помощи расчета коэффициентов Фергюсона и α -Кронбаха. Для разделения населения на группы по уровню медицинской информированности использовался кластерный анализ, метод К средних [7]. В качестве признаков, по которым происходило ранжирование на кластеры, использовались вопросы, касающиеся информированности о

состоянии здоровья и факторах риска заболеваний, а также вопросы, оценивающие наличие компетентности в области условий и методов профилактики заболеваний, основных мероприятий и видов деятельности по укреплению собственного здоровья.

Статистическая обработка материалов исследования проводилась при помощи программ Microsoft-Excel(2010) и STATISTICA 6.1 (StatSoftInc, США). Рассчитывались относительные и средние величины, стандартные ошибки средних значений, стандартные отклонения, корреляционные связи и критерий согласия с оценкой достоверности. При анализе качественных данных для сравнения трех и более групп использовался ранговый

дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса. Для оценки различий количественных признаков между 3-4 группами (при их распределении, близком к нормальному) использовался факторный дисперсионный анализ (ANOVA). Критический уровень значимости (p) при проверке статистических гипотез принимали равным 0,05.

Результаты исследования. Среди городских (66,3%) и сельских (87,9%) жителей преобладали женщины. В возрастной структуре горожан наибольший удельный вес принадлежит жителям 20-29 лет (55,3%). Около трети сельских жителей составили обследуемые 40-59 лет (27,9%), более трети – 20-29 лет (34,3%) (таблица 1, таблица 2).

Таблица 1

Возрастная структура городских жителей с учетом пола (%)

Возрастные группы	мужчины		женщины		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%
до 20 лет	42	10,8	93	12,2	135	11,7
20-29 лет	204	52,6	432	56,7	636	55,3
30-39 лет	55	14,2	100	13,1	155	13,5
40-59 лет	62	16,0	105	13,8	167	14,5
60 лет и старше	25	6,4	32	4,2	57	5,0
ИТОГО	388	100,0	762	100,0	1150	100,0

Таблица 2

Возрастная структура сельских жителей с учетом пола (%)

Возрастные группы	мужчины		женщины		Всего	
	абс	%	абс	%	абс	%
до 20 лет	0	0,0	20	4,1	20	3,6
20-29 лет	28	41,2	164	33,3	192	34,3
30-39 лет	8	11,8	108	22,0	116	20,7
40-59 лет	12	17,6	144	29,3	156	27,9
60 лет и старше	20	29,4	56	11,3	76	13,5
ИТОГО	68	100,0	492	100,0	560	100,0

При этом был выявлен достоверно ($F=12,003$, $p=0,001$) более высокий показатель социально-гигиенического функционирования в группе сельских жителей ($70,3\pm 0,6$), по сравнению с городскими ($62,5\pm 0,5$).

Среди городских жителей преобладали лица, не состоящие в браке (55,7%), имеющие высшее (45,1%) или среднее специальное образование (44,9%). Половина сельских жителей состоят в браке и имеют детей (50,0%), лица, не состоящие в браке, составили 32,1%. Более половины обследованных сельских жителей (57,1%) обладают средним специальным образованием, 42,1% – высшим образованием.

При этом наиболее благоприятные показатели социально-гигиенического функционирования были выявлены у городских и сельских жителей 30-59 лет. У сельских женщин обнаружено более благоприятные показатели социально-гигиенического функционирования ($F=79,45$, $p=0,0001$) по сравнению с мужчинами. Также среди городских ($F=35,85$, $p=0,0001$) и сельских ($F=88,59$, $p=0,0001$) жителей с высшим образованием выявлены достоверно более высокие показатели социально-

гигиенического функционирования (соответственно: $66,9\pm 0,6$ и $72,0\pm 0,9$), по сравнению с жителями со средним специальным образованием (соответственно: $59,9\pm 0,8$ и $69,1\pm 0,7$). Было выявлено влияние типа семьи на показатели социально-гигиенического функционирования среди городских ($F=20,94$, $p=0,0001$) и сельских жителей ($F=91,56$, $p=0,0001$).

При помощи кластерного анализа городские и сельские жители были разделены на группы по уровню медицинской информированности. Менее чем у половины городских жителей имелся высокий уровень медицинской информированности (46,1%), у 36,1% – средний, а у 17,8% – низкий уровень медицинской информированности. Более чем треть сельских жителей обладали высоким уровнем (37,1%), 33,6% – средним, 29,3% – низким уровнем медицинской информированности.

При проведении рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса было выявлено, что такие факторы, как возраст, пол и уровень образования оказывают влияние на уровень медицинской информированности (таблица 3).

Таблица 3

Влияние медико-социальных факторов на уровень медицинской информированности населения

Фактор	Городские жители		Сельские жители	
	Критерий Краскела-Уоллиса (H)	Значимость (p)	Критерий Краскела-Уоллиса (H)	Значимость (p)
Пол	5,004	0,0253	10,723	0,0011
Возраст	13,408	0,0198	5,837	0,2117
Уровень образования	15,316	0,0005	13,825	0,0010

Женщины по сравнению с мужчинами оказались более грамотны в вопросах медицинской информированности. Среди женщин больше удельный вес обследуемых с высоким уровнем медицинской информированности (51,1%), чем среди мужчин (36,9%).

Также более информированными об основах здоровьесбережения оказались, и городские жители в возрасте 20-29 лет по сравнению с другими возрастными категориями. При этом среди сельских жителей до 20 лет и 20-29 лет преобладали лица с высоким уровнем медицинской информированности (60,0% и 41,7%), среди сельских жителей 30-39 и 40-59 лет – со средним уровнем медицинской информированности (37,9% и 41,0%), 60 лет и старше – с низким уровнем медицинской информированности (42,1%).

Контингент лиц, имеющих высшее образование, имел более высокий уровень медицинской информированности. Среди лиц с высшим образованием больше удельный вес обследуемых с высоким (48,8%) и средним (39,8%) уровнем медицинской информированности, чем среди жителей со средним специальным образованием (соответственно: 45,9% и 27,3%). В то же время среди обследуемых со средним специальным образованием больше доля жителей с низким уровнем медицинской информированности (26,7%), чем среди лиц с высшим образованием (11,4%).

Среди одиноких жителей наблюдался более низкий уровень знаний, умений и навыков в сфере здоровьесбережения, чем среди лиц, состоящих в браке. Более половины брачных пар без детей (51,9%) и около половины брачных пар с детьми (44,3%) имели высокий уровень медицинской информированности. Среди одиноких жителей удельный вес лиц с высоким уровнем медицинской информированности составил 45,9%. При этом наибольшая доля лиц с низким уровнем медицинской информированности была выявлена среди одиноких матерей с ребенком (40,9%) и лиц, состоящих в гражданском браке (20,7%).

Половина городских (51,4%) и более половины сельских (66,4%) жителей проживают в отдельной квартире. Треть городских жителей (30,6%) проживают в комнате в коммунальной квартире. 11,4% сельских жителей проживают в отдельном доме. Среди городских жителей больше удельный вес обследованных, неудовлетворенных жилищными условиями (11,4%), чем среди сельских жителей (9,3%). Наибольший удельный вес лиц с низким уровнем медицинской информированности наблюдается в группах жителей, проживающих в комнате в коммунальной квартире (20,2%) или в общежитии (21,6%), по сравнению с обследуемыми, проживающими в отдельной

квартире (15,0%). При этом среди жителей с низким уровнем медицинской информированности наблюдалась более негативная оценка жилищных условий, в отличие от лиц с высоким уровнем медицинской информированности.

По социально-профессиональной характеристике среди городских жителей около трети составили учащиеся различных учебных заведений (26,4%); треть (30,1%) – работники сферы социального обслуживания (образование, медицина, творчество); 12,2% – работники сферы сервисного обслуживания (торговля, развлечения, отдых); 7,5% – работники предпринимательской сферы деятельности (управление, экономика, бизнес); 5,2% – работники сельского хозяйства; 9,4% – работники физического труда; 9,2% – неработающие граждане. Среди сельских жителей преобладали сотрудники сферы образования, медицины, творческих профессий (41,4%); 13,6% составили работники сферы сервисного обслуживания (торговля, развлечения, отдых); 11,4% – учащиеся различных учебных заведений; 10,0% – работники сельского хозяйства; 9,3% – работники физического труда; 7,9% – неработающие граждане; 6,4% – работники предпринимательской сферы деятельности (управление, экономика, бизнес). При оценке условий трудовой деятельности 72,9% городских и 59,3% сельских жителей отметили воздействие различных вредных факторов производственной среды. Городские (60,8%) и сельские (60,0%) жители считали удовлетворительными условия трудовой деятельности.

Было выявлено, что характер и условия трудовой деятельности влияют на степень компетентности населения в сфере охраны здоровья. Наиболее информированными оказались лица, занятые в сфере образования, медицины, творческих профессий (высокий уровень медицинской информированности – 57,6%). Также более половины (52,5%) работников торговли и сферы обслуживания имели высокий уровень медицинской информированности. Наименее грамотны в вопросах здоровьесбережения безработные граждане и жители, занятые преимущественно физическим трудом (низкий уровень медицинской информированности у 60,0% и 42,4% соответственно). Среди жителей, неудовлетворительно оценивающих условия своей профессиональной деятельности, высока доля лиц с низким уровнем медицинской информированности (41,5%). При помощи рангового дисперсионного анализа Краскела-Уоллиса были выявлены достоверные различия в уровне медицинской информированности среди жителей различных социально-профессиональных групп (таблица 4).

Таблица 4

Медицинская информированность жителей различных социально-профессиональных групп

Фактор	Городские жители		Сельские жители	
	Критерий Краскела-Уоллиса (H)	Значимость (p)	Критерий Краскела-Уоллиса (H)	Значимость (p)
Вид трудовой деятельности	30,726	0,0001	16,843	0,0099
Оценка условий трудовой деятельности	11,837	0,0027	2,803	0,2462
Наличие вредных факторов производства	8,093	0,3244	9,561	0,0485

В ходе медико-социального исследования и исследования качества жизни, связанного со здоровьем было обнаружено, что городские жители с высоким уровнем медицинской информированности обладают более благоприятными характеристиками по всем видам жизнедеятельности и социально-гигиенического функционирования, чем менее информированные ($p < 0,05$) (таблица 5).

Среди сельских жителей выявлено влияние уровня медицинской информированности на психоэмоциональ-

ное благополучие ($F=31,70$, $p=0,00001$), профилактическую активность и рекреационную деятельность ($F=9,34$, $p=0,001$), физическое функционирование ($F=4,52$, $p=0,025$), выраженность донологических состояний ($F=17,03$, $p=0,00006$) и болевых ощущений ($F=9,82$, $p=0,001$), показатель общего здоровья ($F=5,15$, $p=0,016$), обобщенный показатель качества жизни ($F=18,88$, $p=0,00003$) (таблица 6).

Таблица 5

Виды функционирования в структуре качества жизни в зависимости от уровня медицинской информированности городских жителей (баллы)

Вид функционирования	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Критерий Фишера (F)	Значимость (p)
Социально-гигиеническое функционирование	63,8±0,7	63,0±0,8	58,2±1,0	8,86	0,0002
Социально-экономическое функционирование	66,4±1,3	67,2±1,5	59,8±2,2	4,38	0,013
Психоэмоциональное состояние	67,3±0,9	68,6±1,1	63,6±1,7	3,47	0,032
Профилактическая активность и рекреационная деятельность	47,5±0,6	45,2±0,6	39,4±1,0	28,12	0,00001
Физическое функционирование	78,0±1,1	80,0±1,2	67,3±2,1	17,66	0,00000
Донозологические состояния	78,3±0,9	80,4±0,9	72,4±1,6	11,47	0,00001
Боль	73,3±1,0	75,3±1,1	69,7±2,1	3,50	0,031
Медицинская деятельность по укреплению здоровья	51,0±0,7	48,0±0,7	49,6±1,0	4,45	0,012
Показатели общего здоровья	65,5±0,9	69,7±0,8	66,3±1,3	5,86	0,003
Обобщенные показатели качества жизни	66,7±0,9	66,7±1,0	63,3±1,4	2,22	0,019

Таблица 6

Виды функционирования в структуре качества жизни в зависимости от уровня медицинской информированности сельских жителей (баллы)

Вид функционирования	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Критерий Фишера (F)	Значимость (p)
Социально-гигиеническое функционирование	70,9±1,0	72,5±0,8	67,1±1,1	0,022	0,978
Социально-экономическое функционирование	63,9±2,0	65,4±2,5	54,1±2,5	0,58	0,569
Психоэмоциональное состояние	68,2±1,1	69,2±1,2	63,9±1,6	31,70	0,000001
Профилактическая активность и рекреационная деятельность	49,8±0,9	46,4±0,9	38,1±0,9	9,338	0,001
Физическое функционирование	76,3±1,7	76,3±1,9	71,5±1,8	4,52	0,025
Донозологические состояния	74,5±1,2	74,8±1,5	73,1±1,4	17,03	0,00006
Боль	71,3±1,6	68,4±1,9	68,0±2,2	9,82	0,001
Медицинская деятельность по укреплению здоровья	49,7±0,9	47,9±1,2	43,8±0,9	0,438	0,651
Показатели общего здоровья	61,4±1,2	65,7±1,3	63,9±1,5	5,15	0,016
Обобщенные показатели качества жизни	67,5±1,5	64,9±1,6	58,0±1,8	18,88	0,00003

Заключение. В ходе исследования было выявлено достоверно ($F=12,003$; $p=0,001$) более высокое значение показателя социально-гигиенического функционирования в группе сельских жителей ($70,3\pm 0,6$), по сравнению с городскими ($62,5\pm 0,5$). В процессе исследования обнаружены приоритетные медико-социальные факторы, определяющие степень медицинской компетентности городского и сельского населения в вопросах индивидуального здоровьесбережения: пол (соответственно: $N=5,0$; $p=0,025$ и $N=10,72$; $p=0,001$), возраст (соответственно: $N=13,41$; $p=0,02$ и $N=5,84$; $p=0,21$) и уровень образования (соответственно: $N=15,32$; $p=0,001$ и $N=13,83$; $p=0,001$). Женщины по сравнению с мужчинами оказались более грамотны в вопросах медицинской информированности. Также более информированными об основах здоровьесбережения оказались, и городские жители в возрасте 20-29 лет по сравнению с другими возрастными категориями. Контингент лиц, имеющих высшее образование, имел более высокий уровень медицинской информированности. Среди одиноких жителей наблюдался более низкий уровень знаний, умений и навыков в сфере здоровьесбережения, чем среди лиц, состоящих в браке. Было установлено, что характер и условия трудовой деятельности влияют на степень компетентности городского (соответственно: $N=30,73$; $p=0,0001$

и $N=11,84$; $p=0,003$) и сельского (соответственно: $N=16,84$; $p=0,01$ и $N=9,56$; $p=0,048$) населения в сфере охраны здоровья. В процессе медико-социального и клинико-статистического анализа установлено, что качество жизни городского и сельского населения зависят от уровня медицинской информированности и приверженности к здоровьесбережению ($p<0,05$).

Список литературы

1. Авдеева, М.В. Актуальность совершенствования профилактики хронических неинфекционных заболеваний в системе первичной медико-санитарной помощи / М.В. Авдеева, Ю.В. Лобзин, В.С. Лучкевич // Врач. 2013. № 11. С. 83-85.
2. Андриянова, Е.А. Факторы формирования социальных стереотипов городского населения в отношении амбулаторно-поликлинической помощи / Е.А. Андриянова, Ю.А. Позднова // Известия Саратовского университета. – 2012. – №1. – Т. 12. – Сер. Социология. Политология. – С. 40-45.
3. Концепция развития системы здравоохранения в Российской Федерации до 2020 года.
4. Лучкевич, В.С. Качество жизни как объект систем-

- ного исследования и интегральный критерий здоровья и эффективности медико-профилактических и лечебно-реабилитационных программ / В.С. Лучкевич. – СПб: Изд-во СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2011. 87 с.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 25.06.2012) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
  6. Шильникова, Н.Ф. Анализ социальной удовлетворенности населения амбулаторно-поликлинической помощью / Н.Ф. Шильникова, О.В. Ходакова,

И.В. Богатова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2012. №1. С. 40-42.

7. Юнкеров, В.И. Математико-статистическая обработка данных медицинских исследований / В.И. Юнкеров, С.Г. Григорьев, М.В. Резванцев. - СПб.: ВМедА, 2011. 318 с.
8. Wynia, M. Health literacy and communication quality in health care organizations / M. Wynia, Ch.Osborn // J Health Commun. – 2010. –15(Suppl 2). – P. 102–115.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ КЛИНИЧЕСКИХ ФЕНОТИПОВ АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПОТОНИИ В СТРУКТУРЕ НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИИ

Зинченко Елена Константиновна

д.мед.наук, профессор кафедры неврологии и детской неврологии, Харьковская медицинская академия последипломного образования, г.Харьков

Климова Елена Михайловна

д.биол.наук, профессор, зав. диагностической лабораторией с иммуноферментным и иммунофлюорисцентным анализом Государственное учреждение «Институт общей и неотложной хирургии им.В.Т.Зайцева НАМНУ», г.Харьков

Флорикян Вартануш Аршаириговна

к.мед.наук, доцент кафедры неврологии и детской неврологии, Харьковская медицинская академия последипломного образования, г.Харьков

Актуальность. Артериальная гипотония (Аг) до настоящего времени традиционно рассматривалась, в основном, с точки зрения различных типов нарушения гемодинамики и преимущественно в структуре цереброваскулярной патологии, атеросклероза и формирования гипертонической болезни [2]. Важное место при этом отводилось выявлению роли Аг в формировании различных неврологических симптомокомплексов, а также её влиянию на клиническую гетерогенность неврологических проявлений. Изучение этиологических факторов заболевания и патогенеза данной патологии представляет несомненный интерес и социальную значимость, поскольку, распространенность Аг среди взрослого населения составляет от 4,2 до 32,4 %, в возрасте от 20 до 50 лет [3,4].

В литературе в настоящее время недостаточно сведений о существовании различных индивидуальных клинических фенотипов Аг на фоне высокой гетерогенности изменений метаболических и функциональных систем [1], отсутствует системный подход в оценке гемодинамических параметров и уровня общей резистентности, а также, существуют трудности в характеристике клинической гетерогенности данной патологии, которая вызывает определенные сложности в диагностике и разработке индивидуальных подходов к комплексной терапии [5,7].

В нашей работе мы обратили внимание на эту проблему с точки зрения функциональных изменений компонентов нейро-иммунно-эндокринного комплекса у больных с вегетативными нарушениями парасимпатической направленности в структуре симптомокомплексов органического поражения центральной нервной системы (ЦНС) посттравматической и инфекционной этиологии, а также вегетативной дисфункции (ВД). В основу концепции формирования индивидуальных клинических фенотипов Аг и определения степени тяжести могут быть положены необратимые нарушения барьерной функции фагоцитирую-

щих клеток, активности факторов гуморального и Т-клеточного звеньев иммунитета, а также цитокинового профиля и гормональной активности [6].

Целью нашего исследования было определение направленности и степени выраженности соотношения иммунного и гормонального дисбаланса у больных с различными индивидуальными клиническими фенотипами Аг.

Материалы и методы. Обследовано три группы больных Аг в структуре вегетативных нарушений парасимпатической направленности при посттравматических и инфекционных поражениях ЦНС в возрасте от 18 до 46 лет, находившихся на стационарном лечении в неврологических отделениях Центральной клинической больницы «Укрзалізниці» и проходивших амбулаторное обследование на кафедре невропатологии и детской неврологии ХМАПО за период с 2000 г. по 2011 г. I группу составили 89 пациентов, страдающих конституционально-наследственно обусловленной вегетативной дисфункцией (ВД), протекающей по парасимпатическому типу. Во II группу вошли 50 пациентов, перенесших закрытую черепно-мозговую травму, в результате чего с течением времени сформировалась неврологическая симптоматика, характерная для отдаленного периода закрытой черепно-мозговой травмы (ОПЗЧМТ). III группу составили 62 пациента, страдающих инфекционно-аллергическим церебральным арахноидитом (ЦА), симптоматика которого сформировалась на фоне наличия в организме хронических очагов инфекции тонзиллогенной и ринногенной локализации, обостряющихся 1-2 раза в год. В состав неврологических проявлений во II и III группах входили синдром ликворно-венозной дистензии, синдромы органического поражения ЦНС (двигательных, чувствительных и координаторных нарушений) и синдром вегетативной дистонии вагальной направленности, что было объективизировано выраженностью изменений при нейровизуализационном обследовании. В контрольную группу вошли 45 обследованных

с физиологической артериальной гипотонией в возрасте от 18 до 46 лет с отсутствием субъективных симптомов, объективных данных и достаточным уровнем адаптации.

Контроль за артериальным давлением больным проводился трижды в течение суток 5 дней, а затем ежедневно в течение пребывания пациента на больничной койке. Средний койко-день составлял 10-12 дней. Пациентам, которые были обследованы в ходе консультативного приема, предлагалось самостоятельно проводить измерение АД троекратно в домашних условиях в течение 5 дней, о чем предоставлялись соответствующие записи.

Оценка состояния иммунной системы организма включала: определение изменений факторов первичного иммунного ответа - фагоцитарной активности гранулоцитарных нейтрофилов в лейкоцитарной суспензии, полученной из гепаринизированной крови. Микроскопирование фагоцитирующих клеток проводили под иммерсионной системой светового микроскопа. Определение активности белков системы комплемента выявляли по потреблению его компонентов в реакции антигена с соответствующими комплементзависимыми антителами. Оптическую плотность образцов и контрольной пробы измеряли колориметрически.

Состояние гуморального иммунитета включало: определение содержания сывороточных иммуноглобулинов (Ig) классов А, М и G при помощи спектрофотометрического метода с использованием стандартных наборов моноспецифических антисывороток к иммуноглобулинам каждого класса и контрольных сывороток с известным содержанием иммуноглобулинов (г/л); концентрацию циркулирующих иммунных комплексов (ЦИК), определение константы ЦИК сыворотки крови и концентрации пептидов средней молекулярной массы (ПСММ) проводили с помощью спектрофотометрического метода; определение аутоиммунных антител проводили с помощью теста лимфоцитотоксичности (ЛЦТ) по классическому методу Терассаки, подсчет клеток - при помощи светового микроскопа.

О состоянии клеточного звена иммунитета судили по уровню экспрессии кластеров дифференцировки CD T-лимфоцитов при помощи люминесцентного микроскопа.

Состояние цитокинового профиля оценивали по уровню интерлейкина 2 (IL-2) и интерлейкина 4 (IL-4) сыворотки крови с помощью твердофазного иммуноферментного анализа.

Содержание кортизола в сыворотке крови больных определяли с помощью использования набора реактивов для радиоиммунологического анализа содержания кортизола с использованием СТЕРОН-К-125I-М.

Определение тиреотропного гормона (ТТГ) в сыворотке крови проводился при помощи иммуноферментного анализа с добавлением антител к эпитопу ТТГ, меченных пироксидозой.

Исследование мозгового кровотока проводили при помощи метода транскраниальной доплерографии (ТКДГ) в бассейне основной артерии в состоянии покоя и при функциональных нагрузках для выяснения выраженности степени адаптационных возможностей сосудистой системы с применением функциональных нагрузочных проб: гиперкапнической нагрузки с произвольной задержкой дыхания в течении 20-30 секунд и гипервентиляционной нагрузки, достигаемой путем спонтанной или индуцированной гипервентиляции в течение 25-30 секунд, что приводит к сужению резистивных сосудов, повышению сосудистого сопротивления, снижению мозгового кровотока и ЛСК в базальных артериях на 40-55%. По результатам функциональных проб мы рассчитывали индексы

реактивности, которые являются количественной характеристикой состояния системы регуляции мозгового кровообращения.

Полученные результаты были обработаны математически с использованием параметрических и непараметрических методов вариационной статистики и определением статистической значимости достоверности различий сравниваемых величин при помощи статистической программы STATGRAFICA 6.

Результаты исследования. Для изучения возможных механизмов дезрегуляции иммуно-нейро-эндокринного комплекса нами проведена оценка факторов первичного и вторичного звена иммунитета и изменений концентрации некоторых гормонов у больных с различными индивидуальными клиническими фенотипами Ag. Результаты исследования комплекса физиологических показателей были нами оценены на основании изменения факторов первичного иммунитета, которые были выражены в незавершенности фагоцитоза и снижении активности белков системы комплемента, больше выраженные во II и III группах обследованных больных; факторов вторичного звена иммунитета, которые выражались в снижении содержания Ig классов А, G, за исключением концентрации IgM в III группе, значения которого были повышены; высоких концентрациях патогенных ЦИК во всех группах обследованных больных, за исключением II группы, где концентрация была не столь велика, а молекулярная масса была значительно снижена; высоком содержании ПСММ и аутоантител. Проанализировано состояние T-клеточного звена иммунитета и цитокинового профиля, которые выявили недостаточность в T-клеточном звене и высокие концентрации IL 2 и 4, за исключением IL2 в I группе, где его содержание было в 3 раза ниже контроля. Концентрации кортизола и тиреотропного гормона (ТТГ) сыворотки крови, значения которых были повышены во всех группах больных.

На основании полученных результатов нами были выделены клинические фенотипы Ag, в основу классификации, которых положена комплексная оценка возможных нарушений функционального состояния регуляторных систем нейро-иммуно-эндокринного комплекса. Из всех исследуемых показателей мы выбрали наиболее значимые и достоверно изменяющиеся параметры. Значения всех показателей в рисунках представлены в условных единицах и единицах концентрации. Для визуализации в лепестковых диаграммах контрольные величины исследуемых показателей принимали за 100%, а величины этих показателей в трех исследуемых группах выражали в процентах.

Клинические фенотипы Ag характеризовались различной направленностью и степенью изменения исследуемых показателей иммунорезистентности и гормонального статуса. На рисунке 1 проиллюстрированы соотношения исследуемых показателей резистентности у больных с выраженной недостаточностью функционального состояния T-лимфоцитов на фоне значительного увеличения концентрации кортизола и ТТГ, а также умеренно выраженных изменений в гуморальном звене иммунитета.

Общая закономерность для всех групп обследованных больных - недостаточность в T-клеточном звене иммунитета, в 70,5% выражены во II группе больных на фоне незавершенности фагоцитоза и повышения активности белков системы комплемента. Выявлено снижение содержания всех классов иммуноглобулинов, за исключением III группы больных, на фоне хронических очагов инфекции в организме, где содержание IgM находилось в пределах референтных значений. Изменения во вторичном звене иммунитета характеризовались преимущественно

нормальными и у части пациентов сниженными и повышенными значениями концентрацией ЦИК малых и больших значений молекулярной массы, т.е. не обладающих выраженной патогенной активностью. Повышение содержания ПСММ и аутоантител было выявлено лишь у части

пациентов (от 29% до 34% наблюдений в группах), в остальном, данные показатели находились в пределах контрольных значений.

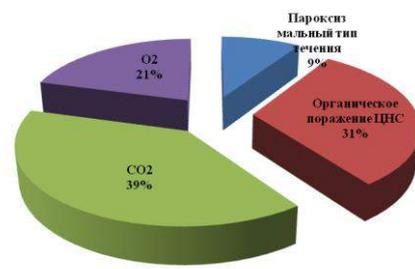
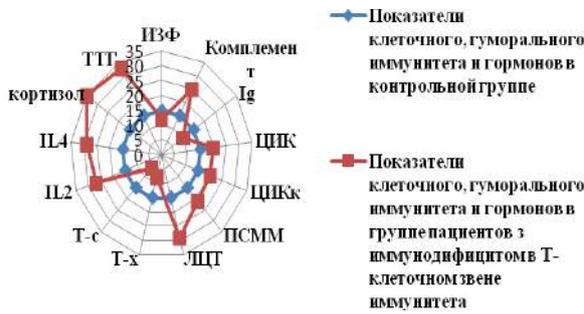

Рис.1. Соотношение различных иммунорегуляторных звеньев и клинической гетерогенности при недостаточности в Т-клеточном звене иммунитета.

Изменения в первичном и вторичном звеньях иммунитета на фоне иммунодефицита в Т-клеточном звене можно расценить как переходное физиологическое состояние, которое при определенных условиях (психоэмоциональные перенапряжения, перенесенные инфекции, травмы и иные средовые воздействия) могут сформироваться в необратимые физиологические процессы, а при благоприятном течении могут быть компенсированы.

ферментов, обеспечивающих образование активных форм кислорода (АФК) внутри фагоцитирующей клетки и, в конечном итоге, нарушению процесса эндоцитоза антигенов, т.е. нами выявлена взаимосвязь высокого содержания CO₂ и O₂ в церебральном кровотоке и угнетением функции ферментов, обеспечивающих образование активных форм кислорода, которые необходимы для нормального функционирования фагоцитирующей клетки, в результате чего обеспечивается адекватный иммуногенетический контроль в тканях и эндотелии сосудов.

Кроме того, выявлено повышение содержания провоспалительных и противовоспалительных цитокинов, преимущественно во II и III группах, а в I группе значения ИЛ2 были снижены по сравнению с контролем в 4 раза.

У больных с выраженной гуморальной сенсibilизацией (рис.2) наблюдали значительное увеличение концентрации исследуемых сывороточных факторов (содержания аутоантител в тесте лимфоцитотоксичности, уровень IgM, ЦИК и ПСММ). Цитотоксичность сывороточных факторов была высокой, т.к. ЦИК была значительно снижена, что указывало на их патогенность, а Т-супрессорная субпопуляция Т-лимфоцитов CD8 была угнетена и не выполняла свою ингибирующую функцию относительно продукции токсических сывороточных факторов.

Концентрация кортизола и ТТГ во всех группах обследованных больных, была значительно повышена на фоне: склонности к пароксизмальному течению заболевания, в структуре клинической картины которых преобладали синкопальные пароксизмы; умеренной степени выраженности гетерогенности синдромокомплексов (ликворно-венозная дистензия, синдромы двигательных, чувствительных, координаторных нарушений), свидетельствующих об органическом поражении головного мозга, что подтверждалось структурно-функциональными изменениями при объективном обследовании (наличие наружной, внутренней либо смешанной гидроцефалии, гипотрофии коры головного мозга); склонностью к вазодилатации и напряжению адаптационных возможностей церебральных сосудов, а также повышению индекса вазомоторной реактивности в 2-3 раза в ответ на перенасыщение CO₂ и O₂, что коррелировало с высоким содержанием кортизола, а также снижением фагоцитирующей активности нейтрофилов, в результате чего происходит угнетение функции

Выраженной сенсibilизацией гуморального иммунитета. Данные изменения затронули в большей степени пациентов, отягощенных стрессорным воздействием травмы и хронической инфекции.

Выявлена активация хелперной активности преимущественно в III группе. У 89,8% обследованных во всех группах, больше в III группе, отмечена корреляционная зависимость ИВМР с повышением содержания IgM, повышением концентрации патогенных ЦИК, ПСММ, а также усилением антигенной активности.

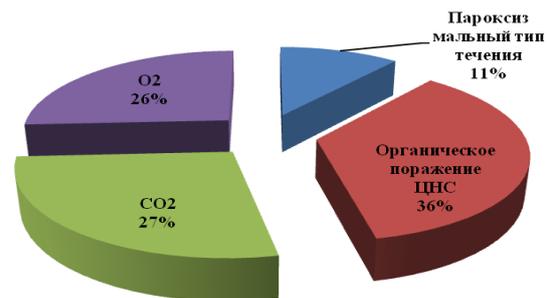
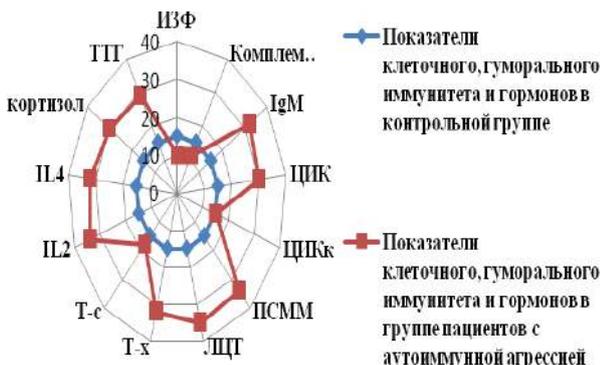

Рис.2. Соотношение иммунорегуляторных звеньев и клинической гетерогенности на фоне выраженной гуморальной сенсibilизации.

Отмечено высокое содержание провоспалительных и противовоспалительных цитокинов во всех группах больных на фоне умеренно выраженного повышения концентрации кортизола и ТТГ.

Описанная картина изменения показателей иммунорезистентности и гормонального фона сформировалась на фоне учащения частоты встречаемости пароксизмального типа течения, в структуре клинических проявлений которого наряду с превалированием синкопальных пароксизмов, в 6% наблюдений – симпатоадреналовых кризов, отмечены эпилептические припадки с полиморфной клинической картиной в 4% случаев, причем у пациентов III группы. Отмечено нарастание частоты встречаемости симптомокомплексов органического поражения ЦНС, что нашло подтверждение при объективном обследовании выраженностью структурных нарушений.

Рис.3. Соотношение иммунорегуляторных звеньев и клинической гетерогенности при смешанном типе нарушений иммунитета.

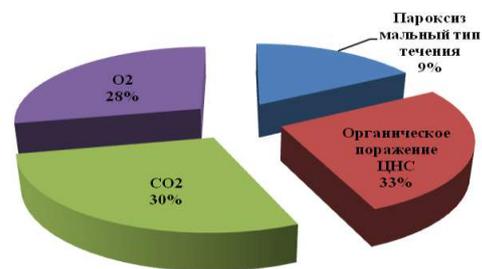
Основу смешанного типа нарушений иммунитета составило сочетание изменений в Т-клеточном звене иммунитета в сторону повышения содержания кластеров дифференцировки CD8 Т-киллеров и нарушений в гуморальном звене иммунитета, характерного для индуцированного аутоиммунного процесса. У данной категории больных отмечено периодическое обострение воспалительного процесса, что может быть обусловлено дополнительным инфицированием на фоне ослабленного местного иммунитета и снижения фагоцитарной активности не только гранулоцитарных нейтрофилов, но и макрофагов и дендритных клеток из-за наличия очагов хронической инфекции, что подтверждалось повышением содержания IgM во всех группах обследованных больных, высокими значениями IL-2 и IL-4, в 3 раза, больше выраженном в III группе и коррелировало с повышением ИВМР. Известно, что изменение концентрации цитокинов влияет на изменение сосудистого тонуса, а высокие концентрации данных показателей способствуют вазодилатации, что может свидетельствовать о влиянии изменений иммунного статуса на сосудистый кровоток.

У данной категории больных выявлено расширение картины пароксизмального типа течения в виде увеличения частоты встречаемости в клинической картине эпилептических припадков в 6% и 8% наблюдений, преимущественно во II и III группах, а также выраженности симптомокомплексов органического поражения ЦНС и структурно-функциональных нарушений.

Сочетание наиболее неблагоприятного типа течения нарушений иммунорезистентности и расширения полиморфизма клинических проявлений свидетельствует о формировании необратимых функциональных процессов.

Данное сочетание изменения показателей иммунорезистентности можно расценить как основные маркерные признаки выраженности нарушений иммунитета, опосредованно влияющие на изменение сосудистого тонуса, а также факторы, формирующие выраженность структурных изменений нервной ткани, которые приводят к необратимости функциональных состояний.

Наиболее неблагоприятным вариантом соотношения иммунорегуляторных звеньев является смешанный вариант, который проявляется в дефиците функции Т-клеточного звена иммунитета, высокого содержания IL2 и IL4 и сенсбилизации гуморального иммунитета (высокая концентрация ЦИК малых значений молекулярной массы, высокие значения содержания ПСММ, повышение уровня IgM и высокое содержание аутоантител в тесте лимфоцитотоксичности). Данные изменения отмечены на фоне незавершенности фагоцитоза и снижения активности белков системы комплемента (рис.3).

Закключение. Таким образом, проанализировав полученные результаты, нами была предложена стратегия комплексной терапевтической коррекции иммунопатологических состояний, выявленных у больных с различными клиническими фенотипами Аг.

При изменении соотношения субпопуляций иммунокомпетентных клеток, экспрессирующих кластеры дифференцировки CD3, CD4, CD8 назначали иммунокорректоры, направленные на индукцию пролиферации и дифференцировку Т-лимфоцитов. Рекомендовали монотерапию с применением адапторных пептидных препаратов, полилигандные индукторы клеточной дифференцировки (полиоксидоний, галавит, ликопид).

У пациентов с сочетанными нарушениями первичного звена иммунитета, фагоцитоза и недостаточности функционального состояния Т-лимфоцитов применяли γ -интерферон, препараты нуклеиновых кислот (нуклеонат Na, γ -интерферон, циклоферон).

При выраженном стойком иммунодефиците назначали гормоны тимуса.

У больных с гуморальной сенсбилизацией на фоне вирусной персистенции назначали сеансы плазмафереза. В некоторых случаях при высоком содержании концентрации ЦИК малых значений молекулярной массы (сывороточная болезнь) - энтеросорбенты.

Тем больным, у которых была выявлена вирусная персистенция - это больные преимущественно II и III групп - назначали специфические Ig-антитела класса G на протяжении 6-8 месяцев 3-4 курсами.

Тем больным, у которых было выявлено значительное повышение ЛЦТ, высокая концентрация ЦИК на фоне снижения молекулярного веса этих сывороточных цито-

токсинам и высоком содержании ПСММ назначали цитостатики в малых дозах от 2 до 5 таблеток на курс (циклопорин). После проведения курса цитостатиков необходимо проводить контроль функционального состояния Т-лимфоцитов. При супрессии этого звена иммунитета мы рекомендовали проводить иммунокоррекцию с помощью препаратов: галавит, иммунофан, лекопид, направленных на стимуляцию различных звеньев иммунитета.

Выводы. Формирование обратимых и необратимых патологических состояний зависит во многом от выбора стратегии адаптации организма и в комплексном лечении этих больных целесообразно учитывать подходы к направленной коррекции выявленных нарушений звеньев иммунитета.

Подходы к коррекции нарушений резистентности должны учитывать не только снижение экспрессии рецепторов, характеризующих различные субпопуляции Т-лимфоцитов и степень увеличения концентрации цитотоксических сывороточных факторов (концентрацию ЦИК малых значений молекулярной массы, ПСММ), но и изменения концентрации провоспалительных и противовоспалительных цитокинов.

При увеличении концентрации провоспалительных цитокинов не допустимым является применение каких-либо иммуностимулирующих препаратов, включая интерферогены и препараты тимуса, т.к. препараты этой группы могут вызвать развитие синдрома системного воспаления с последующей полиорганной дисфункцией и другими осложнениями, а при низких концентрациях противовоспалительных цитокинов применение их в лечебных целях может быть существенным вкладом в эффективные меры профилактики осложнений и прогрессирования основного заболевания.

Корректируя иммунный ответ с помощью монолигандных и полилигандных препаратов доступными являются ключевые интегральные механизмы поддержания гомеостаза и алостаза.

Список литературы

1. Акмаев И.Г. Нейроиммуноэндокринология жировой ткани / И.Г. Акмаев, В.Г. Сергеев // Успехи физических наук. – 2002. – № 2. – С. 3–16.
2. Анисимова А.В. Особенности развития цереброваскулярной недостаточности при артериальной гипотонии / А.В. Анисимова, Т.И. Колесникова, К.В. Анисимов // Уральский медицинский журнал. – 2011. – № 2. – С. 12–18.
3. Аронов Д.М. Методика оценки качества жизни больных с сердечнососудистыми заболеваниями / Д.М. Аронов, В.П. Зайцев // Кардиология. – 2002. – № 5. – С. 92–95.
4. Атаян А.С. Идиопатическая артериальная гипотензия: неврологические нарушения, церебральная и центральная гемодинамика / А.С. Атаян, А.В. Фоякин, В.Вл. Машин // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. – 2011. – № 2. – С. 4–8.
5. Введение в молекулярную медицину / под ред. М.А. Пальцева. – М.: Медицина, 2004. – 496 с.
6. Добрица В.П., Ботерашвили Н.М., Добрица Е.В. Современные иммуномодуляторы для клинического применения: Руководство для врачей. – СПб: Политехника, 2001. – 251 с.: ил. Козлов В.К., Смирнов М.Н., Егорова В.Н., Лебедев М.Ф. Коррекция иммунореактивности рекомбинантным интерлейкином –2. Пособие для врачей // СПб: изд. СПбГУ, 2001, 24 с.
7. Кветной И.М. Нейроиммуноэндокринология тимуса / И.М. Кветной, А.А. Ярилин, В.О. Полякова. – СПб.: Деан, 2005. – 156 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

HOW TO TEACH STUDENTS TO SPEAKING SKILLS

*Kamalova D., Mamatova H.,
teacher; Gulistan state university, Uzbekistan*

This article looks at overlapping of language skills in a Communicative Approach addressing the whole person. It discusses the role of speaking in language learning and the qualities promoted by spoken interactive exercises. Practical solutions to overcoming the obstacles to implementing spoken communicative activities are also outlined. Also the article discusses the role of pronunciation in a Communicative Approach. In your class, you may have been taught about the four language skills—reading, writing, listening, speaking—as separate items. But as might have occurred to you then, and must be obvious to you now that you are actually teaching, these four skills do not separate out into four neat segments. They overlap. They flow in and out of each other. You may emphasize speaking in a particular activity, but at the same time you will also require your students to listen, and maybe to read and write. The tidy distinctions of teaching English may be useful for packaging information. In the classroom, however, where you put that information to work, you will discover that language teaching, like life, is considerably more messy than just reading books would lead you to believe.

If you are teaching in an interactive mode, to this overlapping of the four skills is added the richness and complication of meaningful communication. There are traditional approaches to language teaching (Grammar Translation, Direct Method, Audiolingual Method), which attempt to manage the language learning process by emphasizing a controlled, measured practicing of language items, with the teacher very much in charge. When you use a Communicative Approach, on the other hand, emphasizing language learning as interaction, elements of unpredictability naturally arise as the teacher opens the lesson to meaningful communication rather than focusing on practice of a grammar rule. (1 – p. 46)

I remember that one teacher of English spoke of a class she had been giving in which she was teaching the present simple tense, with "I eat my breakfast at 7 o'clock" as her base sentence. As she was drilling the class, she noticed that despite the correctness of their responses, her students all sounded mechanically sing-song. The truth dawned on the teacher. "How many of you really had breakfast today?" she asked. Less than half had eaten that morning. The teacher did not waste time berating herself for her insensitivity. Instead she began organizing a program of school breakfasts. And she learned to let the students' real life into the English lesson. As she said, "Their English was often incorrect. But those kids talked non-stop for a year. They talked about themselves and their lives in the barrio. They translated jokes that never worked in English, and they didn't care. Neither did I. They were having fun, in English and in my class. And it was real."

Working in an interactive mode means giving your students the opportunity to talk about themselves in personally relevant ways. In doing this you will be adding a new dimension to the language learning process. You will be moving beyond the intellectual and appealing to the emotions as well. Whether your students are adults, adolescents, or children, they will all respond to your interest in them. But working with the dimension of feelings has constraints. (4 – p. 52)

First of all you must feel comfortable in talking about feelings and opinions.

Second, you must check that your students also feel comfortable in sharing their feelings and opinions. Some cultures do not consider it appropriate to talk about oneself, or to share deeply held values with those who are not members of the immediate family.

Third, you must create a classroom environment which is accepting and non-judgmental. To achieve this you should take on the role of an impartial facilitator: one who listens and acknowledges, but who does not impose views. If you expect students to trust you by talking about matters which are important to them, then you must show that you respect their right to express their opinions, even if you do not agree with them. It should also be acknowledged that your students have certain rights. They may opt out of certain discussions, and should not be forced to speak; they should be heard and respected; and they should extend the same courtesy to their classmates.

Fourth, the overall focus on feelings and opinions in discussions and activities should be constructive. This is not to say that you should deny expressions of negative feelings. Many of your students may be living in difficult conditions. Their problems are real and should not be avoided. But while allowing time for consideration of the negative, you should also be prepared to move in positive directions. You can do this by asking questions such as "What do you like about yourself and your life?", rather than asking the kind of questions which focus on "What do you not like about yourself and your life?"

Interactive speaking activities which revolve around your students' feelings and opinions can be used at almost any time. But there are particular moments when they are especially useful. Tension builds up before examinations, making teaching difficult and your students nervous. The following exercise need take only 10 minutes of your lesson; nevertheless, it can enhance your students' self-confidence.

1. Divide the class into groups of three (students A, B, and C).
2. Student A turns his back and students B and C talk about the good qualities of student A as a language learner. For example: "He was very funny in the role play last week. He played the part of the old man very well." or "I know that she spends 30 minutes a night on her English homework. And she was the only one to get good grades on the cloze exercise." or "He's not afraid to speak English. Remember how last week we were all afraid to answer the question on shopping, and he was the only one to try."
3. After students B and C have finished talking, Student B turns her back and students A and C talk about her.
4. And finally it is the turn of student C to listen to the positive, specific comments of students A and B.

Ask yourself, what is the role of interactive speaking in my lessons? What do I want my students to be able to do in interactive speaking activities? You may well come up with a list which includes the following goals for your students:

- participation
- interaction
- fluency
- confidence
- communication strategies

Most of the students will participate in the English lessons if the teacher selects activities which involve them. However, a word of warning: some students may resist your efforts to involve them. They may be used to drills, which do not require much thought beyond a mechanical manipulation of the language, and they may be suspicious of your efforts to change their level of involvement. But there are ways of loosening up your students. To do so you need to make your classes fun, but also to underline the benefits of your approach. Make sure that your students understand you are covering the school curriculum and you are serious about your intention to help them succeed in learning English. Introduce interactive speaking activities with issues and topics which are personal, but also light-hearted. It takes time to build up trust in a classroom. Start out with activities like the following one called "The Route to School," which is suitable for beginning level classes.

Interaction can be stimulated if you give your students the opportunity to talk to each other about what is important to them. As you know, if you are working with adolescents, the teen years are often marked by an unevenness of mood, by dramatic swings in energy levels, by immense physical and mental changes. One way of helping adolescents to cope is to create opportunities for them to speak out and to be heard. The following activity is simple but therapeutic. It requires from your students a willingness to share a little of themselves and gives them the opportunity to think about the values which guide their lives. In the communicative approach, fluency takes some priority over accuracy.

Basically, being fluent means being able to keep the language coming. There may be mistakes, fillers and repetitions, but there are no unusually long pauses in the flow of talk. In interactive speaking activities you are trying to get your students

to communicate their own ideas, opinions and wishes. They are fully aware of the meaning they wish to convey, but the exact content of their message is unpredictable, and you, the teacher, cannot give them the exact language they need to communicate. As a result your students will not always be accurate in their use of the language, but this is not important, so long as the speakers are able to be understood. This emphasis on fluency implies two things. (2 – p. 61)

First, your error correction policy should reflect this emphasis. Particularly in speaking, it is important that you should encourage the risk takers. This is often a simple process of listening to what is said and giving feedback on the message, rather than interrupting to correct pronunciation or grammar. This is not to say that errors should not be corrected, but interactive speaking activities is not the place to do so. You should, however, keep notes of persistent problems and set aside time to deal with them later.

Second, the activities you present should promote fluency. You want to find ways of stimulating your students so that they want to speak, and this wanting to speak overcomes their inhibitions about expressing themselves in English.

"Famous Personalities" is an activity that can be adapted to beginning, intermediate, or advanced levels. It requires your students to have opinions and wishes and to express them. The steps in the activity are as follows:

1. Write on the board a list of 20-30 personalities. Ask students to select from the list six people they would like to invite to give a talk. Students write their choices

in order on a piece of paper. All the papers are collected.

2. Go through the papers and mark on the board the number of "invitations" each personality on the list has received. Make a final list of the six people the class would like to invite. During this process, call on students to explain their choices.
3. Rank the six invitees, again calling on students to explain their reasons for the ranking.
4. You could also add the step of dividing the class into groups to come up with questions they would like to ask their invitees. If you are teaching advanced students, you could then ask them to choose personalities from the list and to role play these personalities by answering the questions prepared by the rest of the class.

A common comment from people learning a foreign language is "I hate making a fool of myself." Your own language learning experiences in pre-service training probably brought the same thought home to you. You feel foolish because you are not in control, the way you are in your native language, and are reduced to a level of needy dependence which can be hard to tolerate. How can you reduce some of your students' fear of looking foolish and build up their confidence and pleasure in using English? How can you give them the confidence to start taking control of themselves as speakers of English?

A very practical way of putting these two principles into practice is through storytelling, role play and drama. The comprehensible input comes from you, telling a story for instance. And while not pressuring your students, especially your beginners, to speak before they are ready, you can still build in an escalating degree of involvement. Look, for example, at the degree of student involvement generated in this "Sound Effects" activity, suitable for low intermediate students. (3 – p. 54)

1. Make sure that your students are sitting comfortably. Then tell a story like the one below. (You may want to make up your own story and add details to it which will be familiar to your students.)

Mohammed's parents had to go to the city for the day, so they left him in charge of his sister Amal and his two young brothers Naceur and Sabri. When it got dark the children sat around the fire (a) and waited for their parents to return. The wind began to blow (b) and it started to rain. (c) They heard a scratching (d) noise at the door. The children gasped (e) and moved closer together. Maybe it's a lion (f). Maybe it's a snake (g). Maybe it's a wild dog (h). Mohammed could see that his sister and brother were scared. He switched on the radio to drown the scratching noise. The radio was playing a song (i). He turned the radio up loud (j). He turned it down low (k). But the scratching noise continued. Mohammed went to the door (l) and opened it (m).

There were the family chickens which Mohammed had forgotten to shut in the chicken coop for the night. The children sighed (n) with relief and helped Mohammed put the chickens in the coop.

Use as much drama and as many pictures on the board as is necessary to make sure that everyone understands.

1. Tell the story a second time, this time adding in sound effects where indicated by a number in the text. Get your students to help to create the noises:
  - a. scrunch a large sheet of newspaper
  - b. make hooing noises
  - c. pat the desk with your fingers
  - d. scratch the desk with your fingernails
  - e. gasp
  - f. make a roaring noise

- g. make a hissing noise
  - h. bark
  - i. sing
  - j. song
  - k. sing loudly
  - l. sing softly
  - m. stamp feet
  - n. n. make a creaking noise
  - o. sigh
1. Tell the story a third time. This time leave the sound effects up to the class.
  2. Divide students into groups and ask them to mime the story and to use sound effects. If they are ready for it, individuals from each group can tell the story while the rest of group mimes.
  3. As groups become more proficient, they can organize

the telling of their own stories complete with sound effects.

Bibliography

1. Christopher Sion (Ed.), Recipes for Tired Teachers, Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1985
2. Joy M. Reid, The Process of Composition, Prentice-Hall, Inc., 1988
3. Martin L. Arnaudet and Mary Ellen Barrett, Paragraph Development
4. Patricia A. Richard, Making It Happen. -Amato Longman, Inc., 1988
5. Ruth Pierson and Susan Vik, Making Sense in English: Intermediate Grammar in Context, Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1987

THE IMPORTANCE OF TEACHING STUDENTS TO WRITING SKILLS

*Uralova D. S.,
senior teacher,
Abdurakhmanov D. M.,
teacher,
Karimova Z. A.,
teacher; Gilistan state university, Uzbekistan*

First the roles of writing in the learning and use of language are examined. The next sections discuss techniques for teaching basic and expanded writing skills and for helping learners gain control of the writing process. The chapter concludes with suggestions for ways to respond to students' writing and sample exercises for teaching writing skills.

Let's begin by putting writing into perspective in relation to the other language skills. Where your native language is concerned, in ordinary, everyday use, you are far more likely to be listening to, speaking, or reading the language than writing it. This is true even though you are a professional with a job which requires you to carry out frequent writing tasks: memos, letters, reports, lesson materials, and the like. When it comes to a foreign language, professional people may find that a good reading ability is essential, but for their on the job writing tasks they may be more likely to use their native language. Thus in practical terms, most people do not need to be as proficient in writing as they need to be in the other language skills. (2 – p. 45)

In the classes which you teach, whether for beginners or more advanced students, you will probably find that you often give writing assignments as a way of following up on listening and speaking exercises or reading activities. In addition, students in the higher grades (secondary school and above) may need to learn how to write well organized, carefully reasoned essays. The writing of one or more essays is often a requirement on national examinations. Widely used standardized English proficiency examinations also require such advanced writing tasks.

In the teaching of writing, just as in the teaching of reading, it is helpful to have a long-range overview of how proficiency develops. You will notice that the links between reading and writing become closer as students progress through the three main phases of the sequence.

Use commonly occurring word, phrase, and sentence patterns Write paragraphs with topic sentences and supporting details Use link words to signal organization of paragraphs Practice techniques for pre-writing, revising, editing.

The students may need writing instruction at the most basic level-learning to form the letters and other symbols of the English writing system. Students needing such instruction range from those who have neither reading nor writing skills in any language to those who are fully literate but who happen not to have learned a language which uses the Roman alphabet.

Here are some general points to consider when teaching writing at this very basic level:

- Teaching the printed forms of letters, both capitals and lower case, has the advantage that there will be a closer match between the shapes which the students write and the shapes which they must read. However, older learners may feel that printed letters are for children and insist on learning the cursive forms which they associate with adult handwriting. Choose the forms which work best for your students.
- When you began to learn to write in English, you may have learned the letters in alphabetical order. A more efficient way is to group the letters according to their shapes. For example, a number of lower case letters in their hand printed form are "ball and stick" figures: a, b, d, p, q.
- At the same time that students are developing a legible handwriting, they can also learn spelling rules of wide applicability, as well as the use of common punctuation marks (especially the period, question mark, comma, and apostrophe).

Even beginning students can handle simple writing assignments, once they are able to form English letters in a legible and consistent way and can recognize a few English words in their written form. Keep in mind that your students should be able to understand everything that they are asked to write. Thus it makes sense to present new content first via the listening and speaking skills, and to use reading and writing to reinforce what has been mastered in the aural/oral activities. (1 – p. 100)

Two themes which appear in Dixon and Nessel's guidelines deserve further comment. The first is the emphasis on

getting the students to communicate through writing. They recommend that even the earliest writing assignments be tied to narratives about personally meaningful topics. Contrast this type of assignment with another type in which the student writes out a list of unrelated sentences, either as practice to reinforce a particular grammar topic or as an exercise in the application of certain translation rules. If you are required to use textbooks which present writing as drills rather than as communication, you will certainly want to devise supplementary writing activities which allow your students to communicate on topics which have meaning for them.

The second theme is not as explicit as the first, but it is just as important. Composing is viewed as an iterative process. Writers gather their thoughts, search out additional information, rehearse vocabulary and phraseology, put something into rough written form, review what they have written, evaluate it for adequacy of content and coherence of organization, ask for critical feedback from another reader, add or delete content, reorganize to make the narrative or argument easier to follow, review and revise again (in fact, probably several times), and finally, edit to check for accuracy in grammar, vocabulary, spelling, and punctuation.

Note how much of this process is concerned with meaning. Note also that the writer usually does not "get it right" the first time around. Unfortunately, because of the way composing is most often taught, students get the impression that once they start putting words on paper, the result should be very close to a finished product. They fail to appreciate the importance of the pre-writing activities, and they are likely to think of revision solely in terms of proofreading for grammatical and mechanical errors. (2 – p. 54)

If you teach writing as a process it is almost guaranteed that you will encourage your students to communicate through their writing. But you must remember two key points. First, give your students enough time in pre-writing activities to gather their thoughts, discover the language needed to express them, and establish the focus of the composition. Secondly, show by your response to their writing that your first concern is the message they are trying to convey. You will defeat your purpose if you immediately start marking up the grammatical and mechanical errors that you find.

Many teachers find it unnerving to return a composition to a student in which there are errors which have not been picked out with red ink or otherwise commented upon. Perhaps it will help to view your students' composing efforts in the following way. In the earliest stages of learning the writing skill, the goal is to gradually increase the length of the compositions. Don't expect polished productions. Instead, place the emphasis on the prewriting activities and on helping the students to get their ideas down on paper. As your students' writing proficiency increases, you can gradually lead them into techniques for revision and you can set up writing assignments so that they have time to produce one or more non-final drafts. Even then, as you respond to an early draft you should think primarily of how clearly and effectively the message has been presented. In a later section of this chapter you will find some specific suggestions on ways to respond to students' written work.

If you are teaching very young students, or absolute beginners of any age, most of the writing assignments which you give will be under careful control. Students may do copying exercises to learn letter formation, spelling, and punctuation. Written grammar exercises and written answers to questions on reading assignments are two other types of controlled writing. Even when you use the LEA to teach writing, you are controlling the composing efforts of your students. (5 – p. 83)

These controlled writing assignments play an important role in developing the basic language proficiency of your students. Of course, controlled writing also has its limitations. It doesn't allow your students to be creative or to go very far in expressing their own thoughts. Controlled writing has even more serious limitations if you rely on it for teaching essay writing skills. Students don't get the independent practice they need in selecting a topic to write about, finding supporting details, or discovering an appropriate way to organize their compositions.

So, while controlled writing assignments are useful for some purposes, your students' writing activities need to be expanded in two ways. They must be allowed to be more communicative and they must be encouraged to be more independent.

In recent years, many English teachers have tried an interesting technique for encouraging students to write more, and to communicate more through their writing. The technique, called dialogue journals, is a form of interactive writing between the teacher and the student. The beauty of the technique is that you can use it with students of any degree of language proficiency, even with beginners. This is the way it works.

Teachers who have used dialogue journals with their students throughout a semester have found that they bring many worthwhile results, both personal and pedagogical. Because the written dialogues are informal and private, most teachers feel that they achieve a greater mutual understanding with their students. On the pedagogical side, the students gradually increase their writing competence, moving toward greater independence as writers. Thanks to the feedback provided by the teacher, they gain a greater understanding of the features of written English. Their entries become longer and more complex. At the same time, because they are exploring their own ideas and interests, they are building up a store of topical material which they can mine for later writing assignments of a more formal sort.

As your students advance to more complex forms of writing, the links between reading and writing become increasingly important. The texts that you use for instruction in reading provide your students with food for thought and topics for oral and written discussion. At the same time, the formal features of different types of written discourse serve as models which your students can use in their own writing. As you take up different features of discourse in reading assignments, you can introduce parallel writing activities which employ the same features. To complete the circle, when students have tried to incorporate new formal features into their writing, they become more aware of those features when they crop up in subsequent reading assignments. Thus reading and writing play mutually enhancing roles. (3 – p. 50)

In this article, among the examples of exercises for the development of the reading micro skills is one type which helps students to pick out formal discourse features. Such exercises are an aid to reading comprehension, but they also have a purpose in writing instruction. Properly used, they can help students learn to organize their thoughts and present them in writing according to commonly used patterns of written discourse.

Students learn, for example, that in a narrative the sequence of events is a central factor. Although the writer may deliberately choose not present the events in strict chronological order, once the tale has been told the sequence of events must be understood. Another type of writing where chronology must be taken into account is in the description of a process. For maximum clarity, each step of the process should be de-

scribed in order; otherwise confusion may result. Chronological order also figures in the explanation of a chain of causes and effects.

Other types of logical relations hinge on the perception of similarities and differences: contrast, comparison, analogy, the classification of like things together, and the definition of things, where distinguishing characteristics are pointed out. Whatever the logical relation, a certain thought pattern will be called for, and this in turn must be matched to the writing patterns which we conventionally use for presenting it.

In order to become independent writers, your students not only must master the formal features of written English, but must also become more conscious of the writing process itself and learn techniques which will make the process work more smoothly for them. In particular, you can show them various devices to use during the pre-writing phase which will launch them more confidently into the first rough draft. Further, you can give them guidelines and techniques for the revising phase of the process which will encourage them to look for and remedy substantive deficiencies in their writing, rather than simply making a clean copy of the first draft. (4 – p. 24)

One of the most flexible of these techniques is brainstorming. It can be done with either novice or experienced writers, young or old, individually, in small groups, or as a whole class. The point of a brainstorming session is to free associate, to produce as many ideas on a given topic as possible, as quickly as possible, without worrying about the quality of the ideas or about grammar, spelling, or punctuation.

Ann Raimes points out that, with any one of a number of different points of departure (a personal experience, a picture, a map, a reading selection, a textbook topic, even an examination question), brainstorming can be used to start the writing process. You can vary the type and content of the prompt according to the nature of the writing assignment and the language proficiency of your students. Here is how used

brainstorming together with a picture as a prompt. The students see a photograph in which a young girl and an old man are sitting together on a park bench and playing checkers. They are asked to observe and talk about the picture.

Examples of responses from a group of four students:

- She is probably about four years old.
- I wonder who is winning?
- Where is her mother?
- Does her mother know she's playing with the old man?
- He's her grandfather.
- I like his face.
- He looks like my grandfather.
- She's pretty.
- What time of day do you think it is?

The students make comments and free associations for about five minutes. Then they make written notes, examine them, summarize them, and develop them into a topic for a more focused discussion. After the second, more focused discussion they do a writing assignment. (1 – p. 125)

Bibliography

1. Ann Raimes. *Techniques in Teaching Writing*. Oxford University Press, 1983.
2. Carol N. Dixon and Denise Nessel. *Language Experience Approach to Reading (and Writing)*. Alemany Press, 1983.
3. "Dialogue Journals: A New Tool for Teaching Communication." *ERIC/CLL News Bulletin* 6(2), Jane Staton. March 1983.
4. Jane B. Hughey et al. *Teaching ESL Composition*. Newbury House Publishers, Inc., 1983.
5. Ronald V. White. *Teaching Written English*. George Allen & Unwin, 1980.

“THE IMPORTANCE OF USING MEDIA IN ESP.”

*Kodirova L., Muhiddinova S., Ummatova M.
Gulistan State University, Uzbekistan*

On the initiative of the President of our republic of Uzbekistan great attention is paid to the improvement and development of learning and teaching English. Considerable changes are happening in the educational system. Our republic needs qualified professionals in different spheres of social and economic life. According to these changes we feel a great responsibility of preparing these professionals who will contribute to the development of our country. For this reason we-teachers should have increase the knowledge in teaching ESP, especially, using media in teaching ESP. In formal education in the classroom, media used properly can greatly increase learning. There no rules that state exactly what medium to use in any given situation. A unit on the water cycle could be taught with a filmstrip, chart, flannel board presentation, simple chalkboard drawing, and flip chart. What is chosen will depend largely upon the objectives of the instruction and the media available; however, characteristics of the various media and instructor preferences will influence selection. Following are suggestions for use in several subject-matter areas.

Science: The world is an interesting place for the child; he is continually asking the question “why?”. This curiosity about the world opens a natural avenue for introducing the child to science and scientific study. Through the use of media, many elements of his environment can be brought into the

classroom for the child’s study of science in meaningful activities. All around are things to collect-plants (seeds, blossoms, roots, stems); soil varieties (sand, gravel, clay, loam); rocks, minerals, fossils, shells, bones; insects, feathers, skins. Such collections are basic to exhibits and displays. Students will become involved when they contribute individually to the collections. Group involvement can be accomplished through class field trips to collect items. Students will learn firsthand the source of collectable items and gain knowledge about the natural habitat of insects, seeds, etc. Writing about their collecting experience integrates science and language arts activities. Diagrams are useful for teaching cycling concepts-the water cycle; the life stages of an insect; the oxygen-carbon dioxide cycle. Cross-sectional drawings can show what the inside of things look like the organs of a typical flower; a slice of skin; the working parts of an engine. A model of the solar system can show relative sizes of the planet and the sun and their distances from the sun and from each other. The sun and the planets can be made from clay or paper. Wire clothes hangers can be cut, straightened, and attached to a base. Math skills can be integrated with science skills for determining the relative sizes of the sun and planets suspended from the ceiling may be more helpful than a model. Dramatizations or puppet shows can depict the life of some of the great scientists such as Abu Reyhan

Beruniy. Also, the dramatization can stimulate a radio broadcast. Have students write the dramatization or puppet show to integrate science experiences with language.

Social Studies: Dramatizations can stimulate the action of local governments such as the village council. Let students role play various governmental officials, as the town mayor, to give more meaning to the duties and responsibilities of these officials. Tape-recorded interviews or discussions with national or world leaders can bring immediacy to a current event that might be lost in a three-day-old newspaper report. Such interviews can be taped directly from a radio program. Collections aren't limited to science. Postage stamps of most nations depict past historical or current events. Flags, coins, articles of clothing, cultural artifacts, even letterheads that feature governmental seals or symbols can be used for analysis and interpretation.

Recorded interviews or discussions with national or world leaders can bring immediacy to a current event that might be lost in a three-day-old newspaper report. Such interviews can be taped directly from a radio program. Charts can show the method used by governments to collect and disburse taxes. How tax money is spent can be shown with a pie graph. Charts can easily be made to depict the various levels of government-federal, municipal, or states, provinces or regions-or to show steps through which a bill passes to become a law. The latter lends itself to dramatization and role playing by students. Geographical concepts can be made more concrete by models. A field trip to village markets or shops selling foreign wares is a good "opener" for the study of trade or the export-import business. An export-import bulletin board display could be prepared as a summary of the field trip experience. Or, to tie in with mathematics, students could prepare graphs comparing the monetary values of exports and imports relative to their country's economy. The graphs could also be used in oral and written reports about trade-an opportunity to integrate meaningful subject matter with the development of skills in oral and written expression. (1 – p. 46)

Mathematics: All mathematical concepts are abstractions. To understand these abstractions, children need various kinds of concrete experiences. Media are useful not only to establish a concrete base for mathematical thinking, but also to create interest in the practicality of mathematics. Real objects such as stones, beads, and coins can be used for counting. They give a concrete base for understanding the one-to-one relationship and for developing concepts of "more than", "less than", and "equal to". Some objects such as fruits and vegetables can be divided to show major fractional parts like halves and fourths. Sticks of varying lengths can be used for measuring and for developing concepts of "longer than" or "shorter than". Objects cut to proper length or selected for their proper weight bring concreteness to systems of measures and weights, such as the metric system. Real objects also provide tactile as well as visual experiences. There are numerous opportunities for including measuring experiences in science and social studies activities. When integrated with these activities, the practicality of mathematics can be made more evident to the student. Paper-made objects (calendars, play clocks, play money) can be made by children. Then, each will have his own for seat work on problems involving time or money exchange concepts. A large paper clock with movable hands can be hung on the classroom wall. Throughout the day, the hands can be placed to indicate the time when certain activities will take place-time for reading, recess, lunch. Pupils can participate by being given the responsibility for setting the hands to show at what time the next activity will take place. A walking trip through the village or are surrounding the school to observe geometric shapes in real life can be used as an introduction to

geometric forms. The trip can be supplemented by a bulletin board display or pictures of the things observed-buildings, bridges, bicycles. Test the children's recognition of forms by having them label the pictures with the names of the forms illustrated in the pictures. Children can also be asked to look for geometric forms in their classroom. String models of geometric forms such as cones and pyramids can be constructed. By projecting a thin beam of light across the model at various angles, sections of these forms can be shown. A projector isn't needed. A slit cut in a piece of cardboard covering a window where the sun comes through can be the source of light. Student-built models to scale or maps drawn to scale can provide concrete examples of the meaning of "ratio". Such experiences can be integrated with science and social studies projects. A transparency with overlays can show geometrical relationships, for example the relationship between a rectangle and a right-angle triangle or between a parallelogram and an isosceles triangle. Also, the relationship of area of triangle to area of rectangle can be clarified. (2 – p. 53)

Language: Language requires the development of skills in reading, spelling, listening, and writing. To read, the child must associate the spoken word with written or printed symbols. To write, he must develop and refine hand motor skills to reproduce the symbols. To spell, he must hear sounds and be able to distinguish one from another as well as to arrange the symbols for sounds in the correct order. Media are essential not only to the development of language skills, but also to stimulate written and oral expression. Pictures of objects can help the child associate words with their printed symbols. Used in a flannel board presentation, children can match words with pictures in a classroom recitation period. The same pictures displayed on a bulletin board along with the word symbol serve as a ready referent during a reading study period. (3 – p. 88)

CD recording is invaluable for developing listening skills. Students need to hear words, phrases, and sentences pronounced properly by several different speakers. Additionally, they benefit from hearing their pronunciation with that of the speaker. The motivation to learn that seems to accompany hearing one's own voice is often just as important as the improvement in pronunciation. Recorded sounds can be used in sound discrimination drills. CD recordings can be made of stories. By stopping the tape when a sequence of events in a story has ended, children can be stimulated to tell what will happen next. Then, by turning on the tape recording, they can check the accuracy of their responses. CD recordings are also useful to build a background in the literature, poetry, and music of a country. Such recordings can be integrated with social studies when a particular country or nation is being studied. Dramatization and puppet shows are another useful way for children to learn to tell the stories. When reading, writing, and spelling skills are sufficiently developed, writing their own puppet show provides for using language skills creatively. Flash cards are suitable for many kinds of drill-word recognition, word ending usage, words that will complete a sentence. These cards also can be used on a flannel board in various kinds of matching exercises. Keep the student involved he should be encouraged to participate fully in the lesson by actively manipulating the flash cards or the flannel board pieces. Chalk talks, in which the teacher draws a scene on the chalkboard as she tells a story, also can be used for word symbol recognition and identification. To help children learn to sequence events in a story the teacher can draw in the next scene.

In the community: Media can contribute to communication in the community as well as in the classroom. Programs in the agriculture, health, family planning, community devel-

opment, and cooperatives can all be more effective when a variety of media is used. Many of the ideas that have been found effective in the classroom can be adapted for informal group presentations. Frequently, in dealing with adult groups, the audience is relatively large, and may be scattered over a wide geographical area. Also the subject being communicated may be complex. In such cases a "campaign" with a positive approach to the subject may be most effective. Spot announcements over radio, newspaper ads or simple posters can attract attention. Demonstrations, slide shows, films, puppets or plays can impart information. Experts in the field can be used to reinforce presentations. Printed materials such as leaflets can be used to follow up presentations. Audience consideration determines the selection of media. What may work well in one culture may be out of place in another. When using a campaign approach to meet a community problem, unified approach can help make the communications more effective. This is a com-

mon technique in advertising where symbols such as the famous dog and photograph or well-known slogans immediately bring other ideas to mind.

References

1. Baumgardner, Robert J., Dick Chamberlain, A.T. Dharmapriya and B.W. Staley. 1988. Materials case study: National diploma in technology-engineering. In ESP in the classroom.
2. Eckstut, Samuella and Tom Miller 1986. Interlink. Oxford: Pergamon.
3. Kagan, S. 1988. Cooperative learning: Resources for Teachers. Riverside CA.: University of California
4. Krashen, S. 1982. Principles and Practice in second language acquisition. Oxford: Pergamon Press.
5. Mohan, B.A. 1986. Language and content. Reading, Mass.: Addison-Wesley.

ФОРМАНТЫ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В АХВАХСКОМ И КАРАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

*Ахмедова Ж.М.,
Пахрудинова Р.О.,*

кандидаты филологических наук, доценты кафедры дагестанских языков ДГПУ (Махачкала)

Глаголы с семантикой «видеть» и «любить», образующие в ахвахском языке единую дативную конструкцию, в близкородственном аварском языке образуют две разные конструкции: локативную (глагол с семантикой «видеть») и дативную (глагол с семантикой «любить»). Дательный падеж маркируется формантом -льа и выполняет функцию субъекта при глаголах чувства и восприятия, например:

Ди-льа гьаригульа ду васси. Я (дап.п. ед.ч.) не видеть (аорист) твой брат (абс.ед.ч.) «Я не видел твоего брата»; Ду йассо-льа квинльири дене. Твоя сестра (дат.п.ед.ч.) любить (презенс) я (абс.ед.ч.) «Твоя сестра любит меня»; Ди-льа магьи гьаригере – рольа. Я (дат.) ничего не видеть (презенс). «Я (мне) ничего не вижу».

Глагол с такой семантикой образует локативную конструкцию, как и все глаголы внешнего восприятия, например:

Ди-льа бегикли жабу. Я (дат.) не уметь (презенс) читать (инф.) «Я не умею читать»; Ди-льа воквири ду вацци. Я (дат.) знать (презенс) твой брат (абс.) «Я знаю твоего брата»; Ди-льа йиквири ду йацци. Я (дат.) знать (презенс) твоя сестра (абс.) «Я знаю твою сестру».

А. Дирр [1] отмечает наличие в североахвахском диалекте ахвахского языка два дательных падежа: «дательный первый» с суффиксом -льа и «дательный второй» падеж с суффиксом -льири, например:

Имольа гьарирегье-гуди дене. отец (дат.) видеть (презенс) я (абс.) «Отец видит меня» (букв. «отцу виден я»); Деди ачи охеде иму-льири. (Я (эрг.) деньги (абс.) дать (аорист) отец (лок.)) - «Я деньги отдал отцу».

Исследователь ахвахского языка, З.М.Магомедбекова опровергает мнение А. Дирра о наличии в ахвахском языке второго дательного падежа с формантом -льири: "В ахвахском языке нет такого суффикса дательного падежа. Суффикс -льири является суффиксом локативного падежа, а именно, направительного падежа третьей серии. Приведенный пример деде ачи охеде имульири Дирром понимается как: «я деньги дал отцу». Но это не совсем точно" [3. С. 55].

Суффикс -льири З.М. Магомедбекова считает показателем утраченной ныне в ахвахском языке третьей серии

локативных падежей со значением нахождения в чем-нибудь, в массе. Аналогичная серия сохранилась в аварском языке и довольно активно функционирует – это третья серия локативных падежей со значением нахождения в сплошной среде (сыпучей: салуль «в песке» или жидкой: гьуруль «в реке»). Данная серия может означать также нахождение среди множества однородных предметов, например: гьадамазуль «среди людей», гьалимзабазуль «среди ученых» и т.д.

Данное мнение основывается на наличии согласного -ль в структуре форманта -льири: «Существует специальная серия локативных падежей на ль, выражающая состояние нахождения в чем-нибудь, в массе. Этот же суффикс -ль встречается и в данном показателе -льири; р-спорадически встречается как показатель серии локативного падежа в некоторых словах североахвахского диалекта. Ныне эта серия утратила свое значение. Суффикс -р-встречается не как серийный показатель, а как показатель падежа.

Нельзя отрицать, что составные части суффикса -льири потеряли свое первоначальное значение, но несомненный факт и то, что данный суффикс и по структуре, и по смыслу является окончанием локативного падежа» [3. С. 55]. З.М.Магомедбекова приходит к выводу, что, «в форме имульири надо было бы ожидать суффикс -х вместо -ль» [там же].

Магомедова И.С. предлагает свою точку зрения относительно семантики формы слова имульири и структуры форманта -льири. "Действительно, есть серьезные основания считать формант -льири показателем локатива, нежели датива. Однако, думается, что здесь не следует ожидать суффикса х вместо имеющегося -ль, поскольку семантика данных суффиксов существенно различается" [2. С. 26].

Дательный падеж в ахвахском языке выполняет также функцию косвенного объекта, в таком случае датив не образует собственной конструкции, а входит как компонент в эргативную конструкцию предложения (а именно – выполняет функцию выражения адресата), например:

Денде охьеде ду вашо-лъа чланка шода гьочла. Я (эрг.) дать (аорист) твой сын (дат.) очень хорошая книга (абс.) «Я дал своему сыну очень хорошую книгу».

Имоде гьамигьасу-лъа таахьу бекьари. Отец (эрг.) мельник (дат.) табак (абс.) приносить (аорист) «Отец мельнику табак принес».

В каратинском языке дательный падеж оформляется формантом -а, перед которым наращивается -в- или -й-, в зависимости от гласного, на который заканчивается косвенная основа. Если косвенная основа заканчивается на заднеязычные -о-, -у-, то наращивается -в-, если косвенная основа оканчивается на переднеязычный -и-, то наращивается -й-, например: вацци «брат» – ваццо-ва «брату»; йацци «сестра» – йаццо-ва «сестре»; йаше «девушка» – йашельи-йа «девушке». А в анчихском говоре каратинского языка, в котором те же слова оканчиваются на согласный, в окончании дательного падежа наращивается -в-, например: вацц «брат» –вацц-ва «брату»; йацц «сестра» – йацц-ва «сестре».

В тоkitинском диалекте каратинского языка формант дательного падежа -лъа отличается от других диалектов и говоров каратинского языка и совпадает с ахвахским языком. Как отмечает З.М.Магомедбекова «В тоkitинском диалекте дательный падеж имеет свой особый суффикс –лъа: мису-лъа «дому», иму-лъа «отцу». Суффикс –лъа не совпадает ни с одним показателем локативной серии» [4. С. 57]. Данное замечание имеет существенное значение, поскольку в каратинском говоре показатель дательного падежа совпадает с локативом серии на а.

На неслучайный характер этого совпадения указывает также З.М.Магомедбекова: «Показатель дательного падежа в каратинском совпадает с одним из локативных падежей, а именно – с местным падежом покоя серии а.

Если возьмем направительные и местные падежи серии на а, например от слова има, получим такую картину: направительный падеж имо-вар «к отцу», исходный падеж имо-ва-гал «от отца», локативный падеж имо-ва «на отца». Этот последний и совпадает с дательным падежом: имо-ва «отцу».

Едва ли это совпадение является случайным. Оно указывает на органическую связь дательного падежа с местными падежами. Вопрос же о том, что первично «дательность» или «локативность» требует специального изучения. Вполне возможно, что одна из форм локатив-

ного падежа постепенно потеряло чисто локативное значение и стала употребляться в качестве абстрактного дательного падежа (напомним, что «дательность» каратинского дательного падежа не всегда легко отделить от «локативности»). С другой стороны, не исключена возможность, что на базе дательного падежа образовалась особая серия локативных падежей» [4. С. 56].

В каратинском языке дательный падеж выражает субъект действия и, соответственно образует дативную конструкцию предложения при глаголах следующей семантики: «любить», «ненавидеть», «быть нужным», а также при глаголах восприятия, которые в аварском языке образуют локативную конструкцию, типа: «слышать», «видеть», «знать», «найти», «встречать». Например:

Вашащ-ва къвани гьедела биидйа. «Мальчик много знает».

Ди-йа анлъече. «Я не слышал».

Зини-йал къаба инлъилда лъедер. «И корова любит своего теленка».

Ищи-йа данде вокку гьудув. «Мы встретили его» (букв. «Нам встретился он»).

При глаголах семантики, типа «дать», «передать», «отправить» дательный падеж в каратинском языке выполняет функцию выражения адресата.

Таким образом, дательный падеж оформляется в обоих языках по-разному. Одинаковые форманты дательного падежа обнаруживаются в ахвахском и в тоkitинском диалекте каратинского языка. Семантический объем, выражаемый дательным падежом в обоих языках намного шире семантического объема, выражаемого дательным падежом в аварском языке. В отличие от других андийских языков ахвахский язык, занимает первое место по распространенности дативной конструкции предложения.

Литература

1. Дирр А. Краткий грамматический очерк андийского языка. - Тифлис, 1906.
2. Магомедова И.С. Синтаксическая характеристика глаголов восприятия в аварском и андийских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Махачкала, 2005.
3. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. - Тбилиси, 1967.
4. Магомедбекова З.М. Каратинский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь. – Тбилиси, 1971.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОНЯТИЙНЫХ ПОЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Шадрина Надежда Амиришоевна
доцент, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, г. Санкт-Петербург

Алешина Александра Игоревна
магистр, Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, г. Санкт-Петербург

Пересечение понятийных полей в пределах конкретного языка обусловлено селективным наложением когнитивных сфер, существующих в сознании его носителей. В данной статье будут рассмотрены особенности взаимоотношения понятийных полей категорий оценки и интенсивности в современном английском языке. Это взаимоотношение основано на наличии в данных категориях общих понятий. К этим понятиям, в частности, относятся норма, градуальность, структурная идентичность.

Исследование нормы как категории сознания, отраженной в семантике языковых единиц, осуществляется во взаимодействии лингвистики с модальной логикой, в которой норма рассматривается как разновидность оценки. В любой ситуации оценки с точки зрения логики можно выделить следующие части или компоненты: 1) субъект оценки – лицо, приписывающее ценность некоторому объекту; 2) предмет оценки – объект, которому приписывается ценность; 3) основание оценки – явление или предмет, с точки зрения которого производится оценивание [7,

с. 163-164]. Представления об этих компонентах в той или иной степени свойственны и лингвистическим исследованиям нормы. В лингвистике категория нормы исследуется в трех основных аспектах: 1) как основание оценки (логико-философский аспект); 2) как одна из составляющих модальной рамки (прагматический аспект); 3) как основной элемент семантических категорий градуальности, интенсивности, предельности (количественный аспект). Каждый из подходов характеризуется преимущественным вниманием к той или иной составляющей нормативной оценки. Логико-философское исследование нормы требует анализа понятия, лежащего в основании нормативной оценки. Для прагматического аспекта характерно внимание к субъекту оценки и связанным с ним модусам. Наконец, количественный аспект исследования нормы ориентирован преимущественно на оценку параметров ее объекта. Все три аспекта взаимосвязаны и дополняют друг друга [6, с. 21].

Норма, как категория сознания, отраженная в семантике языковых единиц, представляет собой интерес для когнитивных и лингво-когнитивных исследований. Когнитивная деятельность человека по определению нормативных признаков объектов картины мира тесно связана с определением их ценности. При этом познающий субъект определяет ценностную принадлежность на основе сравнения отражаемого объекта с определенными ценностными моделями, построенными на нормах и стандартах прошлого опыта. Оценка как установление ценностного свойства объекта – это выявление его соответствия «идеализированной модели», она отражает соответствие или несоответствие объекта ценностным критериям [1, с. 390-395]. Когнитивная категоризация ценностной картины мира предполагает мыслительное соотнесение объекта или явления с определенной ценностной (аксиологической) категорией. Создаваемые при этом классы и категории не являются однородными, они объединены не по свойствам, а по их воздействию на индивида, по степени их соответствия его собственной шкале ценностей и существующим стандартам. Оценочная категоризация имеет интерпретирующий, антропоцентрический характер [2, с. 12]. Она определяется как мыслительное соотнесение объекта или явления с ценностной (аксиологической) категорией.

В лингвистических исследованиях понятие нормы исследовалось также в связи с субъективной модальностью и с модальностью «оценки», «удивления», «неожиданности» [3, с. 128]. Отражение нормы в семантике языковых единиц рассматривалось и в связи с рациональной оценкой, так как в основу такого осмысления ценности положен принцип нормы как «идеального состояния объекта оценки» [8, с. 54]. Элемент нормативности присутствует в любой рациональной единице, а языковые единицы, основным значением которых является один из видов такой оценки, приобретают семантику отношения к норме, то есть становятся единицами нормативной оценки [5, с. 42]. Спорным остается вопрос о месте нормативной оценки среди других ее видов, описанных в лингвистических исследованиях: общей и частной, эмоциональной и рациональной, абсолютной и сравнительной. Очевидно, что

можно говорить о нормативной оценке во всех случаях, когда определение ценности основывается на наличии нормативной модели. Такая модель, норма, стандарт в этом случае будет основанием оценки. Этот же факт предполагает операцию сравнения с нормативной моделью или стандартом ценности. Объект оценки может быть определен или сравнением с другим объектом или с нормативной моделью. На этом основании выделяется абсолютная оценка, при которой основанием для сравнения является универсальное понятие ценности, и сравнительная оценка. При сравнительной оценке сопоставляются два объекта, а при абсолютной оценке сравнение происходит на основании идеализированной нормы. Абсолютная оценка является более сложной, чем сравнительная. В естественном языке именно абсолютная оценка является исходной. Абсолютная оценка выражается более простым способом, чем сравнительная и является элементарной по форме [4, с. 15-16].

На структурном уровне взаимоотношение между исследуемыми категориями оценки и интенсивности проявляется в использовании одних и тех же единиц языка. Еще Д.Болинджер писал о том, что оценочные наречия могут выполнять интенсифицирующую функцию, не теряя при этом аксиологическую память. В результате проведенного исследования было выявлено, что из 271 единицы, выражающих категорию интенсивности, 170 содержат в своем составе аксиологическую сему, например: *horribly, infamously, insanely, miraculously, superiorly*. Однако аксиологическая память может и исчезать. Примеры десемантизации наречий при выполнении ими интенсифицирующей функции хорошо известны: *awfully, pretty, frightfully*.

Взаимоотношение исследуемых категорий оценки и интенсивности характеризуется также явлением стереотипности. Это проявляется в существовании бинарных комплексов, состоящих из интенсифицирующей и аксиологической единиц, которые давно привлекают внимание лингвистов. Данные комплексы были зафиксированы в словаре, составленном Д.Болинджером. Существует словарь этих комплексов, составленный И.И.Убиным. Закономерности сочетаемости способов выражения категории оценки и категории интенсивности в пределах бинарного комплекса сложны и многообразны, и они послужили объектом нашего исследования. В его результате было выделено пятнадцать моделей бинарных комплексов типа *frightfully good, definitely hostile, devilishly handsome, absolutely terrifying, wonderfully beautiful, infamously vulgar, miraculously ugly, horribly conscientious*. Для того чтобы определить закономерности сочетаемости в пределах данных бинарных комплексов, был проведен компонентный анализ как интенсификаторов, так и аксиологических единиц. Результаты данного анализа представлены в таблицах.

Лексико-семантический анализ единиц обеих категорий выявил наличие нормативной семантики в словарных дефинициях исследуемых единиц. В таблице 1 приведены лексико-семантические варианты интенсификаторов и аксиологических единиц, содержащие показатели нормативности.

Таблица 1

Семантика нормативности			
Интенсификатор		Аксиологическая единица	
highly	LCB 2 – to a high level or standard (LDCE)	beautiful	LCB 1 – of a very high standard (MED)
incredibly	LCB 1 – to a great degree (LDCE)	terrible	LCB 2 – to a very great degree (LDCE)
particularly	LCB 1 – more than usual or more than others (LDCE)	verbose	using or expressed in more words than are needed (MED)

Таким образом, нормативная семантика интенсификаторов и аксиологических единиц реализуется с помощью одних и тех же показателей: *degree, standard, more than etc.*

На семантическом уровне взаимоотношение категорий оценки и интенсивности современного английского языка проявляется в наличии семантики оценки в единицах функционально-семантического поля интенсивности

и семантики интенсивности в функционально-семантическом поле лексических единиц, реализующих категорию оценки.

В таблице 2 представлены результаты выявления семантики интенсивности как в единицах категории оценки, так и в единицах категории интенсивности на основе анализа словарных дефиниций.

Таблица 2

Семантика интенсивности			
Интенсификатор		Аксиологическая единица	
perfectly	LCB 1 – used to emphasize what you are saying (LDCE)	awful	LCB 2 – used to emphasize how much or how good, bad etc something is (LDCE)
really	LCB 1 – very (LDCE)	delightful	very pleasant (MED)
wonderfully	LCB 1 – extremely well (MED)	brilliant	LCB 2 – extremely clever and skillful (LDCE)
utterly	completely (LDCE)	preposterous	completely unreasonable or silly (LDCE)

В интенсификаторах, представленных в левой стороне таблицы, семантика интенсивности выражена разными способами: например, в интенсификаторе *perfectly* семантика интенсивности выражена показателем *used to emphasize*. Интересно отметить, что данный показатель является одним из наиболее частотных. В интенсификаторе *really* семантика интенсивности выражена показателем *very*, в интенсификаторе *utterly* – показателем *completely*.

Справа в таблице представлены аксиологические единицы, в которых семантика интенсивности выражена следующими способами: например, в аксиологической единице *awful* семантика интенсивности выражена показателем *used to emphasize*, в аксиологической единице *brilliant* – показателем *extremely*.

Далее анализ бинарных комплексов позволил сделать вывод о наличии оценочной семантики как в интенсификаторах, так и в аксиологических единицах. Рассмотрим таблицу 3.

Таблица 3

Семантика оценки			
Интенсификатор		Аксиологическая единица	
absurdly	in a way that seems stupid, unreasonable or impossible to believe (LDCE)	ridiculous	very silly or unreasonable (LDCE)
bitterly	LCB 1 – in a way that produces or shows feelings of great sadness or anger (LDCE)	jealous	LCB 1 – feeling angry and unhappy because smb. has smth. that you wish you had (LDCE)
wonderfully	very well, in a way that makes you feel happy (LDCE)	joyful	very happy (LDCE)

Слева в таблице представлены интенсификаторы, в которых на основе анализа словарных дефиниций была выявлена семантика оценки. Например, в интенсификаторе *absurdly* семантика оценки выражена показателями *stupid* и *unreasonable*, в интенсификаторе *wonderfully* – показателем *happy*.

Справа в таблице представлены аксиологические единицы. Как видно из приведенного в таблице материала, все они обладают оценочной семантикой.

Таким образом, взаимоотношение категорий оценки и интенсивности в пределах бинарных комплексов в современном английском языке обусловлено наложением понятийных полей нормативности, интенсивности и оценки.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2002. – 123 с.
3. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте, М., 1988. – с.52-65.

4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки /Е. М. Вольф – 2-е изд. – М.: УРСС, 2002. – 280 с.
5. Ефанова Л.Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке (Ч.1. Структура нормативной оценки) // Вестник ТГПУ. 2008. – с. 41-44. Выпуск 2 (76).
6. Ефанова Л.Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования // Вестник ТГПУ. 2010. – с. 21-24. Выпуск 6 (96).
7. Ивин А.А. Аксиология. М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
8. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. – с. 36-66.
9. Bolinger D. Degree Words. The Hague – Paris, 1972. – 324 с.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. New Edition. UK, 2005.
11. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition. UK, 2007.

«РУКИ ОРЛАКА» МОРИСА РЕНАРА КАК ОБРАЗЕЦ ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА «ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ»

Чекалов Кирилл Александрович

Доктор филологических наук, заведующий Отделом классических литератур Западной и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, г. Москва

В 2013 году отечественное издательство «Престиж Букс» выпустило двухтомник Мориса Ренара (1875-1939) [2]. В него вошли старые переводы произведений этого французского писателя (дебютировавшего в 1902 году в качестве поэта, а в 1905 году – как прозаика), преимущественно связанные с фантастикой. К сожалению, в состав двухтомника не был включен роман, который, возможно, является вершиной творчества Ренара – «Руки Орлака»; в нём автор отдаёт дань детективному жанру, хотя и фантастические компоненты здесь присутствуют. Замысел романа возник в 1911-12 годах – это ясно из переписки Ренара, которую проанализировал исследователь его творчества Клод Демеок [3, с. 17]. Первые наброски этого произведения создавались в период первой мировой войны (Ренар был мобилизован, но на передовой не сражался – служил в штабе). Однако печататься роман «Руки Орлака» начал лишь 31 мая 1920 года (на страницах газеты L'Intransigeant). Отдельное издание вышло годом позже.

Роман Ренара появляется на фоне той «усталости от символизма», которую демонстрирует часть литературной продукции belle époque («прекрасной эпохи») и которая нашла свое теоретическое обоснование в публикациях выходившего с февраля 1909 года журнала «Nouvelle Revue Française». При этом для теоретиков NRF важнейшей литературной формой являлся именно роман – как жанр, в наибольшей степени пригодный для расширения круга читательской аудитории, имеющий «рыночный» спрос и способный противостоять крайностям авангардистской эстетики. В пространной статье «Приключенческий роман», опубликованной (трижды отдельными выпусками) на страницах журнала в 1913 году, известный критик Жак Ривьер попытался в какой-то мере спрогнозировать дальнейшее развитие романного жанра и дал расширительное толкование вынесенного в название понятия; по его мнению, «приключение – скорее форма, чем содержание романа» [5, с. 202]. Констатируя смерть символизма (как литературного направления субъективистского и умозрительного толка, не отвечающего запросам современности), Ривьер противопоставляет в то же время разграничивает «массовую литературу» (littérature populaire) и «приключенческий роман» (roman d'aventure); последний гораздо больше эстетически изощрен и устремлен к интенсивному творческому поиску [5, с. 204]. Статья Ривьера скорее напоминает лирическое эссе и не отличается высоким уровнем теоретической рефлексии; ее интерес скорее заключается в попытке пересмотра уже, ставшего достаточно четким в то время разделения литературной продукции на «низкую» и «высокую». Как представляется, сказанное в полной мере относится и к интересующему нас роману, умело сочетающему в себе различные горизонты читательского восприятия, а также разные жанровые ориентиры. К тому же и стремление Ривьера к возвышению приключенческого романа над массовым чтением вполне созвучно выкладкам Мориса Ренара, выступавшего еще и в качестве теоретика литературы.

«Руки Орлака» (Les Mains d'Orlac; более точным был бы перевод «Ладони Орлака»), так как имеются в виду

именно они) – довольно сложное жанровое образование: смесь «любовного, детективного, фантастического, научно-фантастического и оккультного» романов, по заключению Кл. Демеока [3, с. 18]. Сам тип соединения детективного повествования с элементами фантастики во многом навеян здесь книгами Гастона Леру. Кроме того, не исключено влияние на Ренара иронической новеллы Эдгара По «X-ing a Paragrab» (в русском переводе З. Александровой – «Как была набрана одна газетная заметка») [6, с. 25].

В известных «Двадцати правилах для пишущих детективы» (1928) Стивена Ван Дайна третьим пунктом идет отсутствие любовной интриги в детективе: «Любовь запрещена». Как известно, на практике всё обстоит по-другому, и многие авторы (включая таких патриархов детектива, как Агата Кристи) нарушали в этом отношении «канон» Ван Дайна. Роман «Руки Орлака» с его повышенным вниманием к любовной теме – тому яркий пример.

Определяя жанровую специфику своей книги, автор прибегал к выработанному им и изменявшемуся со временем терминологическому аппарату: в 1900-х годах он использовал термин «научно-чудесное», «merveilleux-scientifique» (и даже написал специальную статью под названием «О романе научных чудес и его влиянии на понимание прогресса», «Du Roman merveilleux-scientifique et de son action sur l'intelligence du progrès», впервые опубликованную на страницах газеты «Le Spectateur» от 6 октября 1909 года [9, с. 1205-1213]), а в 1920-х категорически отверг его в пользу другого термина – «паранаучное» повествование [9, с. 1215]. Простота и доходчивость стиля, напряженность сюжета, схематизм большинства персонажей и другие характерные для массового чтения стратегии (при этом одним из побочных жанровых ориентиров Ренара, несомненно, являлся неприемлемый для журнала «Nouvelle Revue Française» салонный роман) соединяются в «Руках Орлака» с рецидивами романтической и неоромантической фантастики. Мотив обладающей относительной автономией по отношению к ее «владельцу» человеческой руки имеет символический характер, ведь литературная судьба этого мотива ознаменована постепенным его превращением в «архетип человеческой судьбы» [9, с. 187]. Трактовка темы у Ренара заставляет вспомнить готический, привлекавший к себе повышенный интерес Зигмунда Фрейда «Рассказ об отрубленной руке» Вильгельма Гауфа из цикла «Караван» (1826), а также новеллы Жерара де Нерваля «Заколдованная рука» (1832) и Ги де Мопассана «Рука» (1883) (подробнее об этих произведениях см. [1]). Однако магическая, волшебная составляющая сюжета в случае с Ренаром подвергается ироническому развенчанию. С другой стороны, характерная для Нерваля символическая трактовка «одержимости» руки, перенесенная в план художественного творчества, в книге Ренара на свой лад учтена: его главный герой – это прежде всего креативная личность, выдающийся музыкант; лишаясь руки, он автоматически переходит из разряда небожителей в ранг простых смертных. И наконец, совершенно очевидна связь «Рук Орлака» с повестью Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), где указанный контраст

двух ипостасей главного героя заявлен не менее ярко, причем чрезвычайно значимой деталью становится метаморфоза ладоней изменяющего внутреннюю идентичность героя («оволосение»); этой детали придавали большое значение авторы экранизаций книги Стивенсона.

С другой стороны, центральная в романе тема пересадки органов и ее фатального влияния на личность заставляет вспомнить столь значимые произведения западноевропейской литературы разных лет, как «Франкенштейн» М.Шелли (1818), «Остров доктора Моро» Г.Уэллса (1896) и гораздо менее известный в России, но, без сомнения, являющийся вершиной французской массовой литературы «прекрасной эпохи» пятитомный роман Гюстава Леруа «Таинственный доктор Корнелиус». Книга Леруа печаталась в 1911-1912 годах, то есть именно в тот период, когда и возник замысел Ренара.

Повествование в «Руках Орлака» ведется от лица журналиста Гастона Бретейя, специализирующегося на судебной хронике. (Кстати, Гастон Леру с 1894 года работал хроникером по судебным делам в газете *Matin*). Первая часть книги – она называется «Знаки» – в строгом смысле слова не является детективом. Точнее, она тяготеет к той разновидности жанра, которую Жак Дюбуа именует «roman à suspense» (четвертая категория детективного повествования, по классификации ученого [4, с. 55]), то есть криминальный роман с нагнетением ужаса, угрозы, тайны, где читатель находится в тревожном ожидании преступления, пребывает под впечатлением постоянно нависающей угрозы. В «Знаках» это ощущение близкой катастрофы передано чрезвычайно умело. Что же касается второй части (она именуется «Преступления»), то здесь детективная жанровая структура становится определяющей; героям и читателю предстоит раскрыть тайну двух зловещих убийств (правило седьмое Ван Дайна: «детектива без трупа не существует»).

В самом начале романа описана страшная железнодорожная катастрофа близ города Монжерон, в которую попадает главный герой, известный пианист Стефен Орлак (его имя навеяно известной в конце 19 столетия мебельной фирмой Орлак-Прадье). Жена Стефена, Розина, в ужасе ищет супруга в месиве человеческих тел и, наконец, обнаруживает – полуживого, по соседству с «призрачного вида существом» в ослепительно белом костюме, с рыжими волосами и амелистами на пальцах (тень загадочного Спектрофелеса еще не раз потом предстанет перед Розиной). Более всего в катастрофе пострадали ладони Орлака. Лишь курс лечения у чудо-доктора, «ведущего хирурга мира», как его аттестуют в романе, – профессора Серралья позволяет Орлаку выжить. В имени Серралья содержится прозрачный намек на реальный прототип – это лауреат Нобелевской премии за 1912 год, приверженец египетологии доктор Алексис Каррель, чрезвычайно интересовавшийся Ренаром и Гастоном Леру (последний отдал ему дань уважения в романе «Кровавая кукла», 1923).

Между тем после операции Стефен сильно меняется: вначале он вообще теряет способность играть на фортепиано, потом эта способность всё-таки возвращается к нему, но – увы, он теперь играет на абсолютно школярском уровне. Ведет себя Стефен после катастрофы, мягко говоря, несколько странно, видит кошмарные сны, связанные с собственными руками, а затем вдруг начинается тренироваться в метании ножей. Так формируется контрастная картина двух миров: мир высокого искусства, «гениоцентризм» в сочетании с аристократическим бытом (соответствующие страницы романа созвучны культуре декаданса; слово *décadent* звучит в романе по отношению

к одному из второстепенных персонажей, художнику Крошану, который становится ассистентом Орлака-старшего) и мир кровавого криминала.

Параллельно с этим ряд происходит таинственных событий, ощущаются первые намеки на криминальную интригу – в первую очередь это исчезновение из сейфа драгоценностей Розины (позднее они столь же таинственным образом возвращаются на прежнее место) и устрашающие письма, которые она находит у себя в доме за подписью «банда инфра-красных». Возможно, перед нами шутовская аллюзия на «Красную Руку», могущественную мафиозную организацию из всё того же романа Леруа «Таинственный доктор Корнелиус». Но не менее важна здесь, и отсылка к научно-техническим достижениям начала XX века (не случайно имена Рентгена и Кюри возникают в уже упоминавшейся программной статье Ренара «О романе научных чудес» [9, с. 1212]).

Наконец, еще один важный компонент романа – оккультно-спиритический (а точнее, пародийно-спиритический). Морис Ренар отдает дань модной в период «прекрасной эпохи» теме (ее наиболее известным выразителем во французской литературе можно считать Жозефа Пелладана), но придает ей явно ироничную трактовку – в отличие от Вилье де Лиль-Адана, Брэма Стокера и Гюстава Мейринка автор «Рук Орлака» не верил в оккультизм. Пелладан провозгласил себя потомком ассирийских правителей и именовал себя «Сар»; в романе «Руки Орлана» его образ отчасти спародирован в образе погибшего в той самой железнодорожной катастрофе Сара Мельхиора (таинственный Спектрофелес – это именно он).

Отец Орлака Эдуар, в прошлом нотариус, под влиянием жизненных обстоятельств становится фанатичным спиритом, для которого столоверчение важнее судьбы его собственного сына. Что же касается Стефена, то он относится к спиритизму весьма скептически, считая его шарлатанством: «мне больше нравится Роберт Гудини, это более честно» [9, с. 647]. Забегая вперед, отметим, что занятия спиритизмом к концу романа полностью развенчиваются – под обивкой стула обнаруживается множество использовавшихся мастерами столоверчения накладных бород, усов и масок.

Высмеивая спиритизм, Ренар в определенной мере дистанцируется и по отношению к Конан Дойлу – как известно, создатель Холмса всерьез верил, что общался с духами Джозефа Конрада и Диккенса, а в 1926 году опубликовал написанную им двухтомную «Историю спиритизма». По мнению Д. Мейер-Больценже, на самом деле Холмс – не столько сыщик-рационалист, сколько маг и прорицатель [7, с. 25]. Пресловутый «дедуктивный метод» становится предметом пародирования в другом известном романе Ренара – «Голубая погибель» (1912).

Уже в первой части «Рук Орлака», а тем более во второй, постепенно формируется, скажем так, «расследующая инстанция». Она добится: отчасти это Розина, всерьез обеспокоенная странным поведением мужа и таинственной бандой. Затем в роли «великого сыщика» выступает журналист-повествователь. После чрезвычайно странной по обстоятельствам гибели упоминавшегося уже Крошана, к расследованию приступают профессиональные сыщики – комиссар Буркрен и специализирующийся на оккультных делах инспектор Куэнтр. Больше того, детективом временно становится и Эдуар Орлак, но он интерпретирует случившееся исключительно сквозь призму своего понимания мира (убийство Крошана приписывается манекену, в которого вселилась чья-то душа). Как сказано у Ренара, «в царстве мёртвых старший Орлак вёл

своё собственное расследование – параллельное по отношению к тому, что со своей стороны вёл в царстве живых г-н Буркрен» [9, с. 685].

Но тут вдруг погибает и сам Эдуар, причем прямо за вертящимся столиком. Вспоминается определение жанрового своеобразия «Рук Орлака», принадлежащее одному из современных критиков: «детективный роман с элементами гиньоля» [8, с. 106] (кстати, сам термин «гиньоля» фигурирует в романе). После второго убийства первоепенную роль в расследовании начинает играть Куэнтр. Читатель долгое время находится в плену иллюзорной картины случившегося: все детали как будто бы свидетельствуют в пользу одной версии – оба преступления совершил сам же Стефен, под влиянием то ли таинственных оккультных сил, то ли пересаженных ему после катастрофы кистей рук казненного на гильотине убийцы Вассёра. И только на заключительных страницах романа вскрывается истинный убийца; разгадка совершенно непредсказуема. Как выясняется, Стефен абсолютно ни в чем не виноват, но что еще более примечательно, и Вассёр по ошибке попал на гильотину. Перед нами весьма радикальное проявление функционирования детективного романа как «ловушки для читателя» [11, с. 53].

В этой книге М. Ренара ярко выражено «телеологическое» начало (термин известного специалиста по теории детективного романа Марка Литса): сложное переплетение событий оказывается устремлено к короткому и чрезвычайно яркому финальному эффекту. Осуществленное Ренаром развенчание спиритизма как бы подтверждает восьмое правило Ван Дайна: в детективе всё происшедшее должно получать сугубо рациональное объяснение, спиритизм и ясновидение оказываются здесь под запретом.

Развитая в романе тема трансплантации человеческих органов [она вообще стала одной из ключевых в творчестве Мориса Ренара; к наиболее известным его сочинениям на эту тему можно отнести роман «Доктор Лерн, полубог» (1908); в России книга выходила также под названием «Новый зверь»] имеет отнюдь не чисто литературный интерес. Напомним, что роман создавался в период первой мировой войны – в этом контексте проблема пересадки органов становилась особенно актуальной. Кстати, следует отметить, что впервые успешная пересадка кистей обеих рук была осуществлена лишь в январе 2000 года, и произвел ее именно французский ученый, профессор Жан-Мишель Дюбернар. С этой точки зрения книга Ренара выглядит весьма отдаленным пророчеством.

В творчестве Ренара заметен вполне соответствующий веяниям времени интерес автора к кинематографической эстетике (фантастический роман «Человек среди

микробов», 1928, открывается построенным в виде кино-сценария прологом). «Руки Орлака» в высшей степени «кинематографичны», и совсем не случайно, что книга в разное время стала предметом нескольких экранизаций. Наиболее значительная из них – немой фильм знаменитого немецкого режиссера-экспрессиониста Роберта Вине (1924). При всех достоинствах картины следует отметить, что структура сюжета оказалась подвергнута в фильме весьма существенной трансформации. Кроме того, совершенно исчезла из экранизации Роберта Вине и столь существенная для Ренара тонкая ирония. Надо сказать, сам режиссер воспринимал свою картину как фильм ужасов. Именно поэтому истина становится известна его зрителю с самого начала, то есть структура классического детектива здесь фактически оказывается разрушенной; эта трансформация носит вполне программный характер.

Список литературы

1. Полторацкая Н.И. (СПбГУРП). «Фантастическое» и «таинственное» во французской литературе: формирование традиции. Электронный ресурс: www.culturalnet.ru/f/download.php?aid=21
2. Ренар М. Избранное. В 2 т. – М.: Художественная литература. – 2013. – Т. 1 – 413 с.; т. 2 – 397 с.
3. Deméocq, Claude. Maurice Renard sur le chemin du merveilleux scientifique // Renard, Maurice. Les Mains d'Orlac. – P.: Les Moutons électriques. – 2008. – P. 5-20.
4. Dubois, Jacques. Le roman policier ou la modernité. – P.: Nathan. – 1992. – 235 p.
5. Koffeman, Maaïke. Entre classicisme et modernité: La Nouvelle Revue Française dans le champ littéraire de la belle époque. – Amsterdam-New York: Rodopi. – 2003. – 291 p.
6. Met, Philippe. La lettre tue: spectre(s) de l'écrit fantastique. – Villeneuve d'Ascq: Septentrion. – 2009. – 268 p.
7. Meyer-Boltzinger, Dominique. Une méthode clinique dans l'enquête policière: Holmes, Poirot, Maigret. – Liège: CEFAL. – 2003. – 160 p.
8. Prince, Gerald. Guide du roman de la langue française. 1901-1950. – Lanham: University Press of America. – 2002. – 333 p.
9. Renard, Maurice. Récits et contes fantastiques. – P.: Laffont. – 1990. – 1271 p.
10. Rico, Adeline. Une histoire de la main dans la littérature: Symbole anthropologique de l'imaginaire, objet fantastique et image inconsciente // Die Hand: Elemente einer Medizin- und Kulturgeschichte. – Berlin: Hopf. – 2010. – P. 165-188.
11. Vareille, Jean-Claude. Le roman populaire français. – Limoges: PULIM – Québec: Nuit blanche. – 349 p.

МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА ГОРОДА И ГОРОДСКАЯ СИМВОЛИКА В ТВОРЧЕСТВЕ А. В. ВАМПИЛОВА

Чербаева Ольга Владимировна
ГБОУ Школа 324 «Жар-птица», г. Москва

- Надо уехать из города ненадолго:
чтобы по нему соскучиться.
- Бесполезно.
- Что бесполезно?
- Не соскучишься.

А. В. Вампилов. Из Записных книжек

В художественном мире А. В. Вампилова, помимо метагеографического образа «юга», коннотацией «другого», «чужого» мира (по отношению к Сибири) обладают образы «больших» «далеких» городов, «столиц». Сибирь деревенская в художественном мире Вампилова противо-

поставлена обобщенному образу столицы. Однако в метагеографии Вампилова Сибирь оппозиционируется столице не столько как периферия по отношению к центру, сколько как образец традиционного жизненного уклада (простоты и естественности жизни в единении с природой, в соблюдении и сохранении сугубо человеческих ценностей, в аскетизме и ежедневном трудовом подвиге, в умении радоваться и быть по-детски непосредственным) миру пресыщения, манерности, искусственности и бессмысленности существования, антиприродности, технокрагии и, в конечном счете, бездуховности. образу столицы всегда сопутствуют мотивы сна, забвения, машинальности, лицедейства. Если образы южных городов в оппозиции к Сибири выступают некоей светлой мечтой, отдушиной, идеалом всегда недостижимым (метафора мечты), то столица в художественном мире Вампилова – скорее метафора иллюзии, наваждения. Город с его романтикой (иллюзорность, туманы, тщеславие, гордость) воспринимается Вампиловым как нечто искусственное, лишенное жизни, театрализованное. Образ столицы также как юга и Сибири обозначен цветом. Он всегда окрашен в серые тона: дожди, туманы, камень, серый асфальт – неизменный признак городского быта («асфальт, этот пресловутый синоним всего городского»), тучи и т.п. Вероятно, серый цвет ассоциируется у Вампилова с некоторой размытостью реальности; отсюда вытекает и символика сна, иллюзии, искусственности.

Как метагеографический образ «юга» страны в творчестве Вампилова далеко не всегда совпадает с географическими реалиями, выступая не столько как реальный географический образ, сколько как образ-символ, так и обобщенный образ столицы, «большого» и «далекого» города у Вампилова вобрал в себя, помимо образа Москвы, образы таких городов как Ленинград, Киев, Минск, Иркутск. Например, в пьесе «Утиная охота», во всей искусственности, мертвенности, типичности обстановки, сопровождающей внутренний конфликт Зилова, в символике и цветовой палитре (неизменная серость на протяжении всего действия пьесы) запечатлен именно мир большого города, а действие, несомненно, происходит в Иркутске.

В описании «столиц» у Вампилова всегда чувствуется негативная эмоциональная окраска: «Памятник Петру, залив и город. У памятника, не сходя с места, разжирел фотограф любитель» [3, с. 672]; «В Минске тоже есть каштаны, но чувствуют они себя здесь примерно так же, как я...» [Там же, с. 665]; «Метро в Киеве построено из тщеславия» [Там же, с. 665]. В «Записных книжках» писателя особое внимание уделено его московским впечатлениям. Короткие фактографические записи о Москве исполнены сарказма на меркантильную, потребляющую, но не созидательную, по мнению писателя, Москву, лишенную всякого творческого потенциала: «Москва ежедневно съедает 12500 коров» [2, с. 78], «В 1961 году в Москве действует около 70 церквей. Артисты (московские) за выступление в хорах получили 13 млн рублей за год» [3, с. 666]. В своих «Записных книжках» Вампилов отмечает безразличие, безучастность москвичей, превращающихся на московских улицах в безликую, бездушную толпу: «Приезжего в самом центре Москвы взяли под руки, внесли в парадное и потребовали кошелек, все в двух шагах от шумной уличной толпы» [2, с. 58]. Образ толпы в «Записных книжках» Вампилова становится важной составляющей городской атмосферы, символом безликости, серости, бездуховности. Вампилов обыгрывает этот образ иронически: «Из толпы раздался анонимный голос» [3, с. 640]; «Загубить молодость в очередях» [Там же, с. 641];

«В толпе нахальной и голодной твои затеряны следы» [Там же, с. 647]; «Народу на трамвайной остановке, как поганных под Киевом» [Там же, с. 658]. Однако, помимо иронии, образ толпы у Вампилова включает в себе коннотацию тоски, безысходности, мертвенности: «Забить меня здесь, когда мы рядом, – это значит замуровать меня в толпу соглядатаев. Это невозможно. Из этой свинцовой стены будет торчать моя к тебе нежность, так же, как если бы из моей могилы торчала моя рука» [Там же, с. 665].

В «Записных книжках» Вампилов описывает реакцию московской литературной элиты на собственное творчество, пренебрежение к «провинциалу» и «мальчишке» «маститых», зрелых столичных писателей: «26 января. Центральный дом литераторов. Сатирики. Штук двадцать. Маститые – весь Олимп. Безыменский, Эмиль Кроткий, Арго, Масс, Бахнов, Костюковский, Привалов, Егоров. Самый молодой редактор отдела "Вопросы литературы". Я – мальчишка, провинциал, да еще забился в угол. Со стороны Привалова было пижонством и бестактностью пригласить меня на эту секцию. Глупейшее знакомство с Безыменским. Еврей-редактор: "Вы пишете на русском языке?" – "А вы?" Он думал, я из Якутии. Писательские разговоры. Еще мрачнее мое посещение. Критика на мою книжку в журнале "Москва". Привалов, разочарованный моим видом и моим тихим голосом: "Я вас там перехвалил. Ругать вас еще будут много!"» [Там же, с. 670-671]. «Все натянуто и несерьезно» [Там же, с. 671] – подытожил Вампилов, и именно «натянутость» и «несерьезность», наравне с надутостью, спесью стали на протяжении всего его творчества едва ли не символами жизни большого города, трансформируясь в сопутствующий городским персонажам мотив лицедейства.

Образ города в метагеографии Вампилова обладает коннотацией «чужого», «далекого» пространства и, как правило, противопоставлен образу сибирской глубинки как некий образ «terra incognita». Воссоздаваемый писателем образ сибирской деревни – «знакомый мир», осязаемый, красочный, где знакома «каждая жердь в гнилых заплатах Наратая» [4, с. 172] у Вампилова становится точкой отсчета, началом пути в большой неизведанный «чужой» мир – мир городов, «которыми грезили в детстве» [Там же, с. 174]. Герои вампиловских произведений, подобно самому автору, приехавшему из провинции в столицу, неминуемо сталкиваются с городской цивилизацией, которая так и остается для них «таинственным видением другого мира» [Там же, с. 172]. Так, в рассказе «Моя любовь» городская жизнь героя оборачивается бессмысленным времяпровождением, иллюзией жизни, блестящей мишурой, после которой остается лишь «скука», «грусть» и «беспокойство», так как «молодость проходит мимо счастья» [3, с. 600]. Городская жизнь «будто причудились в плохом сне» [Там же, с. 600] герою рассказа. Город с его соблазнами так и не стал «своим». Жизнь героя вновь обретает смысл лишь по возвращении в деревню.

Особо обращает на себя внимание цветовая символика города в художественном мире Вампилова. Как уже было сказано, городская тема всегда обозначена у Вампилова серым цветом. Серый цвет, символизирующий безразличие, скуку, рутину, посредственность, безликость, холодность, уныние, одиночество, и, в то же время обманчивость, иллюзорность, передает у Вампилова удушающую городскую атмосферу. Здесь Вампилов созвучен А. А. Блоку с его интерпретацией города – «страшного мира», воплощенной серости. Серый цвет у Блока также является спутником городской темы, основой городского пейзажа: «оловянный закат» [1, с. 127], «дымно-сизый туман» [Там же, с. 127], «пыльно-серая мгла» [Там же, с.

129], «встала улица, серым полна, заткалась паутиною пряжей» [Там же, с. 130], «серые прохожие» [Там же, с. 134], «серые виденья мокрой скуки» [Там же, с. 135], «сети дождя» [Там же, с. 135]. Городская серость, однако, в произведениях Вампилова имеет три основных смысловых оттенка, выраженных в следующих символах: дождь, асфальт и камень.

В «Записных книжках» Вампилов уравнивает между собой все города не только обращением к разным «столицам», но и следующей записью: «Все города в дождь одинаковы. Все города в дождь красивы, молоды и меланхоличны» [3, с. 673]. Характерно, что в этом обобщении присутствует символическая деталь: дождь. Дождь становится некоей красивой маской, романтической завесой, за которой скрывается неблагоприятное лицо города. Эта деталь появляется и в пьесе «Дом окнами в поле» в сопоставлении города и провинции: «Вы ходите там по мокрым улицам, все молодые, все гордые, и никто не знает, о чем вы думаете...» [Там же, с. 469]. Дождь является символом иллюзорности, надуманности городской жизни, которой писатель противопоставляет простоту и естественность жизни деревенской: «А здесь – поле и лес, здесь все понятно» [Там же, с. 469]. В пьесе «Утиная охота» дождь становится центральным, ведущим мотивом, сопутствующим теме города. Описания дождя, серого неба заявлены в ремарках к каждой картине: «Над крышей узкая полоска серого неба. День дождливый» [Там же, с. 162] (действие первое, картина первая); «Комната Зилова. За окном по-прежнему дождь» [Там же, с. 187] (действие первое, картина вторая); «Комната Зилова. За окном идет дождь» [Там же, с. 194] (действие второе, картина первая); «Зилов ходит по комнате. Постоял у окна» [Там же, с. 201] – далее следует разговор о дожде (действие второе, картина вторая); «Квартира Зиловых. На столе огромный рюкзак и ружье в брезентовом чехле. За окном по-прежнему дождь» [Там же, с. 222] (действие третье). Дождь для Зилова становится наваждением. Зилов буквально поглощает серость города: дождь льет беспрестанно, сверху давит серое небо, а вокруг – серые стены квартиры. Символично, что на протяжении всей пьесы Зилов пытается вырваться из города, но чем больше он сопротивляется городской серости, тем больше в ней вязнет. Нагнетание серости в пьесе достигается не увеличением силы стихии (дождь не перерастает в ливень, порывы ветра), а монотонностью дождя – «по-прежнему дождь». В совокупности с серостью и однотипностью обстановки дождь (монотонный и вечный) становится в пьесе символом искусственной жизни героев, жизни-сна, жизни-смерти – бессмысленной, машинальной, беспросветной. Однотипность проявляется не только в обстановке и погоде, символично, что одна из героинь пьесы, Вера, всех героев называет одинаковым именем – Алики. Даже плюшевого кота, подаренного Зилову на новоселье. Характерно и то, что кот на новоселье, также как и все вокруг, ненастоящий, неживой. И смерть героя оказывается всего лишь фарсом, чем-то надуманным, искусственным. Таким образом, на протяжении всей пьесы усиливается в геометрической прогрессии ощущение иллюзорности, искусственности, даже мертвенности городского пространства. Город в «Утиной охоте» – застывшая картинка, вне времени и пространства, в которой беспомощно мечется Зилов, вдруг осознавший абсурдность собственного существования. «Утиная охота» – это мир города. Хотя в данной пьесе литературоведы, в частности С. Р. Смирнов, Е. М. Гушанская [5, с. 175-176; 6], видят реалии сибирского города Иркутска, с чем нельзя не согласиться, нам,

все же, представляется данная пьеса именно символическим воплощением для Вампилова обобщенного образа мира большого города с его суетой, бессмысленным времяпровождением. И из этого «искусственного» мира главный герой пьесы стремится вырваться в природу предмета. Заметим, что «Утиная охота» писалась Вампиловым в Москве (1965-1967). Столичная атмосфера, в которую вдруг окунулся провинциальный писатель, чувствуется в пьесе.

Характерно, что и в пьесе «Прошлым летом в Чулимске», посвященной судьбе сибирской глубинки, мотив дождя вдруг появляется при упоминании о городе: «Кашкина (негромко). <...> Приезжаю в город – там идет дождь» [3, с. 295]. То есть образ дождя буквально сливается с образом города, становясь обязательной, неотъемлемой частью городского пейзажа.

Камень (дома, стены, «сам город» – сверкающий огнями каменный центр» [4, с. 199]) у Вампилова является символом статичности, мертвенности, «голового» и безжизненного городского пространства в противовес деревенской полноте жизни, выраженной в художественном мире Вампилова через многообразие звуковых, визуальных, обонятельных репрезентаций. Образ-символ камня менее распространен в произведениях Вампилова. Он появляется в «Записных книжках» писателя и в публицистике, представленный как нечто тяжелое, неподвижное, мертвое, нагоняющее тоску: «В серых половинках окна мелькали ноги прохожих. Я смотрел на них. Особенно бросилось в глаза удручающе согласованное движение проходящих пар. В них мне казалась каменная поступь тоски» [3, с. 667]. Писатель также сравнивает с каменной стеной городскую толпу – «замуровать меня в толпу» [Там же, с. 665]. Особо подчеркивает Вампилов контраст между «каменным» городом и «деревянной» деревней. В «городских» рассказах Вампилова появляются «каменные ворота» [Там же, с. 561] («Девичья память»), «каменная стена» [Там же, с. 582] («На пьедестале»), «каменная чаша» фонтана и «бетонные ступеньки» [Там же, с. 594] («Студент»), являющиеся обязательными атрибутами городского пейзажа. В очерках и рассказах, посвященных сибирской глубинке Вампилов обязательно изображает деревянные тротуары, деревянные школы и клубы, заборы и домики. Холодный, мертвенный «каменный» город противопоставит у Вампилова «деревянной» деревне, воплощению тепла и жизни.

Асфальт в художественном мире Вампилова становится символом урбанизации, разрастания города. Рост «глобального» города, «города без окраин», поглощающего просторы Сибири (строительство «городов юности») воспринимается писателем болезненно. Так, в очерке «Прогулки по Кутулику» асфальту как символу городской экспансии посвящена «Прогулка вторая. По асфальту». Несомненно, символом разрастающегося города являются образы новостроек, однотипность, серость которых передана в пьесе «Утиная охота»: «Городская квартира в новом типовом доме. В окно видны последний этаж и крыша типового дома, стоящего напротив» [3, с. 169].

Таким образом, город в художественном мире Вампилова представлен как пространство иллюзии, наваждения, «искусственной» жизни, символом которого является дождь, размывающий границы реальности. Также метафорический образ города у Вампилова репрезентован через символику камня как мертвое пространство. Город как экспансивное пространство в творчестве Вампилова представлен через образы-символы асфальта, новостроек.

Метагеографический образ столицы в творчестве Вампилова реализуется как модель расширяющегося пространства, поглощающего, нивелирующего все пространство страны, в том числе и пространство дорогой писателю Сибири. Большие города с «домами-гроздами», похожие, словно близнецы, друг на друга и на Москву, «растут» и в Сибири, «оккупируя» первозданные ее земли. Природное вытесняется искусственным, духовные ценности уступают место материальным. Утрируя негативные последствия урбанизации, писатель создает обобщенный образ большого чужого города, противопоставленный образу сибирской деревни, как воплощению природной, естественной, традиционной жизни.

Список литературы.

1. Блок, А. А. Лирика. Поэмы. М.: АСТ, 2015. – 480 с.
2. Вампилов, А. В. Записные книжки. Иркутск: Изд-во Иркутск. Ун-та, 1996. – 112 с.
3. Вампилов, А. В. Избранное. М.: Согласие, 1999. – 776 с.
4. Вампилов, А. В. Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 448 с.
5. Гушанская, Е. М. Александр Вампилов: Очерк творчества. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. – 320 с.
6. Смирнов, С. Р. Драматургия А.В. Вампилова: закономерности творческого процесса: Дис. ...доктора филологических наук: 10.01.01. Иркутск, 2006. – 316с.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖТОПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Федотова Татьяна Васильевна

Докт.филол.н., доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода, г.Краснодар, Южный институт менеджмента

Как известно, каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические и парадигматические, благодаря чему закрепляется в системе, характеризуясь определенной сочетаемостью с другими единицами и определенной значимостью. Следовательно, системный подход к изучению лексики предполагает описание всех видов взаимоотношений между элементами той или иной совокупности лексических единиц и анализа смысловых отношений между ними.

Исходя из того, что собственные географические названия представляют собой специфическую подсистему лексической системы языка, можно говорить о влиянии на организацию топонимической системы различных типов связей. В основе таких отношений, как известно, лежит сходство единиц, относящихся к одному уровню языковой системы и в этом отношении однотипных. Относительно топонимической лексики стоит отметить тот немаловажный факт, что функцию идентификации и дифференциации топонимы могут реализовывать при условии их синтагматической и парадигматической организованности, т.е. должны соотноситься с другими названиями находящихся рядом объектов, группироваться в ряды однотипных в лексическом и грамматическом отношении топонимов.

Безусловно, проявление синтагматических и парадигматических отношений в топонимии имеет несколько специфический характер в отличие от других уровней лексической системы.

Поскольку в каждой языковой последовательности обнаруживается определенный порядок сосуществования элементов, следовательно, анализ парадигматических отношений неизбежно должен совмещаться с анализом синтагматическим. Кроме того, топоним как особая знаковая единица языка также претендует на исследование с позиции двойной структуризации единиц топонимической системы – в парадигматике и синтагматике.

Под топонимической синтагматикой понимается сочетаемость слов в линейном ряду, где линейным рядом является непосредственно территория, являющаяся основным контекстом для определенной совокупности топонимов. Причем этот контекст является постоянным и для каждого из топонимов единственным. Неслучайно по

этому поводу Ю.А. Карпенко отмечает, что взаимоотношения соседних названий (аналог синтагматических противопоставлений речевого потока) в топонимии оказываются гораздо более влиятельными, чем в речевом потоке, с его бесконечным изменением комбинаций речевых единиц [3, с. 4]. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что топонимическая система включает не только отдельные ряды, но и все названия определенной территории. Следовательно, синтагматические противопоставления реализуются в совокупном функционировании всех названий, которые имеются в определенном районе.

Например, определенные виды топонимов проявляли свои синтагматические связи в пределах одной административной территории:

- ойконимы Читинского округа 1868 г.: Николаевская волость, Татауровская волость, Кенонская волость, Александровская волость, Усть-Илинская волость, Ключевская волость, Размахнинская станция, Кайдаловская станция, Маковеевская станция, Титовская станция;
- ойконимы Шилкинского района 1990 г.: поселки Саввино, Галкино, Зубарево, Размахнино, Золотухино, Ульяновка, Васильевка, Богомярково, Митрофаново, Казаново, Красноярово, Солнцево, Первомайский, Номоконово, Новоберезовское, Мирсаново, Апрельково, Макарово, Погодаевка, Назарово.

Таким образом, в синтагматические отношения вступают все топонимы, называющие однотипные объекты микрорегиона. Представленное данной системой синтагматическое единство (топонимический контекст) пронизывается в разных направлениях меньшими парадигматическими единствами, которые разделяют топонимическую систему на множество более тесно связанных между собой групп.

Единицы топонимической системы, сформировавшиеся в результате процесса естественной номинации, не только фиксируют определенную точку на местности, а являются элементами одной знаковой цепи в сознании носителя языка. Следовательно, типы семантических отношений между апеллятивами, лежащими в основе топонимов, могут базироваться на следующих параметрах: 1) рефлексия характера восприятия; 2) общность свойств объектов; 3) семантические связи внутри парадигмы

названий одного объекта; 4) территориальная общность функционирования той или иной модели. На наш взгляд, данные параметры могут быть учтены в равной степени при любом проявлении лексической парадигматики.

По мнению Е.Л. Березович, семантическая корреляция в топонимии – «комплекс топонимов, в котором реальной пространственной соотнесенности объектов соответствует семантическая связь элементов комплекса» [1, с. 56]. Семантические основания парадигматических связей в классификации топонимов позволяют выделить следующие типы системных отношений: 1) синонимические; 2) антонимические; 3) омонимические; 4) мотивационные.

Как известно, синонимия представляет собой лексико-семантическую организацию слов, которая базируется на интегральных и дифференциальных семах. Отсутствие связи с понятием у топонимов позволяет рассматривать данное явление в ином аспекте, с некоторой долей условности, а именно с позиции тождественности объектов, отличительные признаки которых коррелируют, вступая в синонимические отношения. Иначе говоря, сближение имен обусловлено их единым отношением к денотату, мотивировка номинации происходит по сходным признакам денотата.

Синонимия в своей прямой функции может анализироваться лишь на уровне апеллятивов, позволяющих увидеть индивидуализирующую семантику имени. В настоящее время существует однозначная позиция на явление ономастической синонимии. Так, А.В. Суперанская относит к данному явлению тождественность обозначение денотата, обусловленную социальным, стилистическим и собственно-ономастическим факторами, для чего вводит понятие «полионимия (многоименность)» [4, с. 300].

Как правило, явления синонимии проявляются среди топонимов, возникших в результате перцептивного восприятия объекта либо в результате непосредственного взаимодействия человека и объекта, т.е. общность сознания при номинации объектов на данных уровнях восприятия и идентичность свойств географических объектов являются главным критерием появления топонимических синонимов. Чаще всего такое варьирование лексем при номинации определенных признаков объекта базируется на привлечении диалектной лексики, которая является преимущественно результатом метафорического переноса наименования. Так, признак воды «непроточность» способствует развитию синонимических отношений в ряду: руч. Болотистый - Калтусный – Отстойный. В свою очередь, признак водного объекта «характер течения», а именно «неспокойный» отражен в названиях р. Яристая – Дикая; признак «ровная поверхность»: г. Лысая – Голая. Синонимия в данном случае возникает только в процессе использования топонима в речи, когда в сознании носителя языка на первое место выходит признак предмета, а вербализация этого признака не всегда соответствует тому названию, которое зафиксировано на географической карте.

Кроме того, можно отметить явление полионимии и на хронологическом уровне: в период переименования населенных пунктов в первые годы Советской власти: с. Монастырское – Калинино; п. Талманский – Александровский Завод; ст. Завитая – Первомайский; ст. Баронка – Приисковая; с. Ново-Павловское – Новопавловка. Подобные названия в лингвистической литературе обозначаются как номинативные дублеты.

Разнообразие причин возникновения топонимической многоименности свидетельствует о неоднородности этого явления и позволяет отметить отличительные черты названного явления.

1. Номинация одного и того же объекта может трансформироваться в зависимости от времени, т.е. хронологически (топонимы-переименования).
2. Явление полионимии может быть результатом «возрастного» фактора, при котором неофициальное наименование объекта отражает либо первоначальное владение объектом, либо более специфичный, дифференцирующий признак того или иного объекта.
3. Топонимы-синонимы, функционирующие в речи носителей языка, отражают прежде всего рефлексию на доминирующий признак объекта и являются «параллельными» названиями к закрепленному на карте топониму.
4. Топонимы, входящие в один синонимический ряд, не могут быть членами другого ряда.
5. Между топонимами одного ряда нет стилистических различий.
6. Названия одного синонимического ряда ограничены территориально, известны только в пределах одной административной единицы и функционируют преимущественно в речи носителей языка.
7. Основную функцию синонимов, функцию замещения, топонимы могут выполнять только при переименовании, если временные различия не препятствуют этому.

По мнению многих лингвистов, номинативный характер имен собственных при ослаблении их связи с понятием не допускает развитие в области топонимии антонимических отношений. Антонимия в системе топонимов предполагает объединение слов с противоположными значениями, где в основе семантического соотношения находится общий интегральный и дифференциальный признаки. В данном случае под антонимическими связями понимаются отношения противопоставления, заложенные в семантике конкретных имен собственных. Эти противопоставления могут иметь различный характер: географические особенности местности, специфику номинируемого объекта, необходимость различения нескольких географических объектов: рр. Левая Широкая – Правая Широкая; рр. Рассошина 1-я – Рассошина 2-я и т.п.). Следовательно, номинация объектов по доминирующему признаку на различных уровнях восприятия предполагает выделение оппозиций различного уровня: размер (Большой – Малый); форма (Узкий – Широкий); цвет (Белый – Черный); время (Старый – Новый) и т.д. По этому поводу Л.М. Дмитриева отмечает, что антонимические связи очень сильны, и даже если соотношение между объектами изменится, то на протяжении довольно продолжительного периода структура структура топонимов не подвергнется модификации [2, с. 31].

Кроме того, антонимические отношения не всегда могут быть представлены в виде явных оппозиций, мотивация антонимических связей может быть утрачена. Однако в таких случаях топонимы тяготеют к выражению антонимических связей, даже если сами объекты уже не имеют отношений противопоставления. В качестве примера можно привести существование топонимов рр. Ближняя Аمودовка, Средняя Аمودовка, при этом отсутствует топоним Дальняя Аمودовка.

Несмотря на относительное возникновение антонимических отношений между единицами апеллятивной лексики, лежащей в основе топонимов, говорить о существовании лингвистической антонимии в сфере географических названий нельзя. Можно говорить лишь о наличии в топонимическом пространстве семантических комплексов

сов топонимов, обозначающих пространственно соотносенные (смежные) объекты и объединенные различными видами семантической связи.

Омонимические отношения связывают топонимы, совпадающие в плане выражения, но не имеющие никаких языковых парадигматических связей с другими топонимами. Так, топонимы р. Сосновка, г. Сосновка, пос. Сосновка можно относить к омонимам, так как они относятся к разным объектам. Безусловно, исторически данные топонимы сводятся к имени нарицательному сосна, но в результате повторного ономастического использования слова, эти географические названия образуют самостоятельные лексические единицы. Причем надо отметить, что использование подобных названий на территории одного района, села вправе отнести к явлению топонимической метонимии, так как населенные пункты называются по реке, а река – по горе. Если же топонимы употребляются в разных районах, поселках, то здесь уже можно говорить о явлении омонимии. Омонимичные отношения часто подтверждаются топоконтекстами: «Солонцовых ручьев у нас по всему Забайкалью с сотню наберется». Основным критерием возникновения омонимичных отношений является номинация разных категорий географических объектов с обязательной удаленностью их местоположения друг от друга.

Мотивационные отношения – это системные отношения между названием, которое содержит производящую основу (первичный репрезентант), и топонимами, мотивированными этим названием. Мотивационные отношения возникают в названиях, образованных в результате определенного уровня восприятия и взаимодействия с объектом, имеющих одну топооснову, но различающиеся

топонимообразующим формантом. Так, в топонимических рядах типа р. Грязная – Грязнуха – Грязнушка; р. Черемуховая – Черемушка – Черемушная – Черемушковая – Черемушиная и т.д. варьирование названий формируется в зависимости от разных субъективных смыслов формантов: оценка, принадлежность и др. Причем это варьирование не влияет на семантику топонима в целом, а только лишь отражает субъективное отношение человека к объекту. Вербализация признака объекта (его мотивация) является основной целью номинации, а употребление того или иного форманта происходит исключительно на психологическом уровне.

Таким образом, наличие на исследуемой территории совокупности топонимов, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями, помогающими выполнению идентифицирующей и дифференцирующей функции топонимов, является одним из признаков существования на территории Забайкальского края русской топонимической системы.

Литература

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. – М., 2007. – 600 с.
2. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). – Барнаул, 2002.
3. Карпенко Ю.А. Топонимия Буковины: Автореф. Дисс. На соискание ... докт. Филол. Наук. – Киев, 1967. – 30 с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 2007. – 368 с.

КОНЦЕПТ «SPIRITUAL» В РОМАНЕ Т. ДРАЙЗЕРА «СТОИК»

Фомина Екатерина Михайловна

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

Роман Т. Драйзера «Стоик» - заключительная часть «Трилогии желаний», изданная в 1947 году. Действие происходит в Лондоне, где главный герой, Фрэнк Каупервуд, продолжает успешно вести профессиональные дела. В результате философского переосмысления жизни он начинает осознавать ничтожность человеческих стремлений и обратную сторону успеха, в связи с чем на первый план выходят духовные ценности, и в романе возникает тема веры. Кроме того, в жизни Фрэнка появляется ангел-хранитель и духовный советник в лице любимой женщины, Беренис Флеминг.

Цель исследования – на примере ключевых слов романа «Стоик» раскрыть значимость стоящего за ними ментального концепта «Spiritual» для художественного мира романа.

Статистический анализ ключевых слов романа проведен с помощью программы фрагментатор. Основными критериями отбора являлись частотность (исключая служебные части речи), а также принадлежность лексических единиц к единому семантическому полю с другими лексическими единицами из полученного списка (с учетом словарной и контекстуальной синонимии).

Концепт «Spiritual» (693 слов из общего количества ключевых слов романа «Стоик» 127022) представлен в романе следующими ключевыми словами: существительными и прилагательными о жизни и смерти - life

(167), death (40), tomb (30), fatal (11), dead (8), casket (8), alive (7), grave (6), burial (6), buried (6); существительными, связанными с темой болезни, которая заставляет главного героя обратить свои взоры к Богу - doctor/ DR. (112), hospital (28), illness (19), disease (15), health (14), pain (11), aid (9), medicine (3), drug (3); а также слов религиозной тематики – God (34), Guru (17), soul (16), spiritual (16), spirit (15), faith/ faithful (14), cathedral (14), religious (13), church (10), meditate (9), sensual (7), divine (7), yoga (6), holy (5), religion (4), Hindu (3).

С одной стороны, жизнь Фрэнка Каупервуда в последние его годы можно назвать счастливой, ведь именно в это время он встретил свою самую сильную любовь, Беренис Флеминг, которая стала его идеалом женской красоты, молодости, и одновременно внутренней силы и мудрости: «At the same time, he had always held the thought that somewhere he might well meet a woman so superior that in spite of himself he might be held, not to absolute faithfulness — he was never willing to count upon that in regard to himself — but rather to a genuine union of understanding and affection» [1, с. 2] («он всю жизнь мечтал встретить такую женщину, которая сумела бы привязать его к себе — конечно, не в том смысле, чтобы заставить его хранить полную верность, об этом он даже и думать не хотел, — но чтобы это была настоящая сердечная привязанность, духовная близость и взаимопонимание» [2, с. 2]); «True, he

had told Berenice in the fever of his zest for her, and almost continuously since, that she was the supreme aspect of his existence» [1, с. 91] («он говорил Беренис в дни своего наивысшего увлечения ею, да и не раз потом, что в ней он обрел все, о чем мечтал годами, — всю свою долгую жизнь» [2, с. 115]).

Однако, с другой стороны, именно с появлением в его жизни такого искреннего и верующего человека, как Беренис, Фрэнк понял, насколько тщетно он прожил свою жизнь, гоняясь за славой и деньгами: «It was love that made life, certainly not wealth alone» [1, с. 8] («Жизнь — это любовь, а не только деньги и деньги!» [2, с. 8]); «Oh, life, loneliness, age, its futility, and the flight of all that had been worth while!» [1, с. 18] («Старость! Пустая жизнь, из которой безвозвратно ушло все, что когда-то ее наполняло и красило!» [2, с. 24]).

Тема жизни и смерти лейтмотивом проходит по страницам романа «Стоик». Каупервудом была прожита насыщенная, яркая жизнь, полная удовольствий, достатка и успеха. Однако перед лицом смерти он осознает бессмысленность своего существования, лишённого настоящих чувств и душевной чистоты: «Death! Probably no more than a year to live! An end to all of his creative labors!» [1, с. 122] («Смерть! Очевидно, не больше года жизни! И конец всем его усилиям и стремлениям!» [2, с. 152]); «for the first time in his almost uniformly healthy life, he was faced with news of a probably fatal disease» [1, с. 152] («впервые за всю свою жизнь он, человек с цветущим здоровьем, оказался во власти недуга, быть, может, рокового» [2, с. 152]); «Death! Death! There it was—irresistible and bleak in the face of all of them!» [1, с. 142] («Смерть! Смерть! Вот она перед ними — неотвратимая и суровая!» [2, с. 173]).

Будучи сильной личностью, Каупервуд не предаётся печальным мыслям, благодаря судьбу за то, что она позволила ему познать материальное благополучие, грандиозный успех на работе, и встретить истинную любовь: «After all, the world had done more for him than for most, and the least he could do was to be grateful, and he was» [1, с. 121] («жизнь была к нему гораздо щедрее, чем ко многим другим, не следует быть неблагодарным! И он благодарен» [2, с. 149]); «He had lived a full life and would continue to do so whatever happened» [1, с. 58] («он никогда не робел, не пасовал перед жизнью, — будем же поступать так и впредь, что бы ни случилось» [2, с. 74]).

Будучи глубоко верующим человеком, Беренис вдохновила Каупервуда вновь поверить в свои силы и помощь свыше: «she is the kind of woman who is naturally and entirely faithful in her heart» [1, с. 73] («Она из той породы женщин, которые хранят вечную привязанность» [2, с. 11]), «the essential thing that Berenice achieved for Cowperwood at the time of his defeat was to renew his faith in the unexpected» [1, с. 12] («Как много сделала Беренис для Каупервуда, явившись к нему в момент его поражения, можно судить по тому, что она возродила в нем веру в неожиданное» [2, с. 4]).

Раньше он считал, что в Бога верят лишь слабые люди, которым нужно на кого-то рассчитывать в тяжелые моменты их жизни: «In fact, wars, vanities, pretenses, cruelties, greeds, lusts, murder, spelled their true history, with only the weak running to a mythical god for aid. And the strong using this belief in a god to further the conquest of the weak» [1, с. 93] («Подлинная история человечества — это, в сущности, войны, корыстолюбие, тщеславие, жестокость, алчность, пороки, и только слабые придумывают себе какого-то бога, спасителя, к которому они взывают о помощи. А

сильные пользуются этой верой в бога, чтобы поработать слабым» [2, с. 93]).

Беренис помогла ему поверить в то, что добрые дела и честный труд дают человеку шанс искупить свои грехи перед Богом: «You see, God protects the honest and the industrious» [1, с. 152] («бог бережет честных и трудолюбивых» [2, с. 179]).

Единственное, что Фрэнк знал наверняка — что зло, которое он причинил людям за свою жизнь, никогда не забудется, и что мало кто будет жалеть о его смерти: «Which thought caused Cowperwood to question the likelihood of flowers being strewn over his own grave, even a year after his death — an idea which amused more than it irritated him, for he well knew there were few graves anywhere, earnest labors or no earnest labors, strewn with flowers after so many years» [1, с. 121] («Каупервуд подумал, что даже спустя год после его смерти вряд ли его могила будет усыпана цветами. Эта мысль не столько раздосадовала, сколько позабавила его: он прекрасно знал, что, как бы человек ни трудился при жизни — хорошо или плохо, — не много на свете таких людей, чьи могилы осыпают цветами через десятки лет после их смерти» [2, с. 150]).

Фрэнк понимает, что вера подпитывает человека и делает его душу бессмертной: «using this belief in a God to further the conquest of the weak» [1, с. 212] («А сильные пользуются этой верой в бога, чтобы поработать слабым» [2, с. 212]), «Hinduism accepts the belief in many divine reincarnations» [1, с. 420] («Индуизм приемлет и признает многие воплощения бога» [2, с. 464]), «Death is but an aspect of life, and the destruction of one material form is but a prelude to the building up of another» [1, с. 265] («Смерть — это лишь одно из проявлений жизни, и уничтожение одной материальной формы — только прелюдия к возникновению другой» [2, с. 191]).

Однако наряду с философскими размышлениями о религии Фрэнка постоянно мучают мысли о скором конце, что подтверждается появлением в тексте слова «могила» 29 раз. Он начинает понимать, что после его кончины не останется ничего, кроме могилы и воспоминаний («nothing is left but a tomb and memories» [1, с. 472] («Да, не осталось ничего, кроме могилы и воспоминаний» [2, с. 195]).

Беренис же, в свою очередь, после кончины своего возлюбленного, еще глубже ушла в религию, уехав в Индию, чтобы познавать духовные тайны благодаря своему гуру: «Do not be frightened,” said the Guru» [1, с. 155] («Не бойся, — сказал гуру» [2, с. 187]); «There death was considered but a phase of life, and the destruction of one material form but a prelude to the building up of another» [1, с. 165] («на смерть смотрят лишь как на продолжение жизни, а в распаде одной материальной формы видят переход к возникновению другой» [2, с. 197]).

Таким образом, третья часть «Трилогии желания» пронизана философскими мыслями главных героев о смысле жизни и страхе перед смертью, об отношении к Богу и обретении себя. И концепт «Spiritual» является ключевым для понимания душевного состояния Фрэнка Каупервуда на закате его дней.

Литература

1. Dreiser T. The Stoic СПб.: КАРО. 2009. 512 p.
2. Драйзер Т. Стоик / Пер. с англ. М. Волосова. М.: ЭКСМО. 2010. 308 с.

КОНЦЕПЦИЯ СЫТОГО И ГОЛОДНОГО БУНТА В ПОВЕСТИ АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ «ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ»

Фролов Алексей Владимирович

аспирант кафедры русской, зарубежной литературы и журналистики Брянского Государственного Университета им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Творчество Аркадия и Бориса Стругацких современными исследователями справедливо относится к ряду наиболее значимых литературных явлений не только русской, но и мировой художественной литературы XX века. Их романы и повести стоят в одном ряду с трудами Герберта Уэллса, Рея Бредбери, Станислава Лема и других классиков зарубежной фантастической прозы. При этом большинство произведений этих во многом самобытных авторов затрагивает целый спектр фундаментальных социально-философских вопросов. В этом отношении особый интерес представляет повесть «Град обреченный», описывающая уникальную научно-фантастическую реальность, в которую авторы осторожно и умело вплели целый ряд действительно важных проблем. Важных в том числе и для нас – людей, живущих в современной России.

В повести Аркадия и Бориса Стругацких «Град обреченный» в числе прочих достаточно полно и широко раскрывается тема бунта, но не только бунта личностного (этот вопрос затрагивается авторами во многих других произведениях, в частности – в повести «Улитка на склоне»), а бунта народного, стихийного. Авторы демонстрируют читателю всю глубинную сущность этого явления, его механику и социальную подоплеку, при этом нужно отметить, что тема народного восстания, на наш взгляд, не является в произведении ключевой, поэтому ей отведена сравнительно небольшая часть текста, как в идейном, так и в методологическом плане.

Впервые образ народного бунта, еще достаточно смутный, но вполне уже вполне осязаемый возникает в первой главе повести. Здесь главный герой повествования – Андрей Воронин – работает мусорщиком, это крайне важный аспект, потому что все идейные и сюжетные мотивы произведения читатель воспринимает с точки зрения этого персонажа, сквозь призму его мировоззрения и восприятия, которое вполне очевидно в определенной мере отражает взгляды авторов, но может далеко не всегда совпадать с мнением читателя. Итак, в тот момент, когда Воронин работает мусорщиком, то есть фактически находится на низшей ступени социальной лестницы, в Городе происходит нашествие павианов.

Разумеется, герой воспринимает это, как часть глобального Эксперимента, которому здесь подчиняется все («Эксперимент есть эксперимент» [2, 30] говорит Андрей). Однако здесь уже вполне явно ощущается тема бунта народного, абсолютно хаотичного и неуправляемого. Того самого, о котором принято говорить «бессмысленный и беспощадный». Ведь никто не знает, откуда взялись павианы и почему они так агрессивны. Даже Наставник, вроде бы откровенно «всезнающий» персонаж, не может ответить на вопросы Андрея:

«... Скажите, зачем все это? Обезьяны! Откуда они? Что они должны доказать?»

Наставник вздохнул и слез с подоконника.

- Вы опять задаете мне вопросы, Андрей, на которые...
- Нет! Я все понимаю! – проникновенно сказал Андрей, прижимая руки к груди. – Я только...
- Подождите. Вы опять задаете мне вопросы, на которые я просто не умею ответить» [2, 29].

С другой стороны, сложно сказать, действительно ли Наставник не знает ответа на эти вопросы, но в данном случае это не имеет фундаментального значения. Важно то, что в указанном эпизоде Стругацкие, на наш взгляд, подготавливают читателя ко вполне определенному, скажем так, детализированному бунту, который мы увидим позже, в третьей главе повести. Сейчас мы воспринимаем события с точки зрения человека абсолютно не осведомленного, не имеющего никакой реальной информации о происходящем. Андрей – мусорщик, возможно наименее значительный винтик огромного социального механизма Города. Он, как принято говорить, рядовой гражданин. Ему страшно: «Андрей не выдержал. Он нырнул в кабину, вжался в самый дальний угол и выставил перед собой мониторку, обмирая, как в кошмаре. Он абсолютно ничего не соображал, и когда какое-то темное тело заслонило открытую дверь, он заорал, не слыша собственного голоса, и принялся тыкать железом в мягкое, страшное, сопротивляющееся, лезущее на него...» [2, 21]. Ему мерзко: «У Андрея подступило к горлу, и он отвернулся» [2, 35]. Он попросту не понимает, что нужно делать.

В этом эпизоде мы видим бунт с точки зрения абсолютно обычных людей, не имеющих никакого отношения ни к каким государственным переворотам и революциям, среднестатистических граждан. И это действительно страшно: «Кто-то, обхватив руками голову, спрятав голову между сжатыми локтями, продолжая панически визжать, пронесся мимо Андрея, поскользнулся в колею, упал, снова вскочил и изо всех сил побежал дальше, по направлению к городу. Кто-то, хрипло дыша, втиснулся между радиатором Андреева грузовика и кузовом передней машины, застрял там, принялся рваться и тоже заорал не своим голосом. Стало вдруг тише, только ворчали двигатели, и тут хлестко, словно удары бича, звонко защелкали выстрелы...» [2, 21] «Из тьмы вдруг вынырнуло какое-то залитое черным и блестящим лицо, чьи-то руки схватили Андрея за плечи, встряхнули, как щенка, сунули боком в кабину, и тут же передний грузовик сдал назад и с хрустом врезался в радиатор, а грузовик сзади дернулся вперед и ударил в кузов, как в бубен, так, что там загремели потревоженные баки, а Изя дергал за плечо и приставал: «Ты машину водить умеешь или нет? Андрей? Умеешь?», а из сизого дыма кто-то вопил истошно: «Убили! Спасите!» [2, 22]

Иными словами, с точки зрения Воронина-Мусорщика все это действительно в высшей степени бессмысленно и в не меньшей мере беспощадно. Дальнейшее развертывание темы народного бунта мы наблюдаем в третьей главе, где Андрей выступает в роли главного редактора одной из городских газет, а Фриц Гейгер, его близкий друг, готовит государственный переворот.

Здесь Андрей уже не рядовой гражданин, а человек, которому по долгу службы необходимо разбираться во многих аспектах жизни Города, в том числе и в политике. Поэтому в данной главе мы видим народный бунт уже с несколько иной точки зрения. Воронин не просто воспринимает происходящие, он анализирует события и делает выводы: «Андрей сгреб всю эту кучу бумаги, скатал в ком

и зашвырнул в угол. Все это казалось нереальным. Реальной была тьма, двенадцатый день стоявшая над Городом, реальностью были очереди перед хлебными магазинами, реальностью был этот зловещий стук расхлябанных колес под окнами, вспыхивающие в темноте красные огоньки сигарок, глухое металлическое позвякивание под брезентом в деревенских колымагах. Реальностью была стрельба, хотя до сих пор никто толком не знал, кто и в кого стреляет...» [2, 193] И Воронин сам отлично понимает причину нарастающих народных волнений, он отчетливо видит эту благодатную почву, в которую упали «зерна», щедро разбрасываемые пропагандистской машиной Фрица Гейгера, он думает: «Скорее бы все это разваливалось уже к чертовой матери, что ли... Надоело небо коптить, и шли бы они в глубокую задницу со своими экспериментами, наставниками, эрвистами, мэрами, фермерами, зерном этим вонючим... Тоже мне, экспериментаторы великие — солнечного света обеспечить не могут» [2, 194]. И это уже действительно похоже на настроение народных масс во время бунта — люди в Городе устали, люди хотят перемены и определенности.

Здесь Андрей больше не боится, как во время встречи с павианами в первой главе повести, не боится потому, что больше не является сторонним наблюдателем. Он трезво оценивает обстановку и ощущает, что конфликт вот-вот войдет в свою финальную фазу: «Старательно подавляя в себе нарастающее чувство тревоги и какой-то ирреальности окружающего — все было, как в кино, — Андрей добрался до площади» [2, 204]. И все становится ясно в тот момент, когда Андрей встречает своего знакомого фермера — дядю Юру, бывшего военного, ветерана Великой Отечественной войны:

«— Подожди, дядя Юра, — сказал Андрей. — Ты-то чего сюда приперся?»

— Права качать! — ухмыльнулся дядя Юра. Борода его раздвинулась венником. — Исключительно для этой цели сюда прибыл, но ничего у нас тут, видно, не получится. — Он сплюнул и растер огромным сапожищем. — Народ — вша. Сами не знают, чего пришли. То ли просить пришли, то ли требовать пришли, а может, не то и не другое, а просто по городской жизни соскучились — постоим здесь, засрем ваш город, да и назад, по домам. Говно народ. Вот...» [2, 205-206]

То есть мы вновь видим мотив бессмысленности и беспощадности народного бунта, ведь в данном конкретном случае даже его участники толком не могут определить причины происходящих событий и стоящие перед ними цели. Очевидно, здесь Стругацкие говорят о том, что люди (народные массы) по факту являются всего лишь пешками в большой политической игре, а игроки — это люди, подобные Фрицу Гейгеру, которые точно знают, чего хотят и не боятся бросать в жернова революции тысячи своих последователей: «Толпа дико взревела, и Андрей завопил вместе со всеми. Творилось что-то невообразимое. Летели в воздух шапки, люди обнимались, плакали, кто-то принялся палить в воздух, кто-то в диком восторге швырял кирпичами в прожектора, а Фриц Гейгер, возвышаясь над всем этим, как господь Бог, сказавший «да будет свет», длинной черной рукой указывал на солнце, выкатив глаза и гордо задрал подбородок. Потом голос его снова возник над толпой» [2, 230].

Следующий эпизод, связанный с мотивом народного бунта, переносит нас в четвертую главу, столовую, где глава нового правительства Фриц Гейгер (конечно, его революция удалась) и его советники — Изя Кацман и Андрей Воронин — обсуждают внутреннюю политику Города. Поводом для обсуждения послужило самоубийство

их общего друга — японца Кэнси. Гейгер и Воронин, считая себя добропорядочными правителями, которые трудятся на благо своего народа, принципиально не понимают поступка Кэнси, а Кацман отлично все осознает и, очевидно, в данном эпизоде его устами говорят сами Стругацкие:

— Хорошо, хорошо, — сказал Гейгер. —...Ты полагаешь, значит, самоубийства будут, какую бы политику мы не проводили?

— Они будут именно потому, что вы проводите вполне определенную политику! — сказал Изя. — И чем дальше, тем больше, потому что вы отнимаете у людей заботу о хлебе насущном и ничего не даете им взамен. Людям становится тошно и скучно. Поэтому будут самоубийства, наркомания, сексуальные революции, дурацкие бунты из-за выеденного яйца...

— Да что ты несешь! — сказал Андрей с сердцем. — ...Ты подумай, что у тебя получается!..

— Это не у меня получается, — сказал Изя, протягивая через весь стол искалеченную руку, чтобы взять кастрюльку с соусом. — Это у тебя получается. А вот то, что вы взамен ничего не сможете дать, это факт. Великие стройки ваши — чушь. Эксперимент над экспериментаторами — бред, всем на это наплевать... Просто таково положение вещей. Такова судьба любого народника — рядится ли он в тогу технократа-благодетеля, или он тщится утвердить в народе некие идеалы, без которых, по его мнению, народ жить не может... Две стороны одного медяка — орел или решка. В итоге — либо голодный бунт, либо сытый бунт — выбирайте по вкусу. Вы выбрали сытый бунт» [2, 288-289].

На наш взгляд данный эпизод — апофеоз авторской мысли в отношении сущности народного бунта. Механизм этого явления был рассмотрен в двух предыдущих эпизодах, но здесь слова Кацмана раскрывают нам нечто большее, простую, но вместе с тем ужасную мысль: бунты будут всегда, потому что это — естественный процесс. Если у людей ничего нет — они бунтуют, чтобы им что-то дали. Если у людей есть все — они бунтуют... от скуки, как бы пугающе это не звучало. Дальше Изя продолжает развивать свою мысль в ином ключе: «Пусть недовольные составляют только один процент. Если в Городе миллион человек — значит, десять тысяч недовольных. Пусть даже десятая процента — тысяча недовольных. Как начнет эта тысяча шуметь под окнами!.. А потом, заметьте, вполне довольных ведь не бывает. Это только вполне недовольные бывают. А так ведь каждому чего-нибудь да не хватает. Всем он, понимаешь, доволен, а вот автомобиля у него нет. Почему? Он, понимаешь, на Земле привык к автомобилю, а здесь у него нет и, главное, не предвидится... Представляете, сколько таких в Городе?» [2, 289]

Доводы Кацмана разумны, логичны и абсолютно закономерны. У Андрея, резко сменившего пост редактора на кресло первого советника, на этот счет свои мысли, мысли если уж не тирана, то жестокого автократа: «Быдло есть быдло. Конечно, оно будет бунтовать, на то мы и Румера держим» [2, 289]. Румер, конечно, начальник местной «охранки».

Далее в повести «Град обреченный» мы встречаем еще один эпизод, в котором поднимается тема бунта, но уже — косвенно. Это момент дезертирства солдат из экспедиции, которую возглавляет Воронин. Причины дезертирства однозначны, их озвучивает сержант Фогель:

«— Люди не хотят идти дальше, — произнес он вполголоса.

Андрей откинулся на спинку стула. Так. Вот, значит, до чего дожили... Прелестно... Поздравляю, господин советник...

- Что значит – не хотят? – сказал он. – Кто их спрашивает?
- Измотаны, господин советник, – сказал Фогель доверительно. – Курево кончается, поносы замучили. А главное – бояться. Страшно, господин советник» [2, 333-334]

Суть этого бунта, солдатского, вполне ясна – люди голодные, их терзает страх перед неопределенностью. По классификации Стругацких это голодный бунт, тогда как революцию Гейгера вполне можно назвать сытым бунтом, ведь на тот момент в Городе все находилось в относительном порядке, сам Гейгер был политическим деятелем и, мягко говоря, от голода не страдал, а «отключение солнца» стало лишь поводом, сыгравшим на руку его амбициозным планам.

Таким образом, в повести «Град обреченный» братьев Стругацких вполне отчетливо проступает мотив

народного бунта, причем авторы описывают его именно как бессмысленный и беспощадный, а главное – закономерный процесс. Стругацкие через призму восприятия главного героя – Андрея Воронина – доносят до нас мысль о том, что все это действительно страшно и жестоко. В тоже время устами Изи Кацмана писатели говорят, что это будет всегда, вне зависимости от обстоятельств и чьих-то желаний. Фактически они вводят понятия «сытого бунта» и «голодного бунта». Первый, как это ни парадоксально, происходит от банальной скуки, когда люди имеют достаточно высокий уровень жизни, второй – в результате того, что ключевые потребности народа оказываются неудовлетворенными. Какой бунт при этом страшнее – вопрос риторический.

Список литературы

1. Володихин Д.М., Прашкевич Г.М. Братья Стругацкие. – М.: Молодая Гвардия, 2012 – 350 с.
2. Стругацкий А., Стругацкий Б. Град обреченный. – М.: АСТ, Астрель, 2010. – 460 с.

П. АГБАБИ «ЖЕНЩИНА БАФА» (ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Ганин Владимир Николаевич

Докт. филол. наук, профессор кафедры всемирной литературы, г. Москва

Одной из характерных черт современной литературы, испытавшей влияние постмодернистской поэтики, становится ее интертекстуальность. Мир воспринимается постмодернистами как текст или повествование. «Ничего не существует вне текста», – заявил один из основоположников постмодернизма Жак Деррида [1, с. 178]. Поэтому и художественное произведение, с точки зрения представителей этого направления, не воспроизводит реальный мир, а лишь отсылает к другим текстам. В подобных обстоятельствах одной из эффективных методов изучения художественного произведения, во всей полноте, раскрывающей систему заложенных в ней смыслов, становится интертекстуальный анализ. Для того, чтобы проверить его возможности на практике, обратимся к одному из стихотворений британской поэтессы Агбаби, в творчестве которой явно сказывается влияние постмодернистской культуры.

Пейшенс Агбаби (Patience Agbabi, род. 1965) в полный голос заявила о себе как поэтесса во второй половине 90-х годов. В настоящее время она является обладателем нескольких престижных литературных премий и избрана поэтом-лауреатом города Кентерберии. Ее родители переехали в Англию из Нигерии. Вскоре после рождения девочку удочерила семья англичан. Детство и юность будущей поэтессы прошли в Суссексе и Северном Уэльсе. Приемные родители позволяли Пейшенс свободно общаться с биологическими родителями, поэтому она называет себя «человеком двух культур».

Литературой она увлеклась очень рано, и одним из любимых ее авторов в школьные годы стал Джеффри Чосер. Этот интерес к классической литературе повлиял и на ее собственную поэзию. Агбаби любит экспериментировать с традиционными жанрами, вдохнуть новую жизнь в классические тексты. В 2014 году она выпустила сборник *Telling Tales*, в котором переложила на современный язык и дала современную интерпретацию «Кентерберийским

рассказам» своего любимого Чосера. Некоторые литературные обозреватели назвали это издание «ремиксом “Кентерберийских рассказов”».

Впрочем, сборник *Telling Tales* не был первой попыткой Агбаби переосмыслить чосеровский текст. В свою вторую книгу *Transformatrix* (2000) она включила стихотворение *The Wife of Bafa*, уже название которого заставляет вспомнить Батскую ткачиху (*Wife of Bath*) из «Кентерберийских рассказов». В черновом варианте стихотворение носило название *The Wife of Bongoko*, но очевидно поэтессе было важно, чтобы у читателя сразу же возникли ассоциации с известным произведением. Соучастие читателя, его вовлеченность в процесс раскрытия смысла текста имеет принципиальное значение для литературы постмодернизма, и интертекст (особенно эксплицитный) оказывает действенную помощь в достижении этой цели. Как заметила французская исследовательница Н. Пьеге-Гро: «В случае пародии, стилизации и аллюзии читатель неизбежно превращается в участника текстовой игры. Любая аллюзия – это своего рода игровой прием, когда можно сказать многое, ничего не говоря, донести свою мысль посредством иносказаний, однако эта игра требует пронизательности от адресата текста. Искажение великих образцов или великих произведений литературы также преследует цель вызвать улыбку у сведущего читателя. Пародия предполагает, что деформированный текст будет узнан, ставка при этом делается на поддержание постоянного напряжения между ощущением тождества двух текстов и одновременным осознанием различия между ними. Именно из такого напряжения и рождается удовольствие от текста» [2, с. 145].

В книге Чосера вторая часть словосочетания *Wife of Bath* указывает место (город Бат), откуда прибыла героиня. У Агбаби же вторая часть обозначает фамилию персонажа – для автора здесь важнее схожесть звучания, чем значения, так как это позволяет быстрее запустить механизм узнавания читателем исходного текста. Но, тем не

менее, чтобы восстановить равновесие героиня Агбаби уже во второй строке отмечает, откуда она:

My nave is Mrs Alice Ebi Bafa
I come from Nigeria [3, p. 21].

Упоминание об африканской стране должно сократить дистанцию между «женщиной Бафа» и «женщиной из Бата», так как уклад жизни в Нигерии еще во многих отношениях близок к средневековому.

Однако Алис далее гордо заявляет, что она «бизнесвумен»:

I am very fine, isn't it.
My next birthday I'll be... twenty nine.
I'm business woman [3, p. 21].

Словосочетание *business woman* встречается и в «Общем прологе» у Чосера, когда он представляет Батскую ткачиху среди прочих паломников:

There was a business woman, from near Bath [4, p. 12]...

Однако оно имеется лишь в переводе на современный английский язык, в книге самого Чосера оно не используется:

A good Wif was ther of beside Bath [5, p. 33]...

Выражение *A good Wif* имело значение «хозяйка дома» во времена создания «Кентерберийских рассказов». Переводчик на современный английский хотел подчеркнуть, что паломница из Бата не вела праздный образ жизни, а занималась ремеслом. Героиня Агбаби называет себя *business woman*, чтобы придать себе большую значительность, чем есть на самом деле. С этой же целью она упоминает, что путешествовала первым классом. Сигналом, который предупреждает, что не следует безоглядно доверять миссис Бафа, становится пауза, возникающая прежде, чем она называет свой возраст. Эта пауза заставляет подозревать, что героине явно не двадцать девять лет, а гораздо больше. Да и бизнесом ее, как становится понятно дальше, является мелкая торговля, вероятно уличная. И всякая претензия на респектабельность улетучивается в концовке стихотворения, где «женщина Бафа», уже унижаясь, упрашивает купить у нее хоть что-то:

I give you discount 'cause I like your smile.
The quality is very good.
If I take off more I will not make profit
And I travel to Lagos next week.
Make it my lucky day.
Please, I beg you [3, p. 22].

Батская ткачиха не стремится пустить пыль в глаза и занять в глазах окружающих более высокое положение, чем-то было в реальности. В средние века это было гораздо сложнее. О положении человека судили не по словам, а по другим приметам. Поэтому прежде, чем Батская ткачиха заговорила сама, ее описывает автор:

So skilled a clothmaker, that she outdistanced
Even the weavers of Ypres and Ghent.
[...]

Her headkerchiefs were of the finest weave,
Ten pounds and more they weighed, I do believe,
Those that she wore on Sundays on her head.
Her stockings were of finest scarlet red,
Very tightly laced; shoes pliable and new.
Bold was her face, and handsome; florid too.
She had been respectable all her life,
And five times married, that's to say in church,
Not counting other loves she'd had in youth [4, p. 12]...

Рассказчик отмечает, что в своем ремесле ткачиха достигла большего мастерства и превзошла ткачей из Гента и Ипра, которые считались лучшими производителями тканей на континенте. Далее следует описание

одежды, которое свидетельствует о ее преуспевании и обеспеченности. Автор даже использует по отношению к своей героине определение *respectable*, правда, последующая информация о том, что ткачиха пять раз выходила замуж и имела бесчисленное количество любовников в молодости, заставляет воспринимать с иронией эту похвалу.

Интертекст в данном случае помогает лучше осознать, насколько в современной жизни позиция, оценка, репутация зависят не от объективных качеств предмета, явления или человека, а от внешних факторов: рекламы, пиара, красноречия. Впрочем, интертекст побуждает читателя более внимательно присмотреться к исходному тексту. Такой новый взгляд позволяет заметить, что трещина между казаться и быть наметилась уже в ту эпоху. Ирония Чосера как раз акцентирует на ней внимание. Очень часто он перечисляет достоинства персонажа, но приводимые далее факты вступают с этой характеристикой в противоречие. Например, Батскую ткачиху он называет «почтенной» (*respectable*), но далее говорит о ее пяти браках и многочисленных любовниках, что никак не вяжется с эпитетом «почтенная».

Соотнесение стихотворения Агбаби с текстом «Кентерберийских рассказов» также позволяет увидеть различия в жизненных ценностях ее героини и Батской ткачихи. Для миссис Бафа, как и для многих западных женщин, большое значение имеет карьера, которая зачастую и определяет их положение в обществе. Потому начало стихотворения Агбаби, и его финальная часть посвящены профессиональной деятельности ее героини. Батская ткачиха о своей работе не упоминает совсем. Главный ее жизненный интерес связан с любовными утехами. Она приводит многочисленные ссылки на различные авторитетные источники, в том числе и на Библию, чтобы доказать их законность и необходимость для человека. Она готова была удовлетвориться тем, что мог дать в этой сфере брачный союз, но трое мужей оказались слишком старыми, чтобы соответствовать ее плотским аппетитам, и потому ей приходилось искать любовников на стороне. Однако из рассказа Батской ткачихи можно понять, что она с должным уважением относилась ко всем супругам и не сожалеет ни об одном из браков:

Thanks be to God, I've had no less than five
Husbands at the church door – if one may believe
I could be wed so often legally!
And each a man of standing, in his way [4, p. 219].

У миссис Бафа в отношении к браку опять же чувствуется влияние западной культуры с некоторой долей феминистской идеологии. Рассказ о своей семейной жизни она начинает с упоминания об отце:

My father had four wives
So I had five husbands [3, p. 22].

В этих строках слышится и вызов, и разрыв с традицией, которая допускает многоженство и определяет зависимое положение женщины. Каждый ее брачный союз также можно трактовать как вызов мужчине. Трех мужей, которые были старше ее, она довела до истощения и смерти «любовными упражнениями». Для нее такой финал служит доказательством ее превосходства над мужчинами. Когда пятый муж попытался прибегнуть к физическому насилию, героиня стихотворения дала ему достойный отпор:

He turned into wife batterer.
He was to regret his action.
I beat him till he begged for his ancestor [3, p. 22].

Ничего подобного нет у Чосера: Батская ткачиха первой дает оплеуху пятому мужу, который значительно

моложе ее, но в ответ получает такую трепку, что теряет сознание.

Различаются взгляды героинь и на такой важный аспект семейной жизни как деторождение. Мы не знаем, если у Батской ткачихи дети, она ни разу не упоминает о них, вполне вероятно, что она бесплодна. Однако она признает, что Бог создал человека способным к размножению, и она придает этой функции человеческой природы очень большое значение. Хотя из ее же слов становится очевидно, что ее больше интересует процесс, предшествующий деторождению, чем результат.

Миссис Бафа бездетна, и она допускает, что некоторые из соплеменников подозревают ее в колдовстве из-за этого. Но на самом деле причина кроется в достижениях западной медицины, которые позволяют избежать нежелательной беременности:

Some say I'm a witchcraft
'cause I did not bear them children.

They do not understand the Western medicine [3, p. 22].

Опять же в этом просматривается стремление героини Агбаби ориентироваться на систему ценностей, сформированную западной культурой.

Таким образом, смысл стихотворения *The wife of Bafa* в полной мере раскрывается лишь в сопоставлении с соответствующим отрывком из «Кентерберийских рассказов». Без обращения к чосеровскому тексту некоторые моменты произведения Агбаби могут остаться темными для

современного читателя. Например, миссис Бафа горделиво заявляет:

I cast a spell with my gap-tooth smile [3, p. 22]....

У Чосера в «Общем прологе» в портрете Батской ткачихи также отмечается эта деталь:

For she was gap-toothed, if you take my meaning [4, p. 13].

Позднее сама героиня упоминает эту особенность своей внешности и объясняет ее как знак богини любви Венеры. Комментарий же к этому эпизоду поясняет, что редкость в средние века считалась признаком похотливости.

Список литературы

1. Деррида Ж. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М., 1995. № 5. – с. 170 – 189.
2. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. Agbabi P. *Wife of Bafa* // *Identity Parade*. New British and Irish Poets. Taret: Bloodaxe Books, 2010. – 384 p.
4. Chaucer G. *The Canterbury Tales*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1985. – 482 p.
5. Chaucer G. *The Wife of Bath's Prologue and Tale*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. – 138 p.

ОБ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Гасанова С.Х.,

к.ф.н., доцент, каф. ТОиГНАО ФНК ДПУ

Мир, в котором мы живем, можно назвать миром имен и названий. Ведь практически каждый реальный объект, да и вымышленный тоже имеет или может иметь свое собственное наименование. При этом одни названия настолько древние, что их воспринимают как возникшие сами собой, поскольку неизвестен их автор, а иногда даже и народ, языку которого это слово принадлежало. История таких имен скрыта от нас завесой времени. Этим, в частности, отличаются названия некоторых рек, морей, гор, звезд. Напротив, существуют другие имена и названия, дата рождения которых установлена точно или даже широко известна, которые связаны с чьим-то известным историческим лицом или с какими-то событиями, или с какими-либо природными условиями.

Имена собственные становятся объектом пристального внимания филологов-лингвистов и литературоведов. Происходит это потому, что любое наименование, любое имя собственное - это слово. И как слово входит в систему языка, образуется по законам языка, по определенным правилам реализуется в речи и подвергается возможным изменениям в дальнейшем. Оно живет в разных формах речевой деятельности человека - устноречевой, разговорной, письменно-официальной, письменно-научной и др. Одной из таких форм, одной из живых имен и названий или же дающих им жизнь, являются произведения художественной литературы.

Академик В.В.Виноградов отмечал: "Вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и

стилях, об их образцах, характеристических функциях и т.п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы". В самом деле, имена и названия являются неотъемлемым элементом формы художественного произведения, слагаемым стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Они могут нести ярко выраженную смысловую нагрузку, и обладать скрытым ассоциативным фоном, и иметь особый звуковой облик; имена и названия способны передавать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху, к которой относится действие романа, повести, рассказа, обладать социальной характеристикой.

В рассказах и повестях, романах и новеллах живут, работают, творят, мечтают люди, текут реки, бушуют штормы на морях и океанах, вырастают и исчезают деревни, поселки, города, светят звезды - все это так, как в реальной жизни. Поэтому, конечно, писатели не могут в своей работе обойтись и без использования имен собственных, причем практически всех видов: от имен и фамилий людей до географических названий. Подчас работа писателя над собственными именами представляет собой сложный и трудоемкий процесс: фамилии, имена, наименования должны быть стилистически верны и точны, должны отвечать идее, целям, произведения, должны нести характерный колорит, а иногда и какой-то специальный смысл, особое значение. Примечательно в этом плане высказывание Юрия Тынянова: " В художественном произведении нет неговорящих имен... Каждое имя, названное

в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни". Примеры тому мы действительно находим практически в любой книге. Почему для Пушкина имя Татьяны Лариной было неразрывно связано с "воспоминанием старины"?

Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно посвятим
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль девичьей!...

Оказывается, что в дореволюционной России личное имя человека зачастую несло яркую социальную характеристику, употреблялось в определенной социальной среде.

Установлено по архивным документам, что, например, в XVII веке крестьянских девочек часто называли Василисами, Феклами, Федосьями, Маврами. Девочка, родившаяся в дворянской семье, такого имени получить не могла. Зато в дворянских семьях бытовали тогда такие женские имена, которые были неупотребительны или редки у крестьянок: Ольга, Екатерина, Елизавета, Александр.

Работая в архивах, известный московский исследователь в области русской ономастики В.А.Никонов определил, что имя Татьяна жило поначалу преимущественно в дворянской среде. Но уже к концу XVII - началу XIX века стало широко употребляться в крестьянских и купеческих семьях. Семья Лариных, придерживающаяся старых традиций ("они хранили в жизни мирной привычки милой старины..."), могла даже в начале XIX века дать своей дочери имя Татьяна, которое в дворянских семьях к тому времени встречалось все реже и реже. Вспомним и примечание, которое сделал к этой строфе сам Пушкин: "Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и прочие, употребляются у нас только между простолюдинами". Именно благодаря А.С.Пушкину и огромному успеху романа "Евгений Онегин" имя Татьяна получило новую жизнь, новую популярность в русской речи. Иначе, как справедливо заметил В.А.Никонов, оно вполне могло разделить судьбу имен Фекла и Агафья.

Н.В.Гоголь, А.Н.Островский и некоторые другие русские писатели нередко прибегали к особой "зашифровке" ассоциацией, которые должны были вызываться фамилиями персонажей, используя диалектные, област-

ные слова. Некоторые исследователи считают, что в основе фамилии Хлестаков положено диалектное слово хлест - наглец, нахал. Островский, скорее всего, использовал для образования фамилии Подхалюзин областное слово пройдоха, синоним общенародного плут, а для фамилии Лыняев - диалектный глагол лынять, т.е. отлынивать, уклоняться от дела, лениться.

Ученые-филологи отмечают и такие случаи, когда писателя, поэта гораздо меньше интересуют прямые или косвенные смысловые ассоциации, вызванные именами и фамилиями персонажей, названиями городов, в которых происходит действие и т.д. Ведь иногда на первый взгляд выступают, скажем, звуковые ассоциации, музыкальность, необычность звучания собственного имени. Пожалуй, показателен пример имени героини "Алые паруса" - Ассоль. Надо сказать, что имя Ассоль А.Грину полюбилось рано. Первый раз героиню с таким именем мы встречаем в рассказе "Вокруг света", написанном в 1916 году. В 1917 году появляется другой его рассказ - "Враги". Его героиня тоже носит имя Ассоль. О мотивах выбора, создания имени Ассоль образно и точно написала в своих воспоминаниях жена писателя - Н.Н.Грин: "Для Александра Степановича в имени человека было важно музыкальное ощущение. В придуманном, необычно звучащем имени для него всегда таится внутренний голос человека. Этимология знаменитого имени Ассоль (от исп. *alsoí para el sol* - "к солнцу") мало кому известна и фонетически "смазана" - смысл первоисточником целиком поглощен здесь "странным однотонным, музыкальным, как свист стрелы или шум морской раковины звучанием".

Анализ имен и названий, живущих на страницах произведений русской художественной литературы, - работа увлекательная, однако весьма трудоемкая и хлопотливая. Наиболее распространенными видами имен собственных в текстах произведений русской художественной прозы и поэзии являются антропонимы (личные именованья людей) и топонимы (названия географических объектов).

Литература

1. Абдуллаев А.А. Названия лиц, образованные от географических имен и терминов в русском языке 15-18 вв. - М., 1968
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы - М., 1959
3. Гасанова С.Х. Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе - Махачкала, 2010
4. Никонов В.А. Имя и общество - М., Наука, 1974
5. Тынянов Ю.Н. История литературы. Критика. - СПб: Азбука-классика, 2001

О КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Гладких Ольга Игоревна

Канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Таврической академии, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Конвергенция и дивергенция - две непреходящие тенденции, сочетание которых формирует совокупность тех уникальных комбинаций, которые мы называем языком. Проблема дихотомии «конвергенция - дивергенция» не нова, ее исследованием занимались такие лингвисты,

как А.И. Домашнев [4], Ю.А. Жлуктенко [5], Р.Я. Крицберг [9], Г.В. Степанов [17], А.Д. Швейцер [18; 19].

Процессы конвергенции и дивергенции, пронизывающие становление любого языка, в значительной степени повлияли и на английский язык в многообразии его

вариантов. Данному вопросу посвящены работы К. Барбер [20], Ч. Боберга [21], Н.Н. Быхолец [2; 3], Ч. Дейвиса [22], Л.К. Жуковой [6], Ю.А. Зацного [7; 8], Л.Г. Поповой [10], В.И. Скибиной [15; 16]. Особенности дивергенции на лексико-семантическом уровне описаны и в некоторых наших публикациях [11; 12; 13; 14; 23].

Целью данного исследования является анализ конвергентных и дивергентных процессов в лексике национальных вариантов английского языка.

Предметом исследования послужили лексико-семантические аналоги и дивергенты в национальных вариантах английского языка.

Поставленная цель обусловила решение следующих задач:

1. выявить действие конвергенции в лексике национальных вариантов английского языка;
2. описать действие дивергенции в лексике национальных вариантов английского языка;
3. охарактеризовать тематическую принадлежность аналогов и дивергентов в национальных вариантах английского языка.

В качестве методов исследования использовались анализ словарных дефиниций и компонентный анализ для выявления лексико-семантических аналогов и дивергентов, и определения их тематической принадлежности.

Конвергенцию и дивергенцию на лексико-семантическом уровне можно рассматривать с точки зрения конвергенции (сближения, тождества) и дивергенции (расхождения) плана содержания лексических единиц.

Результатом конвергенции в таком случае являются лексико-семантические аналоги (термин А.Д. Швейцера) в национальных вариантах английского языка, которые другие авторы [1, с. 136] называют аллонимами. К лексико-семантическим аналогам (аллонимам) относятся единицы, которые функционируют в разных национальных вариантах и являются одинаковыми в плане содержания и различными в плане выражения.

Целые ряды лексико-семантических аналогов обнаруживают британский и американский английский. Другие национальные варианты (канадский, австралийский и новозеландский), как правило, используют британский или американский вариант. Например, в Великобритании и США существуют разные лексические единицы для обозначения частей автомобиля. Так, *bonnet* «капот» в британском английском (BE) противопоставлено *hood* в американском английском (AE), *boot* «багажник» (BE) – *trunk* (AE), *manual transmission* «рычаг переключения передач» (BE) – *stick shift* (AE), *mudguard* «крыло» (BE) – *fender* (AE), *windscreen* «переднее стекло» (BE) – *windshield* (AE) и т.д. Канада как ближайший сосед США заимствовала данную терминологию из американского английского.

Другие тематические группы семантических аналогов включают реалии образования (*teaching staff* (BE) – *faculty* (AE) – «преподавательский состав вуза»); *home task* (BE) – *home assignment* (AE) – «домашнее задание»); спорта (*draughts* (BE) – *checkers* (AE) – «шашки»; *football* (BE) – *soccer* (AE) – «футбол»), названия транспортных средств (*lorry* (BE) – *truck* (AE) – «грузовик»; *goods wagon* (BE) – *freight car* (AE) – «товарный вагон»), зданий и помещений (*block of flats* (BE) – *apartment building* (AE) – «многоквартирный дом»; *lavatory* (BE) – *restroom* (AE) – «общественный туалет»), продуктов, напитков, приемов пищи (*biscuit* (BE) – *cookie* (AE) – «печенье»; *semolina* (BE) – *Cream of Wheat* (AE) – «манка»; *fizzy drink* (BE) – *soda* (AE) – «газированная вода»; *pudding* / *sweet* (BE) – *dessert* (AE) – «десерт»), предметов одежды, обуви (*dressing gown* (BE) – *bathrobe* (AE); *trainers* (BE) – *sneakers*

(AE) – «кроссовки»; *trilby* (BE) – *fedora* (AE) – «мягкая фетровая шляпа»), профессий (*airport porter* (BE) – *skycap* (AE) – «носильщик в аэропорту»; *receptionist* (BE) – *desk clerk* (AE) – «портъ»), а также различных действий (*to take away* (BE) – *to take out* (AE) – «брать еду на вынос (в ресторане)»; *to wind down* (BE) – *to roll down* (AE) – «открывать (окно в автомобиле)»).

Таким образом, конвергентные процессы в лексике национальных вариантов английского языка не ограничиваются какой-либо одной тематикой, а действуют в самых разных лексико-семантических группах.

Дивергентные процессы в лексике приводят к появлению лексико-семантических дивергентов (термин А.Д. Швейцера), которые также охватывают широкий диапазон лексико-семантических групп. Под лексико-семантическими дивергентами подразумеваются лексические единицы, которые функционируют в разных национальных вариантах и являются одинаковыми в плане выражения и различными в плане содержания.

Лексико-семантические дивергенты в национальных вариантах английского языка принадлежат тематическим сферам, обозначающим действия, различные характеристики человека, спорт и спортивные игры, абстрактные понятия, названия блюд и напитков, одежды и обуви, географических понятий, животных и растений, реальных образований, общественно-политические и военные термины. Это тематические группы, которые обнаруживают наибольшее количество дивергентов, но перечень данных групп можно продолжать и продолжать.

Следует отметить, что семантическая дивергенция, как и конвергенция, характерна для разных уровней языка. Но и на лексико-семантическом уровне данные процессы свойственны самым разным подсистемам лексики: от литературного стандарта и субстандарта до специальной терминологии разных сфер деятельности человека.

Проиллюстрируем действие семантической дивергенции в национальных вариантах английского языка примерами из общелитературной лексики. Самую многочисленную группу дивергентов составляет тематическая группа «действия», которая представлена такими единицами, как *copy* с общеанглийскими значениями (GE) 1. «делать копию или дубликат чего-либо»; 2. «следовать примеру кого-либо»; 3. «подвергаться копированию», которые противопоставлены канадскому лексико-семантическому варианту «прыгать с одной плавучей льдины на другую (в детской игре, участники которой должны повторять действия и слова ведущего)». Тематическая группа «человек согласно разным характеристикам» среди прочих включает и дивергент *grazier*¹ со значениями «человек, который кормит и пасет скот» (GE) и «фермер, разводящий овец» в австралийском английском.

Интересным примером действия семантической дивергенции являются наименования представителей флоры и фауны. Так, дивергент *woodbine* функционирует в значении «(дикая) жимолость» в BE и в значении «дикий виноград» в AE, а дивергент *panther* – в значении «пантера» в GE и в значении «пума» в AE.

Необходимо уточнить, что не всегда разные значения дивергента принадлежат одной и той же тематической группе, такое совпадение скорее редкость. В подавляющем большинстве случаев лексико-семантические варианты одного и того же дивергента обозначают совершенно разные по тематике предметы и явления, т.е. являются омонимичными друг другу. Например, дивергент *bach* объединяет значение «холостяк (неженатый мужчина)» в

GE и значение «небольшой домик или дача» в новозеландском варианте, а дивергент glasshouse характеризует значение «место, где производят стекло» в GE и значения «теплица» и «военная тюрьма» в BE.

На протяжении своего существования английский язык подвергался доминирующему воздействию то конвергенции, то дивергенции. По данным П. Траджилла [24], современное развитие вариантов английского языка таково, что они демонстрируют преобладание конвергентных процессов в лексике и дивергентных процессов на фонетическом уровне. В этой связи следует отметить, что в отношении лексической подсистемы национальных вариантов английского языка дивергенция все же представляет собой гораздо более распространенное явление, чем конвергенция. Однако, благодаря все большему влиянию американского английского другие национальные варианты заимствуют из него новые лексические единицы, которые вытесняют из употребления уже существующие, что сдерживает процессы дивергенции и приводит к конвергенции на лексико-семантическом уровне.

Проведенный анализ процессов конвергенции и дивергенции в национальных вариантах английского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. конвергенция и дивергенция в национальных вариантах английского языка порождают лексико-семантические аналоги (аллонимы) и дивергенты соответственно;
2. процессы конвергенции и дивергенции затрагивают одни и те же тематические группы, а именно – такие группы, которые называют существенные понятия;
3. на современном этапе развития английского языка как глобального процессы конвергенции в лексике преобладают благодаря активному влиянию американского английского.

Список литературы

1. Беспала Л.В. Алонімія як відбиття лінгвокультурної диференціації і інтеграції англомовних країн Карибського регіону // *Нова філологія: сб. науч. тр. Запорожье: ЗНУ, 2010. – № 40. – С. 135–142.*
2. Быховец Н.Н. Английский язык в Канаде // *Социальная лингвистика и общественная практика (Аспекты социокультурного варьирования полиэтнического английского языка) / [под ред. О. Е. Семенца]. К.: Выща шк. изд-во при Киевском университете, 1988. – С. 64–82.*
3. Быховец Н.Н. Лексические особенности английского языка Канады. К.: Наукова думка, 1988. – 152 с.
4. Домашнев А.И. Основные черты полинациональных языков // *Языки мира: Проблемы языковой вариативности / [отв. ред. В. Н. Ярцева]. М.: Наука, 1990. – С. 74–96.*
5. Жлуктенко Ю.А. Теория национальных вариантов языка // *Варианты полинациональных литературных языков / [под ред. Ю. А. Жлуктенко и др.]. К.: Наукова думка, 1981. – С. 5–19.*
6. Жукова Л.К., Смирнова Н.С. Windows on the USA. Путешествие по Соединенным Штатам: учеб. пособие по лингвострановедению США. Симферополь: Агентство «Престиж – Люкс», 2004. – 464 с.
7. Зацний Ю.А. Особенности влияния американского варианта английского языка на британский на лексико-семантическом уровне: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки». К., 1975. – 26 с.

8. Зацний Ю.А., Пахомова Т.О., Зацна В.Ю. Соціолінгвістичні аспекти вивчення словникового складу сучасної англійської мови: учеб. пособие. Запорожье: ЗГУ, 2004. – 284 с.
9. Крицберг Р.Я. Дивергенція та конвергенція регіональних варіантів англійської мови: автореф. дис. ... доктора філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови». К., 2001. – 33 с.
10. Попова Л.Г. Лексика английского языка в Канаде: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. – 116 с.
11. Сахнова О.И. Проблема семантической дивергенции в языке специальности // *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка: Філологічні науки. Каменец-Подольський: ПП «Медобори – 2006», 2011. – Вып. 26. – С. 297–300.*
12. Сахнова О.И. Семантико-ареальные типы лексико-семантических дивергентов в национальных вариантах английского языка // *Нова філологія: сб. науч. тр. Запорожье: ЗНУ, 2010. – № 40. – С. 191–197.*
13. Сахнова О.И. Семантическая дивергенция как способ обогащения языковой картины мира англоговорящих стран // *Наукові записки. Серія: Філологічні науки (мовознавство). Кіровоград: РВВ КПУ ім. В. Винниченка, 2008. – Вып. 75 (4). – С. 293–297.*
14. Сахнова О.И. Устойчивые словосочетания как компоненты языковой картины мира национальных вариантов английского языка // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь: Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2012. – Т. 25 (64). – № 3. – Ч. 1. – С. 139–144.*
15. Скибина В.И. Формы существования современного английского языка: учеб. пособие. Запорожье: Запорожский государственный университет, 1993. – 56 с.
16. Скибина В.И. Национально негомогенный язык и лексикографическая практика. Запорожье: РИП «Видавель», 1996. – 176 с.
17. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. – 176 с.
18. Швейцер А.Д. К вопросу о типологии национальных вариантов языка // *Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев: Штиинца, 1976. – С. 21–31.*
19. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971. – 200 с.
20. Barber K. Only in Canada, You Say: a Treasury of Canadian Language. – Printed in Canada, 2007. – 272 p.
21. Boberg Ch. The English Language In Canada. Status, History and Comparative Analysis. New York: CUP, 2010. – 272 p.
22. Davies Ch. Divided by a Common Language. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2007. – 248 p.
23. Sakhnova O.I. Correlation of Lexico-Semantic Divergents in National Varieties of the English Language // *Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании 2012»: сб. науч. тр. Sworld. – Вып. 4. – Том 40. Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2012. – ЦИТ: 412-0581. – С. 77–81.*
24. Trudgill P. The Sociolinguistics of Modern RP // *Sociolinguistic Variation and Change: Edinburgh University Press, 2001. URL: <http://www.phon.ucl.ac.uk/home/estuary/trudgill.htm> (дата обращения: 28.03.2015).*

ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Исина Гаухар Иликешевна

Доктор фил. наук, профессор кафедры иностранной филологии и переводческого дела КарГУ им. Е.А.Букетова, г. Караганда

В последнее время все большее внимание ученых привлекает национальная специфика языкового самовыражения того или иного этноса. Наблюдения над особенностями языка позволяют увидеть источник национального своеобразия тех или иных явлений культуры, исследовать те реальные формы, в которых воплощаются самобытные черты культуры народа в процессе созидания общечеловеческих ценностей, его вклад в сокровищницу мировой культуры. Мировоззрение народа наиболее полно и адекватно отражено в его национальном языке.

Национальная проблематика издавна волновала мыслителей всех времен и народов. Особая важность этой темы для каждого человека, вероятно, связана с тем, что принадлежность к той или иной нации является универсальной характеристикой, свойственной всем людям без исключения.

Как известно, для осуществления успешной коммуникации недостаточно одного лишь знания языка, необходимо также представление о культуре партнера по общению, особенностях его восприятия мира. Язык сохраняет сокровища национальной культуры при исторической смене поколений и общественных формаций и, таким образом объединяет народ во времени и пространстве [2]. Он не существует вне культуры, глубоко проникающей в повседневную жизнь народа, определяет своеобразие языка и отличается в разных странах определенным национальным колоритом. Язык, как живой организм, реагирует на все изменения, происходящие в обществе. Он не только отражает обычаи, традиции, но и способы мышления на всех этапах его развития [1].

Однако человек не может мыслить о мире и сформировать определенную модель мира, создать некий его образ без базовых универсальных категорий человеческого сознания. Такими категориями являются концепты. Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации. По мнению Д. С. Лихачева, концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом человека [3]. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшены несущественные представления. Культурные концепты возникают в результате взаимодействия национальной традиции и фольклора, религии и идеологии, жизненного опыта и образов искусства, ощущений и системы ценностей.

Подобного рода взаимосвязь можно проследить на материале национальных концептов казахского, русского и английского языков. Национальное своеобразие мировосприятия этнокультурной общности особенно наглядно и ярко представлено устойчивыми выражениями, фразеологизмами, пословицами и поговорками, то есть тем слогом языка, в котором сосредоточена народная мудрость, результаты культурного опыта народа.

Еще в глубокой древности у казахов, как и у других народов, ведущих полукочевой образ жизни, предпочитавших среди основных видов трудовой деятельности скотоводство, земледелие и охоту, наряду с передачей трудовых навыков, детям прививалась любовь к труду, ответственное отношение к трудовым процессам, бережное отношение к ценностям, созданным руками человека. В

связи с этим сердцевиной формирования личности в семье является труд. Многие семейные традиции способствовали формированию у детей с самого раннего возраста понимания значимости труда. Концепт «труд» находит отражение в семантике многих фразеологических единиц. Так, например: «Бақыт кілті – еңбекте» («Ключ к счастью – в труде»), «Адамды еңбек көркейтеді» («Человека труд красит»), «Егіс ырыс таңдайды, еңбек таңдайды» («Посев требует не удачи, а труда»), «Байлықтың атасы – еңбек, анасы – жер» («Отец богатства – труд, мать богатства – земля»).

Как известно, казахский народ придает очень большое значение родственным отношениям, семье. Система родственных отношений разветвленная, сложная и функционально активная. Сущность концепта «семья» прослеживается в семантике таких устойчивых выражений, как, например: «Туғаныңмен сыйыспасаң, кең дүниеге сыймасың» («Кто с родней в мире не живет, в просторном мире места не найдет»), «Жақсы келін – қызындай, жақсы күйеу – ұлындай» («Хорошая невестка, как дочь родная; хороший зять, как сын родной»). Значимость концепта «семья» подтверждается, в частности, и тем, что система терминов родства, отражая реальный характер родственных отношений, в казахском языке характеризуется уровнем детализованности и сложности.

Каждый казах стремится выполнять пять основных заповедей предков, одна из которых – встретить гостя как посланника бога. Это подтверждается поговоркой: «Один из сорока гостей – Қадыр (имя пророка), один из тысячи – Уәли (имя пророка)». Концепт «гостеприимство» является одним из основополагающих в казахском языке. Традиция уважительного отношения к гостям строго соблюдалась в семейном укладе жизни казахов. В казахской семье гостеприимство считается неотъемлемой частью человечности, а кто не уважает гостя, тот не пользуется уважением окружающих: «Қонақ келсе, құт келер» («Гость придет – счастье в дом войдет»), «Қонаққа кел демек бар, кет демек жоқ» («Гостю «приходи» говорят, но никогда уходить не говорят»). Существуют специальные языковые обозначения для разных видов гостей: «арнайы қонақ» - специально приглашенный или приехавший, «қудайы қонақ» - случайный путник, «қыдырма қонақ» - специально ждавший и пришедший на угощение.

Для русской культуры характерными являются несколько иные национально-культурные концепты. Одним из них является концепт «соборность». Соборность – во все не «соборность элементов», а та целостность, которая определяет специфику русского менталитета. Суровый климат, экстенсивный способ земледелия требовали весомых затрат труда и огромных усилий большого количества людей. Община становилась ответом на вызов природы. Общинные традиции во многом определили основы национального характера русского человека. Дух соборности понимается как черта русской национальной личности расширительно. Это артельность, чувство локтя, соединение личного и общего в преодолении трудностей, взаимная помощь. Эти понятия находят отражение в следующих пословицах: «Один в поле — не воин», «Дружно не грузно, а врозь хоть брось».

Другим ключевым концептом в системе ценностных ориентаций русского народа является концепт «воля». Широкое пространство всегда владело сердцем русским. В русской культуре в концепте «воля» присутствуют коннотации простора, широкого пространства: «Цвет в поле - человек в воле», «Своя воля царя боле». Воля – специфический русский концепт. Воля переводится, к примеру, на английский язык как *will* - «желание» или чаще *freedom* - «свобода». Для русского человека «свобода» - это воля, не ограниченная какими-либо нормами. Для англичанина «freedom» ассоциируется, скорее, с личными правами и личным пространством индивида.

В течение многих столетий определяющим фактором русской культуры была православная вера, определявшая нравственность. Вера поддерживала в русском человеке чувство ответственности за других и чувство ответственности перед Богом, твердую уверенность, что в жизни есть направление, смысл. В современном обществе вера как ценностная ориентация претерпевает кризис, однако концепт «вера» по-прежнему находит отражение в языке: «Не нашим умом, а Божьим судом», «Все мы под Богом ходим».

Широко известно, какую роль играет в английской культуре концепт дома/домашнего очага – того, что обозначается словом «home». Дом наиболее близок по значению к русскому понятию «Родина» и английскому «homeland» (хотя существует, конечно же, и вариант «motherland»). Сам факт, что родная земля ассоциируется в английском языке с домом, знаменателен. Это подтверждается многочисленными пословицами, крылатыми выражениями: «Home, sweet home», «East or West, home is best», «An Englishman's home is his castle» и т. п., а также обилием слов, от «home» образованных: «home-coming», «homesickness», «homey», «homeliness» и т. д. В основе английского концепта «дом» («home») нетрудно разглядеть вытекающую из географического положения страны идею обособленности, отделенности от всего остального мира и замкнутости в своем небольшом уютно обустроенном пространстве.

Для английского национального сознания частная жизнь, приватность (*privacy*) и свобода (*freedom*) определяются друг через друга, составляя единое смысловое целое. Приватность является реакцией на скученность, желанием защитить личностное пространство, которое англичане ощущают почти физически как продолжение

собственного тела и оберегают очень ревностно. О важности данного концепта для английского сознания свидетельствует обилие словосочетаний, с ним образованных: «private life», «private means», «private property», «in private» и т. п. В то же время «privacy» вплотную подводит нас и к пониманию английской сдержанности, которая во все не является следствием отсутствия эмоциональности, как это представляется многим иностранцам, но стремлением сохранить комфортную обстановку общения, нежеланием смутить собеседника. Известно такое высказывание английского писателя Дж. Оруэлла: «The most hateful of all names in an English ear is Nosey Parker». «Nosey Parker» - человек, который любит «совать нос» в чужую частную жизнь.

Одна из характерных черт англичан – консервативность во вкусах и убеждениях, приверженность к устоявшемуся порядку вещей, верность традициям (*custom*). Отражение концепта «custom» в английских пословицах о традициях и обычаях позволяют понять отношение англичан к своей культуре и истории: «Custom is a second nature», «Custom rules the law», «So many countries, so many customs». Такая связь, воплощающая непрерывную последовательность событий, по-видимому, дает англичанам ощущение постоянства в непрерывно меняющемся мире.

Таким образом, мы считаем, что путем раскрытия сущности национально-культурных концептов представляется возможным выявить специфику мировидения и мировосприятия представителей различных лингвокультурных обществ. Анализ национальных концептов разных культур позволяет уже сегодня со всей очевидностью увидеть особенности развития национально-специфического сознания человека, зафиксировать в частности и отраженные на вербальном уровне отличия и сходства мыслительной деятельности того или иного народа, специфику его ментального мира, национального характера.

Список литературы

1. Исина Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина мира. Караганды: Изд-во КарГУ, 2007.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – С. 137.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia. 1997. – С. 38.

КАЛЬКИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ СЛАВЯНОФИЛОВ

Клишова Надежда Александровна

канд. филолог. наук., доцент ГОУ ВО МО МГОГИ, г. Орехово-Зуево, РФ

Калькирование как лингвистическое явление привлекло к себе внимание во второй половине XIX века, как раз в пору деятельности славянофилов, становления их философского мировоззрения. К этому времени представители славянофильства (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др.) познакомились со многими системами философского знания, включая не только Гегеля и Шеллинга как современников, но прежде всего Канта, Фихте, Гердера, идеи которых развились в новых системах немецкого идеализма. Религиозные философы, такие, как Шлейермахер, Якоби, Бёме, способствовали

развитию самобытного, связанного с православием, философского взгляда славянофилов на русскую действительность. Поставив в начале своей деятельности цель - образовываться, сделаться примерными учениками в области философской культуры - к середине XIX века славянофилы не только преуспели в этом, но и выработали собственную программу развития философского знания. Этому способствовало великолепное освоение славянофилами многих языков, включая европейские (немецкий, английский, французский), многочисленную группу славянских языков, а также древних (латинского, греческого,

санскрита). «Тот, кто учится языкам древним, - писал А.С. Хомяков, - приобретает знание не языков, но самих законов слова, живого выражения человеческой мысли» [15, т.1, 229]. Интерес славянофилов к изучению языков поддерживался общей тенденцией развития сравнительно - исторического языкознания в этот период. Работы Боппа, В.фон Гумбольдта, Шлегеля способствовали тому, что славянофилы «принялись за лингвистику как за предмет, вспомогательный для истории». «От изучения германской философии, - свидетельствует Гильфердинг, - Хомяков, не удовлетворившись ею, перешел к мысли о необходимости новых начал для полного живого понимания развития человечества. Углубляясь в историю религий и философий, он понял жизненную связь лингвистики с этими науками» [10, 1860, КН.2, 51].

Славянофилы неслучайно стали лингвистами-полиглотами, т.к. изучение многочисленных языков помогает увидеть их ВСЕОБЩЕЕ, являющееся результатом культурного развития народов, и ведет к поиску того своеобразного, внутреннего, ОСОБЕННОГО, что имеется в каждом языке. Именно усвоение ВСЕОБЩЕГО привело к тому, что они стали одними из самых образованных русских людей XIXв., а ОСОБЕННОЕ каждого из изучаемых славянофилами языков способствовало открытию внутренних возможностей русского языка. «Одного знания древних языков достаточно, чтобы русский человек превосходно овладел своим собственным языком», - писал А.С. Хомяков [15, т.1, 222].

Благодаря сравнительно-историческому языкознанию, плоды деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Именно этим можно объяснить возникновение того «европейского склада мышления», того «космополитического языка», о котором упоминает Я.К. Грот в «Филологических разысканиях»: «...везде литературная речь мало-помалу усваивает себе множество синтаксических оборотов, общепринятых в образованнейших языках. Этот как бы космополитический язык похож... на бумажные деньги, повсюду легко заменяющие золотую... монету» [6, с. 16].

Именно благодаря тому, "что калькирование вело к поразительному сближению языков, оно и привлекало к себе внимание лингвистов XIX века, увидевших, что это языковое явление начинает развиваться в определенные моменты и связано с развитием философского мышления. Оно как бы указывает путь, намеченный еще древними мыслителями и учеными. По этому пути шли Св. Кирилл и Мефодий, переводя церковные книги с греческого языка на славянский, поэтому калькирование богато представлено уже в старославянском языке" [9, с.11]. Этот путь пополнения словаря предлагал в свое время Гете: «Иностранному языку можно завидовать, главным образом, тогда, когда он может одним словом выразить то, что другой должен сказать описательным путем... Мне кажется, что-то или другое слово можно получить, если посмотреть, откуда оно происходит в том языке, и потом попытаться увидеть, нельзя ли из таких же этимологических начал сходным путем получить то же слово» [5, с.49-59].

"Именно этим путем шли Готтшед, Гердер, Лессинг, Лейбниц, Вольф [14, с.5], калькируя многочисленные термины философии из лагуны, языка культуры и науки древнего мира для создания в немецком языке той базы философских понятий, благодаря которой стала возможна оригинальная немецкая идеалистическая философия. Поэтому же пути пошли, и русские переводчики и ученые: Кантемир, Тредьяковский, Ломоносов, Карамзин, - обогащая словарный состав русского языка" [9, с.11], потому что, по мнению Н.М. Карамзина: «Язык наш, хотя и

богат, однако ж не так обработан, как другие, и по сие время весьма немногие философские книги переведены на русский. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно тому, как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем...» [7].

"Обильное появление новых иностранных слов в русском языке вновь подняло и обострило полемику по вопросу заимствований, которая заняла видное место в журналистике 30 - 40-х годов" [9, с.12]. «Хранителями чистоты» русского языка, пуристами в собственном смысле оказываются представители «Северной пчелы» (Булгарин, Греч), которые сосредоточили свой огонь прежде всего на языке Белинского («Отечественные записки», «Современник»). С начала 1840-х годов в эту полемику вступает «Москвитянин» Погодина и Шевырева.

Что касается славянофилов, которые также принимали участие в полемике, то их позиция во многом была близка сначала позиции западников, в частности, Белинского, который, подчеркивая лексическое богатство русского языка (разнообразие слов конкретного значения, обилие выразительных синонимов, художественно-образовательную гибкость), вместе с тем отмечал недостаточность для русского языка того времени лексических средств отвлеченного характера: «...как еще беден русский язык для выражения предметов науки, общественности, - словом, всего отвлеченного, цивилизованного» [11]. Но "если западники решали проблему создания русского философского словаря, предпочитая прямое заимствование, которое, по их мнению, точнее, определеннее русских эквивалентов, то славянофилы основную массу философских терминов калькируют, чтобы процесс внедрения новых понятий философской науки проходил в языке безболезненно. Калькирование используется ими еще и для более точного и полного толкования новых понятий, но самое важное, что, используя этот древний метод взаимобогащения языков, славянофилы стремятся показать удивительные возможности русского языка в передаче мысли" [9, с.12]. Именно этим можно объяснить позицию В. И. Даля (славянофила по своим философским убеждениям), в словаре которого многие заимствования приведены вместе с теми русскими синонимами - эквивалентами (иногда, придуманными самим автором), которые помогали эти понятия в языке осваивать.

Имея богатую традицию, калькирование в русском языке в 30 - 50-х годах XIX века становится одним из главных способов обогащения русского языка новыми философскими понятиями, отражающими ту оживленную умственную работу, которая была порождена немецкой идеалистической философией. Эта умственная работа отразилась в прогрессивных журналах того времени, а результаты работы над философским словарем через посредство журнального языка входили в общую систему литературной речи. В связи с этим в литературном обиходе укрепляются кальки с немецкого языка для выражения отвлеченных общественно-философских понятий» [14, с.47].

Под кальками мы понимаем «слова и словосочетания, которые, опираясь на структуру иноязычной модели, воспроизводят ее теми же или близкими средствами родного языка. Степень точности передачи модели при этом зависит от структуры обоих языков. Калькирование - не механическое копирование образца по частям, а творческий процесс, отражающий в своем результате в той или иной мере особенности и своего, и чужого языка. В итоге калькирования язык обогащается новыми лексическими и семантическими единицами, а иногда и новыми словообразовательными моделями» [14, с.9].

В качестве критерия для выделения слова как кальки мы используем, вслед за К. Флекенштейном, следующие факторы:

- 1) структуру слова и вопрос, насколько эта структура соответствует языковой системе;
- 2) семантику слова и вопрос, насколько значение целого вытекает из значения составляющих его элементов; принадлежность слова к определенному стилистическому слою (как правило, кальки отличаются некоторой книжностью, в разговорном языке они встречаются редко);
- 3) время возникновения слова;
- 4) сферу возникновения слова и источник, в котором оно впервые отражено [14].

Исходя из этого, кальками считаются:

- а) слова, при которых или в скобках автором указан иностранный эквивалент, или даются кем-либо другие указания на необычность русского слова, например: «...хаос у Шеллинга есть первоединство вселенной, о котором понятие предшествует в человеческом сознании понятию об отдельных богах...» [8, т.2, с.182]. «Гегель признавал собственно началом самоотрицающуюся необходимость, свободу (Nothwendigkeit)» [15, т.1, с.344].
- б) слова, для которых структурное соответствие существует только с тем языком, с которого калькируется понятие, например:
Односторонность - нем. Einseitigkeit; сущность - лат. Substantia.
- в) слова, которые хотя и встречаются с одинаковой структурой в нескольких языках, но которые в русском языке являются кальками только с одного языка, например: словообразование - (нем. Wortbildung).
- г) слова, которые своей семантикой указывают на чужое влияние (термины философии, политэкономии), например: самосознание - (нем. Selbstauforderung), обособление (нем. Besonderung).

Славянофилы сознательно прибегают к калькированию, ощущая острую необходимость в терминах философии как древней науки: «...Гегель ввел в свою логику учение о случайности (Zufälligkeit), которое замечательно глубоко в сцеплении своих выводов» [15, т. 1, с. 345];

«... скачки повторялись... в переходе от свободы к воле (Willen)» (15; т. 1, 268);

«... пусть... нападают на общину те, которые вообще протестуют за лицо (Einzelne) против общества [15, т. 1, с. 290];

«Эта книга..., о которой без глубокого негодования не может говорить ни один нравственный (sittlich) немец, имеет значение историческое...» (15, т. 1, с.202.);

«...Рассудочность... назвала себя разумом (Vernunft), в противоположность от прежней своей отрывчатой деятельности, для которой оставила название рассудка (Verstand) [8, т. 2, с. 307];

«...он (Гегель- Н.К.) перешел... незаконным скачком к случаю (Zufall), который есть уже действительно сущее» [15, т. 1, с. 345];

Еще на этапе создания философской лирики, как средства осознания немецкого философского опыта, К.С. Аксаков в одном из своих стихотворений писал:

Когда, идя по поприщу науки,
Гомера речь я начал понимать,
Тогда его высокие песен звуки
На наш язык богатый передать
Зажглось во мне горячее желанье...

Но труд еще не может быть свершен.

Час не пришел - и в робком ожидании

Я остаюсь, пока наступит он. [2; с.56]

На раннем этапе становления философских взглядов славянофилов это была задача довольно трудная, т.к. славянофилы не имели того языкового потенциала, который позволил бы им увидеть то внутреннее, общее, что имелось в каждом языке. Только после изучения древних языков (латинского и греческого), европейских языков, многочисленных славянских - славянофилы почувствовали, что с помощью этого, давно известного способа, «чужое» до того органически входит в родной язык, что иногда трудно отличить его от «своего». Это происходит благодаря внутренней способности русского языка создавать новые слова, пользуясь толчком извне. Именно изучение разных языков помогло славянофилам увидеть внутренние возможности родного языка.

В своем исследовании мы используем классификацию калек, предложенную Бецем в работе «Немецкий язык и латынь» [3]; в которой автор приходит к выводу, что в рассмотренном им произведении «БЕНЕДИКТИ-НЕРРЕГЕЛЬ» преобладают семантические кальки. Ими передаются более общие значения, в то время, как словообразовательные кальки используются для обозначения более специальных содержаний (обозначение новых понятий) [3; 86-87]. Поэтому он все кальки делит на две большие группы:

1. Lehnbildungen - словообразовательные,
2. к Lehnprägungen относятся семантические и фразеологические.

Анализ философских терминов славянофилов выявил преобладание в их произведениях калек с немецкого языка, что объясняется их страстным увлечением философией немецкого идеализма. Причем в начале своей философской деятельности некоторые из славянофилов, например, К.С. Аксаков, несколько злоупотребляли методом калькирования; это приводило к тому, что из таких отвлеченных сочинений невозможно было ничего понять. Достаточно вспомнить диссертацию К.С. Аксакова о Ломоносове, в которой, например, есть такие строчки: «Только с единичностью возможно проявление и общего, только с индивидуумом или с значением индивидуума (как индивидуума) возможно в народе общее человеческое значение. Точно так же как единичность, будучи отрицанием отрицания, предыдущее отрицание- особность полагает в себе как момент, ею условливается; точно так и индивидуум, отрицая национальность, необходимо полагает ее в себе как момент, ею условливается» [1; с.43].

В дальнейшем, К.С. Аксаков под влиянием А.С. Хомякова, который знал меру в использовании калькирования, освободился от чрезмерных употреблений терминов-калек в своих произведениях.

Для славянофилов, впрочем, как и для некоторых западников (например, А.И. Герцена), калькирование являлось своеобразным тренировочным упражнением, которое помогало осваивать немецкую философскую терминологию и переводить ее на русский язык. В.Г. Белинский, который не знал немецкого языка и которому Бакунин переводил с немецкого многие философские работы, критиковал излишнее увлечение Бакунина и Герцена калькированием: «Каким отвлеченным... языком... написаны эти статьи, что Герцен составил их для своего удовольствия. Если я мог понять в них что-нибудь, так потому, что имею за собой десяток несчастных лет коллобродства по немецкой философии» [4; с.9].

Мы считаем, что такое сравнительно быстрое усвоение философской терминологии немецкого идеализма

славянофилами стало возможным не только благодаря их одаренности и образованности (хотя этот факт очень существенен), но и благодаря сходству внутренней формы русского и немецкого языков. Мы согласны с Б. Унбегауном, который определяет кальку как «заимствование внутренней формы слова» [12, с.19]. Калькирование невозможно там, где эта внутренняя форма непрозрачна, т.е. если слово непроизводно.

Унбегаун считает, что славянские языки калькировали прежде всего немецкие слова, потому что немецкий язык подсказывал, демонстрировал им на деле способ калькирования [12; с.48].

Оба языка, русский и немецкий, как родственные, довольно сходны в своих словообразовательных возможностях. Основной способ словообразования в обоих – морфологический, т.е. аффиксация и словосложение. Много существительных возникало и в русском языке, и в немецком именно таким путем. Разница «состоит прежде всего в разной степени интенсивности» [13; с.27] применения определенного способа словообразования. Русский язык предпочитает аффиксацию, немецкий – сложение. Поэтому по способу словообразования большинство калек с немецкого – сложные слова или словосочетания, возникшие на основе немецкого сложения. Это объясняется большой ролью, которую этот способ словообразования играет в немецком языке [14; 55].

В теоретическом плане словообразовательные и семантические калки легко различимы. Эти группы различаются существенно по своим результатам – в результате словообразовательного калькирования возникает новое, до того в языке не существовавшее слово, в результате семантического калькирования возникает только новое значение.

Отметим сразу, что для славянофильских употреблений характерно сравнительно небольшое количество примеров, в которых имеется указание на языковой источник, с которого то или иное слово калькируется, а именно: употребление калки и немецкого эквивалента рядом. В большинстве же случаев мы встречаемся только с калкой. Несмотря на то, что славянофилы в некоторых случаях дают указания на необычность русского слова, на то, что оно возникло в результате влияния немецкой философии (встречаются прямые указания на философов – Гегеля, Шеллинга, Лейбница и др.), выявление калек является для исследователя делом довольно трудным.

В своей работе мы использовали данные ФИЛОСОФСКОГО ЛЕКСИКОНА С.С. Гогоцкого (1857-1874), в котором нами было выявлено довольно большое количество калек с немецкого языка. Это объясняется тем, что, во-первых, этот словарь был первым русским философским лексиконом, который вышел в свет во времена деятельности славянофилов и отражал именно взгляды и позицию религиозно-идеалистического направления; во-

вторых, основная часть словарных статей – это переводы аналогичных статей зарубежных изданий.

Статьи в словаре Гогоцкого, посвященные таким философам, как Гегель, Шеллинг, Гердер, Фихте и др., избилуют калками с немецкого языка, с помощью которых автор пытается познакомить русского читателя с позицией и терминологией того или иного философа.

В общем и целом, «влияние немецкой идеалистической философии... имело благотворное действие, обогащая русский мысль новым знанием, расширяя кругозор, давая свежий материал для мыслительной работы, и этим способствовало выработке форм для проявления самобытного творчества» [9, с.18]

Список использованной литературы

1. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. - М., Современник, 1981. - 264с.
2. Аксаков К.С. Сочинения. - Петроград: «Огни», 1915, т.1. - 656с.
3. Betz. W. Deutsch und Zateimsch. - Bonne, Bonvier, 1949г., 227 s.
4. Булаховский Л.А. Рус. литер. язык первой пол. 19в. 2-е изд-е. - Киев: Изд-во Киевск. ун-та, 1957, 492с.
5. Головин Б.Н. О некоторых проблемах изучения терминологии. // Вестник МГУ - 1972г., №5.
6. Грот Я.К. Филологические разыскания. Материалы дид. словаря, грам-ки и истории языка. - Спб.: 2-е отд. Акад. наук, 1875, - VIII, 668.
7. Карамзин Н.М. Письмо Бонне. // Московский журнал. - 1804, ч. VI, с. 345-350.
8. Кириевский И.В. Полн. собр. соч. в 2-х т. - М.; А. И. Кошелев, 1861. - т. 1-2.
9. Клишинова Н.А. Философская терминология славянофилов. Автореферат дисс.... канд. филол. наук. - М., 1994г.
10. Русская беседа. - 1856-1860. - М., А.Н. Кошелев, т.2, кн. 20.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава рус. лит. языка в 30-90-е годы 19 века. - М.-Л.; Наука, 1965г., 565с.
12. Unbegaun B; Le calque dans les langues slaves litteraires//Revue des Etudes slaves. - 1932. - t. XII fasc. 1 et 2 - p. 14-42.
13. Федоров А.В., Кузнецова Н.М., Морозова Е.А., Цыганова И.А. Немецко-русские языковые параллели. - М.; Изд-во лит-ры на иностр. языке, 1961, 303с.
14. Флекенштейн К. Калки по немецкой модели в современном русском литерат. языке.: Дисс....канд. фил. наук. - М., 1963г.
15. Хомяков А.С. Полное собрание соч. в 8-ми томах. - М.; тип. Бахметева, 1861-1873. - т.1-4.

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ АНТИТЕЗЫ В СТРУКТУРЕ РУССКО И АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОЛЛЕКТИВНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Корнилова Лия Ахатовна

Преподаватель кафедры английского языка для естественнонаучных специальностей К(П)ФУ, г. Казань

Антитеза широко использовалась в устном народном творчестве, эффективно применялась и применяется в ораторском искусстве, помогая производить глубокое

воздействие на слушателей, без нее, практически, не обходится ни одно авторское литературное произведение. Стилистическая фигура антитеза классифицируется лингвистами как «прием противопоставления контрастных по

своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов или явлений» [1, с. 24]. Антитеза, в теории представляющая собой, казалось бы, частный случай реализации принципа контраста и противопоставления, является важнейшим компонентом текста и прежде всего – устного народного и художественного литературного творчества.

Принцип контраста особенно активно использовался в фольклоре, выполняя сюжетообразующие, композиционные и стилистические функции. Парадоксальность мышления, являющаяся основной семантической чертой всех пословиц и поговорок, всегда подразумевает в себе противопоставление. Противопоставление тех или иных содержательных планов имеет особое значение в разных жанрах фольклора: сказках, былинах, балладах, лирических и хороводных песнях, но особенно активно используется в пословицах, поскольку именно оппозиционность, по признанию многих исследователей, того или иного представления о чем-либо, является одним из основных свойств пословицы. Как известно, подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а противопоставление сущностей, к которым сводится смысл употребляемых в данной пословице образов.

Углубленное изучение русских и английских афористически сжатых, образных, грамматически и логически законченных изречений с поучительным смыслом помогает не только глубже узнать типологические особенности и общие структурные черты обоих языков, но и знакомит нас с культурой, традициями и менталитетом этих двух народов. Пословицы и фразеологизмы, как известно, представляют собой своеобразную сокровищницу народной мудрости, поскольку в них отражены и образность, и юмор, связанные с национальными особенностями того или иного народа.

Рассмотрение структурно-языковых разновидностей антитезы в пословицах английского и русского языков ярко иллюстрирует способы и особенности ее функционирования в малой форме народного поэтического творчества этих двух типологически разных языков.

Простая антитеза, реализованная противопоставлением лексических антонимов составляет самую многочисленную группу пословиц как русского, так и английского языков: русск. рубашка беленька, да душа черненька; полюби-ка нас вчерне, а в беле-то и всяк полюбит; умел начать, умей и кончать; человек два раза глуп живет: стар да мал; англ. all things are difficult before they are easy; as the old cock crows, so does the young; a bad beginning makes a bad ending; bad luck often brings good luck. Простая антитеза достаточно часто в подобных текстах представлена в оппозициях, образованных разнокорневыми антонимами: русск. кобылка есть – хомута нет; торопись на доброе дело, а худое и само приспее; кого журят, того и любят; англ. best defence is attack; creditors have better memories than debtors; don't make a mountain out of a molehill; a door must be either shut or open и т. д. Это и понятно, поскольку любой язык изобилует противопоставлениями, выраженными разными лексемами (и прежде всего – непроизводными с точки зрения структуры).

Пословицы английского языка, построенные противопоставлением грамматических антонимов составляют самую малочисленную группу. Подобные антитестичные высказывания построены при помощи простой однокорневой антитезы, представляющей собой производные образования с соответствующими морфемами

типа un-, mis- и др.: everybody's business is nobody's business; he who likes borrowing dislikes paying; it is an equal failing to trust everybody and to trust nobody; lucky cards, unlucky in love; misfortunes tell us what fortune is; praise little, dispraise less. Пословицы русского народа напротив изобилуют оппозициями разнообразных словообразовательных антонимов: бояться несчастья – и счастья не будет; сходишь – бранишь, расходишь – мирись, счастье на крылах, несчастье на костылях; ученье – свет, а неученье – тьма; недоля пудами, доля золотниками; не плачь битый, плачь небитый; отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая; было время – осталось одно безвременье и т. д.

Сложная антитеза представлена в пословицах: деньги в карман бедного входят со стоном, а выходят с песней; money goes into the pocket of a poor man with moan, but leaves it with a song. В русском варианте высказывания имеет место противопоставление приставочных глаголов входить – выходить, являющихся членами одной словообразовательной парадигмы и языковых антонимов стон – песня. Вследствие существующих отличий в словарном фонде русского и английского языков, индивидуальным способом выражения отношения к каким-то жизненным ценностям, сложная антитеза этой пословицы в английском варианте сформирована разнокорневой оппозицией языковых антонимов to go into – to leave, moan – song.

Особый характер сложной антитезы представлен антонимами, включенными в конструкцию параллелизма, представляющих собой наименование признака положительной или сравнительной степени и создающих определенные условия для речевого противопоставления разных семантических единиц: русск. не обманись лицом белым, как бы душа черной не оказалась; познание горше лука, знания слаще меда; англ. do not be cheated by the white face, beware the black soul; learning is bitter than onion, knowledge is sweeter than honey. В другой пословице летучая мышь ждет ночи, соловей – зари оппозиция слов летучая мышь – соловей детерминирована антитестической конструкцией и соответствующими контекстуальными антонимами ночь – заря, которые своеобразием своего употребления в приведенных пословицах подчеркивают и уточняют оценочное значение основных лексем: положительную коннотацию у слова соловей, связанную со словом заря, и отрицательную – у слова летучая мышь, связанную с представлением о ночи. Контрастное противопоставление двух лексем в первой и второй пословице служит средством создания эмоциональной и окказиональной антитезы.

Сложная антитеза, основанная на окказиональном противопоставлении синонимов в пословице убежал от маленькой заботы – попал на большие хлопоты, актуализирует противопоставление путем указания на наличие незначительных отличий, дифференцирующих близкие по значению слова. Наличие в оппозиции словарных антонимов маленький – большой подчеркивает контекстуальную противоположность слов заботы – хлопоты: заботы – «маленькие проблемы», а хлопоты – «большие проблемы, трудности». Английский вариант этой пословицы: ran away from a small job, got big troubles отличается по своему семантическому содержанию. Лексические единицы job и trouble сложно назвать синонимами. Судя по данным словарей, job – это «1) работа, служба, занятие, место; 2) урок, задание; 3) трудное дело», trouble – «1) неприятность, беда; 2) беспокойство, хлопоты» [Ахманова, 329]. Таким образом, общее значение этой пословицы можно представить следующим образом: «убежал от маленьких дел, а столкнулся с огромными неприятностями». Противопоставление синонимов в этой пословице отсутствует.

Среди оппозиций, построенных на глобальной антонимии, остановимся на пословице: жизнь двояка: есть и решка и орел. В формировании антитезы здесь принимают участие контекстуальные антонимы решка – орел. Употребление этих языковых единиц в выражениях типа «орел или решка», ставших уже устойчивыми, способствует формированию контраста путем указания на противоположные стороны одного и того же предмета. На английский язык подобное устойчивое выражение дословно не переводится, в этом варианте контраст актуализируется семантической оппозицией речевых антонимов heads – tails в пословице life is twofold and it has both heads and tails (в дословном переводе Жизнь – это согнутая монетка, у неё по два орла и решки).

Интересна для сравнения антитеза в пословицах: жизнь как лестница, – кто-то поднимается, кто-то спускается → life is like a ladder: some ascend, some descend, в которых резкий контраст представлен оппозицией глаголов, обозначающих противоположные по своей направленности действия: подниматься – спускаться, ascend – descend. Если в первой пословице простая антитеза сформирована разнокорневыми антонимами подниматься – спускаться, то во второй – контекстуальное противопоставление глаголов ascend – descend представляет собой оппозицию одноосновных префиксальных лексических единиц. Противопоставление единиц одного словообразовательного гнезда, вершиной которого также являются глаголы движения, подвергшиеся семантическому процессу переосмысления, встречаем и в пословице: русск. жизнь, как круг, – от чего уйдешь, к тому и придешь. В английском варианте – life is like a circle: you go away from something and come back to it again для передачи того же содержания и создания антитезы используются разнокорневые антонимы go away – come back. В этом случае возможна замена использованной антонимической пары одноосновными оппозициями go away – go back, в которых условие контрастного противопоставления сформировано послелогам «away» и «back».

Таким образом, в следствие исследования проведенного в данной статье можно констатировать, что стилистическая фигура антитезы, основным способом формирования которой является создание и демонстрация контраста, является важным компонентом во фразеологических фондах русского и английского языков. Принцип контраста, активно использующийся в фольклоре и отраженный прежде всего в пословичных текстах, выполняет сюжетообразующие, композиционные и стилистические функции. Своеобразие мышления того или иного народа и его представления об основных жизненных ценностях являются семантической основой всех народных высказываний, которые построены прежде всего на вербальном

противопоставлении однокорневых антонимов в русском (русск. - 44,7 %. англ. - 6,2 %) и разнокорневых антонимов в русском и английском языках (русск. - 66,3 %, англ. - 94,8 %).

Представленный вербально-семантический анализ антитезы в пословицах русского и английского народов подтверждает частотность и эффективность использования антитетических конструкций для реализации контрастного противопоставления в изречениях, передающих представления того или иного народа о том, что достойно уважения или одобрения в жизни и поведении людей. Рассмотренные когнитивные особенности антитетических высказываний помогают не только детально разобрать и определить специфику реализации принципа контраста в русских и английских пословицах (и одновременно переводов подобных паремий с русского на английский язык), но и выявить в результате анализа сходства и различия в способах организации антитезы на материале разнотипных, разнотипных и генетически неродственных языков.

Структурно-семантические различия способов передачи контраста с помощью стилистической фигуры – антитезы объясняются генетической и типологической разнородностью английского и русского языков, которая находит свое отражение в характере организации оппозиционных высказываний в соответствующих пословицах. Тем не менее, несмотря на все приведенные различия, связанные не только с разносистемностью сопоставляемых языков, но и со своеобразием менталитетных представлений о человеческих ценностях, можно обнаружить и ряд совпадений в использовании структурно-семантических конструкций антитезы, а также в объединении пословиц в группы по семантико-тематическим признакам.

Список литературы

1. Новиков Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. - М., 1988. - 384 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - 2-е изд., стер. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 571 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник в 2-х томах. - М.: Художественная литература, 1989. - Т. 1 - 431 с. Т. 2 - 447 с.
4. Хазан А. А. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. - Смоленск: Русич. 2001. - 560 с.
5. Arnott Stephen. Peculiar Proverbs Weird Words of Wisdom from Around the World. - Chichester, Summersdale Publishers Ltd, 2007. - 271 p.

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЙ ГОРОДОВ КИТАЯ

Космачева Алена Сергеевна

студентка, факультет иностранных языков, национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск

В настоящее время отношения России и Китая развиваются стремительно и имеют ключевое значение в российской внешней политике. Китай в нынешних условиях является главным партнером и союзником России — как в военно-политическом, так и в экономическом и культурно-духовном плане. В связи с этим растет интерес и

культурным ценностям. Например, к истории возникновения названий городов Китайской Народной Республики.

На протяжении нескольких веков параллельно с историей Китая развивалась история китайского языка. Многие укоренившиеся названия городов, несмотря на их простоту или сложность, остаются для нас загадкой. Но

найти истину достаточно просто. Нужно лишь обратиться к истории этой замечательной страны и уделить особое внимание особенностям китайского языка.

Шанхай (上海 - «shànghǎi») — это крупнейший город Китая и один из самых многонаселенных городов мира. Он имеет достаточно интересную и долгую историю становления в качестве портового города. Интересным является происхождение названия этого города.

Сначала обратимся к дословным переводам этих иероглифов: 上 «shàng» переводится как верхний, навверх, высший, входит; 海 - «hǎi» - море, морской, заморский [1]. Буквальным переводом названия будет являться «верхнее море». Но, несмотря на это, существует несколько версий переводов и значений такого названия. Первое упоминание об этом названии относится к династии Сун (960-1279 гг.). В то время уже существовали слияние рек Янцзы и Хуанпу, а также населенный пункт с таким же названием. Отсюда китайская историография трактует название как «верховья моря», «взморье» (海之上洋 «hǎi zhī shàng yáng»). Однако, исключением является произношение северных диалектов, которое предполагает прямое значение «вступать на море», «выходить в море», объясняя это тем, что такая интерпретация больше подходит для портового города [5].

Опираясь на поэтическую точку зрения, иероглифы следует читать в обратном порядке, согласно правилу порядка слов китайского языка - 海上 «hǎi shàng». В этом случае, название города приобретает значение «город на море», «приморск».

В Китае очень часто используют сокращенные названия городов или провинций. Шанхай не исключение. Этот город имеет два варианта сокращенных названий. Первый из них — это Ху (沪 «hù»). Он происходит от старого названия реки Сунцзян (松江 «sōngjiāng»), которая в современное время именуется Сучжоухэ (苏州河 «sūzhōuhé»). В V веке на этом месте возникла рыбацкая деревушка. Местные жители ловили рыбу на специальные бамбуковые орудия, получившие название «ху» (扈 «hù»), поэтому реку стали называть Худу (扈渚 «hù dú»). Позднее, иероглиф 扈 был изменен на 沪. Вторым вариантом сокращенного названия является Шэнь (申 «shēn»). Это название относится к имени древнего правителя периода Весен, жившего в III в. до н.э., Чуньшэнь Цзюня (春申君 «Chūnshēn Jūn»). В его владения входила территория современного Шанхая, а также в этих местах Чуньшэнь Цзюня почитали как героя. Зачастую можно встретить и название Шэньчэн (申城 «shēn chéng»), что в переводе означает «город Шэня» [2].

Интересным фактом служит то, что в западных языках у Шанхая существовало много других имен, среди них «Восточный Париж», «Королева Востока» и «Жемчужина Востока». Такие название стали результатом гостеприимности Шанхая, его западный шик, восточное очарование, старинные архитектурные здания и много другое [4].

Пекин (北京 «Běijīng») - столица Китайской Народной Республики. Как и в случае с Шанхаем следует обратить внимание на дословный перевод иероглифов: 北 «běi» означает север, 京 «jīng» - столица, великий [1]. Отсюда исходит буквальное название «северная столица». Такое название следует общей Восточной традицией, согласно которой столичный статус прямо отражается в имени города. Подобным примером является город Нанкин (南京 «nánjīng») - Южная Столица.

На протяжении истории Пекин был известен в Китае под разными именами. С 136-1405 и затем с 1928-1949 годы его называли Бэйпин (北平 «běipíng»). Это название в переводе означало «Северное спокойствие». Оказывает, в обоих случаях это было связано с переносом столицы из Пекина в Нанкин и утратой Пекином столичного статуса. Такое решение было принято в первом случае императором Хунью династии Мин, а во втором случае гоминьдановским правительством Китайской Республики. В итоге, в 1949 году после провозглашения Китайской Народной Республики Коммунистическая партия Китая вернула название Пекин (北京 «Běijīng»), тем самым, подчеркнув столичный статус города [2].

Пекин также носит поэтическое название — Яньцзин (燕京 «Yānjīng»), что в переводе означает «столица Янь». Это название уходит корнями к древним временам династии Чжоу, когда существовало царство Янь. В настоящее время поэтическое название Пекина можно встретить в названии местной марки пива «Yanjing Beer», а также в названии Яньцзинского университета [2].

Интересным историческим фактом является то, что во времена монгольской династии Юань Пекин носил название Ханбалык. Подтверждением этого являются записки Марко Поло, в которых этот город назван как Sambuluc.

Чунцин (重庆 «Chóngqìng») - один из четырех крупнейших городов Китая. Возник более 3 тыс. лет назад и имеет древнейшую историю своего названия.

Все началось с того, что суйский император Вэнь Ди построил укрепление в излучине реки Юйшуй, а контролируемую отсюда область назвал Юйчжоу (渝州 «yúzhōu»). В 1102 году император Хуэй Цзун переименовал область Юйчжоу в Гунчжоу (恭州 «gōngzhōu»). В 1189 году третий сын императора Сяо Цзуна стал начальником области Гунчжоу, получив титул «князь Гун» (恭王 «gōngwáng»), и в том же году после отречения отца стал императором под именем Гуан Цзун [2].

Эти политические события привели к тому, что статус области «чжоу» был поднят до статуса управы «фу», так как Гуан Цзун дважды праздновал повышение в занимаемой им должности. Все это стало причиной переименования Гунчжоу в Чунцинфу (重庆府 «Chóngqìngfǔ»), что в переводе означает «управа двойного празднования». Так появилось название «Чунцин» [2].

Сокращенное название Чунцина появилось благодаря коренному названию города - Юйчжоу. Именно отсюда идет иероглиф 渝 «юй», используемый для сокращенного обозначения Чунцина.

Таким образом, рассмотрев перечисленные названия городов, можно сделать вывод о том, что существует несколько способов возникновения их имен. Одним из них является дословный перевод — самый простой и распространенный способ названия. В древности для китайцев не представляло трудностей придумать собственное само это наименование. Под этот способ может подходить почти любое название города [3].

Следующий вариант — это географическое положение, самый логичный способ названия. Нет ничего проще как определить название исходя из местоположения. В данном случае, следует обратить внимание на Шанхай [3].

Пример происхождения названия города Чунцин является отпечатком исторических событий, связанных с разделением территорий, сменой власти и прочими государственными волнениями [3].

Список литературы

1. Большой Китайско-Русский словарь онлайн [Электронный ресурс]. - URL: <http://bkrs.info/> (дата обращения: 08.10.2014)
2. Джон Генри Грэй История Древнего Китая [пер. с англ.]. М., Центрполиграф, 2006. 605 с.
3. Космачева А.С. Китайские провинции: происхождение наименований // Россия, Запад и Восток: диалог культур: сб. статей Первой Международной молодежной научно-практической конференции / отв. ред. С.К. Гураль. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – С. 140-142.
4. Тихвинский С.Л. История Китая и современность. М., Наука, 1976. 357 с.
5. Тихвинский С.Л. Китай и всемирная история. М., Наука, 1988. 591 с.

ПСИХИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ А.П. ЧЕХОВА

Костионова Марина Юрьевна,

Соискатель Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ

Сфера духовной жизни человека была предметом большого интереса А.П. Чехова на протяжении всего творческого пути. В произведениях глупость являлась темой насмешки и иронии.

Многие из произведений, созданных до февраля 1895 г., А.П. Чехов считал написанными на психопатологические темы. В письме Е.М.Шавровой-Юст А.П. Чехов писал: «Я скоро начну писать юмористические рассказы, ибо весь мой психопатологический репертуар уже исчерпан» [1, www]. Термин «психопатология» в официальной науке того времени означал сумасшествие.

Исследователь А.П. Чехова М.Е. Бурно полагал, что он сам боялся сойти с ума [2, www]. «Стало быть, скажите Анне Ивановне, что бедный Антон Павлович слава богу еще не сошел с ума, но за ужином много ест, а потому и видит во сне монахов» [3, 20]. – «So you can tell Anna Ivanovna that poor Anton Pavlovitch, thank God! Has not gone out of his mind yet, but that he eats a great deal at supper and so he dreams of monks»;

Из писем А.П. Чехова явствует, что он изучал состояние безумия, читал книги по психиатрии и посещал «сумасшедший дом». «Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, переходное и житейски естественное. Во всяком разе, если автор изображает психически больного, то это не значит, что он сам болен. «Черного монаха» я писал без всяких унылых мыслей» [4, www]. – «I believe I am mentally sound. It is true I have no special desire to live, but that is not, so far, disease, but something probably passing and natural. It does not follow every time that an author describes someone mentally deranged, that he is himself deranged. I wrote "The Black Monk" without any melancholy ideas» [5, www].

Концепт «болезнь» понимается А.П. Чеховым как болезнь «сознания» и связывается с состоянием духовной жизни современного человека: «Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рожать только гуттаперчевых мальчиков, и не видит этого только Стасов, которому природа дала редкую способность пьянеть даже от помоев. Причины тут не в глупости нашей, не в бездарности и не в наглости, как думает Буренин, а в болезни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощения». – «Science and technical knowledge are passing through a great period now, but for our sort it is a flabby, stale, and dull time. We are stale and dull ourselves, we can only beget gutta-percha boys and the only person who does not see that is Stassov, to whom nature has given a rare faculty for getting drunk on slops. The causes of this are not to be found in our stupidity, our lack of talent, or our insolence, as Burenin imagines, but in a disease which for

the artist is worse than syphilis or sexual exhaustion» – перевод Констанс Гарнетт [там же].

В произведениях А.П. Чехова персонажи, страдающие душевными расстройствами, описаны в рассказах «Скучная история»/«A Tedious Story», «Черный монах»/«The Black Monk» и повести «Палата №6»/«Ward No. 6». Как врач А.П. Чехов рисует образы душевнобольных довольно реалистично, передавая симптоматику психических заболеваний.

Виды психических расстройств в произведениях А.П. Чехова

«Палата №6»/ «Ward No. 6»

1. Больной: «Моисейка». – «Moiseika»

Болезнь: «душевнобольной». – «mad»;

Анамнез: «любит услуживать<...> подражая и невольно подчиняясь своему соседу». - «Moiseika likes to make himself useful<...> through imitation, unconsciously dominated by his neighbour on the right hand».

Лечение: -

2. Больной: Иван Дмитрич. – «Ivan Dmitritch»

Болезнь: «мания преследования». – «mania of persecution»

Анамнез: «дрожа всем телом, стуча зубами, начинает быстро ходить из угла в угол». – «trembling all over, with his teeth chattering, begins walking rapidly from corner to corner»; «пальцы у него дрожали, и по лицу видно было, что у него сильно болела голова». – «his fingers twitched, and from his face it could be seen that he had a splitting headache».

Лечение: -

3. Больной: «круглый мужик». – «a peasant so rolling in fat»;

Анамнез: «потерял способность мыслить и чувствовать». – «utterly devoid of thought». - «он не реагирует, даже когда Никита его зверски бьет». – «but the fact that this stupefied creature does not respond to the blows»

Лечение: -

4. Больной: «худощавый блондин». – «a thinnish, fair little man»;

Анамнез: -

Болезнь: «мания величия». – «megalomania»;

Лечение: -

«Черный монах»/ «The Black Monk»

Больной: «Коврин». – «Kovrin»

Болезнь: «мания величия». – «megalomania»

Анамнез: -

Лечение: «бромистый калий». – «kalibromati»;

«Скучная история»/ «A Tedious Story»

Больной: «Николай Степанович». – «Nicolai Stiepanovich»

Болезнь: -

Анамнез: –

Лечение: –

По мнению А.П. Чехова, наблюдается «взаимосвязь между психическими и физическими болезнями»: «А если знаешь, как велико сходство между телесными и душевными болезнями, что те и другие лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделять душу от тела». – «And if one knows how great is the likeness between bodily and mental diseases, and that both are treated by the same remedies, one cannot help refusing to separate the soul from the body» (перевод Констанс Гарнетт).

Данный признак повторяется в рассказе «Скучная история»/«A Tedious Story»: «Ему 62 года, с лысой головой, с вставными зубами и с неизлечимым тис'ом. Насколько блестяще и красиво мое имя, настолько тускл и безобразен я сам. Голова и руки у меня трясутся от слабости; шея, как у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса, грудь впалая, спина узкая». – «The bearer of this name, that is myself, is a man of sixty-two, with a bald head, false teeth and an incurable tic. My name is as brilliant and prepossessing, as I myself am dull and ugly. My head and hands tremble from weakness; my neck, like that of one of Turgeniev's heroines, resembles the handle of a counterbass; my chest is hollow and my back narrow».

В произведениях А.П. Чехова акцентируется приверженность образованных людей к психическим заболеваниям. Главный персонаж «Скучной истории»: «заслуженный профессор с мировым именем, тайный советник (генеральский чин), кавалер многих отечественных и иностранных орденов, заведующий кафедрой и декан, врач Николай Степанович». – «an emeritus professor, privy councillor and knight he has so many Russian and foreign Orders».

В повести «Палата №6»/«Ward No. 6»: «Иван Дмитрич, один из обитателей палаты № 6 для душевнобольных, лет тридцати трех, из благородных, бывший судебный пристав и губернский секретарь, страдает манией преследования. Он или лежит на постели, свернувшись калачиком, или же ходит из угла в угол. Он всегда возбужден, взволнован. При малейшем шорохе в сенях или крике на дворе он поднимает голову и прислушивается: не за ним ли это идут? Grimасы его странны и болезненны, но тонкие черты его лица разумны и интеллигентны, в глазах теплый, здоровый блеск». – «Ivan Dmitritch Gromov, a man of thirty-three, who is a gentleman by birth, and has been a court usher and provincial secretary, suffers from the mania of persecution. He either lies curled up in bed, or walks from corner to corner as though for exercise; he very rarely sits down. He is always excited, agitated, and overwrought by a sort of vague, undefined expectation. The faintest rustle in the entry or shout in the yard is enough to make him raise his head and begin listening: whether they are coming for him, whether they are looking for him. And at such times his face expresses the utmost uneasiness and repulsion»; «пятым и последний обитатель палаты № 6 — мещанин, служивший когда-то сортировщиком на почте, маленький, худощавый блондин с добрым, но несколько лукавым лицом. Судя по умным, покойным глазам, смотрящим ясно и весело, он себе на уме и имеет какую-то очень важную и приятную тайну.» – «The fifth and last inhabitant of Ward No. 6 is a man of the artisan class who had once been a sorter in the post office, a thinnish, fair little man with a good-natured but rather sly face. To judge from the clear, cheerful look in his calm and intelligent eyes, he has some pleasant idea in his mind, and has some very important and agreeable secret».

«Черный монах»/«The Black Monk» – «Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы». – «Andrey Vassilitch Kovrin, who held a master's degree at the University, had exhausted himself, and had upset his nerves».

Как указывает знаменитый американский психиатр Томас Сас: «Болезнь – [душевная] – задача/загадка: для семьи душевнобольного, а также для общества, его болезнь – проблема; для самого больного – решение [6, 208].

Отношение к сумасшедшим (душевнобольным) в обоих социумах снисходительно настроенное: не всегда даже в медицине природа психических расстройств в обиходе представляется как «непорядок» с головой и «необычное / странное поведение» [7, 392]. Однако в России к психически больным было всегда более гуманное отношение. С древних времен «умалишенные» считались «убогими», «странными», «юродивыми», «блаженными» они находили приют в монастырях.

В народном сознании живет представление о тонкой грани, отделяющей здравый ум от безумия, невозможности определить норму. «От ума сходят с ума, а без ума не сойдешь с ума», – гласит русская пословица [8, 690]. Об этом говорят и чеховские герои: «Я – сумасшедший, а не сумасшедшие те, которые под личиной профессора, ученого мага, прячут свою бездарность, тупость, свое вопиющее бессердечие <...>». – «Me! I am mad, and those who hide their worthlessness, their dullness, their crying heartlessness behind a professor's mask, are sane!». – перевод Мэриан Фелл («Дядя Ваня»/ «Uncle Vanya»).

Как резюме в вопросе о нормальности/ненормальности звучит парадоксальное высказывание: «Нормальное состояние человека – это быть чудачком» – («Дядя Ваня»/«Ward No. 6»). – «lack of sense is a man's normal state». Говоря языком персонажа А.П. Чехова: «гениальные люди, которым верит весь свет, тоже не видели призраков? Говорят же теперь ученые, что гений сродни умопомешательству. Друг мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображения насчет нервного века, переутомления, вырождения и т. п. могут серьезно волновать только тех, кто цель жизни видит в настоящем, то есть стадных людей» (там же). – «And are you sure that the men of genius, whom all men trust, did not see phantoms, too? The learned say now that genius is allied to madness. My friend, healthy and normal people are only the common herd. Reflections upon the neurasthenia of the age, nervous exhaustion and degeneracy, et cetera, can only seriously agitate those who place the object of life in the present—that is, the common herd» (перевод Мэриан Фелл).

В произведениях А.П.Чехова под болезнью понимается все нарушающее нормальный, здоровый образ жизни. В рассказах А.П.Чехова больше внимания уделяется именно причинам болезни, чем описанию самого процесса болезни – состояния нездоровья.

Доминантным признаком концепта «психическая болезнь» является: «взаимосвязь между психическими и физическими болезнями». В произведениях А.П. Чехова акцентируется приверженность образованных людей к психическим заболеваниям.

В индивидуально-авторской картине мира А.П.Чехова процесс болезни и ее симптомы более значимы, чем причины её вызвавшие. Аксиологические характеристики концепта «болезнь» амбивалентны: болезнь – «приятна» и болезнь – «самая неинтересная вещь в жизни».

Наиболее частотной лексемой, репрезентирующей концепт «психические болезни» в идиолекте А.П. Чехова является лексема «сумасшедший»/ «mad».

Национально-культурная специфика перевода состояла в передаче внутренней образности фразеологизмов средствами английского языка

В ряде случаев трансляции присутствуют ошибки, так, в частности, при передаче предложения в письме А.П. Чехова Констанс Гарнетт, «за ужином много ест, а потому и видит во сне монахов». – «but that he eats a great deal at supper and so he dreams of monks» (досл. «за ужином он много ест вот и мечтает о монахах»).

Русская специфика отношения к психическим болезням, «ненормальным» не декодируется англоязычными переводчиками, что влечет неточности репрезентации и ошибки. Так, слова дяди Вани «Нормальное состояние человека – это быть чудаком» (чудак – разг. «чудной, странный или нелепый человек» Констанс Гарнетт понимает как «lack of sense is a man's normal state» («досл. отсутствие разума это нормальное состояние»).

Литература:

1. Письма А.П. Чехова – Переписка А. П. Чехова. [Электронный ресурс]: http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0350.shtml.
2. Chechov. Letters – By Anton Chekhov With a

Biographical Sketch Translated by Constance Garnett. [Электронный ресурс]: <http://c/chekhov/anton/c511t/complete.html>.

3. Бурно М.Е. О психастеническом мироощущении А.П.Чехова (в связи с рассказом “Черный монах”) // Целебное творчество А.П.Чехова: Размышляют медики и филологи. – М.: изд-во Российского об-ва медиков-литераторов, 1996. – С. 14-22.
4. Chechov – Chekhov’s Short Stories. [Электронный ресурс]: <http://www.pushkins-poems.com/Chekhov10.htm>.
5. The Tales of Tchekov / From Russian C Garnett. L., 1916-1922. Vol. 1–13; Chekhov A. The Cherry Orchard and Other Plays. L., 1923. [Электронный ресурс]: <http://chekhov2.tripod.com/>.
6. Szasz T.S. Antipsychiatry: Quackery Squared — Syracuse, New York: Syracuse University Press, 2009. — P. 208.
7. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
8. ТСЖВЯ – Толковый словарь живаго великорусского языка. Даль В. И – М.: Рус. яз., 1978. Т. 1. – 699 с., Т.2. – 779 с.

ОСОБЕННОСТИ ВАРИАНТА АВСТРАЛИЙСКОГО АНГЛИЙСКОГО В ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

Кучерова Светлана Ивановна

Ст. преп. кафедры английского языка, Куб ГТУ, г. Краснодар

В настоящее время проблема вариативности языка наиболее актуальна и интересна. Исследования лингвистических особенностей различных вариантов английского языка представляют собой исключительное явление. Английский язык является официальным языком таких государств, как Великобритания, США, Канада, Новая Зеландия и Австралия. Именно этот язык считается международным, на нем издается огромная часть книг, журналов, газет, ежегодно выходят десятки художественных фильмов. Американские средства массовой информации способствуют распространению не только американской культуры, но и языка. Невозможно недооценивать масштабы глобализации английского языка, тем более что в истории человечества ещё ни один язык не был настолько распространен и популярен.

Английский язык считается самым распространённым в мире, поэтому его структура далеко не однородна именно из-за его повсеместного распространения. Он представлен как в форме местных (региональных) и территориальных диалектов, так и в виде известных национальных вариантов: British English, American English, Canadian English, Australian English, New Zealand English и др. Каждый из таких вариантов имеет определенные особенностями на всех языковых уровнях (лексическом, грамматическом, и фонетическом) единой системы английского языка. Широкая вариативность английского языка объясняется специфическими национальными чертами во всех своих аспектах.

Известно, что самыми общепринятыми вариантами считаются британский и американский английский. В зависимости от того, какой из этих двух национальных вариантов оказал наиболее сильное влияние на формирование остальных вариантов английского языка, можно отнести их к британской или американской ветви [6, с. 37–

49]. Но существует множество других вариантов, которые не так подробно исследуются, как американский и британский. В языке компьютерного общения эти варианты представлены в чатовых комнатах, на форумах и блогах. Они являются самым точным отображением культуры носителей, состоянием языка на данном этапе развития общения. Мир Интернет-общения дает возможность подробно анализировать многочисленные языковые реалии. Очень много внимания уделяется анализу различий британского и американского языка, но вариант австралийского английского особенно интересен из-за своих специфических лингвистических особенностей.

Впервые термин «австралийский вариант» был зарегистрирован в 1940 году. Датой рождения AusE как национального варианта считается 1987 год [6, с. 17]. За этот относительно короткий, с точки зрения истории, период времени австралийский английский приобрел свои черты и особенности, свойственные только этому варианту языка. Если раньше можно было проследить этапы развития австралийского английского на примере произведений художественной литературы, изданий средств массовой информации и художественных фильмов, то сейчас огромное пространство Инетрнета дает возможность чуть ли не ежедневно находить новые примеры употребления австрализмов для дальнейших лингвистических исследований.

С точки зрения фонетики, австралийский английский AusE как вариант английского языка, реализуется в виде определённых типов произношения, которые дают возможность австралийцам делать лингвистический выбор в соответствии с требованиями ситуации. На материале компьютерной коммуникации можно сделать вывод об особенностях произношений, потому что участники Интернет общения передают через письменную форму

особенности устной речи. Например, во многих блогах авторы из Австралии употребляют форум *to die* [8], подразумевая *today*. Известно, что австралийцы произносят *to die* вместо *today* в устной речи. Типу произношения варианта австралийского английского *BrAus* присущи различного рода ассимиляции, замедленный темп речи. По данным некоторых исследователей, эта просторечная форма является результатом слияния и эволюции просторечий, диалектов, жаргонов Австралии. *Cultivated AusE* (*Caus*) или «acroлект» – культивируемое произношение, наиболее характерное в телерадиовещании, этим типом произношения пользуется очень маленькая часть населения Австралии. Так как она максимально приближена к британскому варианту, то в языке компьютерного общения их практически не встретишь в повседневных форумах и блогах. Они свойственны сайтам средств массовой информации, официальным сайтам компаний, представителям бизнеса администрации. Как правило, его называют «*Neag – RB*» из-за близости к британскому варианту. В Интернете много примеров общего австралийского английского, известного как *General AusE* (*GenAus*) или «мезолект». Он является средним средним между просторечным произношением и нормативным и не имеет резко выраженных черт. *Strine* (*Australian*) – такой тип произношения, для которого характерно искажение звуков и сокращение слогов. Например, на различных форумах можно встретить такие примеры как «*tmoney*» вместо *Monday* [8] или «*Ah, he's an Aussie*» (*He is an Australian*) [8]. Термин «*Strine*», введенных в обиход Алистером Моррисоном в 1964 году, широко распространился за пределами Австралии как юмористический стереотип разговорного стиля многих австралийцев. *Broad AusE* (*BrAus*) или «базилект» – просторечное произношение, чисто австралийский стиль (акцент). Примерами этого типа произношения можно считать «*Good on ya, mate*» (*Well done*), «*How ya goin'?*» (*How are things*), «*What a ripper*» (*He is lovely*) [8].

В области грамматики в *AusE* наблюдаются очень незначительные отличия в употреблении отдельных форм и конструкций от *BE*, которые не носят отличительного характера. Поэтому австралийский элемент в грамматической системе *AusE* выражен слабо.

Огромный интерес представляет английский артикль в австралийском английском. Австралийские лингвисты считают, что их вариант английского языка – это обобщение всех языковых особенностей диалектов и наречий Британского Королевства. Система артиклей в австралийском варианте английского включает в себя определенный (*the*), неопределенный (*a*, *an*) и нулевой (*-*) артикли. Определенный артикль может употребляться в качестве синонима указательных местоимений *this* и *that*, а неопределенный артикль в ряде случаев выступает в значении числительного *one*. Анализ системы артикля австралийского варианта английского языка показывает, в большинстве случаев артикль придает слову или выражению определенную эмоционально-экспрессивную окраску в разговорной речи. При анализе системы артиклей оказывается, что чаще артикль используется, как средство, придающее определенную эмоциональную экспрессивную окраску.

В австралийском варианте такие слова, как *cow* и *beauty* (*beaut*) используются как общие термины соответственно отрицательной и положительной оценки. Но в зависимости от употребления артикля меняется экспрессивная окраска. Например, обсуждая проблемы дорог в сельской местности, один из участников компьютерного общения отмечает: «*A cow of a road is in our village*», то есть «в нашей деревне одна плохая дорога» [8]. В другом

случае, в рассказе о поездке в дождливую погоду, участник диалоговой ситуации выражает свое недовольство: «*The cow of the road*» в значении «не дорога, а неизвестно что...» Восхищаясь новой машиной, австралиец скажет: «*The car is a beaut*» в значении «просто прелесть, а не машина» [8].

Большой интерес представляют случаи, когда слова, известные в обоих вариантах английского языка, имеют в каждом из них различную частотность. В обоих вариантах известны слова *cinema* и *pictures*, но «пойти в кино» англичанин передаст как *to go to the cinema*, а австралиец – как *to go to the pictures*. В австралийском английском «кино» чаще употребляется с определенным артиклем, но встречаются случаи, когда в разговорной речи собеседник употребляет «кино» с неопределенным артиклем, например, «*I don't like a picture we watched ... a picture with Di Caprio ...*» [8]. Неопределенный артикль, используется для того, чтобы показать, что фильм не произвел на него никакого впечатления, то есть «фильм так себе».

В целом австралийский вариант английского языка в действенном плане остается подобным британскому варианту, но вместе с тем, именно в нем ярче выражены индивидуальные особенности функционирования системы артиклей. Часто артикли употребляются для выражения эмоционально-экспрессивной оценки. Определенный артикль «*the*» придает как положительное, так и отрицательное значение предмету или явлению, а артикль «*a*» может употребляться в значении преуменьшения. Все это связано с разговорным статусом и могут свидетельствовать о возможных тенденциях развития системы в будущем.

Рассмотрев особенности австралийского варианта английского языка, можно сделать вывод, что вариант британского английского претерпел значительные изменения в результате его формирования.

В настоящее время вариант австралийского английского широко представлен в языке компьютерного общения и предоставляет огромное количество примеров для лингвистических исследований в различных аспектах. Анализ примеров участников Интернет-коммуникации показывает, что данный вариант британского языка имеет свою, пусть небольшую, но историю. Часто трудно проследить связь многих примеров австралийского варианта языка с классическим вариантом, порой непонятно, почему многие выражения в австралийском английском представлены именно в том или ином виде, отдаленно напоминающие примеры из британского английского. Это говорит об огромном языковом потенциале, об исключительной особенности австралийского английского. В перспективе многие грамматические формы, особенности произношения будут претерпевать различные изменения под влиянием Интернет-культуры. Можно предположить, что со временем вариант австралийского английского приобретет такую же масштабность как вариант американского английского. Анализируя материалы форумов, чатовых комнат и блогов, можно сделать вывод, что современное развитие австралийского английского значительно отличается от основных вариантов. Более того сами участники компьютерной коммуникации предпочитают употреблять в речи австрализмы для того, чтобы подчеркнуть особенность, уникальность и своеобразность своего родного диалекта.

Список литературы

1. Американа: англо-русский лингвострановедческий словарь / под. Ред. Г. В. Чернова. – М.: Полиграмма, 1996. – 1186 с.

2. Жукова, Т. С. Фонетические особенности австралийского варианта английского языка / Т.С. Жукова // Вестник Новосибирского ун-та. – 2008. - № 3. - С. 6-7.
3. Малышева, Н. В. Лингвистические особенности австралийского английского / Н. В. Малышева // International journal of experimental education. – 2011. - №8. – С. 92.
4. Новый большой англо- русский словарь / под. Ред. Ю. Д. Апресян. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002. – 832 с.
5. Орлов, Г. А. Современный английский язык в Австралии / Г.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1978. – 146 с.
6. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В. Ощепкова. – М.: Глосса- Пресс, 2006. – 336 с.
7. Ощепкова, В. В. Краткий англо – русский лингвострановедческий словарь: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия / В.В. Ощепкова, И.И. Шустилова. - М.: Медия, 2006. -180 с.
8. www.bbc.com

ОБЪЕКТИВАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Соболева Татьяна Евгеньевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, г. Белгород,

Ломоносова Юлия Евгеньевна

Канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, г. Белгород

Одной из важнейших категорий современной науки и культуры является концепт. Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека» [4, с. 90]. Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом (Воробьев 1997; Карасик 2001, 2002, 2004; Красных 2002 и др.). Оба подхода не являются взаимоисключающими. Современным направлением, интегрирующим данные области, стала когнитивная культурология, в рамках которой концепт рассматривается «как единица культурной репрезентации, включающая все уровни постижения действительности, начиная от чувственного восприятия и заканчивая абстрактными логическими выводами» [6, с. 8]. Концептуальный анализ в когнитивной культурологии, направленный на реконструкцию культурных концептов, позволяет получить новые знания о формировании картины мира, ценностных приоритетах, способах восприятия и понимания окружающей действительности.

Работы, посвященные исследованию концепта, демонстрируют выделение разнообразнообразных компонентов его структуры, но при этом, во всех современных концептологических теориях присутствует ценностная (аксиологическая) составляющая как один из факторов изучения структурированного знания о предмете или явлении. Несмотря на активное рассмотрение данной проблематики, отношение к аксиологическому компоненту концепта остается неоднозначным, однако признается, что аксиологический подход позволяет подчеркнуть интегральный характер концепта, т. е. раскрыть его многомерность и определить его основную функцию – осуществление культурогенной трансляции из одной предметной области в другую [5, с. 18]. Актуальность аксиологических исследований для современной культурологически и когнитивно ориентированной лингвистики не вызывает сомнения. Основополагающим принципом культуры выступает ценность. Культурные ценности обеспечивают «тождественность действующих субъектов», «уплотняясь, они образуют исторические и биографические узлы ценностных ориентаций» [7, с. 268-269]. Описание совокупности концептов способствует моделированию системы ценностей. Согласно функциональному подходу,

оценка играет чрезвычайно важную роль при непосредственной коммуникации, т.е. в речи, где затрагиваются интересы участников [3]. Оценка как факт речи носит вариативный характер, который проявляется в конкретных речевых актах.

Возможность лингвистического изучения аксиологической составляющей сознания показана в исследовании Ю. Дольника, выделяющего 1) объективно-оценочные слова, значение которых включает объективный критерий оценки; 2) имплицитно-оценочно-дескриптивные слова, отражающие результат оценки на базе объективного или субъективного критериев в виде реакции субъекта [8, с. 506]. Поскольку в данной работе обозначенная проблема изучается на примере концепта «родственные отношения», для нас представляет наибольший интерес членение второго ряда. Анализ словарных дефиниций ключевых лексем *parenté* и *родство*, объективирующих исследуемый концепт, не позволяет обнаружить какие-либо коннотативные значения, выражающие эмоциональное или оценочное отношение к соответствующему денотату. Оценочный компонент отсутствует и в семантике других номинаций концепта: *les parents, la famille, le lignage, la filiation, la cognation, la consanguinité, le cousinage, la descendance, l'ascendance; le parent, la parente, le proche, les proches, l'allié, l'alliée, l'ancêtre, les ascendants* и т.д. – во французском языке; *родство, родственность, родня, сродство, племя; родственник, родственница, родственники, родные, близкие, домашние, домочадцы, родич, предок* и т.д. – в русском языке. Для изучения аксиологической составляющей рассматриваемого концепта мы считаем необходимым обратить внимание на все разнообразие употреблений лексем, номинирующих концепт «родство», «в синтаксических построениях разного формата и системно связанных с ним лексических единиц» [2, с.28].

Для русской и французской лингвокультур характерна ценность контактов с близкими родственниками, хотя их состав отличается в рассматриваемых социумах. Если для французских носителей круг близких родственников, как правило, ограничивается членами нуклеарной семьи (отец, мать и их дети), то для представителей российского общества к числу близких родственников относятся еще и старшее поколение. Примечательно, что в обеих культурах выявляется потенциально пренебрежительно-негативное отношение к дальним родственникам:

Двоюродный кисель на троюродной воде; Нашему забору двоюродный плетень; Лучше добрые соседи, чем далекая родня. / *Mieux vaut bon prochain voisin, que parent lointain* (Лучше добрый сосед, чем дальний родственник);

Mieux vaut prochain ami que lointain parent (Лучше близкий друг, чем дальний родственник). Носители французской культуры считают соседство с родственниками плохой приметой: *Le cousinage est un dangereux voisinage* (Родство двоюродных братьев и сестёр - опасное соседство).

В русском социуме отмечается настороженное отношение к родственникам: Родство узнаётся в беде; С родней не без хлопот; Родных много, а как тонуть - не за кого ухватиться. Русскому человеку более комфортно в тесном кругу, состоящем только из членов его семьи: Вся семья вместе, так и душа на месте; Семья в куче - не страшна и туча.

Несмотря на обилие синонимов, выражающих свойственные отношения во французском социуме, в русском языке отмечается большая дробность данной зоны рассматриваемого номинативного поля. Французскому существительному *belle-mère* в русском языке соответствуют сразу два субстантива: теща и свекровь. Во французском языке нет никаких различий между двумя соответствующими понятиями, что находит отражение в одном и том же способе их номинации. По такому же принципу номинируются и другие члены свойственных отношений: *le beau-père* – тесть/свекор, *la belle-sœur* – свояченица/золовка/невестка (жена брата), *le beau-frère* – шури/деверь/свояк/зять (муж сестры). Но: *la belle-fille/la bru* – невестка/сноха (жена сына), *le beau-fils/le gendre* – зять (муж дочери). В результате данного сопоставления можно сделать вывод о том, что для русского социума является принципиально важным выделять каждого члена свойственных отношений с помощью закрепленных за ним индивидуальных номинаций. Это утверждение свидетельствует о ценности поддержания свойственных отношений между родственниками в русском обществе, признание индивидуальности каждого из членов этих отношений с присущими им специфичными особенностями в исполнении своей семейной роли. Французская лингвокультура относится одинаково ровно ко всем членам свойственных отношений за исключением невесток и зятьев, что говорит о частотности контактов с данными участниками родственных отношений. При этом в обеих культурах выявляется неприятельское и потребительское отношение к невестке со стороны свекрови: Все в семье спят, а невестке молоть велят; Кукушка соловушку журит; Свекровь кошку бьет, а невестке наветки дает. Во французском языке подобные пословицы встречаются реже: *A la fille pain et chaise, à la bru croûton et dehors* (Дочери – хлеб да соль, невестке – горбушку, да на двор); *La belle-mère et la bru dans la même maison sont comme deux chats dans un sac* (Свекровь и невестка в одном доме подобны двум кошкам в одном мешке); *Gendre et bru sont gens d'autrui* (Зять и невестка – всегда чужаки).

Следует отметить немаловажную роль золовок в родственных отношениях русской семьи, где народный менталитет представляет их как злоязычниц и подстрекательниц: Золовки – колотовки, побей головки; Золовка хитра на уловки; Золовка – зловка; золовка – колотовка; золовка – мутовка. Данные семы являются лакунарными для французского общества.

Особого внимания заслуживают отношения между зятем и тещей. Во французском социуме отношение тещи к зятю сдержанное, чаще всего зять рассматривается как зачинатель ее внуков: *Une belle-mère, c'est une dame qui*

donne sa ravissante fille en mariage à un monstre horrible et dépravé pour qu'ils fassent, ensemble, les plus beaux enfants du monde (Alphonse Karr) (Теща – это дама, которая отдает свою дочку замуж за ужасного развратного монстра, чтобы вместе они родили ей самых прекрасных внуков на свете); *Qui a un bon gendre, trouve un fils; qui a un mauvais gendre, perd une fille* (Тот, кто получает хорошего зятя, приобретает сына, кто получает плохого зятя, теряет дочь).

В русской культуре отношения между тещей и зятем более интимные, чаще всего он становится почетным гостем в ее доме и вторым сыном: Придёт зять, где сметанки взять; Зять на двор — пирог на стол; У тещи зятек любимый сынок.

В обеих культурах можно найти точки соприкосновения в интерпретационном поле, а именно общую сему «дочка для матери ближе, чем сын»: Зять по дочке помилует, а сын по невестке опостылеет - *Le fils unique qui se marie perd sa mère et gagne deux belles-mères* (Tristan Bernard) (Женившись, сын теряет мать и наживает двух тещ).

Микрокомпонент «теща» является, без сомнения, самым ярким конститuentом рассматриваемого концепта и обладает большой образностью: *Belle-mère, fut-elle de sucre, est amère* (Теща мягко стелит, да жестко спать, букв.: Даже если бы теща была сделана из сахара, все равно была бы горькой). Здесь четко просматривается перцептивный вкусовой образ, основанный на метафорическом переносе. Когнитивный образ лежит в основе многих афоризмов и шуток, посвященных теще: *La difference entre le soleil et une belle-mère? Le soleil est un astre, la belle-mère un désastre* (Какая разница между тещей и солнцем? Солнце – это звезда, а теща – большая беда). В этом случае образ тещи приобретает символическое значение – беды, краха, катастрофы. *Le mariage c'est pas la mer à boire, mais la belle-mère à avaler* (Мало жениться, нужно еще с тещей прижиться, букв.: Женитьба - это не выпить море, а проглотить тещу). В этой пословице заложен когнитивный образ тещи, с которой трудно найти общий язык, «переваривать» ее, если быть ближе к афоризму. Здесь также имеет место метафорический перенос, каламбур.

Для представителей французской нации характерно, как правило, крайне негативное отношение зятя к теще: *Il n'y a pas de bonheur parfait! dit l'homme quand sa belle-mère mourut et qu'on lui présenta la note des pompes funèbres* (Jérôme Klapka Jérôme) (Не бывает абсолютного счастья! - воскликнул человек, когда умерла его теща, и принесли счет для оплаты ритуальных услуг).

Специфической особенностью французов является любовь к черному юмору, а концепт «теща» – чуть ли не самой излюбленной темой для афоризмов и мрачных шуток, которые актуализируют отрицательные оценочные признаки концепта: *Quel est le poids idéal d'une belle mere? - 5 kg avec l'urne* (Каков идеальный вес тещи? – 5 кг погребальной урны с прахом); *Comment reconnaitre les bons champignons des mauvais? Faites-les goûter à votre belle-mère. Si elle meurt, c'est qu'ils sont bons* (Как отличить хорошие грибы от плохих? Дайте их попробовать вашей теще. Если она умрет, значит, грибы хорошие).

В русском языке также существует подобный анекдот:

- Я вчера в лесу три ведра грибов собрал для тещи.
- А вдруг они ядовитые?
- Что значит «вдруг»?!!

Анекдот дает возможность через парадокс увидеть особенности человеческого бытия, в частности, опреде-

ленные психологические типы. По ним мы можем наиболее точно судить об отношении к тому или иному объекту. Как уже ранее было отмечено, французскому обществу в большей степени присущ черный юмор, открытое высмеивание порицаемого объекта, в данном случае – тещи: Un homme rentre du boulot, sa femme lui dit: «J'ai une bonne et une mauvaise nouvelle, ma mère est morte...». L'homme répond: «Quelle est la mauvaise nouvelle?» (Муж возвращается с работы, жена ему говорит: «У меня две новости, одна хорошая, другая плохая. Мама умерла...». Муж в ответ: «А какая плохая новость?»).

Несмотря на наличие идентичных когнитивных признаков, русское и французское понимание концепта «теща» несколько различается. Русский зять более снисходителен к своей теще, хотя также выделяется сема «негативное отношение», но признак «смерть, как счастливое избавление от тещи» находится на крайней периферии поля. Русские пословицы чаще представляют тещу как нежелательного гостя в доме зятя: Теща в гости катит, зять из дома бежит; Теща в дом, всё вверх дном; Был у тещи, рад утешки. В русских анекдотах теща чаще выступает в роли объекта, над которым зять подтрунивает, находит остроумные ходы, чтобы не пускать ее в свой дом:

- Зятёк, убей муху, она переносит заразу
- Угомонитесь, мама, вас она не поднимет.

В отличие от концептуализации естественных объектов и явлений, понятие оценочной концептуализации мира еще достаточно ново, и не получило широкого описания в рамках когнитивного направления. В настоящем исследовании, понимая под оценочной концептуализацией «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании» [1, с. 104], мы можем констатировать наличие оценочного концепта «родственные отношения». Для представителей любой национальности, данный концепт, обладая набором конкретных когнитивных признаков, в силу своей значимости, обязательно приобретает определенные ценностные характеристики. Семья, семейные отношения рассматриваются сквозь призму ценностной системы человека. Между объектами действительности и их оценочной номинацией всегда стоит человек и его система ценностей. Анализ аксиологического компонента концепта «родственные отношения» позволяет,

прежде всего, сделать вывод о значимости исследуемого концепта в русском и французском социумах. Модальность оценки обычно обусловлена степенью близости родства: дальние родственники воспринимаются более негативно, к ним относятся настороженно. Следует отметить также более близкие родственные отношения между представителями русской лингвокультуры. Русский язык стремится к индивидуализации, наделяя определенной степенью значимости каждого члена семьи, что говорит о более тесных контактах с родственниками. Представители французского социума склонны к обобщению и уравниванию таких членов семьи как теща и свекровь, тесть и свекор, золовка, свояченица и невестка, шурин, деверь и зять, номинируя каждого члена микрогруппы одной и той же лексемой. Несмотря на общее отрицательное отношение к членам семьи, связанным свойственными отношениями, в русском обществе они представляются намного душевнее и теплее.

Список литературы

1. Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий. С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 103-114.
2. Васильев В.П., Васильева Э.В. Ассоциативное поле как экспонент концепта. Вестн. Кемер. ун-та. Сер. Филология. Вып. 4 (12). – Кемерово: ЮНИТИ, 2002. – С. 24-34.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Отв. ред. Г.В. Степанов. М.: "Наука", 1985 - 228 с.
4. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Наука, 1996. – 245 с.
5. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода. Концепты: Научные труды Центроконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 1. С. 11–35.
6. Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход). Автореф. канд. дисс. 24.00.01. Ростов н/Д, 2007.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2000.
8. Dolnik J. Das axiologische Konzept und die axiologischen Wortfelder. Zeitschrift für Slawistik, Bd. 39. № 4, 1994. S. 504-513.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «ФИГУРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ» В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Лошак Галина Петровна

Кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО, «Рязанский государственный агротехнологический университет им. П.А.Костычева», г.Рязань

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – помочь обучающимся достичь адекватного уровня владения коммуникативной и профессиональной компетенциями. Акцент делается на употреблении идиоматических оборотов в сфере экономики. Образные выражения анализируются с точки зрения их структуры, мотивированности и сферы употребления.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, профессиональная компетенция, фразеологические единицы, сфера экономики, уровень владения языком.

ABSTRACT

The article aims at providing language learners with appropriate level of communicative and professional competence. The stress is laid on the usage of idiomatic word-combinations in the sphere of economics. Figurative phrases are analyzed from the point of view of their structure, motivation and sphere of application.

Keywords: communicative competence, professional competence, phraseological units, sphere of economics, language acquisition.

В английском языке существует немало образных слов и выражений, которые являются предметом изучения одного из интереснейших разделов языкознания – фразеологии. Образные обороты или фразеологические единицы (ФЕ), как их именуют лингвисты, представляют собой специфический сегмент словарного состава языка. Они отражают менталитет народа, его образное мышление, его этнопсихолингвистические особенности. Как метко выразился великий русский поэт А.С.Пушкин, «...разум неистощим в соображении понятий, а язык неистощим в соединении слов».

Английский язык буквально изобилует «фигурами речи», возникшими в различных сферах бытия. Фразеологические обороты, если можно так выразиться, «сверкают всеми гранями человеческого опыта», поражая воображение реципиента необычными, причудливыми и порой алогичными образами, положенными в их основу. Возьмем, к примеру, глагольные ФЕ: *Keep your pecker up!* - Не вешай носа! Не унывай! /pecker (букв.) клюв/. Ср. русск.: *Держи хвост пистолетом!*; или *to set the Thames on fire* – сделать что-либо необычное, из ряда вон выходящее / (букв.) зажечь Темзу/. Не менее оригинальны и субстантивные ФЕ, такие, например, как: *wet blanket* – нытик; человек, который портит всем настроение / (букв.) мокрое одеяло/; *bad egg* - ничтожество, пропащий человек; негодяй / (букв.) тухлое яйцо/; *red herring* – отвлекающий маневр / (букв.) копченая селедка/; *calamity Jane* – паникер/ша/. Этот оборот применим к лицам обоего пола, в нем мы наблюдаем нарушение гендерного принципа.

Фразеологические единицы широко используются в речи писателей, дипломатов, государственных деятелей, а также в обиходном и профессиональном общении рядовых носителей языка. Они делают речь говорящего яркой, образной, эмоционально насыщенной. Можно без преувеличения сказать, что знание фразеологии является элементом культуры, признаком интеллигентности. Междисциплинарный характер связи фразеологии с другими науками делает изучение фразеологической проблематики чрезвычайно интересным и полезным как с теоретической точки зрения, так и в практическом плане [8, с.196].

Предметом данного исследования является дискурсивный функционально-семантический анализ ФЕ, употребляемых в сфере экономики. Дискурс является сложным интегративным феноменом, сочетающим в себе как экстралингвистические, так и сугубо лингвистические факторы / Подробному анализу сущности дискурса посвящена монография Н.Н.Миронова [7]/. К числу экстралингвистических факторов относятся так называемые «фоновые» знания, репрезентирующие тот или иной сегмент реальной действительности. Лингвистический формат любого дискурса, в нашем понимании, представляет собой своеобразную «экстраполяцию» языковых средств на ту или иную сферу человеческой деятельности. Этот аспект детально анализируется в наших работах [3, 4,5].

Во главу угла данного исследования мы ставим лингвистическую составляющую дискурсивной сферы экономики. В ходе анализа фактического материала мы установили, что в состав вокабуляра, представляющего данную сферу человеческой деятельности, входит большое количество лексических единиц различных тематических групп, как то:

1. Сельскохозяйственная лексика, которая включает: а) наименования представителей фауны, среди них: *bear* – медведь, *bull* – бык, *cat* - кошка, *chicken* –

цыпленок, *dog* – собака, *duck* – утка, *pig* – свинья, *horse* – лошадь и др; б) наименования представителей флоры, а именно: *banana* – банан, *bean* – боб, *cucumber* – огурец, *hay* – сено, *onions* – лук, *potato* – картофель и др.

2. Названия денег и денежных единиц: *dollar*, *money*, *pence*, *penny*, *pound*, *shilling* и др.
3. Числительные (преимущественно первого десятка), как количественные, так и порядковые.
4. Имена собственные: *Andy*, *Jack*, *Jim*, *Joe*, *Tom* и др.

В структурном отношении ФЕ исследуемого типа неоднородны. Это и сложные слова, и словосочетания, и обороты со структурой предложения. Среди них:

1. многочисленные субстантивные обороты: *money-grubber* – человек с патологической склонностью к накоплению денег (ср.: чахнет над золотом); *aunt Tom* – успешный профессионал в мужской профессии / (букв.) тетя Том/; *dogsbody* – неквалифицированный работник (букв. собачье тело); *piggy-back promotion* - продвижение на рынке одного товара в совокупности с другими (*pig* букв. свинья); *rat race* – жесткая, нескончаемая конкуренция в борьбе за богатство и успех в бизнесе и обществе (букв. крысиная гонка); *cats and dogs* – акции сомнительной ценности; *ma- and pa-* малый семейный бизнес; *creative accounting-* сомнительная бухгалтерия;
2. глагольные ФЕ: *to cut off with a shilling* – лишиться наследства; *to pay through the nose* – платить бешеные деньги (букв. платить через нос); *to grease smb's palm* – подмазать (дать на лапу/ дать взятку); *to cook the books* – фальсифицировать бухгалтерскую отчетность/ букв. стряпать книги (двойная бухгалтерия)/; *to cost a pretty penny* – влететь в копеечку / обойтись в кругленькую сумму/.
3. адективные ФЕ: *dirty rich* – очень богатый; *dirt cheap* – очень дешевый;
4. фразеологические обороты со структурой предложения. К ним относятся многочисленные пословицы и поговорки. Среди них: *Money begets money* – деньги к деньгам; *Take care of the pence and pounds will take care of themselves.* - Копейка рубль бережет (букв. Береги пенс, получишь фунт); *Money up front!* - Деньги на бочку! или Утром деньги, а вечером стулья и др.

Следует отметить, что фразеология представляет собой микросистему языка и, как в любой системе, в ней действуют свои закономерности. Элементы этой микросистемы взаимодействуют. Они образуют различные семантические группы. Принципы систематизации специализированной лексики разработаны в статье Г.П.Лошак, И.П.Савиловой «Роль аутентичных учебных материалов в реализации компетентностного подхода к обучению иностранным языкам» [6]. Одним из видов системно-семантических отношений является синонимия. Синонимичными, т.е. близкими по значению, являются следующие ФЕ: *top banana/ top dog* - менеджер / (букв.) главный банан, главная собака/; *to know one's onions/business/beans* – быть очень компетентным в своем деле; *chicken feed/chicken money* – смехотворная сумма денег (букв. корм для цыпленка, ср. «кошке на молоко»). Различная образность освежает структурную модель, по которой построены данные ФЕ. Синонимичными являются также обороты *bear campaign / bear raid/ bear tack/ U.S./-* действия дилеров, направленные на то, чтобы сбить цены путем продажи

ценных бумаг, с тем чтобы позднее их можно было купить еще дешевле.

Существуют также региональные синонимы. К их числу можно отнести следующую пару устойчивых оборотов: *to pack in business* /U.K./ и *to pull up stakes* (*stake* – стойка, столб) /U.S./. Оба оборота означают «свернуть бизнес». Или: *two/ten a penny* – по дешевке (U.K./ U.S. соответственно).

Среди ФЕ исследуемого типа встречаются антонимы. К примеру: *bear market* – рынок, на котором цены падают и *bull market* – рынок, на котором цены растут /bear (бирж.) «медведь», спекулянт, играющий на понижение; *bull* (бирж.) «бык», спекулянт, играющий на повышение/. Антонимичными являются также обороты: *as rich as Croesus* – богат как Крез (очень богат) и *as poor as Job* – беден как Иов (очень бедный). Семантическая полярность характеризует также образные выражения: *cash cow milking* – получение супердоходов (от «дойной коровы») и *mouse milking* – получение мизерных доходов затратив большие усилия (*mouse* – мышь, *to milk* – доить).

Многие ФЕ исследуемого типа образуются в результате метафорического переноса, например: *sugar-daddy* – спонсор (*sugar* – сахар, *daddy* – папочка) или *fat cat* – состоятельный бизнесмен, богач (букв. жирный кот), также: *wildcat business* – бизнес, который управляется безответственно, с неоправданным риском, без учета возможных негативных последствий (*wild cat* – дикая кошка).

Некоторые ФЕ образованы путем аллитерации (повтора начальных звуков), например: *dribs and drabs* – небольшие, несущественные суммы денег; или *at sixes and sevens* – неряшливое ведение финансовой отчетности. Среди ФЕ исследуемого типа встречаются также рифмованные обороты, например: *handy Andy* – умелый и расторопный работник /ср. «палочка-выручалочка»/.

Следует отметить, что эмоциональная окраска слов и выражений исследуемого сегмента фразеологии отличается большим разнообразием оттенков (иронический, шуточный, насмешливый, пренебрежительный, презрительный, уничижительный, юмористический). Многие из рассматриваемых ФЕ стилистически маркированы и относятся к разряду сниженной лексики (просторечные обороты, жаргонизмы, сленгизмы). Глубокий анализ выразительных средств языка представлен в работе Л.В.Рыжковой-Гришиной [9].

Как показывают наблюдения, даже в такой, казалось бы, совсем уж не эмоциональной сфере как экономика, образные выражения находят достаточно широкое применение. Следовательно, овладение идиоматикой, безусловно, будет способствовать прагматизации речевой деятельности обучаемых. Задача преподавателя – привить им интерес к этой сфере языка. Как верно подметил Н.Белов «Использование ... идиом позволяет быстрее и надежнее установить контакт со слушателем, а также избежать риска приобрести репутацию излишне «серьезного» человека» [1, с.9]. Этому высказыванию созвучно другое: «Умелое использование фразеологического богатства языка, на котором происходит общение, является весомым «козырем», позволяющим произвести на собеседника приятное впечатление и вызвать к себе уважение и интерес» [2, с.6].

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что формирование профессионально ориентированной коммуникативной компетентности немислимо без знания идиоматики, реализуемой в той или иной области

человеческой деятельности. Эта сфера языка обеспечивает расширение диапазона иноязычной коммуникации, умение четко, логично, и, что не менее важно, корректно и остроумно выражать свои мысли. Вряд ли можно отрицать тот очевидный факт, что глубокое знание иностранного языка и системы его образных средств будет способствовать адаптации и самореализации молодых специалистов в современном поликультурном мире. Оно позволит им адекватно участвовать в реальной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Белов Н. Словарь живого разговорного английского и американского сленга. – Минск.: Издательство «Харвест», 2010. – 256с.
2. Брускина Т.Л. Краткий русско-английский фразеологический словарь. – Санкт-Петербург.: Издательство «Лань», 1999.- 253с.
3. Лошак Г.П., Князькова О.И. Методические предпосылки выработки навыков адекватного владения специальной лексикой в аграрном дискурсе (на материале английского языка). Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе» РГУ им. С.А.Есенина. 21-22 марта 2014.- Рязань.: Издательство «Концепция», 2014. С.89-93.
4. Лошак Г.П., Савилова И.П. Обучение эффективному использованию общекультурных и профессиональных компетенций в речевой коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе» РГУ им. С.А.Есенина. 21-22 марта 2014.- Рязань.: Издательство «Концепция», 2014. С.24-26.
5. Лошак Г.П. Идиоматические обороты в информационном пространстве бизнеса, экономики и менеджмента (на материале английского языка). Сб.: Научное сопровождение инновационного развития агропромышленного комплекса: теория, практика, перспективы Материалы 65-й Международной научно-практической конференции. «Рязанский государственный аграрно-технологический университет им. П.А.Костычева. – Рязань., 2014. С.192-196.
6. Лошак Г.П., Савилова И.П. Роль аутентичных учебных материалов в реализации компетентностного подхода к обучению иностранным языкам /Г.П.Лошак, И.П.Савилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт».- 2014. – Спецвыпуск №08. – ART 14598. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14598.thm>. – Гос.рег. Эл. №ФС77 – 49965. – ISSN 2304 – 120х.РР.1-6/
7. Миронов Н.Н. Дискурс – анализ оценочной семантики. – М.: НВИ – «Тезаурус», 1997 – 160с.
8. Савилова И.П., Лошак Г.П. К вопросу о роли фразеологии в изучении английского языка. Материалы международной научно-практической конференции «Проблемы преподавания иностранного языка в системе многоуровневого образования в России и за рубежом» РГУ им.С.А.Есенина.- Рязань, 3 февраля 2009. – С.196-198.
9. Рыжкова-Гришина Л.В. Художественные средства: Изобразительно-выразительные средства языка и стилистические фигуры речи: Словарь. – М.: Флинта, 2015.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭМОЦИЙ. ЭМОТИВНЫЙ КОНЦЕПТ

Магомедова Саидат Магомедовна

Канд. фил. наук, преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков ДГУ, г. Махачкала

На современном этапе развития лингвистической мысли большую популярность и актуальность приобретают направления антропоцентрического характера, акцентирующие внимание на человеке, носителе языка, на различные сферы человеческой деятельности, на его внутренний мир и психологическое состояние. Идентификатором внутреннего состояния субъекта являются эмоции, которые пронизывают все стороны жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка. В связи с этим возрастает интерес к изучению эмоций, вербализации эмоций (лингвистика эмоций) и эмотивных концептов как репрезентантов эмоционального опыта того или иного лингвосоциума.

Благодаря эмоциям мы можем проникнуть вглубь внутреннего мира человека, описать эмоциональную картину мира, отражающую многовековой опыт этноса. Эмоции представляют собой состояния, связанные с оценкой значимости для индивида действующих на него факторов и выражающиеся прежде всего в форме непосредственных переживаний удовлетворения или неудовлетворения его актуальных потребностей [16, с. 133]. Это психические процессы оценивания поступающей в мозг информации о внешнем и внутреннем мире, которую ощущения и восприятия кодируют в форме его субъективных образов [5, с. 31-32]. Таким образом, эмоции выражают субъективную форму отражения, познания и оценки объективной действительности.

По периферической теории Джейма-Ланге, эмоции, будучи зависимы от вазо-моторной системы человека [11, с. 113-129], представляют собой переживания телесных изменений, возникающие при восприятии волнующего факта [4, с. 101]. Другими словами, эмоции есть сознания формы, или гештальта, многочисленных органических впечатлений: внешние ситуации, вещи вызывают в организме человека реакции, сознание которых мы называем той или иной эмоцией [21, с. 124-138].

Большинство психологов и лингвистов [25; 29; 30; 31; 7; 9] признают универсальный (общечеловеческий/ общекультурный) характер эмоций, т.к. они относятся к общей психической деятельности человека и присущи всем людям безотносительно к их культуре, языку или образовательному уровню. Однако, другие ученые говорят об эмоциях как о национально-специфическом комплексе «принятых в обществе сценариев поведения», состоящем из физиологических, поведенческих и субъективных компонентов, формирующихся в процессе адаптации к культурным нормам (Kitayama, Markus) (цит. по: [13, с. 301]). Иными словами, способность их переживать зависит от типа культуры [27, с. 290-291]. В частности, Вежбицкая утверждает, что для обозначения выражения эмоций необходимо использовать специфические для каждого языка термины, которые формируются в рамках конкретной лингвокультуры и, следовательно, не могут быть универсальными [32, с. 523]. Данный парадокс возникает при рассмотрении эмотивной лексики, отображающей одни и те же эмоции в различных языках, которая неодинакова по объему входящих в неё лексем и эмотивных смыслов. Это свидетельствует о том, что эмоции по своей сущности одинаковы для всех людей, однако, «типологическая структура эмоциональной лексики» обладает своими особенностями в каждом языке [1, с. 15] с учетом специфики

данного народа, обладающего специфическим национальным сознанием, культурой, традициями, обычаями и т.п. Лингвопсихологическое исследование в разноструктурных языках эмоциональных концептов как конструктов концептуального сознания позволяет выделить существующие в том или ином социуме универсальные и культурно-специфические представления о характере эмоции, которые отражают эмоциональный опыт всего народа.

Существует множество классификаций эмоций, каждая из которых решает, по мнению Б.И. Додонова, только определенный круг задач [5, с. 99], и поэтому о существовании единой и универсальной классификации, охватывающей широкий спектр проблем, речь не идет.

Эмоции в зависимости от того, связаны они с удовлетворением или неудовлетворением потребностей субъекта, могут быть соответственно положительными или отрицательными. Полярность эмоции определяется соотношением между целью и результатом действия [17, с. 465-471], а также интеллектуальной оценкой событий или явлений как желательных/ нежелательных для субъекта. Эмоция также может ассоциироваться с «нулевой оценкой» субъекта объекта мира [28, с. 72].

В психологии последних десятилетий установилась концепция базовых (ведущих, доминантных, первичных) эмоций. Исследователи признают тот факт, что небольшое число эмоций можно считать первичными благодаря тому, что в сознании людей они предстают в качестве ведущих переживаний и являются «кирпичиками» для строительства более сложных эмоций.

Т.Д. Кемпер полагает, что существует четыре первичные эмоции, с каждой из которых связана особая схема физиологических изменений: страх, гнев, грусть, удовлетворение [26, с. 263-289].

Согласно коммуникативной теории эмоций Дж. Джонсон-Лэрда и К. Оутли, выделяются пять базовых эмоций (отвращение, гнев, печаль, страх, счастье), которые являются прототипами всех остальных производных от них эмоциональных состояний [24].

В ходе исследования мимических движений лица, выражающих эмоции, П. Экман и его соавторы открыли, что существуют семь ведущих эмоций, которые универсально коррелируют с выражениями лица: счастье, печаль, гнев, страх, удивление, отвращение, интерес (happiness, sadness, anger, fear, surprise, disgust, interest) [22; 23].

Один из отечественных исследователей эмоций В.И. Галунов предлагает классификацию, включающую радость, печаль, возбуждение, депрессию, ярость, страх и апатию [3, с. 98].

Р. Плутчик [29] выделяет восемь базисных эмоций, деля их на четыре пары, каждая из которых связана с определенным действием:

1. разрушение (гнев) – защита (страх);
2. принятие (одобрение) – отвержение (отвращение);
3. воспроизведение (радость) – лишение (уныние);
4. исследование (ожидание) – ориентация (удивление).

Основатель теории дифференциальных эмоций К. Изард включает в мотивационную систему человека десять фундаментальных эмоций: радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, интерес,

вина [7, с. 52]. Базисность данных эмоций основана на том, что эти эмоции обладают специфическими нервными субстратами, внешне проявляются характерными мимическими выражениями, возникли в результате эволюционно-биологических процессов и оказывают мотивирующее влияние на субъекта эмоции [6, с. 63-64].

Таким образом, эмоции представляют собой сложный феномен для исследования ввиду ряда факторов: огромное количество эмоций, недоступность эмоций прямому наблюдению, различные трактовки и классификации эмоций; отсутствие унифицированных методов и приемов их анализа; влияние социокультурного фактора и индивидуального опыта на возникновение эмоции и поведение человека и др. [8, с. 16].

Для лингвиста значимую роль играют не сами эмоции как таковые, универсальные для всех людей, независимо от их культурно-языковой принадлежности, а лингвистический аспект эмоций – эмотивность, выраженная в эмотивной лексике и отраженная в эмоциональных концептах, которые по своей сути этноспецифичны и выражают национальную изюминку сознания и самосознания того или иного народа.

В языкознании с начала 80-х годов прошлого столетия и по сегодняшний день значительное внимание акцентировалось и уделялось на лингвистике эмоций – науке о вербализации (языковом представлении), выражении и коммуникации эмоций. Большой вклад в изучении эмоций в языке внесли разработки лингвистической теории эмоций В. И. Шаховского, теории семантических примитивов А. Вежбицкой, концепции эмотивных знаков Б. Волека, теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, когнитивно-смыслового подхода представления эмоций в языке и т.д.

Категория эмотивности является центральным понятием в лингвистике эмоций – эмотиологии. По определению Л.А. Пиотровской, эмотивность представляет собой функцию языковых единиц выражать эмоциональное отношение субъекта к объективной действительности непосредственно или содержанию значимых единиц языка (номинативных или коммуникативных) [14, с. 42]. Категория эмотивности относится к лингвистическим характеристикам слова, предложения и способна вызвать у языковой личности реципиента сообщения той или иной эмоции [12, с. 185]. Это двухплановая языковая категория (имеющая план содержания и выражения), отражающая эмоции субъекта [18, с. 24].

Категоризацию эмоций в языке можно исследовать на семантико-лексическом уровне путем рассмотрения следующих аспектов: 1) семантическая структура эмотивных лексем; 2) лексико-семантические группы эмотивной лексики; 3) синонимические и антонимические отношения эмотивной лексики; 4) семантические и тематические поля, охватывающие эмотивную лексику; 5) метафоризация эмоций в их семантическом представлении.

В центре лингвистического интереса находится репрезентативная лексика эмоций (лексика представления и обозначения эмоций), которая наряду с эмоциональной лексикой (служащей для выражения эмоций субъекта и эмоциональной оценки объекта речи: междометия, инвективная лексика и т.д.) и лексикой, описывающей эмоции, включается в более общее понятие эмотивной лексики [1; 2; 18; 19].

В современном языкознании отношение к лексике эмоций неоднозначно. По утверждению Л. Г. Бабенко, номинанты эмоции содержат эмотивные смыслы, соотносимые с эмоциями человека. Эти смыслы репрезентируются в семной структуре слова при помощи семы эмотивности,

которая отображает эмоциональный процесс относительно любого лица: говорящего, слушающего или какого-либо третьего лица. Вследствие этого сема эмотивности может изображать эмоции разнообразно: как психическую реальность, отвлеченную от носителя, и как связанную с психикой субъекта эмоциональную оценку [1, с. 12-13]. Лексика, обозначающая эмоции, согласно Н.А. Красавскому, содержит эмотивные микрокомпоненты, благодаря которым могут реализоваться глубинные семы, и имя эмоции (другими словами, номинант эмоции, эмотив-номинатив) не может быть эмоционально нейтральным [10]. В.И. Шаховский не относил номинативную лексику эмоций к самой эмотивной лексике, утверждая, что эмотивы-номинативы не представляют собой непосредственное чувство, а выражают логическую мысль о нем (это понятийное обозначение эмоции, которое не эмотивно) [18, с. 93-94]. Однако, его позиция к лексике эмоций поменялась со временем: от признания ее скорее эмотивной, чем совершенно нейтральной, до утверждения о кодировании категории эмотивности в самой семантике эмотивов-номинативов [20, с. 26, 32].

Эмоции и познание (когнитивные процессы) онтологически взаимосвязаны, и этот тезис признают большинство исследователей эмоций. Человеческие эмоции ментальны, поскольку посредством собственного опыта переживания эмоций у субъекта формируется структура знаний о них, включающая определенный набор дифференциальных признаков эмоционально-когнитивных состояний и их последствий на фоне специфических для каждой эмоции ситуации. Такие ментальные конструкты должны быть познаны, осмыслены, поняты, усвоены, согласованы с эмосигналами тела и мозга, и с вербальными репрезентантами в реальной коммуникации [20, с. 43-46]. Именно слово-репрезентант эмоции является кодированным хранителем всех лингвистических и экстралингвистических знаний. Взаимодействие эмоции и когниции дает право говорить о существовании этноспецифического эмоционального опыта народа и проследить влияние ментальности этноса на восприятие и трансляцию эмоций, и отражение данной проекции на языковом уровне. Благодаря исследованию лексики эмоций мы можем получить представление об уникальной эмоциональной картине мира в той или иной лингвокультуре.

Наиболее четко представление о когнитивной системе носителей конкретного языка и культуры можно получить, исследовав эмоциональные концепты как хранителей эмоционального кода народа.

Эмоциональный концепт представляет собой «этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и/или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность, и функционально замещающее человеку в процессе рефлексии и коммуникации однопорядковые предметы (в широком смысле слова), вызывающие пристрастное отношение к ним человека» [9, с. 60]. Как и любой другой концепт, эмоциональный концепт – это ментальная единица (высокой степени абстракции), выполняющая функцию метаспсихической регуляции и отражающая в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях [15, с. 16].

Эмотивные концепты в различных языках репрезентируют неидентичные по своему содержанию понятия, ввиду того, что они отражают неодинаковые по своей сущности и природе реалии, присущие той или иной национально-культурной среде.

Таким образом, эмоции являются самым многогранным и сложным феноменом человеческой жизни, которые являются объектом исследования разных наук и междисциплинарных направлений антропоцентрической парадигмы, такие как психология, лингвистика, когнитивистика, психолингвистика, этнопсихолингвистика, эмотиология и т.д.

Конкретно для лингвистики наибольший интерес представляют эмотивные концепты и их вербализация в том или ином языке, культурно детерминированное отражение представления этноса об характере эмоций в лингвистических единицах, исследование которых выявит связь языка с ментальностью данного народа.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 1989. - 259 с.
2. Бабенко Л.Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. Урал. гос. ун-т им. А.М.Горького. Свердловск, 1990. - 32 с.
3. Галунов В.И. Пути решения проблемы создания систем определения эмоционального состояния говорящего // Вопросы кибернетики. № 22. М., 1976. - С. 95-114.
4. Джеймс У. Что такое эмоция? / Пер. с англ. О.С. Копиной и В.К. Вилюнаса // Психология эмоций. Под ред. В.К. Вилюнаса. СПб.: Питер, 2008. С. 100-111.
5. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., Политизд, 1978. - 272 с.
6. Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Издательство «Питер», 1999. - 464 с.
7. Изард К.Э. Эмоции человека. М., 1980. - 440 с.
8. Качачиева Х.М. Адъективные сочетания с именами – названиями реалий внутреннего мира в английском и русском языках: Дис.... канд. филол. наук: 10.02.20. Махачкала, 2002. - 156 с.
9. Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2001. - 507 с.
10. Красавский Н.А. Терминологическое и обиходное название эмоций (на материале русского и немецкого языков): дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1992. - 280 с.
11. Ланге Г. Душевные движения // Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса. СПб.: Питер, 2008. - С. 112-131.
12. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. - С. 179-205.
13. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Питер, 2003. - 718 с.
14. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке: Учебное пособие к спецкурсу. СПб.: Образование, 1993. - 72 с.
15. Погосова К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: дис..канд. филол. наук. Владикавказ. 2007. - 196 с.
16. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. - 92 с.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. - 720 с.
18. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
19. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
20. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/ URSS, 2010. – 128 с.
21. Claparede E. Feeling and emotions // Reymert M. L. Feeling and emotions. N.Y., 1967.
22. Ekman P., Friesen W.V. Constants across cultures in the face and emotion // Journal of Personality and Social Psychology. 1971, Vol. 17, No. 2, - P.124-129.
23. Ekman P., Friesen W.V., Ellsworth P. The Face and Emotion. N. Y.: Pergamon, 1971.
24. Johnson-Laird P.N., Oatley K. The Language of Emotions: an Analysis of a Semantic Field // Cognition and Emotion, 1989, vol. 3 (2). - P. 81-123.
25. Izard C.E. Patterns of emotions: A new analysis of anxiety and depression. N. Y., 1972.
26. Kemper T. How many emotions are there? Wedding the social and the autonomic components // American Journal of Sociology, 93, 1987. - P. 263-289.
27. Lutz C. Goals, events and understanding in Ifaluk emotion theory // Cultural models in language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. - P. 290-312.
28. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // // Anglistentags "1991, Duesseldorf": Proceedings / edit. by Wilhelm G. Busse, Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1992. - P. 72-89.
29. Plutchik R. The emotions: Facts, theories and a new model. N.Y., 1962.
30. Tomkins S.S. Affects, imagery, consciousness. Vol. 1-2. N.Y., 1962, 1963. – 588 pp.
31. Tomkins S.S., McCarter R. What and where are the primary affects? Some evidence for a theory. // Perceptual and Motor Skills, 18(1), - P. 119-158.
32. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). 1st ed. Cambridge University Press, 1999. - 361 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Мамиева Ия Эрнестовна

Канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков СОГМА, г. Владикавказ

Последние 20 лет в лексическом составе русского языка можно наблюдать трансформации, широта и глубина которых сравнима с изменениями, происходившими в русской лексике в эпоху Петра или в период после событий 1917 года. Причем данная лексическая революция

лишь в малой степени обогащает язык, в основном же ведет к деградации устной и письменной речи.

Исследование проблемы трансформации словарного состава речи современного носителя русского языка проводится поэтапно, согласно стандартному алгоритму:

1. Осознание и формулирование проблемы.
2. Дефиниция форм проявления проблемы в речи.
3. Определение ее причин.
4. Предложение способов, компенсирующих действие данных причин.

В составе лексики современного русского языка и в ее употреблении происходит ряд дегенеративных процессов, обесцвечивающих и засоряющих язык:

- с одной стороны, оскудение словарного запаса носителей языка, его выхолащивание;
- с другой стороны, избыточность лексических единиц: слишком много заимствований, имеющих русские эквиваленты, а также слов, частотность употребления которых равна нулю;
- увеличение количества речевых и грамматических ошибок, часто связанных с сочетаемостью слов, с глагольным управлением.

Перечисленные проблемы существовали и раньше, но в силу мощных социальных и образовательных изменений сегодня они необычайно углубились, причем система образования РФ им не противопоставит.

Основные тенденции изменений в активной и пассивной лексике, употребляемой молодыми носителями русского языка, связаны с произошедшей медиа- и Интернет-революцией, с реформами в сфере образования и его контроля, а также с приходом иностранных компаний на российский рынок труда.

В силу отсутствия опыта: 1) активного чтения; 2) устного реального общения наблюдается катастрофическая ситуация с аккумуляцией лексических единиц учащимися средней школы. В каждом возрасте человек набирает определенное количество прецедентных текстов, большая часть которых поступает из литературных произведений, но в силу различных причин чтение перестало быть одним из элементов проведения досуга детей – сейчас ребёнку и молодому человеку интереснее общаться в социальных сетях и приложениях для смартфонов, играть в компьютерные игры.

Кроме того, уходит большой пласт лексики, обслуживавшей игры и общение во дворах, на улице: считалки, присказки, сказки, страшилки, споры, разговоры, вроде «У меня в кармане гвоздь. А у вас?...». Дети не общаются друг с другом непосредственно, они, в основном, переписываются, а в последнее время и писать не нужно – фраза просто наговаривается на телефон, как на диктофон. Отсутствие устной речи, когда нужно мгновенно и правильно реагировать на реплику собеседника, притупляет речевую реакцию. В письменном Интернет-диалоге есть время сделать паузу, подумать, исправить ошибку. Кроме того, при написании смс человек старается быть кратким, чтобы минимизировать усилия, употребляя сленговую или самую нейтральную лексику, входящую в лексический минимум бытового общения. Количество слов, которым обходится носитель языка в повседневном жизни, практически равно запасу слов студента-иностранца с уровнем владения русским языком А 2 – В 1.

Если у человека нет навыка вести живую беседу, дискуссию, спор, нет навыка письменного и устного переказа и рассказа текста, построения монолога и диалога, то есть нет необходимости употребления в речи определенных лексических единиц, речь эта и в плане выстроенности, и в плане лексического разнообразия становится максимально примитивной. Примитивная речь влияет на

уровень мышления, что, в свою очередь, обедняет речь, – замкнутый круг.

На конкретных примерах продемонстрируем масштаб проблемы оскудения лексического запаса обычного школьника-носителя русского языка (8-9 классы). Лексические единицы, не знакомые или очень смутно знакомые учащимся, взяты из стандартных учебников по русскому языку 7 и 8 классов. Ниже даются примеры из трех тем на различные орфограммы, первая из которых – «Правописание гласных после шипящих согласных». Цель занятия – отработка орфограммы, но значительную часть времени приходится тратить на: а) семантизацию непонятных учащимся слов; а) формирование навыка их употребления в речи.

Бесцеремонный, торф, торфяной, сургуч, ретушер, ретушировать, плющ, трущоба, чащоба, шоры, шорник, шоркать, шомпол, чокаться, чопорный, шомпол, артишок, крющон, шовинист, джонка, пижон, мажор, анчоус, желоб, изжога, бечёвка, вечёрка, жёлчь, жёрнов, кошёлка, сажёнки, чёботы, чёлн, чечётка, щёголь, щеголять, артишок, трещотка, чопорный, холст, холщёвый, парча, парчовый, цианистый, цибуля, цивилизация, цигарка, цигейка, цикада, цикл, цикорий, цинга, цинковка, цирюльник, цитата, цыкнуть.

Исконно русские слова темы «Правописание приставок пре- и при-», требующие разъяснения значения: преобразиться, прекословить, прельщать, преминуть, препона, пререкаться, пресловутый, пресыщаться, претить, преткновение (камень преткновения), пренебречь, предание, привередливый, пригожий, примитивный, притязание, причащаться, приязнь. Тем более непонятны большинству учащихся иностранные заимствования, несмотря на то, что они давно и прочно вошли в лексический запас русского языка: преамбула, превалировать, приватный, примадонна, привилегия, примитив, приоритет и даже президиум.

Слова-примеры из темы «Разделительные ь и ы знаки», значение которых тоже приходится разъяснять: адъютант, инъекция, конъюнктивит, конъюнктура, объективный, субъект, субъективный, бурьян, взъериться, взъесться, съёжиться, съзвить, дьяк, изъян, фальшь, унты, пошлаина.

Причем, если незнание таких слов, как чох, чохом, мажордом, креп-жоржет, жом, жох, цибик, цидулка, цимбалы, артишок, анчоус объяснимо в связи с: а) практически полным исчезновением из обихода самих понятий, б) с изначальной неактуальностью некоторых понятий в российском быту, то незнание значений остальных приводимых слов можно объяснить только низким уровнем образованности и начитанности. К примеру, два десятилетия назад учащийся старших классов не знал точно, сколько это – сажень, но понимал, что речь идёт о старинной мере длины, а саженьки имеют отношение к плаванию. Современный же восьмиклассник даже приблизительно не понимает значения слова сажень, слова, которое является частотным в произведениях русской классической литературы, точно так же, как и ряда актуальных архаизмов: очи, уста, ланиты, перси, выя, живот (в значении жизнь), мзда, дщерь и т. д.

Часты случаи неразличения значений или неверного различения сходных по произношению слов. Например, это происходит при восприятии и употреблении слов с приставками пре- и при-:

предать (совершить предательство)	придать (сделать каким-нибудь по виду, добавить)
преклонить (колени)	приклонить (голову)
пребывать (находиться где-либо)	прибывать (приезжать, прилетать)
претворить (осуществить)	притворить (прикрыть)
претвориться (осуществиться)	притвориться (принять иной вид)
преступить (нарушить)	приступить (начать что-либо делать)
предел (граница)	придел (пристройка)
преходящий (временный)	приходящий (пришедший на какое-то время)
преградить (поставить препятствие)	пригородить (пристроить)
преумножить (сильно умножить)	приумножить (добавить незначительное количество)
презирать (ненавидеть)	призирать (давать приют)
презрение	Призрение

Многие из данных слов образуют идиоматические выражения. Именно знакомство с устоявшимися словосочетаниями даёт возможность усвоить грамматически и лексически правильную сочетаемость слов:

- преклонялись (перед талантом) – приклонялись (ветку к земле);
- презирать (тунеядцев) – призреть (собачку); призирать (давать приют);
- предать (товарища) – придать (силы);
- претворить (мечту в реальность) – притворить (дверь);
- претерпеть (неудобства) – притерпеться (к неудобствам);
- неприступная (крепость) – преступная (деятельность);
- придел (к дому) – предел (желаний);
- преходящие (увлечения) – приходящие (работники);
- приуменьшать (трудности) – преуменьшить (опасность).

Жизнь лексической единицы зависит от жизни текста. Наиболее «жизнеспособными» являются прецедентные тексты. Каждый человек в каждом возрасте накапливает определённое количество таких текстов, лексические единицы из которых в дальнейшем позволяют ему строить собственные тексты и понимать воспринимаемые. «Готовность индивида обогатить порождаемый им текст, как письменный, так и устный, фрагментами из воспринятых ранее текстов или аллюзиями на них, т. е. текстовыми реминисценциями, наблюдается во всех видах дискурса» [4]. Текстовые реминисценции – «это осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста» [5, с. 17].

Не может ребенок, знакомый со сказкой «Золотой ключик, или приключения Буратино» Алексея Толстого, не понимать, что такое холст, и на вопрос «Холщовый мешок – это мешок из чего?» ответить: «Из холста»; а между тем, именно так отвечают некоторые ученики 8 класса.

Подобным образом может ответить иностранец, не имеющий обязательного опыта усвоения в раннем детстве ставшего прецедентным текста начала сказки Толстого: «Карло жил в каморке под лестницей, где у него ничего не было, кроме красивого очага в стене против двери. Но красивый очаг, и огонь в очаге, и котелок, кипящий на огне, были не настоящие, а нарисованы на куске старого холста».

Дело в том, что сегодня подобный опыт перестаёт быть обязательным. Чтобы «обрасти» к определенному возрасту необходимым для полноценного речевого общения количеством прецедентных текстов, языковых, лексических ассоциаций, важна традиция чтения, а также традиции размышлений, обсуждения, связывания накопленной через чтение языковой информации. Эти традиции на данный момент во много утеряны: дома ребенок не читает, так как чтение вытеснено требующими меньших умственных, эмоциональных усилий манипуляциями на компьютере, в Интернете. В школе же почти отказались от практики написания полноценных сочинений по прочитанному классическому произведению, её заменила работа по выработке навыков конструирования примитивных эссе для ЕГЭ и ОГЭ. Причем для этого вполне достаточно ознакомиться в Интернете с кратким пересказом программных произведений, чего раньше сделать было невозможно – приходилось худо-бедно читать.

Что касается лексической избыточности, то необходимо различать слова, обоснованно (когда нет русского эквивалента или когда заимствованное слово невозможно перевести одной лексической единицей) пополнившие актуальный лексический запас русской языковой личности, и слова, необходимость заимствования которых сомнительна. К примеру, сейчас не обойтись без компьютерной лексики: лэптоп (laptop), киборд (keyboard), драйвер (driver), файл (file), вебсайт (website), логин (login), хэштэг (hashtag – описание для содержания), и вполне можно обойтись без английского офисного сленга, которым принято пользоваться в иностранных и совместных компаниях. См. примеры в таблице:

Заимствование	От английского	Комментарий
Апдейт	update	Обновить
Асап	ASAP, as soon as possible	Срочно!
Бенефиты	benefits	льготы сотрудникам
Брейк	break	Перерыв
Грейд	grade	уровень должности
Гэп	gap	слабое место, недоработка
Драфт	draft	черновой вариант
Забрифить	brief	коротко ввести в курс дела
кол бэк	call back	перезвонить
Косты	cost	цена

Заимствование	От английского	Комментарий
Мерит	merit	процесс повышения или пересмотра зарплаты
Оффер	offer	предложение
Пушить	push	подталкивать, слегка подгонять
Тудулист	to do's	список дел
Фикса	fix	твердый оклад
Филд	field	сектор, раздел
Форкаст	forecast	прогноз
Фуй	FYI, for your information	«Информирую»
хоум офис	Home office	работать дома
Шериться	share	поделиться
лок, залочить	lock	заблокировать
Эккаунт	account	счёт (в бухгалтерии)

Лексическая избыточность выражается и появлением на Интернет-сайтах, в социальных сетях редко встречающихся лексем, необходимость употребления в речи которых стремится к нулю. Примеры: глабель – пространство между бровями, вагитус – крик новорожденного ребенка, колумелла – пространство между ноздрями, ринорея – затяжной насморк, пунт – нижняя часть бутылки вина, джамайс вю – то, что происходит, когда вы говорите одно слово так долго, что оно теряет смысл, кипер – кожаная петля на ремне, которая держит свободный кончик застегнутого ремня, раскета – полоса (складка) на внутренней стороне запястья и т. д.

Таким образом, языковое поведение современного носителя русского языка становится все более примитивным, допускающим сочетаемостные ошибки, вульгарным, если под вульгарностью понимать употребление сленговых лексических единиц различных областей общения: Интернет-поля, медиа-коммуникаций, офиса и быта. Сленг – сегодня единственный лексический пласт в речи молодых носителей русского языка, который активно пополняется.

Языковая личность [2] формируется в годы учебы в школе, но, к сожалению, в силу указанных причин, необходимая для образованного носителя языка лексика не усваиваются учащимися автоматически, в ходе восприятия текстов и создания собственных дискурсов. Поэтому преподавателю следует проводить серьезную работу по презентации, семантизации, формированию навыков упо-

ребления лексических единиц, снятию лексических трудностей, что сродни этапам введения новых слов на занятиях по русскому языку как иностранному [3].

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105-126.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 261 с.
3. Мамиева И. Э. Некоторые аспекты обучения лексике русского языка в полиэтнических классах основной школы / Материалы 4-й международной научной конференции «Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества». – Владикавказ: СОГПИ, 2012. – С. 198-202.
4. Мамиева И. Э., Аладжикова Л. А. Стратегии введения нового лексического материала на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник СОГУ. – 2014. – № 1. – С. 122-128.
5. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. http://www.ahmerov.com/book_1064.html
6. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-29.

СИСТЕМНОСТЬ И КОММУНИКАЦИЯ: ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Мещерякова Елена Владиленовна

Докт. пед. наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоград

Проведено бесчисленное множество исследований об эффективных методиках обучения иностранным языкам, но не утихает спор о том, что лучше строгая системность или относительно свободная коммуникация в качестве основной ведущей идеи при выборе подхода обучения языку на современном этапе.

В современных условиях глобализации общества направления и подходы, ориентированные на стремление к свободному общению, выражению мыслей, идей, эффективному осуществлению речевого взаимодействия на иностранном языке, сменили методики, ориентированные

на системность, патерность и правильность в обучении [1, с. 12 – 22; 2, с. 7 – 22].

Не утихают споры о том, хорошо это или плохо. Большая часть обучаемых (86 % согласно нашему опросу) высказывается весьма позитивно по данному вопросу: им кажется привлекательным подход, ориентированный на свободную беседу, chat. Форма обучения в виде легкого и свободного разговора является весьма привлекательной.

Но, оставшиеся респонденты (14% опрошенных) считают для себя недостаточным подход обучения, ориентированный в больше степени только на коммуникацию.

Опрос, проведенный среди студентов, обучающихся в Институте иностранных языков, показал, что придерживающихся данной точки зрения гораздо больше (77 %). Эти респонденты предпочитают форму обучения, которой превалирует понимание над интуитивным общением.

Довольно часто обучаемые с большим энтузиазмом воспринимают коммуникативный подход, ориентированный на иноязычное общение и интуитивное усвоение языка, формирование языковой компетенции только в процессе общения, без объяснения правил и инструкций, в процессе игры, интерактивного взаимодействия.

Однако, учащиеся, студенты, слушатели различных курсов быстро приходят на уровень пресыщения общением ради общения, говорением ради говорения. В современных концепциях языковой подготовки все большее внимание направлено на использование языка в конкретных речевых ситуациях, не игра в воображаемые фантастические роли, а реальное решение насущных проблем и задач, для чего и были сформулированы компетенции, требующиеся формирования и использования в социокультурном реальном пространстве.

Расширяется пространство дополнительного образования. Количество студентов, изучающих английский и другие иностранные языки для реальных целей, продолжает резко возрастать. Соответственно ушла в прошлое задача использования системы упражнений, направленных на создание искусственной иноязычной среды для овладения иностранным языком, поскольку редкие учащиеся пользовались им в реальной жизни, конечно, это не относится к студентам, изучающим иностранный язык в системе для профессиональных целей.

Итак, рассмотрим, что представляет собой современный системный подход в обучении иностранным языкам. Многие компоненты системы обучения иностранным языкам представляют собой более мелкие сложные подсистемы, которые в общей сложности дают другой результат, чем каждая по отдельности как сумма. Объяснение этому дает флуктуационная гипотеза [3, с. 277], которая утверждает, что сумма компонентов системы и система как целостное явление, в которое входят различные компоненты не адекватны друг другу. Обычно сама система как совокупность компонентов больше, чем простая сумма компонентов, входящих в нее. Здесь действуют другие более сложные законы по сравнению с обычными арифметическими действиями. В системе свойства целого не сводятся к сумме свойств, включенных в него элементов.

Это закон представляется довольно сложным и не всегда доступным для понимания. Основные же постулаты системного подхода являются в методике довольно таки общепринятыми и ими пользуются в любом подходе и направлении. Например, поведение системы зависит от особенностей ее элементов и свойств структуры. Каждая система обладает свой собственной иерархичностью. Согласно иерархичности в системе обучения иностранным языкам на первом месте стоят цели обучения иностранному языку, и именно они определяют все остальное.

Студенты, изучающие методику обучения иностранным языкам иногда затрудняются в определении иерархичности данной системы и это затруднение ведет к другим ошибкам в понимании системы обучения, и, как следствие, к снижению эффективности функционирования системы. Корректной является иерархия, в которой вслед за целями и задачами, следует выбор подходов, содержания, принципов, методов, средств, и лишь затем организация процесса, выбор форм организации.

Следующим значимым постулатом системного подхода традиционно считается механизм взаимозависимости, взаимодействия системы и среды. Свойства системы методики обучения иностранным языкам определяются особенностями современной социокультурной среды. С изменением этой среды меняется сама методика обучения иностранным языкам. В первую очередь ее цели, затем направления и подходы. В середине прошлого столетия была большая необходимость в понимании зарубежной литературы, чтении. Поэтому методика обучения иностранным языкам была в первую очередь нацелена на чтение англоязычной литературы. Социокультурная среда давала возможность только для опосредованного общения. Общаться в реальной жизни на иностранном языке учащемуся средней школы приходилось крайне редко.

С изменением социокультурной среды в последние пару десятилетий полностью изменились задачи. Уже давно цель формирования готовности к иноязычному общению является одной из ведущих. Иноязычное общение является интегративной частью реальной языковой среды. От многих специалистов на работе требуются подобные умения. В ежедневном обиходном общении также необходимо иметь эти навыки, например, при использовании информационно коммуникативных технологий многие действия в сети называются на английском языке, аннотации ко многим продуктам, сопровождающие документы, просмотр телевизионных телепередач часто сопровождается комментариями на английском языке и пр.

Значительное погружение обучаемых в виртуальный иноязычный мир вызывает факторы препятствующие системности, целостности. В качестве примера мы остановимся на факторе самом современном в настоящий период времени. Это явление мультифрениции, говоря о котором в рамках данной статьи мы понимаем формирование вторичной языковой личности в процессе языкового интернет-общения. Это интернет-общение затем переносится в реальное иноязычное взаимодействие на уроке английского языка. Многие учащиеся не в состоянии коррелировать навыки и умения, сформированные в интернет-общении. Они значительно затрудняют обучение учащихся английскому языку в реальном образовательном пространстве. Мы полагаем, что явление мультифрениции будет все более широко распространено, хотя и сейчас многие учителя и учащиеся жалуются на эту особенность. Для преодоления мультифрениции необходимо разрабатывать специальные методики и технологии, которые помогут преодолеть учащимся, студентам, преподавателям это явление в иноязычной коммуникации в процессе реального общения при осуществлении речевых действий [4].

Речевые действия является единицей обучения в методике обучения иностранным языкам. Основой речевых действий называют речевые операции как единицы речемыслительного процесса. Речевые операции характеризуются автоматизмом и соответствуют речевым навыкам, речевые действия – речевым умениям и, соответственно, видам речевой деятельности: аудированию, чтению, письму, монологическому и диалогическому взаимодействию.

Согласно современным компетентностному и коммуникативному подходам в первую очередь необходимо развивать виды речевой деятельности, способствующие осуществлению эффективной коммуникации. Практика показывает, что значительное время в школе уделяют говорению и чтению. Аудирование и письмо, к сожалению, не всегда являются первоочередными задачами для учителей. Что весьма прискорбно, так как виды речевой дея-

тельности согласно большей части современных концепций методики обучения иностранным языкам могут развиваться только во взаимодействии.

Однако самыми популярными на сегодняшний день являются концепции обучения иностранным языкам, основанные на информационно-коммуникативных технологиях (ИКТ). В частности проект, разработанный на базе Института иностранных языков был основан на данном подходе и предполагал решение следующих научно-методических задач: 1) создание программы профессиональной подготовки будущих учителей английского языка на основе дистанционного подхода; 2) издание учебных пособий «Практический курс английского языка», «Лекционные курсы для учителей английского языка», отражающих концепцию дистанционного подхода в профессиональной подготовке учителей английского языка г. Волгограда и Волгоградской области; 3) осуществление опытного обучения в течение полугодия учителей английского языка на основе дистанционного подхода, практические занятия, чтение курсов лекций on-line; 5) проведение курсов повышения квалификации для учителей иностранных языков on-line в объеме 70 часов; 6) проведение презентации результатов проекта инновационной педагогической деятельности по профессиональной подготовке и переподготовке учителей иностранного языка г. Волгограда и Волгоградской области; 7) привлечение СМИ к проблемам подготовки и переподготовки учителей иностранных языков в форме дистанционного обучения; 8) публикация сборника научных статей по результатам подготовки и переподготовки учителей иностранных языков в форме дистанционного обучения; 9) апробирование промежуточных результатов исследования в форме научных статей участников проекта на областных, региональных, всероссийских и международных научных, научно-практических конференциях; 10) проведение круглых столов для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых преподавателей с целью активизации и реализации научно-исследовательского потенциала [4].

Мы считаем, что все более популярными среди обучаемых становятся блоги, вики, подкасты, социальные сети, виртуальные среды обучения, электронные портфолио. Обучаемые приобретают навыки использования онлайн переводчиков, словарей, энциклопедий, корпусов и конкордансов, собственно обучающих и Интернет-ресурсов в рамках профессиональной деятельности.

В целом мы можем отметить довольно высокий результат по формированию языкового образовательного пространства, степени сформированности ведущих педагогических и иноязычных компетентностей.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что современные концепции методики обучения иностранным языкам в первую очередь направлены на формирование компетентностей в целостной системе, в первую очередь через формирование навыков и умений межкультурной коммуникации и с использованием информативно-коммуникативных технологий.

Список литературы

1. Камянова Т.Г. Успешный английский. Системный подход к изучению английского языка. – М.: Издательство «Дом Славянской Книги», 2008. – 12 – 22.
2. Азаров В.Н. Качество. Инновации. Образование. – М.: Издательство: Фонд «Европейский центр по качеству», 2009. – С. 7 – 22.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2003. – 608 с.
4. Мещерякова Е.В. Целостный подход в формировании языкового образовательного пространства // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. – 2014. – №6(33). [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1405594729.pdf> (дата обращения: 22.03.2015).

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «ДНЕВНИК САТАНЫ»

Морицинский Владислав Сергеевич

Аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород

До сих пор в отечественном андрееведении у романа Леонида Андреева «Дневник Сатаны» была довольно скромная позиция. О «Жизни человека» или «Жизни Василия Фивейского» пишут значительно чаще. «В романе «Дневник Сатаны» писатель, своеобразно наследуя проблематику гетевского «Фауста», предвосхищает интерпретацию «духа зла» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Само жанровое «своеобразие «Дневника Сатаны» позволяет усматривать в его главном герое своего рода alter ego писателя, отпавшего, как новый Люцифер, актом свободной воли от небесного Вседержителя блага, истины и смысла. Мышление Андреева намеренно антимифологично, однако поэтика его произведений глубоко символична», - пишет И.Ю. Искрицкая [2, 65]. Мы попытаемся разглядеть этот антимифологизм, который, по нашему мнению, намеренно распоряжается мифологическими сюжетами.

Этот своеобразный мифологизм объединяет романы «Сашка Жегулев» и «Дневник Сатаны», но содержание мифологизма, его стиль позволяют указанные произведения различать. В «Сашке Жегулеве» авторская

иллюстрация мифа о необходимости жертвоприношения, совершаемого лучшим, самым чистым. Это не вариант христианского сюжета, это его инверсия, значительное смысловое изменение. Но ритуальный характер текста сохраняется: грех берет на себя юноша-агнец, после чего умирает в стилизованном лесу-храме возле «алтарей» и «колонн». Динамизма повествования и привычной для Андреева повествовательной резкости, пожалуй, даже злобы, здесь нет. Ритуальное начало, как мы показали, согласуется с ритуальным финалом. В мифе о жертве могут быть новые подробности, но сюжетно-композиционные характеристики остаются стабильными. Вряд ли Андреев уверен, что такая и подобная им жертвы спасут Россию. Но заметно, что он видит их объективность, невозможность избежать таких судеб. В «Дневнике Сатаны» все - и сюжет, и стиль - более сжато, жестко и, судя по объему, экономично. Нет никаких рассуждений об особой судьбе русского народа, о жертве, приносимой русскими мальчиками. Одним словом, житийность исчезла полностью. Святых или похожих на них героев нет. В «Сашке Жегулеве» есть: «святой» сын, «святая» мать, «святая» невеста,

да и Колесников из этого круга лиц. В «Дневнике Сатаны» есть Мария-Мадонна, заставившая главного персонажа еще раз поверить в любовь и красоту. Она оказывается блудницей, образцом глупости, примером лжи и двуличия. Саша/Сашка амбивалентен как жертвенный герой. Мария из «Дневника» двулична как проститутка, хорошо обученная «сутенером» Магнусом. В финале романа андреевский сатана сближается с образом жертвы. Но это другая жертва. От авторской сентиментальности и многословия, присущих «Жегулеву», здесь не остается и следа. Над сатаной надругались все, его смешное человеколюбие осмеяно хором осатанелых людей. Мифологического оптимизма, который все-таки обнаруживается в романе 1911 года, в «Дневнике Сатаны» обнаружить, на наш взгляд, нельзя.

Концепция человека в последнем произведении Леонида Андреева по-настоящему мрачна. Чтобы сказать свое слово о кризисе мира, автору потребовался образ вочеловечившегося сатаны. Им, как известно, стал 38-летний миллиардер Вандергудом, решившим облагодетельствовать человечество. Один раз Андреев уже обращался к подобной истории. В драме «Анатэма» (1909) сатана под именем Анатэма избирает старого еврея Давида Лейзера, приносит ему миллионы и смотрит, как Давиду удастся стать благодетелем людского рода. Ничего положительного не получилось. Деньги были в момент израсходованы. Людям потребовались чудеса, которых не оказалось. Давид стал очередной жертвой. Анатэма всем своим видом показывает, что жертва бессмысленна, а человек творит лишь то, что в свое время сотворил с Христом, пришедшим спасти мир.

«Дневник Сатаны» - очередная и последняя попытка решить эту сюжетную коллизию. Вочеловечивание сатаны должно показать читателю, насколько страшно быть человеком. По мнению повествователя, никакой ад не сравнится с этим. Ужасен сам человеческий организм, своей ритмичной работой всегда приближающий к необратимому концу: «Одной минуты в Моем вочеловечивании Я не могу вспомнить без ужаса: когда Я впервые услышал биение Моего сердца. Этот отчетливый, громкий, отсчитывающий звук, столько же говорящий о смерти, сколько и о жизни, поразил Меня неиспытанным страхом и волнением. Они всюду суют счетчики, но как могут они носить в своей груди этот счетчик, с быстротою фокусника сопровождающий секунды жизни?» [1, 122]. Размышление о любви тоже неотделимо от безграничного физиологизма: «Я видел всех спарившихся животных в их мычании и ласках, проклятых проклятием однообразия, и Мне становится омерзительной эта податливая масса Моих костей, мяса и нервов, это проклятое тесто для всех» [1, 148]. Последнюю цитату не назовешь тривиальной: здесь видна и авторская боль, личный страх Андреева, видящего человека обреченным на смерть, буквально запертым в своем теле, всегда готовом к уничтожению.

Но, конечно, главные «чудеса» человечности должны быть открыты в нравственной сфере. Образ сатаны в христианском богословии всегда был связан с необходимостью суда над человеком, который своим грехопадением вызывает смерть. Приход сатаны позволяет «раскрыться» всем участникам сюжета. Но в последнем романе Андреева есть «второй сатана» - Фома Магнус, знакомящий вочеловечившегося мифологического героя с нравами земли. «Вы любите человечество - я его презираю», - сообщает Фома, сразу ставя читателя перед парадоксом: сатана пытается любить и изменять в лучшую сторону, один из людей давно преодолел всякую симпатию к

себе подобным. «Этот человек знал, чего стоит человеческая жизнь, и имел вид осужденного на смерть, но гордого и непримиряющегося преступника, который уж не пойдет к попу за утешением!», - не без романтического пафоса сообщает Вандергуд о Фоме Магнусе [1, 137].

Конечно, нет смысла полностью отождествлять Андреева с главным героем «Дневника Сатаны», но и сказать, что Андреев бесконечно далек от своего персонажа, нельзя. В романе много общих сентенций, философских высказываний, которые показывают, что есть человек и его жизнь. И зная творчество Андреева в целом, можно сказать, что в речах Сатаны много лично андреевского. Например, в отождествлении жизни с кукольным театром: «Ты знаешь, что такое театр кукол? Когда одна кукла разбивается, ее заменяют другою, но театр продолжается, музыка не умолкает, зрители рукоплещут, и это очень интересно. Разве зритель заботится о том, куда бросают разбитые черепки, и идет за ними до мусорного ящика? Он смотрит на игру и веселится. И мне было так весело — и литавры так зазывно звучали - клоуны так забавно курвыркались и делали глупости, - и Я так люблю бессмертную игру, что Я сам пожелал превратиться в актера... Ах, Я еще не знал тогда, что это вовсе не игра и что мусорный ящик так страшен, когда сам становишься куклой, и что из разбитых черепков течет кровь, - ты обманул Меня, мой теперешний товарищ!» [1, 165]. Можно сделать следующий вывод: в неомифологическом романе Андреева есть демифологизация. Сатана, ставший Вандергудом, смотрел на мир людей из своего стабильного мира, где все неизменно и по сути все бесстрастно. И вот он видит вместо бесконечности конечность, вместо вечности время, в котором все, что появилось, должно исчезнуть. По словам главного героя, «игра бессмертных» так же напоминает человеческую жизнь, как «корчи эпилептика хороший негритянский танец» [1, 166]. Людская жизнь страшнее мифа, даже если это миф о сатане. К этой мысли Андреев обратился не первый раз. Возможно, она центральная в его творчестве.

Больше всего героя (да и его автора) возмущает противоречивость человеческой природы, о которой мы много говорили, рассматривая рассказ «Иуда Искариот». О мифологической модели свидетельствует многое, например, следующая фраза, намечающая три мифологические позиции: «Подумай: из троих детей, которых ты рождаешь, один становится убийцей, другой жертвой, а третий судьей и палачом» [1, 189]. Амбивалентность мифа обнаруживается как философский ключ, которым открываются тайны тоски многих андреевских персонажей: «Послушай все слова, какие сказал человек со дня своего творения, и ты подумаешь: это Бог! Взгляни на все дела человека с его первых дней, и ты воскликнешь с отвращением: это скот! Так тысячи лет бесплодно борется с собою человек, и печаль души его безысходна, и томление плененного духа ужасно и страшно, а последний Судья все медлит своим приходом... Но он и не придет никогда, это говорю тебе я: навсегда одни мы с нашей жизнью, человечече!» [1, 189]. Особенно важна последняя мысль. Человек, по Андрееву, представляет собой страшно противоречивое сочетание божественных слов и скотских дел, возвышенной, к небу устремленной «литературы» и грязной «практики». И вот такой собственным высоким словам не соответствующий человек живет в мире, где не будет Страшного суда, не будет Судьи Апокалипсиса, который должен воздать и за слова, и за дела. Одно дело, когда ложь существования длится как временность, которой наступит конец. И совсем другое дело, когда нет высшей инстанции, проще говоря, нет Бога с его последним

словом о каждом. Боль Андреева о человеке не только и не столько в том, что он далек от постоянства и совершенства. Беда в другом: он существует в мире, где есть кого судить - мир полон преступников, но вот судить некому. «Что мое лицо, когда ты своего Христа бил по лицу и плевал в его глаза?», - восклицает Сатана, которому казалось бы о Христе говорить совсем не следовало [1, 190].

В романе нет тех, кто мыслил бы о человеке по-другому. Только в словах Сатаны - тоска и трагизм, в словах Фомы - злоба и цинизм. Сатана похож на философа-пессимиста, произносящего горькие слова об обреченности земного мира. Магнус отличается тем, что желает превратить философию в практику, он хочет взорвать этот мир, причем динамитом, по словам этого апокалиптического террориста, будет сам человек, уверовавший в чудо, нуждающийся в нем. «Надо обещать человеку чудо. (...) Не крестовые походы, не бессмертие на небе. Теперь время иных чаяний и иных чудес. Он обещал воскресение все мертвым, я обещал воскресение всем живым. За Ним шли мертвые, за мною... за нами пойдут живые», - витийствует Фома Магнус [1, 202-203].

Андреев, как нам кажется, идет за Достоевским, показывая Фому Магнуса как нового «великого инквизитора». Правда, у этого героя ненависти к человеку значительно больше: «Пойми наконец, я не могу допустить, чтобы всякая двуногая мразь также называлась человеком. Их стало слишком много, под покровительством докторов и законов они плодятся, как кролики в садке. Обманутая смерть не успевает справиться с ними, она сбита с толку, она совсем потеряла мужество и свой моральный дух. Она беспутничает по танцклассам. Я их ненавижу. Мне становится противно ходить по земле, которой овладела чужая, чужая порода. Надо на время отменить законы и пустить смерть в загородку. Впрочем, они это сделают сами» [1, 227-228]. Концепция человека у Достоевского предполагает деятельное сопротивление этому искушению. В «Братьях Карамазовых» есть не только Иван и Инквизитор, есть Алеша и старец Зосима. У Андреева мир

героев выглядит иначе: сопротивления нигилизму никто по-настоящему не оказывает. Можно сказать, что Иуда Искариот рассказа 1907 года сохраняет свою ненависть к несовершенному миру, но теряет любовь к Иисусу, утрачивает привязанность к Магдалине, вместо которой в «Дневнике Сатаны» появляется «бесстыдная тварь» со святым лицом, за которым — пустота.

Итоги сюжетного становления в последнем андреевском романе оптимистическими назвать нельзя. Сатана успел затосковать о человеке, но погиб, обманутый более хитрым созданием, чем он сам. Фома Магнус превратился в дьявола, чтобы уничтожить лицемерный род, не достойный имени «человек». Мария, казавшаяся явлением обоженной, прославленной красоты, способный спасти мир, предстала олицетворением блуда, людской мерзости и цинизма. «Дневник Сатаны», надо признать, в своей концепции личности напоминает реквием по человеку. «По мере погружения в «глубину дряннейшей человечности» Сатана переживает духовную эволюцию, превращаясь сначала в захваченного страстью Демона - поэта и художника, открывающего красоту мира и ценность любви, затем в Человека и, наконец, в лучшего из людей - в Христа», - считает И.И. Московкина [3, 17].

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6. М., 1996.
2. Искрижская И.Ю. Леонид Андреев и пантрагическое в культуре XX века // Эстетика диссонансов. О творчестве Л.Н. Андреева. Межвузовский сборник трудов к 125-летию со дня рождения писателя. Орел, 1996.
3. Московкина И.И. «Дневник Сатаны» Л. Андреева в контексте неомифологии XX века // Эстетика диссонансов. О творчестве Л.Н. Андреева. Межвузовский сборник трудов к 125-летию со дня рождения писателя. Орел, 1996.

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РАССМОТРЕНИЯ

Петрова Лейла Амзаровна

старший преподаватель Российского университета дружбы народов, г. Москва

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается архитектурно-строительный дискурс как разновидность научного дискурса. Данный дискурс понимается как сложное многомерное явление, интегрирующее участников коммуникации, ситуацию общения и текста. Дискурс представляет собой абстрактное инвариантное описание структурно-семантических признаков, реализуемых в конкретных текстах. Архитектурно-строительный дискурс в целом характеризуется когнитивным, тематическим, стилистическим и структурным единством.

Ключевые слова: архитектурно-строительный дискурс, функциональный стиль, участники коммуникации, экстралингвистические факторы, сфера коммуникации.

Предметом исследования является архитектурно-строительный дискурс. Строительство как отрасль материального производства, в которой создаются основные фонды производственного и непроизводственного назначения, готовые к эксплуатации здания, сооружения и их комплексы» имеет своим денотатом деятельности строителей. Архитектура рассматривается в работе как искусство проектирования и строительства сооружений, решающее эстетические и социальные задачи [13].

Интерес к изучению дискурса в целом и к его специфике отражен во множестве отечественных и зарубежных публикаций [Бахтин, 1979; Дейк, 1989; Демьянков, 2001; Карасик, 2000; Кубрякова 1994; Макаров, 2003; Чернышова, 2006, 2009 и др.]. По мнению Ю.С. Степанова, на основе того, что в обществе существует наука как феномен культуры, в отечественной лингвистике рассматривается научный текст и научный дискурс [12, с. 36]. По выражению Ю.С. Степанова, «дискурс – это новая черта в облике Языка, каким он предстал перед нами к концу XX

века». В образе дискурса язык повернулся к лингвисту своей необычайно сложной динамической стороны, что требует поиска новых подходов и методов, отличных от традиционных [12, с. 71].

Н.Ф. Алефиренко интерпретирует дискурс как «смыслопорождающую категорию», считая, что необходимо рассматривать его комплексно, как «речемышление», погруженное в жизнь, что дискурсивное мышление конкретно реализуется в речедейтельности каждого человека – члена данного сообщества и для осмысления роли дискурсивного мышления в образовании знаков вторичной номинации важно рассмотреть его взаимодействие с дискурсами всего этнокультурного сообщества [3].

Как отмечает В.И. Карасик, «институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [5].

В.Е. Чернявская, суммируя имеющиеся трактовки дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; 2) «совокупность тематически соотношенных текстов» [14, с. 14].

Следует отметить, что понятие и термин «дискурс» до сих пор не имеют однозначного толкования, и это затрудняет исследование языковых образований в дискурсивном ключе. В теории языка дискурс понимается как сложное многомерное явление, интегрирующее участников коммуникации, ситуацию общения и текста. Дискурс, по признанию ученых, представляет собой абстрактное инвариантное описание структурно-семантических признаков, реализуемых в конкретных текстах. Дискурс определяется также как связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; как текст, взятый в событийном аспекте; как речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах), который должен изучаться «совместно с формами жизни» [9, с. 136-137].

В настоящее время рассматривается профессиональный текст как предмет прикладного языкознания. В теории языка исследованы в том или ином плане политический дискурс [11]; агрономический дискурс [6]; дискурс СМИ [4]; а также компьютерный дискурс [8]; юридический [7], медицинский дискурс [2], научно-технический дискурс [10] и другие.

Архитектура рассматривается в работе как искусство проектирования и строительства сооружений, решающее эстетические и социальные задачи. Отметим, что в рамках исследования рассматриваются термины архитектуры и строительства в едином терминопле, поскольку «архитектура и строительство тесно связаны друг с другом. Строитель – технический воплощение творческой мысли архитектора» [13].

В испанском языке архитектурно-строительный дискурс как самостоятельный объект лингвистического рассмотрения еще не был параметрирован в системе гуманитарного знания, хотя его лексико-семантические, коммуникативные и прагматические характеристики представляют несомненный научный интерес.

Подобно всякому другому дискурсу, архитектурно-строительный дискурс имеет полевое строение, в центре

которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению – профессиональной коммуникации сообщества строителей и архитекторов: пояснения к чертежу, методические рекомендации для специалистов, научная статья, лекция, монография, методические указания к самостоятельной работе студентов и др.

К периферийным жанрам отнесены следующие жанры: практические рекомендации для неспециалистов (сообщения Интернет форумов, созданные специалистами – строителями и архитекторами – в бытовом общении), сообщения неспециалистов на Интернет-форумах (тексты, созданные неспециалистами, обсуждающими вопросы, связанные со строительством и ремонтом дома, дачи, квартиры и т.д.), а также тексты рекламного характера, создаваемые профессиональным сообществом маркетологов строительной отрасли [1].

Изучение и описание одного из наименее исследованных фрагментов архитектурно-строительный дискурс представляет собой компонент структурного дискурсивного сложного образования. Будучи одной из основополагающих форм проявления человеческого бытия, предметная область «строительство» характеризуется максимальной значимостью для людей, объединяя номинации существенно важных в их жизни категорий, понятий и концептов. Тем не менее понятийно-терминологические, прагматические, концептуальные и социолингвистические особенности архитектурно-строительного дискурса еще только начали подвергаться системному изучению.

Архитектурно-строительный дискурс – это функционально и терминологически специализированная разновидность научно-профессиональной коммуникации, репрезентированная посредством тематически взаимосвязанных текстов предметной области «Строительство». Жанровые разновидности архитектурно-строительного дискурса различаются степенью и спецификой актуализации в них общих дискурсивных признаков. Архитектурно-строительный дискурс, в целом, характеризуется терминологическим, когнитивным, тематическим, стилистическим и структурным единством [6, с. 72-76].

Таким образом, многофакторность и многозначность понятия «дискурс» определили его широкое распространение, выступая сложным многоплановым образованием, дискурс в то же время характеризуется открытостью. Дискурс включает в себя тематические (логико-понятийные) блоки, концептуализирующие различные фрагменты той или иной сферы коммуникации.

Список литературы

1. Айнутдинова Д. З. Термин-метафора архитектурно-строительного подязыка: системно - структурный и когнитивно - дискурсивный подходы. Белгород, 2012.
2. Алексеева Л. М. Мишланова С.М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. - 200 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование) // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь; Пятигорск, 2005. С. 6-15.
4. Володина М.Н. Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. — М.: Академический Проект, 2011. — 332 с.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена. – 2002. С. 5 – 20.

6. Карипиди А.Г. Понятийно-терминологические и концептуальные основания агрономического дискурса // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Краснодар, 2007. С.72-76.
7. Клычева Г.В. Ресурсы терминологического потенциала юриспруденции. Дис...канд.филол. наук. Краснодар, 1999.
8. Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект. Краснодар, 2004.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.
10. Попова, Т.Г. Руднева М.А. Научно-технический текст в современном ракурсе. – Германия: Palmarium Academic Publishing, 2014.
11. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / Квадратура смысла. М., 1999. - С. 227-383.
12. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: РАН, 1996. С.35-73.
13. Толковый строительно-архитектурный словарь. 2011.
14. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований// Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ, 2001. — С.11—22.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ЛИРИКИ В.В. НАБОКОВА

Погребная Яна Всеволодовна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы. Ставропольского государственного педагогического института

Ментальный мир, создаваемый Набоковым, в том числе и онтологически, определяется современными исследователями как космос (Ю. Апресян [1, с.6]), мир (Б. Носик [8, с.11]), семантическая Вселенная (А. Долинин [2, с.10]), миры во взаимном отражении (Д.Б. Джонсон [15,с.12]), но и отдельное произведение — рассказ «Лик» идентифицируется Ив. Толстым как «малая Вселенная» [10, с.147]. Г. Хасин положения о метафизике Набокова, основанной на принципах фокализации, выводит анализируя отдельный эпизод из романа «Король, дама, валет» [14, с.619]. Таким образом, сложное, дробное, образованное соотношением отдельных художественных компонентов единство, называемое ментальным миром Набокова, провоцирует на актуализацию отдельного художественного элемента, фокусирующего в себе принципы организации целого, концентрирующего в себе смысл целого. По определению, лирика, идентифицируемая через «тесноту и единство стихового ряда» (Ю.Н. Тынянов [11]), в полной мере отвечает такому принципу анализа, направленному на сопряжение микро- и макро- элементов целого.

Необходимо подчеркнуть, что лирика и драма занимают в наследии Набокова некоторое особое положение, поскольку воспринимаются исключительно в контексте набоковского эпоса. Как «Лолита», по собственному признанию Набокова, «затмила» остальные его романы, так стихотворения и драмы художника оттеснены на творческую периферию его романами. Хотя именно лирика выступает важным и во многом самостоятельным компонентом творческого космоса писателя. Развитие лирики Набокова шло иным путем, чем эволюция драмы: если к драме после 1938 года писатель не обращается, то стихи продолжает писать на протяжении всего творческого пути, начиная от первого сборника 1916 года (а точнее, с утраченного сборника стихотворений 1914 года) и заканчивая сборником стихотворений 1979, который был подготовлен самим Набоковым, но вышел уже после его смерти с предисловием В. Набоковой в издательстве «Ардис». Именно в предисловии к итоговому сборнику стихотворений В.Е. Набокова указала на главную тему всего творчества Набокова — «потусторонность» [7,с.4]. Дар Набокова созрел именно в лирике, и стихи, по определению Кончеева в роман «Дар», «выступают как модели будущих романов» [4,с.65].

Следует сделать поправку и на то обстоятельство, что современными читателями лирика Набокова воспринимается исключительно в контексте непревзойденного мастерства Набокова-прозаика, поэтому приобретает большую значительность и эстетические достоинства, чем для читателей его времени. Обращаясь в этому феномену восприятия Набокова отечественным читателем, Елена Клепикова в рассказе «Невыносимый Набоков» описывает состояние писателя, уже вполне состоявшегося, зрелого, мастеровитого, который с опозданием, типичным для подцензурной советской эпохи, открывает роман Набокова, зачитывается и вдруг обнаруживает, что не сможет написать ни строчки, пока не сумеет каким-то образом найти вопиющие недостатки в стилистической манере Набокова, мастерстве набоковской композиции, блеске его художественной интонации – Набоков – поэт и прозаик – затмил для Коротыгина его самого, полностью подчинил, лишил художественной индивидуальности [3,с.98]. Однако, развенчивая Набокова, Коротыгин волей-неволей стилизует свое письмо и бытие под Набокова. Так и современному читателю, а тем более, историку литературы или литературоведу-исследователю, трудно признать, что набоковские стихи уступают с точки зрения художественных достоинств его романам и рассказам: для читателя-современника неоспорим тот факт, что лирика Набокова написана тем же виртуозным пером, что и романы «Дар» и «Лолита».

Лирика Набокова билингвистична, как и его эпос (романы и рассказы). Первые значительные сборники стихотворений «Гроздь» (Берлин, «Гамаюн») и «Горный путь» (Берлин, «Грани») Набоков выпустил в эмиграции при поддержке отца, В.Д. Набокова, и Саши Черного в 1923 году в Берлине. В 1930 г. выходит сборник «Возвращение Чорба», включающий стихи и рассказы (переиздано в 1976 без стихов Ann Arbor). Объединение лирики и рассказов писателя под одной обложкой абсолютно закономерно, поскольку и рассказы, и стихотворения выступали своеобразной творческой лабораторией, являясь дополнениями, набросками или же смысловыми ключами к романам. Итоговыми лирическими сборниками выступают «Poem and Problems» (1970), включающий стихотворения и шахматные задачи, в том числе 39 русских стихотворений с параллельными английскими переводами, 14

стихотворений на английском языке и 18 шахматных задач, и «Стихотворения» (1979), опубликованные уже после смерти Набокова

Г. Струве, сравнивая раннюю и зрелую лирику Набокова, приходит к выводу, что «редко у какого поэта между стихами раннего и позднего периода лежит такая пропасть, как у Набокова» [9, с. 165]. Сам Набоков в интервью Альфреду Аппелю, характеризуя динамику своего поэтического стиля, выделил несколько этапов собственной поэтической эволюции: «европейский период», ознаменованный созданием «страстных, банальных стихов о любви», затем наступил период, связанный с неприятием Октябрьской революции и СССР и направленный поэтому на создание «византийской образности», а после 1920 на десятилетие Набокова занимает возможность синтеза лирики и эпоса: «в коротком стихотворении должен быть сюжет и оно должно рассказывать какую-то историю» (неслучайно сборник 1930 года объединяет стихотворения и рассказы), а конец 1930-ых годов отмечен «освобождением от оков» и убретением в лирике «своего стиля», утверждаемого и русскоязычных и в англоязычных стихотворениях [5, с. 294].

Отчетливо выделяемые самим Набоковым периоды развития собственной лирики охарактеризованы скорее с точки зрения эволюции стиля и художественных приемов, способов выражения содержания, чем непосредственно самого содержания стихотворений.

Исследуя лирику Набокова-Сирина, в частности, стихи Федора Годунова-Чердынцева и значение опрокинутого сонета, обрамляющего вставную главу «Жизнь Чернышевского» в романе «Дар», известный стиховед О.И. Федотов указывает, что поэзия и проза Набокова взаимодействуют, «как сообщающиеся сосуды, в которых свободно перемещается общая словесно-речевая субстанция. Недаром так часто Набоков обращается к смешанным стихотворно-прозаическим формам («Дар», «Бледное пламя», «Адмиралтейская игла», «Облако, озеро, башня», «Истребление тиранов», «Look at Harlequins!»), в которых стихотворный текст органически сосуществует с прозаическим. Сам процесс вызревания стиха раскрывается как бы изнутри, при этом авторские полномочия поручаются персонажам-стихотворцам» [13, с. 32].

По мере эволюции лирического стиля Набокова-поэта внутри собственно лирического пространства, осуществляется преодоление рамок лирики и границ литературного рода и продуцирование лирики в романы. Примером синестезии стиха и прозы, лирики и эпоса в русскоязычном периоде творчества художника выступает роман «Дар» (1937-1938), первая глава которого, по определению самого Набокова, организована сборником героя-протагониста «Стихи», а третья – любовными стихами Федора, обращенными к Зине [6]. Не все стихотворения, особенно в третьей главе романа, сегментированы на строки, представляя как феномен «эмбриональной стихопрозы» [12, с. 88], объединяющий в себе элементы, которые могут продуцироваться в стихи, и элементы потенциальной прозы: «Не облака, а горные отроги, костер в лесу, не лампа у окна. О, поклянись, что до конца дороги ты будешь только вымыслу верна» [4, с. 158-159]. Сочиняя рецензию на собственный стихотворный сборник, Федор Годунов-Чердынцев так охарактеризует сборник в целом: «Стратегия вдохновения и тактика ума, плоть поэзии и призрак прозрачной прозы, - вот определения, кажущиеся нам достаточно верными для характеристики творчества молодого поэта» [4, с. 11]. Как сплав поэзии и прозы: поэмы Дж. Шейда «Бледное пламя» и комментария Ч. Кинбота – строится роман «Бледное

пламя» на английском языке (1962), роман «Смотри на арлекинов!» (1974), также как «Дар», объединяет историю жизни Вадима и его творчество, в том числе и стихотворное.

Лирика Набокова организуется по тем же принципам установления соответствия между «пространственной формой» эстетической реальности и единственным актуальным и реальным типом времени, актуализирующим прошедшее, но как действенное, обратимое и подлежащее изменению время, утверждаемое в первую очередь в пространственных категориях зримости (прозрачности/непрозрачности), причем актуализация пространственного мышления поднимает глобальную для Набокова проблему «внеаходимости», динамичности истины, многовариантности бытия, реализуемого по-разному в разных пространственных формах.

Владимир Набоков принадлежит к числу художников эволюционного, а не революционного склада: смена творческой позиции, художественного метода, «поворот» от одного метода к другому, «преодоление» какого-либо влияния или эстетической концепции исключались поступательным, последовательным развитием личности и дара художника, постепенно раскрывающего свои возможности, оттачивающего мастерство, отрабатывающего способы содержательного художественного воплощения мотива или темы. Феномен художественного раскрытия дара Набокова находит выражение в расширении и детализации создаваемого им вымышленного мира, его развития в направлении большей полноты, а не трансформации или видоизменения. Единый комплекс тем, мотивов, ситуаций пронизывает по вертикали весь художественный мир Набокова, объединяя драму, лирику и эпос, причем, синтагматика реализации этих тем и мотивов (проницаемости мира при его одновременной феноменологической вещественности, инцеста, метафизического «ухода» героя, шахматной игры, наблюдения-соглядатайства, фокуса) в каждом конкретном произведении Набокова дополняется их парадигматическими отношениями, устанавливаемыми через варьирование сквозных мотивов, между набоковскими текстами, между набоковскими и ненабоковскими текстами (через интертекстуальное взаимодействие), между литературными и нелитературными текстами (исследовательскими, критическими и читательскими интерпретациями).

Библиография

1. Апресян Ю. Роман «Дар» в космосе В. Набокова // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – Т. 54. – № 3. – 1995. С. 3-18.
2. Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. – СПб.: «Академический проект», 2004. – 400 с.
3. Клепикова Е. Невыносимый Набоков. Книга прозы. – Тверь: «Другие берега», 2002. – 264 с.
4. Набоков В.В. Собр. соч. в 4 т. М.: «Правда». - 1990. Т. 3. - 480 с.
5. Набоков о Набокове и прочем. Интервью. Статьи. Рецензии. — М.6 «независимая газета», 2002. – 704 с.
6. Набоков В.В. Предисловие к английскому переводу романа «Дар» («The Gift») // Набоков В.В.: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1.: http://www.telenir.net/literaturovedenie/vladimir_nabokov_pro_et_contra/p4.php#metkadoc10
7. Набоков В.В. Стихотворения. — Ardis: Ann Arbor, 1979. – 317 с.

8. Носик Б.М. Мир и дар Владимира Набокова. Первая русская биография. – М.: «Пенаты», 1995. – 550 с.
9. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. – М.-Париж: YMGA-Press/Русский путь, 1984. – 448 с.
10. Толстой И. Рассказ В. Набокова «Лик» - малая Вселенная // Грани, 1991. № 159. С.147-157.
11. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка// <http://bib.convdocs.org/v13981/>
12. Федотов О.И. Основы русского стихосложения: метрика и ритмика. – М.: «Флинта», 1997. – 336 с.
13. Федотов О.И. Поэзия Владимира Набокова-Сирена. – Ставрополь: «Бюро новостей». – 2010. – 272 с.
14. Хасин Г. Между микро и макро: повествование и метафизика в романе В. Набокова «Король, Дама, валет» // В.В. Набоков: pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова, Антология. Т.2.СПб.: «Русский путь». - 2001.- 1064 с.
15. D. Barton Johnson. Worlds in Regression: Some novels of Vladimir Nabokov, Ardis, Anne Arbor-Michigan, 1985.

О МНОГОЗНАЧНОСТИ И ОМОНИМИИ СЛОВА «IN»

Рзаева Рейхан Гудрат

Соискатель кафедры лексикологии английского языка Азербайджанского университета языков, г.Баку

Целью данной статьи является исследование словарных толкований значений слова «in» и его употребления в пределах контекста. К числу поставленных задач относятся анализ факта омонимии предлога «in», его полисемантических значений, а также констатация случаев его функционирования в частях речи (в том числе знаменательных).

Объектом рассмотрения являются переводные тексты с английского языка на азербайджанский.

Обычно лексикографы при описании предлогов, их функций и значений пытаются обойти некоторые подробности, несмотря на то, что во всех словарях раскрывается сочетаемость предлога с другими словами, в результате чего обнаруживаются его словообразовательные возможности, признаки многозначности и омонимии.

Для научного освещения проблемы образования новых слов или словосочетаний, которые реализуются посредством употребления предлогов в сочетании с существительным, прилагательным, глаголом, мы будем опираться на принципы описания их в толковых словарях.

Безусловно, ученые лингвисты, особенно грамматисты, периодически высказывали свои мнения о предлогах. Однако, некоторые вопросы, в том числе вопрос о существовании значений предлогов, до сих пор вызывают споры.

Отдавая должное этим исследованиям, попытаемся изучить проблему предлогов с позиции когнитивной лингвистики.

Как известно, первые контуры описания английских предлогов в плане когнитивной лингвистики были очерчены Тайлером и Звансом [5]. Их подход к вопросу многозначности (полисемии) предлогов не означает безоговорочного восприятия прежних стереотипов. Иначе говоря, здесь как бы раздвигаются границы возможностей предлогов в зависимости от места их употребления, констатируется связь значений предлога с метонимией. И в настоящей работе указанный принцип принимается за основу.

В традиционной грамматике, как правило, считалось, что предлоги выражают лишь связь между двумя словами. Этот вид связи между пространством и временем чаще всего бросается в глаза, и его можно легко определить. Однако имеется и другой вид связи, существующий между инструментом и причиной (cause) [4, с. 134].

Указанные учёные основной акцент делают на пояснительную функцию предлогов по отношению к придаточному предложению, подкрепляя мысли следующими примерами:

The man with red beard

Qırmızı saqqalı adam (человек с красной бородой)

The man who has the red beard

Qırmızı saqqalı olan adam (человек, имеющий красную бороду)

My knowledge of Hindi (моё знание по индийскому языку)

I know Hindi

Mən Hind dilini bilirəm (я знаю индийский язык)

Соглашаясь с мнением учёных, мы также наблюдаем, что слово «in» выполняет те же функции и в предложениях типа:

He is in the room now

O içəritədir indi, o otaqdadır indi (он сейчас в комнате, он сейчас в комнате)

He is where his father sleeps now

O atasının yatdığı otaqdadır (он в комнате, где спит его отец)

Вместе с тем следует сказать и о некоторых деталях омонимии предлога «in» и о подходах к данной проблеме с позиции когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, которые могут прояснить некоторые особенности. Как известно, слово «in» в понимании пространства означает: в азербайджанском – агглютинативном языке – da, -də, а в русском – флективном – в, во, на и т.д. Однако с точки зрения когнитивной лингвистики, выражаемые значения в зависимости от места нахождения и предмета употребления, отличаются друг от друга. Обратимся к следующим примерам:

My car is at my house

Avtomobilim binanın (evimin) yanındadır (мой автомобиль находится возле моего дома)

The is a new roof on my house

Evimin üstündə təzə dam örtüyü var (над моим домом новый покров)

There are five beds and two sofas in my house

Evimdə beş çarpayı və iki divan vardı (в моем доме пять кроватей и два дивана).

Конечно, каждый из этих вариантов предлога в отдельности может быть заменён другим, однако с точки зрения когнитивной семантики выражаемые предлогом значения не будут совпадать. Нельзя забывать о несоответствующих семантических оттенках и тогда, когда речь идет

о значениях предлогов в словосочетаниях, которые проявляются в английском и в переводе на азербайджанский язык.

Кстати, руководствуясь принципами когнитивной лингвистики, необходимо отметить нижеследующие семантические возможности слова «in». Надеемся, что приводимые примеры раскроют омонимические его особенности:

- 1) There are twelve programmes in the series
Seriya da on iki programa vardir.
(в серии двенадцать программ)
- 2) How many minutes are there in an hour?
Bir saatda necə dəqiqə var?
(сколько минут в часе?)
- 3) Think of word with eight letters in it meaning «cold»
- 4) Owen will be playing in the England team tomorrow

[2, с. 772].

Несмотря на то, что в приведённых примерах слово «in» употреблено в словосочетаниях, оно все же каждый раз выражает различные семантические оттенки. В словосочетаниях «in the series» и «in an hour» первых двух предложений круг охвата объединяющего («series») слова в первом случае гораздо шире, чем во втором, выражающего конкретность (hour). С другой стороны, каждое из этих слов обладает собственной семантикой. Однако в данном контексте в сочетании со словом «in» они не могут выражать эти значения.

В предложении (3) ситуация несколько другая, и мы преднамеренно не даем перевод. Дело в том, что здесь познавательная информация проявляется в отличном виде.

В предложении (4) слово «in» выполняет функцию значения конкретной команды.

- He's been in politics for fifteen year
O siyasətdə 15 ildir
(Он уже 15 лет в политике).

Как видно, в данном контексте «in» употреблено в совершенно другом семантическом ключе. Иначе говоря, здесь не просто выражается место (пространство), но и осуществляется определённое действие. Поэтому сочетание «in politics» нельзя отождествлять с сочетаниями «in the series», «in an hour» и другими выражениями.

В приведённом предложении сочетанием «in politics» охвачено широкое понятие. Если рассмотреть данное сочетание внутри контекста с позиции когнитивной лингвистики и когнитивной семантики, то не трудно заметить, что речь идет об одном виде деятельности.

- He looked very handsome in his uniform.
She was dressed in a blue linen suit.
She looks charming in that gown.
You looked very charming in your blue.

Во всех приведённых предложениях имеются различные сочетания с предлогом «in». Мы намеренно не давали их перевод. Можно заметить, что ни в одном из предложений слово «in» в отдельности не имеет семантики, т.е. не проявляет себя в качестве суффиксов -da, -də (в, на).

Благодаря контексту и возможности сочетаемости слов множатся их функциональные семантические оттенки. Однако функциональная возможность далеко не всегда позволяют увеличивать семантические оттенки. Иначе говоря, роль контекста незаменима.

His playing is delightful in tone and interesting in interpretation.

- I hear that their marriage is in trouble.
The engine appears to be in good condition.
The castle now lies in ruins.

В этих примерах, слово «in», требуя после себя существительного, образует сочетание. Если обратить внимание на выражаемую в предложениях семантику, то легко заметить несхожесть всех семантических оттенков. С точки зрения когнитивной семантики использование предлога и его семантики во многом определяются контекстом. Наблюдения показывают, слово «in» в различных контекстах создает различные семантические оттенки. Как можно это объяснить? Представим себе следующие предложения без предлога «in».

His playing is delightful - tone and interesting - interpretation.

I hear that their marriage is - trouble.

The engine appears to be good - condition.

The castle now lies - ruins.

Нам представляется, что здесь, как говорится, комментарии излишни; в последнем варианте ни одно предложение не в состоянии выразить семантику, которая имело место в первом варианте. Это ещё раз свидетельствует о том, что именно когнитивная семантика и когнитивная лингвистика в состоянии выявить семантические оттенки, а также обозначить многозначность слова «in».

Другая и не менее важная особенность предлога «in» - его омонимия.

Как показывают наблюдения, слово «in» употребляясь в контексте, может выполнять функцию наречия. В предложениях подобного типа, на первый взгляд, не бросаются в глаза слова, стоящие между, другими словами.

He is in his early twenties.

Many traditional dishes originated in farmhouses.

That disagreement resulted in a complete break between them.

I am perfectly earnest in what I say.

He was earnest in his desire to help. He is always correct in his speech.

Если в приведённых примерах помимо сугубо грамматического анализа предложений провести и когнитивно-семантический анализ, то можно убедиться в наличии его содержания. Иначе говоря, мы здесь наблюдаем не просто осуществление действия, а – проявление начала и конец действия. Наблюдения показывают, что предлог «in» может выступить в качестве предиката:

The main is in - Posta gəlib (пришла почта)

Is the train in yet? - Qatar artıq gəlib (поезд уже при-
был).

С точки зрения когнитивной семантики, в этих предложениях предлог «in» выражает такие семантические оттенки как уже состоявшегося действия.

The wheat crop is safely in - Taxıl məhsulu itkisiz olaraq ambara (içəri) uğılıb (урожай пшеницы без потери собран в амбар).

А в этом предложении предлог «in» означает уже собранный с полей урожай.

Конечно, все это мы осмысливаем не с точки зрения грамматики, а – с позиции лингвистической или когнитивной семантики.

The summer is in - - Yay gəldi (уже наступило лето).

The fruit season is in - Meyvə mövsümü artıq gəlib (уже наступил сезон фруктов).

Здесь мы обнаруживаем, что слово «in» не просто создает связь между словами, но и выступает как знаменательная часть речи; оно выражает мысль о наступлении какого-то сезона.

How well I did to put my affiance in his goodness!

Work's no use unless you believe in it

He is courageous in emergencies.

Can I confide in you?

Когнитивно-лингвистический анализ употребления слова «in» в данных примерах свидетельствует о том, что оно выражает такие семантически отличительные оттенки как «верить», «вера», «доверие» и др. В последнее время в словотворчестве (словообразовании) английского языка наблюдается следующая тенденция: по модели предлог + abverb + verb – N, или предлог + наречие + глагол – существительное образуются новые слова. Слово «in», проявляя свои потенциальные возможности, активно участвует в образовании наречия.

teach – in – семинар – диспут, собрание, демонстрация студентов и преподавателей [3, с. 1015];

lie – in – с целью остановить транспортное движение, коллективное блокирование улицы [2, с. 572];

pray – in – в знак протеста сбор верующих в церкви и исполнение богослужений [3, с. 788];

laugh – in – организовано насмеяться над кем-то (оратором) [3, с. 553];

Grecad, tomorrow's Saturday so I can have a well deserved lie-in [1, с. 1521];

Students of Cambridge organized a laugh-in against orator.

Kembridc Universitetinin tələbələrə natiqi gülüşlə ələ saldılar (студенты Кембриджского университета насмеялись над оратором).

Конечно, количество примеров можно было бы увеличить. Однако наши наблюдения показывают, что слово «in» не только образует связь между словами, но может выступать и в качестве различных частей речи. Заметим, что эти трансформации в предложении актуализируются не по собственно-грамматическим функциям, а посредством когнитивной лингвистика и когнитивной семантики.

Список литературы

1. Longman Language Activator. Longman, 1997. - 1587 p.
2. New Webster's Dictionary and thesaurus of the English Language. USA. 1996. - 1149 p.
3. Longman Exams Dictionary. Pearson, 2006. - 1831 p.
4. Randolph Quirk, Sidney Greenbaum, G. Leech, J/Svartvik. A University Grammar of English, 1982. - 390 p.
5. Tyler A: Evans (2003) The semantics of English Prepositions: Spatial Scenes, Embodied Experience and Cognition. Cambridge University Press 2003.- 254 p.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Саадулаева Римляна Шамхаловна,

Кандидат, филологических наук ДГПУ (Махачкала)

Частицы – это неизменяемые служебные слова. В лакском языке представлены различные классификации частиц. Наличие большого количества классификаций частиц и их многообразие объясняется особенностями функционирования частиц: «их многозначностью, нечеткими семантическими границами, совмещенностью субъективного и объективного модальных начал, тесной связью частиц с лексико-грамматической структурой высказывания, способностью соединяться в комплексы, обилием частиц в разговорной речи, а также обязательным соотношением их совпадающими по форме и близкими по семантике единицами других частей речи (союзами, междометиями, наречиями, застывшими формами существительных, местоимений, глаголов), с которыми частицы связаны генетически» [2.С. 579].

Традиционно лакская грамматика различает модальные, цитатные и формообразующие частицы. Ущербоность всех существующих в лакском языке классификаций частиц обусловлена многозначностью и многофункциональностью частиц самого языка. Одна и та же частица способна передавать самые разнообразные оттенки значений и по этой причине может быть причислена одновременно к разным рядам. Кроме того, за редкими исключениями, частицы лакского языка можно однозначно перевести на русский язык, как это делается обычно в существующих классификациях. Точный перевод частиц лакского языка на русский язык возможен только в конкретном контексте.

В отличие от других служебных слов, например, союзов и послелогов, частицы не имеют функции связи слов в предложении.

Не будучи членами предложения, частицы, выполняют в предложении функции выражения особых дополнительных оттенков, значения отдельных членов предложения или всего предложения в целом. В соответствии с выполняемой ими функцией, частицы могут вступать в сочетание с отдельными членами предложения, или относиться ко всему предложению в целом. В последнем случае частицы уподобляются модальным словам. Частицы, относящиеся к отдельному члену предложения, выполняют, как правило, выделительную (усилительную или ограничительную) функцию. Ряд частиц имеет эмоционально-экспрессивный характер. Они передают разнообразные оттенки чувств и настроений говорящего. Частицы, выполняющие функцию передачи эмоционально-экспрессивного характера, известны в языкознании как модальные частицы.

В лакском языке довольно активно функционируют частицы самые разные по своему значению и употреблению. Они в состоянии передавать разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей: восторга, удивления, недовольства, недоверия, восхищения, грусти и т.д.

Универсальным свойством частиц, характерным для большинства языков мира является их неизменяемость. Кроме того, частицы, как и другие служебные слова, не обладают знаменательностью и по этой причине не могут выступать самостоятельным членом предложения.

Частицы лакского языка обладают рядом специфических свойств, являющихся характерной особенностью лакского языка. Прежде всего, это способность частиц лакского языка наслаиваться одна на другую, доводя количество наслаивания до пяти-шести частиц, например:

Ванашиккуданна на ттула мина. «Вот здесь я решил обосноваться».

Ванаххавана мина дайсса кІану. «Вот же место, где я обоснуюсь».

Ванаххарчвана мина данна тІийвкІсса кІану. «Да вот то место, где я решил обосноваться».

Способность частиц легко входить в комплексные сочетания как друг с другом, так с другими членами предложения известна в лингвистике и имеет место во многих языках.

Частица может выполнить множество функций. Общим для всех функций является то, что во всех случаях в них присутствует значение отношения. Это может быть отношение (отнесенность) действия, состояния либо целого сообщения к действительности или отношение говорящего к сообщаемому, причем оба вида этих отношений очень часто совмещаются в значении одной частицы. Значением частицы как отдельного слова является то отношение, которое выражается ею в предложении.

Характерной чертой многих частиц является то, что по своему строению и функциям они сближаются с наречиями, союзами или междометиями и не всегда могут быть им строго противопоставлены; во многих случаях частицы сближаются также с вводными словами.

В лакском литературном языке представлено пять частиц пространственной семантики: вана«вот (в сфере говорящего, вдали по горизонтали, в отдалении от говорящего, на одинаковом с ним уровне)», тана«вот (в сфере слушающего, вдали по горизонтали, в отдалении от говорящего, на одинаковом с ним уровне)», муна «вон (вне сферы как говорящего, так и слушающего, вдали, на одинаковом с ними уровне)», гана«вон (вдали от говорящего, ниже уровня говорящего)», кІана «вот (вдали от говорящего, выше его уровня)».

Например: Вана вари, кІарил кІацІливу мІйжаннуг уккарччив хІялІа хІунудия (Щ. М., 8) «Вот, честно говоря, у старухи во рту зубы поредели».

Указательные частицы также обладают способностью присоединять к себе другие частицы, образуя, таким образом, комплекс частиц. Например:

Ванахха, нагу хІакІинугу вара давудуллай (Щ. М., 17) «Вот именно, я сегодня проделываю ту же работу»;

ВанаттулбакІахІуссалулявкІунни. «Вот (рядом с

говорящим) моя потерянная книга нашлась»;

ГанагІкку хІасулхІунаттулвахаварччинссапкри. «Вон (вдали от говорящего, ниже его уровня) там созрела моя идея о написании данного рассказа» (Щ. М., 64);

КІана кІазаннабакІахІакуллссажуладакІнивуссакІахІяллу. «Вот (вдали от говорящего, выше его уровня) только бог знает, что в душе у каждого у нас».

Большинство частиц лакского языка по происхождению восходят к словам других частей речи, о чем свидетельствует, в том числе, и их одинаковое звучание. Указательные частицы И.Х. Абдуллаев возводит к указательным местоимениям: «они образованы от указательных местоимений при помощи аффикса -на: ва «этот» – ва-на «вот», та «тот» – та-на «тот» и т.д. От указательного местоимения та «тот» при посредстве адвербиального аффикса -ну образована частица туну «так что же» [1. С. 282].

Совместное употребление указательных частиц и соответствующих указательных местоимений приводит к усилению семантики указательности, к прегнантности выражения пространственной локализации. Например:

Вана вариттул яла хІинмадус. «Вот этот (именно тот, что рядом со мной) (есть) мой лучший друг»;

Муна муриттул чІивимур ссу. «Вон та (именно та, что рядом с тобой) (есть) моя младшая сестра»;

Танатари на дукІу бувхІуссамурх. «Вон то (в отдалении от говорящего) дерево я сажал в прошлом году»;

КІана кІари на вихІбуслайвкІсса зунтту. «Вон та (вдали от говорящего, выше его уровня) гора, про которую я тебе рассказывал»;

Таким образом, в лакском языке различают модальные, цитатные и формообразующие частицы, отличающиеся многозначностью и многофункциональностью, а также способностью передавать самые разнообразные оттенки значений.

Литература

1. Абдуллаев И.Х. Лакский язык // Языки Дагестана. – Махачкала - Москва, 2000. – С. 134-151.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. - М., 1990.
3. Мударисов Щ.Р. НякІ – ЩІолли хаварду. – МахІачкала, Дагкнигоиздат, 1998.

ДЕРИВАТЫ ПЕРВОЙ СТУПЕНИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ «СКОЛЬЗИТЬ»

Сысоева Людмила Анатольевна

Магистр, Орловский государственный университет, г. Орёл

В современном словообразовании актуальным становится описание словообразовательных гнезд в парадигматических и синтагматических отношениях. Проблеме описания структуры словообразовательного гнезда посвящены работы Е.А. Земской, А.Н. Тихонова, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, И.А. Ширшова, О.П. Ермаковой и др. В работах Т.А. Ходуновой, Л.М. Дударовой, Е.Б. Кузьминой и др. описываются особенности структуры отдельных гнезд или группы гнезд.

Все слова в гнезде находятся между собой в словообразовательных отношениях и занимают в нём строго определённое место. Структура словообразовательного гнезда определяется соотношением двух планов – синтагматического и парадигматического. В синтагматическом

плане гнездо представляет собой совокупность словообразовательных цепей, а в парадигматическом – совокупность словообразовательных парадигм.

По объёму словообразовательные гнезда делятся на три типа: нулевые, слаборазвёрнутые и сильноразвёрнутые. Нулевое гнездо состоит из одного слова, оно включает только вершину, при которой нет ни одного производного, например: гуашь, артикль. Слаборазвёрнутое гнездо состоит из двух слов – вершины и только одного производного: нашатырь – нашатыр-н-ый, марля – марлев-ый. Сильноразвёрнутое гнездо включает в себя три и более слова [1, с. 229-230].

В настоящей статье на материале «Школьного словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова (М., 2003) рассматриваются дериваты первой степени словообразовательного гнезда с вершиной скользить в парадигматическом плане.

Словообразовательное гнездо с вершиной скользить является сильноразвёрнутым, так как состоит из 15 производных слов. На парадигматическом уровне данное гнездо представлено пятью парадигмами. Первая парадигма с вершиной скользить имеет четыре производных слова: скольжение, скользкий, скользнуть, вскользь. Вершиной второй парадигмы является слово скользкий, парадигма которого представлена двумя производными словами: скользко, скользкость. Третья парадигма с вершиной скользнуть представлена четырьмя производными словами: выскользнуть, поскользнуться, соскользнуть, ускользнуть. Четвёртая парадигма, вершиной которой является слово выскользнуть, представлена двумя производными словами: выскользывать, выскользять. Пятая парадигма с вершиной ускользнуть также состоит из двух производных слов: ускользывать, ускользнуть. Синтагматический уровень данного гнезда представлен десятью словообразовательными цепями, из которых две являются бинарными: скользить → скольжение, скользить → вскользь, а восемь – полинарными: скользить → скользкий → скользко, скользить → скользкий → скользкость, скользить → скользнуть → выскользнуть → выскользывать, скользить → скользнуть → выскользнуть → выскользывать, скользить → скользнуть → поскользнуться, скользить → скользнуть → соскользнуть → соскользывать, скользить → скользнуть → ускользнуть → ускользывать, скользить → скользнуть → ускользнуть → ускользывать [4, с. 423].

Первая ступень словообразовательного гнезда включает четыре производных слова: скольжение, скользкий, скользнуть, вскользь.

Именной дериват скольжение образован от основы инфинитива глагола скользить путём прибавления суффикса -ениj². Процесс словообразования сопровождался усечением конечной гласной производящей основы /и/ (скользи-ть – скольже-ение) и историческим чередованием фонем /з'/ – /ж'/(сколь[з']ить – сколь[ж']ение). В древнерусском языке звук [ж'] был только мягким, поскольку появился ещё в общеславянском языке в результате смягчения другого согласного звука. Но в XIII–XIV вв. звук [ж'] отвердел и стал непарным твёрдым [2, с. 81]. В современном русском языке изменение любого корневого незаднеязычного согласного связано с действием доисторического звука [j²]. В настоящее время перед [j²] может находиться любой согласный, но в древнерусском языке такое соседство было невозможно, поскольку между согласным и [j²] всегда находились слабые редуцированные ь или ь. Лишь после утраты в произношении редуцированных гласных ь и ь, которое произошло в XI–XII вв., сочетание любых согласных с [j²] стало возможным. Однако, ещё в общеславянский период все сочетания согласных с [j²] претерпели изменения: под воздействием всегда мягкого [j²] предшествующие ему согласные переходили в другие мягкие звуки, а сам [j²] исчезал. Так, сочетания твёрдых переднеязычных свистящих с [j²] давали мягкие шипящие: [с] + [j²] – [ш]: носишь – но[с + j²]а – ноша; [з] + [j²] – [ж]: возить – во[з + j²]о^н – вожу [2, с. 91].

В «Школьном словообразовательном словаре» З.А. Потихи (М., 1964) для производного скольжение указывается другой словообразовательный суффикс -ени-: скольж/эни/е [3, с. 272]. Это можно объяснить тем, что в данном словаре не учитывается функция букв е, ё, ю, я,

которые в положении после гласных и разделительных ь и ь обозначают два звука: [j²] + соответствующие гласные [э], [о], [у], [а].

Слово скользкий образовано от вершины словообразовательного гнезда скользить путём прибавления суффикса -к-. При этом наблюдаются следующие морфологические явления: изменение места ударения (скользи́ть – ско́льзкий) и усечение конечной гласной производящей основы /и/ (скользить – скользкий).

Дериват скользнуть образован от основы инфинитива глагола скользить с помощью прибавления суффикса -ну-. В процессе словообразования наблюдается усечение конечной гласной производящей основы /и/ (скользить – скользнуть), а также чередование фонем по мягкости/твёрдости /з'/ – /з/ (сколь[з']ить – сколь[з]нуть). Данное чередование принадлежит к наиболее распространённому в современном русском языке типу чередований – чередованиям на морфемном шве, когда согласные фонемы в конце производящей основы приспосабливаются к начальным фонемам словообразовательных аффиксов.

Из всех чередований на морфемном шве наиболее распространённым и продуктивным в современном русском языке является чередование согласных, парных по твёрдости/мягкости. Такое чередование обуславливается типом суффикса. В современном русском языке при словообразовании у производных основ перед одними суффиксами сохраняется конечная фонема основы слова, а перед другими суффиксами происходит чередование конечной согласной основы по твёрдости/мягкости. Такие чередования не происходят у производных слов, образованных при помощи суффиксов, начинающихся на гласные о, у, а, ы. Если же основа оканчивается мягкой согласной фонемой, то происходит менее характерное для современного русского языка чередование мягких согласных с твёрдыми.

Слово вскользь образовано от основы инфинитива глагола скользить префиксально-суффиксальным способом (приставка в- и нулевой суффикс Ø). Процесс словообразования сопровождается следующими морфологическими явлениями: изменение места ударения (скользить – вскользь), усечением конечной гласной производящей основы /и/ (скользить – вскользь).

В «Школьном словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова (М., 2003) указывается только префиксальный способ словообразования данного деривата. Это можно объяснить тем, что в языкознании нет единого решения вопроса о нулевых морфемах. Нулевые формообразовательные флексии выделяли в своих трудах такие учёные, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатов, Г.О. Винокур. Вопрос о нулевых словообразовательных суффиксах начинает подниматься в 60-х гг. XX в. В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, Е.А. Земская в своих работах выделяют нулевые словообразовательные суффиксы на основании сопоставления таких пар слов, как синев-а – синь-Ø, подбор-к-а – подбор-Ø [1, с. 66]. Но в школьной практике понятие нулевой морфемы распространяется только на флексии. Нулевую же суффиксацию по традиции продолжают называть безаффиксным или бессуффиксальным способом словообразования. Однако существование в русском языке нулевых словообразовательных суффиксов признаётся во всех серьёзных научных работах по словообразованию последних десятилетий.

Таким образом, первая ступень словообразовательного гнезда с вершиной скользить содержит дериваты различных частей речи: существительное (скольжение), прилагательное (скользкий), глагол (скользнуть), наречие

(вскользь). Существительное, прилагательное и глагол образованы суффиксальным способом; наречие – префиксально-суффиксальным. Образование дериватов сопровождается такими морфонологическими явлениями, как чередование согласных фонем, усечение конечной гласной фонемы производящей основы, изменение места ударения.

Список литературы

1. Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 360 с.
2. Мусатов В.Н. Русский язык: фонетика, фонология, орфоэпия, графика, орфография. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 280 с.
3. Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь / Ред. С.Г. Бархударов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1964. – 392 с.
4. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. Изд. 4-е, стереот. – М.: Цитадель-трейд, 2003. – 576 с.

СУГГЕСТИВНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК ЕГО КЛЮЧЕВОЕ СВОЙСТВО

Строкова Вероника Игоревна

*Магистрант филологии 1 курса, КубГУ, г.Краснодар
соавтор*

Буянова Людмила Юрьевна

Д.ф.н, профессор КубГУ г. Краснодар

На наш взгляд, суггестивность рекламного текста является его ключевым свойством, с помощью которого реализуется основная функция рекламы – воздействие на выбор потребителя.

О. В. Андерсон в статье «Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы» отмечает следующее: «Языковые ресурсы позволяют не просто описывать какую-либо ситуацию внешнего мира, но и интерпретировать ее, задавая нужное адресанту видение мира, управлять восприятием ситуации и навязывать ее положительную или отрицательную оценку, то есть в определенном смысле манипулировать сознанием получателя информации» [1, с.33] (курсив наш. – В. Строкова, Л.Буянова). Таким образом, использование языковых ресурсов всегда создает условия для манипуляции сознанием коммуниканта.

Е. Д. Доценко наиболее точно высказал определение манипуляции: «Это вид скрытого сознательного коммуникативного воздействия одного человека на другого с целью изменения его знания, отношения, намерения в нужном для манипулирующего направлении» [6, с.5].

Из этого следует, что рекламное сообщение, являясь особым видом коммуникации, скрыто влияет на намерения и выбор потребителя. Многие исследователи отмечают, что обязательным элементом при создании рекламного сообщения становится суггестия.

Определение суггестии встречается как в лексикографических источниках, так и в различных научно-исследовательских работах зарубежных и отечественных лингвистов.

По данным «Словаря иностранных слов» Н.Г. Комлева, лексема «суггестия» происходит от латинского слова «suggestion» и означает «внушение» [7, с.348] (курсив наш. – В. Строкова, Л.Буянова).

В «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» дается следующее определение суггестии: «Особый вид психологического воздействия (главным образом словесного) на психику человека с целью создания у него определенного состояния, побуждения к какому-л. действию» [3, с.416] (курсив наш. – В. Строкова, Л.Буянова).

«Философский энциклопедический словарь» рассматривает суггестию как «психическое внушение, изменение процессов мышления, чувствования и реакций, большей частью не замечаемое тем, кто подвергается внушению со стороны (чужая суггестия) или со стороны самого себя (аутосуггестия, самовнушение)» [2010:198].

Исходя из дефиниций, представленных в лексикографических источниках, слово «суггестия» имеет следующие идентификаторы, которые определяют его когнитивные признаки: «внушение», «особый вид психологического воздействия», «изменение процессов мышления».

Оригинально определяет суггестию один из теоретиков символизма Ш. Морис: «Суггестия – это язык соответствий, сродства души и природы. Она не стремится передать образ предмета, она проникает внутрь его естества, становится его голосом. Суггестия не может быть бесстрастной, она всегда нова, поскольку в ней заключается сокровенное, неизъяснимое, невыразимая суть вещей, к которым она прикасается».

Менее поэтично дифференцирует суггестию А. В. Добрович – «неосознаваемая изготовка психики к определенному восприятию, решению, действию» [5, с.36].

Б. Ф. Поршнев назвал суггестию самой загадочной проблемой человечества: «под ней понимается возможность навязывать многообразные и в пределе даже любые действия. Последнее предполагает возможность их обозначить. Между этими предельными рубежами развивается явление суггестии» [9, с.416].

На наш взгляд, суггестия представляет собой специально образованный вид коммуникативной деятельности, создаваемый при помощи вербальных и невербальных средств. По нашим данным, суггестия не только широко используется при организации рекламного текста, но она является его ведущим элементом.

Как отмечают исследователи, ключевой особенностью суггестии становится ее непосредственная связь с областью бессознательного.

А. Г. Асмолов говорит о том, что «именно анализируя бессознательное и его функцию в деятельности человека, мы приходим к позитивной характеристике бессознательного как уровня психического отражения, в котором субъект и мир представлены как неделимое целое.

Установка же выступает как форма выражения в деятельности человека того или иного содержания – личностного смысла и значения, которое может быть, как осознанным, так и бессознательным. Функция установки в регуляции деятельности – это обеспечение целенаправленного и устойчивого протекания деятельности человека» [3, с.59]. По словам исследователя, «именно эти аспекты актуализируются в рекламных текстах, обладающих суггестивной функциональностью» [3, с.59].

Главным для рекламного текста является привлечение внимания потенциального потребителя. По мнению исследователей, внимание может быть произвольным и непроизвольным. Как отмечает М. Вертхеймер: «Произвольное внимание связано с волевым компонентом, характеризуется избирательной направленностью, внутренней мотивацией и намерением. Когда человек, например, листает буклет с целью выбрать из ряда предлагаемых товаров стиральную машину, узнать ее технические характеристики, цену и т.д., а затем принять решение о возможности приобретения данного товара, то все эти три этапа (сбор, сознание, принятие решения) будут проходить в рамках произвольного внимания. Непроизвольное (или пассивное) внимание включается на внешний информационный раздражитель непреднамеренно, сопровождается внешне мотивированное поведение» [4, с.70].

Таким образом, суггестия рекламного текста характеризуется, в первую очередь, привлечением непроизвольного внимания потенциального покупателя. С этой целью в рекламные тексты помещают образ бренда фирмы или же сочетают изображение с рекламным слоганом или лозунгом.

О. В. Андерсон отмечает, что «организация восприятия рекламного текста осуществляется по двум основным схемам. Первая – в которой присутствует образ, те элементы восприятия, которые привлекли к себе наибольшее внимание. Причем более значимые предметы выделяются и выступают в качестве образа (логотип, фирменные знаки), тогда как менее знакомые объекты выступают в качестве фона» [1, с.36]. Примером первой схемы может стать реклама сети цифровых фотоцентров «Kodak», на которой изображена обнаженная девушка, прикрывающая грудь руками и указан текст: «снимай ВСЕ... ОСТАЛЬНОЕ делаем мы», в левом углу расположен фирменный знак сети «Kodak». Таким образом, это рекламное сообщение содержит следующие компоненты, привлекающие неосознанное внимание аудитории: двусмысленный лозунг и двусмысленный образ. Ясность в понимании рекламного сообщения вносит фирменный знак, который объясняет смысл фразы «снимай все».

О. В. Андерсон относит ко второй схеме фактор восприятия человеком целостно, «то есть реципиент склонен воспринимать полную картину, даже если некоторые ее элементы отсутствуют» [1, с.36]. Иллюстрацией этой схемы восприятия рекламного сообщения может стать текст, в котором отсутствует часть слова, либо несколько последних букв названия фирмы. Как отмечает исследователь, «успех такого приема связан с тем, что процесс обработки информации позволяет адресанту включиться в процесс и самому, как бы «создавать» рекламу, поэтому она лучше воспринимается» [1, с.36].

После того, как реклама привлекла внимание потребителя, наступает период удержания интереса к предлагаемой продукции. С этой целью копирайтеры используют различные цветовые, звуковые элементы при оформлении рекламного сообщения. Создаются замысловатые сюжеты, сериалы (реклама соков «Моя семья», мобильного тарифа «Теле2»), активно используется юмор

(реклама майонеза «Слобода», мобильного тарифа «МТС»), приемы языковой игры в целом.

Следующим этапом суггестии рекламы является организация условий «идеальной» покупки. Для этого рекламный текст создает потребность в желании приобрести, например, не просто машину, а идеал (реклама автомобиля Mazda «Я Mazda. Я твой идеал!»), не обыкновенный парфюм, а «секрет обольщения» (реклама парфюмированной воды «Eclat women») и т.д.

Исследователи выделяют такие виды рекламных текстов как «текст – убеждение» и «текст – информация». К первому виду относят тексты, которые не только открыто навязывают тот или иной товар, но и имеют форму скрытого совета. По словам О. В. Андерсон: «Желая усилить интенсивность положительной мотивации, рекламодатель делает акцент не на предмете (рациональная сторона), а на положительных эмоциях (ассоциациях), использование которых является одним из наиболее эффективных манипулятивных приемов в создании рекламного текста» [1, с.37].

Ко второму типу относят такие рекламные сообщения, которые содержат сведения о предмете, передаваемые определенными информационно-языковыми средствами. Такая реклама, сообщив о характеристиках товара, способна убедить потребителя совершить покупку.

Р. Харрисон подчеркивает, что самый эффективный метод продаж – это описание товара таким образом, чтобы у потребителя создалось ощущение удовлетворенности личных потребностей после его приобретения [11, с.27]. Психологический метод при организации рекламного сообщения используется с целью создания уникальности потребителя или же неповторимости предлагаемой вещи. Для этого рекламный текст содержит непосредственное обращение к покупателю (местоимения «вы» или «ты»). Например, рекламная компания сети быстрого питания «Mc Donalds» – «Мы делаем все это для тебя»; реклама косметической компании «Oriflame» – «Ты создаешь этот мир!».

Однако рекламные слоганы могут отрицательно влиять на восприятие окружающей действительности их реципиента. Как отмечает В. И. Карасик в статье «Тенденции развития общения в современной массовой культуре»: «Рекламные слоганы закладывают в сознание покупателей ценностные установки: Немецкое качество. Безупречный стиль. Мужской характер (реклама бытовой техники Bork). Немецкое значит хорошее. Реклама немецкой техники для кухонь, утюгов и пылесосов предназначена в первую очередь женщинам. В сознании покупателей внедряется старый штамп маскулинной Европы и феминной России. Тем самым подавляется как образ отечественных товаров, так и положительная оценка российских мужчин» [8, с.7].

Таким образом, суггестивность рекламного текста влияет не только на выбор того или иного товара, но и на создание определенных клешейных представлений о реальности в целом.

Эрих Фромм в связи с этим пишет: «Обрушивающаяся на население реклама с ее чисто суггестивными методами, характерными, прежде всего для телевизионных коммерческих фильмов, является одурманивающей. Такое наступление на разум и чувство реальности преследует человека повсюду, не давая ему передышки ни на миг: и во время многочасового сидения у телевизора, и за рулем автомобиля, и в ходе предвыборной кампании с присущей ей пропагандистской шумихой вокруг кандида-

тов и т.п. Специфический результат воздействия этих суггестивных методов состоит в том, что они создают атмосферу полузабытья, когда человек одновременно верит и не верит происходящему, теряя ощущение реальности» [10, с.195].

Из сказанного следует, что суггестивность является не только ключевым свойством рекламного текста, с помощью которого происходит реализация основной функции рекламы – воздействие на выбор потребителя, но и неотъемлемой частью информационного пространства потенциальной аудитории. Несмотря на то, что процесс трансформации суггестии для реципиента достаточно сложен, практически все тексты рекламных сообщений обладают суггестивной функциональностью. Характер внушения может быть, как позитивным для потребителя, так и негативным.

Список литературы

1. Андерсон О.В. Лингвокультурологические и национально-ментальные особенности языка рекламы: дис. ... канд. филол. наук / О.В. Андерсон. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М.: Икар, 2009. – 448 с.
3. Асмолов А.Г. На перекрестке путей к изучению человека. Бессознательное / А. Г. Асмолов. Новочеркасск, 1994. – 137 с.
4. Вертхаймер М. Продуктивное мышление / М. Вертхаймер. – М.: Наука, 1987. – 274 с.
5. Добрович Ф. В. «Дом колдуньи» и художественное восприятие / Ф. В. Добрович. – М.: Декоративное искусство СССР, 1980. – 65 с.
6. Доценко Е.Д. Психология манипуляции. М., 1997.
7. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006.
8. Карасик В.И. Тенденции развития общения в современной массовой культуре. М., 2010.
9. Поршев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршев. – М.: Наука, 1974. – 532 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть / Э. Фромм. – М.: Дрофа, 1990. – 213 с.
11. Харрисон Р. Психология массовых коммуникаций. М., 1990.

РАЗУМ И ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ В РАССКАЗАХ И ПОВЕСТЯХ М. БУЛГАКОВА 20-Х ГОДОВ

Сухих Ольга Станиславовна

Д. филол. наук, доцент кафедры русской литературы ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

В произведениях М.А. Булгакова 20-х гг. часто затрагивается медицинская тематика, что, без сомнений, связано с автобиографическим началом в его творчестве. Для профессии врача (в том числе и экспериментатора) характерна опора на рациональное осмысление мира и природы человека, на «земной, эвклидовский» разум, как выразился Иван Карамзев у Достоевского. Однако оценка рационализма в булгаковских произведениях не однозначна: он подходит к этой проблеме с различных точек зрения.

В цикле «Записки юного врача» автобиографический герой оказывается в таких ситуациях, когда может опираться лишь на знания и профессиональный долг. Здесь его разум, его образование, умение чётко действовать становятся зачастую единственным шансом на спасение для страдающего человека. Не случайно писатель отмечает, что в экстремальных условиях, когда пациент на грани жизни и смерти, а доктору не хватает опыта и уверенности, действовать начинает как бы даже не он сам, а его разум: «За меня работал только мой здравый смысл, подхлестнутый необычайностью обстановки» [2, с. 418]. Кроме того, в «Записках юного врача» велика роль антитезы разума и «тьмы египетской», и этот приём тоже подчёркивает спасительную силу интеллекта, знания (тем более знания, подкреплённого практикой), образованности. Разум врача становится в этом контексте не только спасением для конкретного пациента, но и своеобразным «инструментом» просвещения, помогающего сделать жизнь более цивилизованной: «Потянулась пленено тьма египетская... и в ней будто бы я... не то с мечом, не то со стетоскопом. Иду... борюсь...» [4, с. 456]. Этот неясный образ из сна доктора – нечто среднее между мечом и стетоскопом – и есть символ разума как единственного «орудия» просвещения, как единственного спасения от мрака и гибели. Концептуальная идея «Записок юного врача» заключается в том, что природа – в том числе природа чело-

века как биологического существа – несовершенна, а разум дан человеку как возможность противостоять природе, вмешаться в её жизнь и вступить в борьбу с её несовершенствами.

Принципиально иной подход к проблеме разума и природы мы видим в повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце». Одна из центральных тем этих произведений – попытка человека подняться над теми возможностями познания, которые даны ему природой. Это даёт возможность исследователям сопоставить булгаковского биолога-экспериментатора с Фаустом Гёте [9]. В русской литературе данная тема тоже затрагивалась, и не раз. Стоит вспомнить тургеневский роман «Отцы и дети» или стихотворение Ф.И. Тютчева «Фонтан»: в обоих случаях авторы акцентируют внимание на том, что человек может ставить перед собой великие цели, выходящие за пределы, поставленные самой природой, но в результате терпит поражение:

О, смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя мятёт?
Как жадно к небу рвётся ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.
(Тютчев Ф.И. «Фонтан») [8, с. 64]

И Персиков в «Роковых яйцах», и Преображенский в «Собачьем сердце» рассматривают знание, науку как способ движения человека вперёд по пути совершенствования природы. Персиков открывает «луч новой жизни» – так называет это физическое явление журналист, берущий у него интервью. И это вызывает ассоциацию с «лучом упорным», лучом «смертной мысли», о котором писал Ф.И. Тютчев. Понятие «новой жизни» в формулировке открытия Персикова тоже не случайно: учёный своим экспериментом вступает в спор с теми законами, которые уже

сложилась в реальности, и стремится утвердить возможность рождения некой новой формы существования, с новыми закономерностями: «Речь здесь идет не о законах "нормальной", земной, биологической жизни, а о "противоестественных" законах макро- и микромира» [6]. Преображенный же занимается проблемой омоложения, он заботится «об улучшении человеческой породы». Непреложный закон природы – это старение и смертность человека, но герой Булгакова стремится опровергнуть его и сделать человека как биологический организм более совершенным. В обоих случаях учёный руководствуется убеждением, что разум дан человеку, чтобы изменить жизнь к лучшему.

Однако и в том, и в другом произведении сюжет строится таким образом, что рационализм героя приводит не к достижению благой цели, а к катастрофе. Как пишет известный исследователь булгаковского творчества В. Сахаров, «есть в фантастической прозе Булгакова неожиданная, глубоко спрятанная грусть, скептическая мудрость и трагизм» [7]. Трагизм этот связан не в последнюю очередь с несовпадением целей героев и тех результатов, к которым приводит их «чистый разум», способный бросить вызов самой природе. В «Собачем сердце» Преображенный говорит Борменталу: «Вот, доктор, что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподымает завесу: на, получай Шарикова и ешь его с кашей!» [3, с. 133]. Если учесть, что сама по себе операция, проведённая Преображенным и Борменталем, является аллегорией революции, то герои сыграли «роль творцов антипреображения, то есть революции, в ходе которой над народом была проведена зловещая кровавая "операция"» [5, с. 29]. В этом аспекте перед нами снова проблема разума и его противопоставления природе, но уже в рамках социального эксперимента. Революция, с точки зрения Булгакова, является порождением самонадеянного разума, тогда как эволюция – это следование законам природы. Стремление разума победить эти законы и ведет к трагедии, как это показано и в «Роковых яйцах», и в «Собачем сердце».

Причина такой ситуации видится писателю в том, что ум человека, с одной стороны, достигает грандиозной высоты в познании, а с другой стороны, он же оказывается ограниченным в том смысле, что учёный слишком узко понимает значение своего эксперимента: рассматривает лишь его научную сторону и не предвидит социальных последствий. Получается, что разум, стремящийся лишь «ввысь», становится не спасительной (как было в «Записках юного врача»), а губительной силой.

С этой точки зрения к повестям «Роковые яйца» и «Собаке сердце» примыкает и «Морфий». Здесь в качестве одного из проявлений силы человеческого разума и его возможностей рассматривается изобретения одного из сильнейших лекарств – морфия. Первоначально доктор Поляков, герой произведения, пишет о нём как о чудодейственном средстве, способном избавить человека не

только от физической, но и от душевной боли. Это доказательство достижений человека, способного с помощью завоеваний разума преодолеть несовершенство природы. Но впоследствии, уже страдая от страшной наркотической зависимости, герой с горечью и трагическим отчаянием сетует: «Изобрели морфий, вытянули его из высохших, шёлкающих головок божественного растения, ну так найдите же способ и лечить без мучений» [1, с. 488]. Возможности разума человеческого оказались безграничными: изобретение его стало не только инструментом борьбы со злом – болезнью, но и источником новой болезни – нового зла, и человек не нашёл способа его победить. Следовательно, человек стал жертвой собственного разума, его стремления к изменению закономерностей бытия. Учитывая эту мысль, мы можем утверждать, что «Морфий», который иногда относят к «Запискам юного врача», на самом деле по своему идейному «заряду» весьма далёк от этого цикла. В отношении проблемы разума он гораздо ближе к написанным ранее повестям «Роковые яйца» и «Собаке сердце».

Список литературы

1. Булгаков М.А. Морфий // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 468 – 497.
2. Булгаков М.А. Полотенце с петухом // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 409 – 420.
3. Булгаков М.А. Собачье сердце // Булгаков М.А. Из лучших произведений. М.: ИЗОФАКС, 1993. – С. 57-149.
4. Булгаков М.А. Тьма египетская // Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – С. 448 – 456.
5. Лосев В. Вещие сны // Булгаков М.А. Из лучших произведений. М.: ИЗОФАКС, 1993. – С. 5-52.
6. Панфилов А.Ю. Булгаков и Эйнштейн (о повести «Роковые яйца») [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/panorama.shtml (дата обращения: 16.03.2015).
7. Сахаров В. Сатира должна идти до конца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bulgakov.net.ru/lb-ar-author-122/> (дата обращения: 16.03.2015).
8. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. – 480 с.
9. Шор Г.А. Рецепция «Фауста» И. В. Гёте в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2007. № 53. Выпуск 14. – С. 44-51.

АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Свотина Кристина Викторовна,

студентка 6 курса направления подготовки «Филология», Научный руководитель: кандидат пед. наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания

Картавая Юлия Константиновна

Евпаторийский институт социальных наук (филиал), ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

АННОТАЦИЯ.

В статье рассматриваются антропонимы персонажей в романе «Братья Карамазовы». Антропонимы представляют собой сложное явление, проявляющиеся себя по-разному в зависимости от формы и значения. Рассмотреть

приемы имплицитной характеристики главных героев на основе форм имени собственного. Показать возможности для интерпретации потенциальной семиотики имен собственных в художественном тексте.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, имя, роман «Братья Карамазовы», имена собственные, антропонимы.

ABSTRACT.

The article discusses anthroponomy characters in the novel «The Brothers Karamazov». Anthroponomy represent a complex phenomenon that manifests itself in different ways depending on the shape and meaning. Consider methods of implicit characteristics of the main characters on the basis of the forms of a proper name. Show possibilities for interpreting the potential of semiotics proper names in a literary text.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, the name, the novel «The Brothers Karamazov», proper names, anthroponomy.

Постановка проблемы. В последние десятилетия активно развивается лингвистика художественного текста. В силу абсолютной антропоцентричности художественного текста, важнейшей его структурной категорией является категория «персонажа» («героя»). Соотнесенность имен и образа в творчестве Ф. М. Достоевского, интерпретация антропонимики романа «Братья Карамазовы», методика лингвистического анализа литературного текста – круг взаимосвязанных и недостаточно разработанных проблем.

В современных лингвистических исследованиях часто указывается на необходимость и целесообразность изучения ономастической лексики художественного текста, анализ которой приводит к пониманию идейного замысла произведения и индивидуальных особенностей языкового творчества писателя.

На сегодняшний день известны работы, посвященные различным вопросам лингвистического анализа художественного текста романа «Братья Карамазовы», в том числе: структурная организация романа Л. Н. Смирнова [8], особенности словоупотребления в романе В. А. Тумиманова [10], ономастическое пространство романа [7]. Как видим, работ, посвященных описанию поэтики имен собственных произведения немного.

Цель нашей статьи – провести комплексный анализ семантики и структуры антропонимического пространства романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Актуальность данной статьи обуславливается из целесообразности изучения антропонимического пространства художественного произведения. В отборе использования антропонимической лексики проявляется специфика авторского идиостиля, поэтому изучение антропонимики романа «Братья Карамазовы» дает возможность полнее изучить вопрос о традиционном и новом в ономастическом языке писателя.

Изложение основного материала. Художественный текст располагает разнообразными средствами для обозначения и различия персонажей. К этому числу можно отнести и имена собственные. Имена собственные в художественном тексте значимы, выразительны и социально обусловлены. Антропонимы представляют особый интерес, поскольку их изучение функций дает возможности в раскрытии основной идеи, смысловых пластов произведения.

В тексте романа «Братья Карамазовы» нами обнаружено два типа литературных антропонимов (онимов): собственно, авторизованные имена, которые функционируют как номинации для художественно реальных денотатов, и антропонимы нулевой авторизации, к которым относятся имена реальных лиц, персонажей прецедентных текстов, которые по экстралингвистическим условиям закреплены в фоновых знаниях лингвокультурной общности. Последние входят в состав символов прецедентных феноменов.

Функционирование имен собственных в романе во многом определяется особенностями жанра. Одной из

черт данного произведения является отсутствие в нем явной авторской оценки событий и героев. Все это выражается при помощи многих средств и, конечно же, в том числе и ономастических.

В качестве антропонимов для обозначения и характеристики персонажей в романе «Братья Карамазовы» часто используются апеллятивные идентификаторы, которые называют действующее лицо по социальной роли, характеру семейных отношений, дают авторскую оценку.

В центре романа – история семьи Карамазовых. Символом данного произведения является оним Карамазовы. Выдуманные Ф. М. Достоевским фамилии соотносятся между собой в тексте на семантическом уровне: Карамазов, Смердяков, Верховцева, Самсонов.

Фамилию Карамазов рассматривают традиционно как производное слово от прилагательного карамазий, в основе которого два корня: тюркский кара – «черный» и русский маз – «мазать» [4, с. 271]. Некоторые исследователи рассматривают компонент кара- (наказание), так как почти все члены семьи Карамазовых заслуживают наказания.

Существует еще одно распространенное пояснение этой фамилии Д. В. Каракозова, террориста-народника, который совершил покушение на царя, что впоследствии соотносится с замыслом Ф. М. Достоевского представить главного героя, Алексея Карамазова революционером. Это не раз отмечали литературоведы и лингвисты, занимающиеся изучением творчеством автора [7, с. 8].

Н. А. Баскаков предлагает другую интерпретацию фамилии Карамазов: Карамазов от gaga – «смотреть», gaga-maz – «не смотрящий» + ов. «maz» - тюркский аффикс причастия настоящего и будущего времени в отрицательной форме [1, с. 122].

Фамилия Карамазов принадлежит к категории литературных антропонимов, символический смысл которых относится к области, неизъяснимого, но поддающихся расшифровке при тщательном анализе. Таким образом, уже в самом романе фамилия Карамазов объединяет людей с черным началом.

Принятая семантика подтверждается значением фамилии сына Федора Павловича, лакея Смердякова Павла Федоровича. Такую говорящую фамилию от прозвища матери ему дал сам Карамазов. Изначально смердами называли крестьян-земледельцев в Древней Руси. Происхождение фамилии Смердяков происходит от существительного смерд – «человек из черни, подлый». Также, фамилия лакея унаследовала от прозвища Лизаветы Смердящей связь с запахом: «от смердеть – издавать сильный неприятный запах. Показ негативного отношения к крестьянину со стороны верхушки общества» [5, с. 172с.].

Само значение фамилии Смердякова раскрывается в тексте: «По-моему, старик действительно прозорлив; уголовщина пронюхал. Смердит у вас», – говорит один из персонажей романа [3, с. 327 с.].

По нашему мнению, выбор писателем той или иной формы имени персонажа в качестве доминирующей поз-

воляет автору показать свою позицию по отношению к героям. Таким примером может служить авторское обозначение Алексея Карамазова в уменьшительной форме имени Алексей – Алеша. Здесь Ф. М. Достоевский использует только одну форму имени, акцентируя внимание читателя к своей симпатии к Алеше, юности и неопытности героя. Это отражается в именовании, расширенных определенных типами – мой Алеша, мой юный Алеша, мой тихий Алеша [3, с. 405].

Имя Алексей греческого происхождения, в переводе с греческого «алексо защищать, предотвращать, отражать» [9, с. 35].

Следующий образ – старший сын Федора Павловича Карамазова – Дмитрий. Происходит от греческого «Димитриос / Деметриос» относящийся к Деметре – богине земледелия и плодородия [9, с. 104]. Т. А. Бондаренко показывает, что «в лексическом плане этимология отношения данного героя к языческой богине земледелия воплощается в архетипический образ необработанной стихийной силы, заключенной в характерных чертах персонажа» [2, с. 16].

Сам эпиграф к роману, который был взят из Евангелия от Иоанна, упоминает пшеницу и землю: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, павши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Имя старшего сына Дмитрия, связанное с землей несет двоякий смысл: с одной стороны, невозделанная земля – это хаос, с противоположной стороны – это сила, которая порождает жизнь, а значит, существует надежда на преодоление хаоса, на обретение гармонии, поэтому Митя и говорит героине романа: «... мы пойдем с тобою лучше землю пахать. Я землю вот этими руками скрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказал» [4, с. 168].

Авторское обозначение у Дмитрия Карамазова – Митя. Используя уменьшительную форму имени, Ф. М. Достоевский показывает свое сочувствие и сострадание к персонажу на фоне отрицательного восприятия Дмитрия большинством героев.

Наблюдения показали, что антропонимы, которые называют главных героев романа, функционируют как экспрессивно-стилистические средства, значение которых определяется содержательно-подтекстовой информацией.

Так, имена собственные (онимы) персонажей в речи автора полифункциональные. Они участвуют в создании авторской концепции героев, выражая авторскую оценку персонажей имплицитно.

В тексте романа «Братья Карамазовы» мы обнаруживаем трехсловные имена собственные, которые являются самой малочисленной группой. Это объясняет тот факт, что художественное действие развивается вокруг ограниченного числа лиц – основных, центральных персонажей, образом которых уделяется значительная часть внимания писателя. Так, трехсловная модель имя наречения нами была зафиксирована в 21 случае: Алексей Федорович Карамазов, Дмитрий Федорович Карамазов, Григорий Васильевич Кутузов, Ефим Петрович Поленов, Иван Федорович Карамазов [4, с. 105].

В целях выражения дополнительных коннотаций в тексте романа функционируют апеллятивы с пренебрежительно-уничижительным оттенком значения, определяемые как пейоративы: Алешка, Грушка, Митька, Ванька, Катька и др. В тексте: «Ах, поехал Ванька в Питер, Я не буду его ждать!» [3, с. 281].

При анализе выделено несколько способов образования сокращенных именованных персонажей исследуемого романа:

- 1) полное имя + суффикс (Андрей – Андрейка, Алексей – Алексейчик);
- 2) начальные буквы имени + суффикс (Алексей – Алеша, Агафья - Агаша);
- 3) звуки из середины полного имени (Екатерина – Катя, Иван – Ваня);
- 4) конечные слоги имени (Анфимья – Фима) [4, с. 311].

Так, трехкомпонентная антропонимическая формула в «Братях Карамазовых» – достаточно редкая модель именования персонажей, еще и в силу того обстоятельства, что она функционально связана с официальным этикетом, редко употребляется в живой разговорной речи и художественном тексте.

Вывод. Таким образом, используя в качестве доминирующего какой-либо вариант имени собственного героев, Ф. М. Достоевский отображает свое отношение к персонажам, показывает, что имя героя имеет большое значение для создания авторской концепции персонажа. Так, многие ономастические единицы, используемые Ф. М. Достоевским, приобретают определенную степень значимости только в контексте, как имя и отчество главы семейства Карамазовых.

В антропонимике изучаемого произведения на первый план выдвигается денотативное значение, соотношенное с образом героя, как специально выделяемым, единичным.

Выраженной чертой многих имен собственных, как мы успели заметить, является не только отражение определенных черт, например, внешности или характера героя произведения, но и раскрытие какой-либо общей идеи, носителем которой является персонаж произведения.

Литература

1. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков / Н. А. Баскаков // Отделение литературы и языка. – Т. XI. Вып. 2. – М., 1952. – С. 121-134.
2. Бондаренко Т. А. Антропонимия романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: система, структура, функции. Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук по специальности 10.02.01. – русский язык. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2006. – 23 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Т.14: Братья Карамазовы. – Кн. XI-XII. – Л.: Наука, 1976. – 623 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. / Ф. М. Достоевский. – Т. 15: Братья Карамазовы. – Кн. I-X. – Л.: Наука, 1976. – 511 с.
5. Иванов В. В. О композиционной роли фамилий героев у Ф. М. Достоевского / В. В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2: Статьи о русской литературе. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 105-109.
6. Макаров В. И. От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы. / В. И. Макаров. – М.: Былина, 1993. – 224 с.
7. Семенов А. Т. Функционирование ономастической лексики в художественном тексте и лексикографическое описание ономастикона романа Ф. М. Достоевского. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец.10.02.01. – М., 1996. – 16 с.

8. Смирнова Л. Н. Концепция благодеяния в идейно-художественном мире романов Ф. М. Достоевского: (от «Бедных людей» к «Преступлению и наказанию») / Л. Н. Смирнова // Литература в школе. – 2007. – № 2. – С. 8-12.
10. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – 528 с.
11. Туниманов В. А. Рассказчик в «Беседах» Ф. М. Достоевского / В. А. Туниманов // Исследования по поэтике и стилистике. – 1972. – С. 87-162.

КАЗАХСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Тұяқбаев Габит,

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой казахского языка и литературы и журналистики Кызылординского государственного университета имени Коркыт Ата

Резюме

В данной статье автор рассматривает некоторые вопросы истории казахской эмигрантской журналистики. Говоря об эмигрантской журналистике, автор разграничивает понятия диаспора, эмигранты, ирреденты.

Особое внимание в статье уделяется редакторской, издательской деятельности видного казахского политического и общественного деятеля М. Шокай, которого считают основателем казахской эмигрантской журналистики.

В статье анализируется ряд изданий, выпускавшихся и выпускаемых сегодня за рубежом на казахском языке, - содержание публикуемых в них материалов, идейная направленность этих средств информации, их роль в жизни казахской эмиграции.

Ключевые слова: журналистика, радио, периодическое издание, газета, журнал, эмигрант, диаспора, ирредент, свобода, независимость, язык, культура, обычаи, традиции, информационные средства.

По мнению исследователей в настоящее время в более чем сорока странах мира проживают около трех с половиной миллионов казахов. Их выезд за пределы исторической Родины был обусловлен разными причинами и обстоятельствами.

Как известно, политическая наука, исследуя процессы выезда казахов за границу, использует такие понятия, как диаспора, ирредент и эмигрант.

Диаспора – это насильственное переселение какой-либо части народа в другую страну по экономическим, географическим и политическим факторам [1, 239]. Эмигрант же был вынужден покинуть Родину в связи с политическими, экономическими, религиозными и другими проблемами [2, 162], ирредентами называют ту часть народа, которая проживает на своей исторической родине, но по определенным политическим обстоятельствам эта территория вошла в состав другого государства.

Если говорить об этих определениях применительно к казахскому народу, то к ирредентам можно было бы отнести казахов, проживающих в Астраханской, Оренбургской, Курганской, Омской областях, в Алтайском крае Российской Федерации, в Алтайской, Тарбагатайской, Илийской областях, Кульджинском крае Китая, в регионе Баян-Олгий Монголии, в Сырдарьинском, Чирчикском, Кызылкумском, Мырзашольском районах Узбекистана. Тех казахов, которые по политическим, историческим и другим причинам проживают за границей, также тех, которые были вынуждены переселиться из Китая, Монголии в европейские государства, вернее было бы называть эмигрантами.

Российские ученые разграничивают понятия диаспора и миграция. К примеру, В.Тишков считает: «Диаспора – это люди, переселившиеся под политическим воздействием, в миграции преобладают социальные мотивы» [3, 42-63]. А. Зеленин высказывает следующую точку зрения: «Выехавшие из России до 1917 года являются мигрантами, те же, кто выехал после 1917 года, - эмигранты. Эти люди сформировали русскую диаспору начала 20 века» [4,30].

За последние 20 лет в связи с приобретением независимости в истории, культурологии, этнографии, философии, литературоведении, лингвистике начались работы по исследованию быта, этнографии, языка, литературы наших зарубежных соотечественников.

Эту важную проблему в национальной науке не оставили без внимания и наши ученые, исследующие историю журналистики.

Так, важный вклад в изучение данной проблемы внесли работы Р.Ш. Нуриден («Международная радиожурналистика», Алматы.2012), Р.Шарипкызы («Зарубежные радиостанции на казахском языке», Алматы.1997), Д. Баймолда («Радио «Азаттық». История и опыт», Алматы.2009), Н. Омашева и Ш. Бегимтаевой («Современная зарубежная журналистика», Алматы.2000), посвященные зарубежным информационным средствам на казахском языке. По данной проблеме защищен и ряд кандидатских диссертаций.

Но нельзя сказать, что вопрос о зарубежных казахских изданиях изучен полностью. В истории журналистики есть вопросы, которые требуют дальнейшего изучения и исследования. Одним из них является - казахская эмигрантская журналистика.

Первой работой, посвященной изучению этой темы является монография «Әлем таныған тұлға» доктора исторических наук, профессора К. Есмагамбетова («Знаменитая личность», Алматы,2008).

Политическая наука определяет статус наших соотечественников, проживающих за рубежом, как диаспора, эмигранты и ирреденты. В современной науке, а именно в изучении истории журналистики, существует необходимость в определении и статуса эмигрантских изданий и изданий, выпускаемых на казахском языке за рубежом.

Мы не можем все зарубежные казахскоязычные издания отнести к эмигрантским.

История казахской эмигрантской периодической печати связана непосредственно с именем Мустафы Шокай. Еще до своей эмиграции он осознал важную роль газет и журналов в политической борьбе, поэтому он принимал активное участие в выпуске и определении идейной

направленности газеты «Бірлік туы» («Знамя единства»). К сожалению, названная газета, издаваемая в 1917 году в Ташкенте, в апреле 1918 года перестала выпускаться [5,75].

Также Мустафа Шокай был членом редакционной коллегии газеты «Улуғ Түркістан», издаваемой с апреля 1917 года по инициативе Национального центра мусульман Туркестанского края, он принимал активное участие в работе редакционной коллегии газеты. В этой газете публиковались статьи на темы единства тюркских народов, колониальной политики вновь созданного Советского правительства, освобождения земли, национальной свободы. Хотя главным редактором газеты был представитель казанских татар Фатих Керими, но в определении ключевых позиций издания решающим было мнение М. Шокая. На примере названных двух изданий можно судить о журналистском, публицистическом мастерстве М. Шокая, о его редакторско-организаторских способностях.

С первых дней основания Советской власти М.Шокай понял, что новая власть не принесет никаких демократических изменений, что она представляет собой законное продолжение политики царской России, и он был вынужден покинуть родину.

Находясь в эмиграции, он совмещал политическую борьбу с деятельностью публициста, редактора, используя информационные средства, как главное орудие в борьбе за национальную свободу.

Прибыв в 1919 году в Тбилиси, М.Шокай принял активное участие в издании газеты «На рубеже» на русском языке и газеты «Шафак» на турецком языке. Однако оба издания были закрыты после установления Советской власти на Кавказе. Понимая опасность дальнейшей пребывания на Кавказе, он в мае 1921 года переезжает в Париж. Но, видимо, он не мог определиться, где ему поселиться: в одной из стран Западной Европы или в США. В 1922 году он посетил Италию, в 1923 году шесть месяцев он провел в Германии. В итоге, он принимает решение остаться в Париже, считавшемся столицей политической эмиграции [6,225].

В то время Турция и Париж были местами сосредоточения эмигрантов.

Эмигранты из Средней Азии, эмигранты из Татарстана, Башкирии наладили хорошую связь с Турцией. «Во второй половине 19 века и начале 20 века, после октябрьского переворота 1917 года тысячи татар выехали в Турцию. Татарская интеллигенция - Ю. Акчуры, Г.Исхаки, С. Максуди, Г. Баттала, А.З. Валиди, Р. Рахмати, Х. Зубайра и др. были вынуждены эмигрировать. Турция стала для них второй родиной», - отмечает А. И. Галямутдинов, один из исследователей татарской эмигрантской журналистики [7].

М.Шокай решил остаться в Париже с целью сотрудничества с эмигрантами-единомышленниками, проживающими в столице Франции, и для установления тесной связи с Турцией.

И можно утверждать, что он достиг поставленной цели: ему удалось установить связь с эмигрантами-представителями татарской интеллигенции и представителями других тюркских народов.

«Осенью 1923 года по инициативе Г. Исхакиди С. Максуди, Г. Баттала, Г. Терегулов, Ф. Токтаров, И. Акчурин, А. Шафеев, З. Валиди, М. Бокейханов и другие эмигранты из татар, башкиров и казахов провели собрание в Берлине и приняли решение издавать журнал «Милли юл» на татарском языке», [8]. По-видимому, автор статьи под именем «М. Бокейханов» имеет в виду Мустафу Шокай,

так как из истории известно, что среди представителей татарской, башкирской, казахской интеллигенции не было человека по имени М. Бокейханов. Если же считать, что речь идет об Алихане Бокейханове, то нет документальных сведений, подтверждающих его пребывание в эмиграции в Турции, Берлине, Париже.

И напротив, есть достаточное количество архивных материалов и воспоминаний, подтверждающих контакты и сотрудничество М. Шокай с татарскими, башкирскими эмигрантами, а именно с Г. Исхаки, С. Максуди, И. Акчуриным.

И русская эмиграция в Париже признавала всестороннюю одаренность, талант публициста и политическую грамотность М. Шокай, поэтому двери редакций газет были для него открыты.

В 1922 году 2-3 издания, находящиеся в Берлине, пригласили его на работу. Данный факт подтверждается в письме, написанном М.Шокай Н.П. Архангельскому 12 мая 1922 года: «Занимаюсь редактированием и выпуском журнала на русском языке, на турецком языке выпускаю две газеты, также исполняю обязанности заведующего редакцией еще одной газеты на русском языке» [6, 281].

Где бы ни находился Шокай, он везде занимался журналистской деятельностью.

Свои национальные, тюркские идеи он пропагандировал посредством периодических изданий. Статьи на французском языке он публиковал в журнале «Прометей Ориен е Оксидан», статьи на английском языке - в журнале «Азиятик Ревью».

Статьи на русском языке печатались в газете «Дни», издаваемой русским эмигрантом и его сокурсником А.Керенским, а также в газете «Последние новости» Милокова.

Однако через некоторое время он понял, что с русской демократией не будет сотрудничать с Туркестанским национальным движением [6,229]. Совместно с представителем татарской интеллигенции, своим идеологическим соратником А.З.Валиди М.Шокай поднял вопрос о необходимости создания независимого издания организации Национального Совета Туркестана. 12 мая 1925 года на заседании организации Национального Единства Туркестана было принято решение об издании газеты, о её рабочем языке, программе [6, 281].

В октябре этого же года данный вопрос был обсужден подробнее, и по решению Национального Единства Туркестана А.З. Валиди было поручено заняться вопросами издания и финансирования нового издания [9]. В результате в июне 1927 года в Стамбуле вышел первый номер журнала «Йени Түркістан». О роли М.Шокай в издании названного журнала А.З. Валиди писал: «М.Шокай сыграл важную роль в выпуске журнала «Йени Түркістан», он первым нашел финансовые средства, ему первому пришла в голову идея создания этого журнала» [10].

Журнал служил средством объединения языков, идей, мыслей народов Туркестана и народа Турции. В первую очередь материал, публикуемый в журнале, знакомил представителей тюркских народов с жизнью, целями, чаяниями соотечественников, проживающих за границей. Эмигранты, читая журнал, получали информацию о национально-освободительном движении в Туркестане, о социально-экономической и политической ситуации, знакомились с тюркской культурой [6,282].

Журнал «Йени Түркістан» сыграл важную роль в деле пропаганды идеи национальной свободы и распространения идей и взглядов о духовном единстве тюркских народов.

М.Шокай опубликовал в данном журнале ряд статей, например: «Большевиктердің Түркістандағы ұлттық саясатының идеялық және практикалық қырлары» («Идейные и практические стороны национальной политики большевиков в Туркестане»), «Кеңестердің Түркістандағы аштық саясаты» («Советская политика по организации голодомора в Туркестане»), «Түркістанға аштық төніп келеді» («Туркестан охватил голод»), «Ұлттық мәселе жөнінде» («О национальном вопросе»), «Тұран мемлекеті жайында» («О государстве Туран»). Ценность этих статей заключалась в том, что в них говорилось правда о советской идеологии.

Рост политической активности представителей тюркских народов, возросший спрос на периодические издания породил необходимость выпуска нового издания наряду с журналом «Йени Түркістан».

М.Шокай вел большую подготовительную работу по выпуску нового издания, на свои собственные средства направил представителя в Туркестан, наладил связь с людьми, проживающими в Афганистане и Иране. С целью сбора финансовых средств две недели пребывал в Париже [11].

2 декабря 1926 года он пишет в письме к своим единомышленникам в Варшаве о работе по подготовке нового издания: «Выпуск журнала требует много времени. Я придаю этому делу большое значение... Мы только теперь ищем практический путь национальной борьбы. Мы не ждем мгновенного результата и не даем такого обещания... Но если исходить из государственных целей, рассчитанных на долгий срок, то наша работа в этом направлении полезна и сегодня» [12].

Результатом такого упорного труда стал выпуск в декабре 1929 года первого номера журнала «Яш Түркістан» («Уас Түркистан») в Берлине.

Журнал был издан на турецко-чагатайском языке, его издание финансировалось фондом «Прометей». Журнал выпускался объемом около 40 страниц и вначале имел только 2-3 рубрики, но каждая рубрика раскрывала содержание издания. Например, в первом номере журнала в рубрике «Политика» была опубликована статья редактора М. Шокай «Біздің жол» («Наш путь») от редакционной коллегии журнала «Яш Туркестан», в рубрике «Литература» печатались стихи Магжана Жумабаева, а рубрика «Новости» знакомила читателей с известиями, полученными из Туркестана.

М. Шокай в своей статье «Біздің жол» («Наш путь») писал о том, на каких позициях стоит данное издание. Также в данной статье он открыто писал, что большевики говорят о своей цели построить в Средней Азии и Казахстане «по форме - национальную, по содержанию - социалистическую» республику; на деле же они, лишь прикрываясь различными лозунгами, продолжают колониальную политику, политику шовинизма и царизма. Данный факт свидетельствует о политической дальновидности М.Шокай.

В статье, посвященной пятилетию основания журнала «Яш Туркестан» (1934г.), М.Шокай пишет: «Сейчас нет ни одной тюркоязычной эмигрантской семьи, где бы не читали «Яш Туркестан». Письма из арабских стран, Турции, Персии, Индии, Афганистана, Китая, Дальнего Востока и некоторых других стран показывают, с каким уважением относятся читатели к журналу» [13].

В архивных материалах сохранились сведения о том, что посол Турции во Франции отмечал большой интерес к журналу в столице Турции и просил М. Шокай присылать очередные номера журнала в посольство [14].

Приведенные нами факты из архивных источников подтверждают, что журнал распространялся в ряде государств и что у него были многочисленные читатели.

Таким образом, можно сказать, что журнал «Яш Туркестан» был самым заметным результатом деятельности М.Шокай, в котором полностью раскрылся его талант публициста-редактора, проявились организаторские способности.

Ученый-шокаевед К. Есмагамбетов, основываясь на сведениях из материалов архивов, утверждает, что кроме журнала «Яш Туркестан» М. Шокай выпускал журнал «Туркестан». Этот журнал, о котором ранее в истории журналистики не было известно, издавался в Германии. Журнал знакомил читателей с жизнью эмигрантов - представителей тюркских народов, политической, социально-экономической ситуацией в республиках Средней Азии, в нем печатались статьи о единстве тюркских народов, о взглядах и позиции Советской власти по отношению к национальным окраинам.

Новизна журнала заключалась в том, что в нем публиковались материалы, показывающие, как история и культура Туркестана освещаются во французской, немецкой литературе. Отличался журнал и своими критическими политическими обзорами как «Колонии Советов», «Конференция по правам Туркестана в Берлине».

К сожалению, судьба названного журнала оказалась недолгой. Журнал, выпустивший с октября 1934 года до февраля 1935 года всего 5 номеров, прекратил свое существование. Мы не располагаем документально подтвержденными сведениями о том, по какой причине журнал был закрыт. Известно только то, что Турция не имела права распространять данный журнал на территории своего государства. Об этом свидетельствует документ, подписанный президентом государства. В нем говорится: «В связи с публикацией в журнале «Туркестан» материалов, содержащих негативные отзывы о нашей стране, в соответствии со статьей 51 Закона «О периодической печати» запретить его ввоз в Турцию. Утверждено делегацией представителей исполнителей 20.12.1934 года по предложению Министерства иностранных дел, изложенному в письме №805 от 11.12.1934 года» [15].

Известно, что это был период установления и укрепления связей между Турцией и КазССР, и поэтому правительство Турции проявляло осторожность по отношению к фактам распространения в эмигрантской печати высказываний против Советской власти.

Начав свой путь журналиста-публициста в изданиях «Бірлік туы», «Улуғ Түркістан», М.Шокай внес заметный вклад в формирование, развитие основанных при его участии журналов «Йени Туркестан», «Яш Туркестан», «Туркестан».

Перечисленные журналы распространялись в ряде тюркоязычных и мусульманских государств. Хочется обратить внимание на то, что названия всех этих журналов связаны с наименованием «Туркестан».

Данный факт отражает главную цель публициста-редактора М.Шокай – построение единого для всех тюркских народов государства, единение и единство тюркских народов, рост национального сознания народа.

М. Шокай можно назвать основателем казахской эмигрантской журналистики.

Говоря о казахской эмигрантской журналистике, невозможно не остановиться на деятельности радио «Азаттық». Основание радиокорпорации «Азаттық» в 1951 году в Нью-Йорке непосредственно связано с созданием Комитета Америки по освобождению народов России.

Цель организации – защита свободы русской и национальной эмиграции.

Первым президентом Комитета был корреспондент ЮПИ в Москве, позже главный редактор «Ридерс дайджест» Юджин Лайонс [16,42]. 7 ноября 1951 года Комитет подписал договор с 11 организациями эмигрантов из Советского Союза, в том числе из Казахстана, Средней Азии о совместной деятельности по свержению Советской власти.

В первую очередь было необходимо наладить работу радиостанции.

За эту работу члены комитета принялись с июня 1952 года. В 1953 году впервые в эфир выходит радио «Освободить от большевизма». С этого времени для слушателей Средней Азии и Казахстана работает программа «Туркестан».

С 1970 года вещаются программы «Туркестан-1», «Туркестан-2», «Туркестан-3» и «Казахское отделение».

Первым казахом, работавшим на этом радио, был Карыс Канатбай.

В планы руководителей комитета входило объединить для работы на радио тех людей, которые выехали на Запад из республик Советского Союза.

В соответствии с этим планом американцы установили связь с Карыс Канатбай, исполнявшим обязанности секретаря организации «Милли Туркістан Бірлік комитеті» (Комитет Единства Туркестана Милли) и сотрудничавшего в годы войны в Берлине с Гитлером (16,13).

Карыс Канатбай начинает работу по объединению всех казахов, узбеков, киргизов, туркмен, таджиков, проживающих за рубежом, придерживаясь позиции М.Шокая «Единый Туркестанский путь».

На радио «Азаттык» работали и другие казахские эмигранты. Большая часть из них были те, кто в годы Великой Отечественной войны попали в плен и, боясь преследования властей, остались в странах Европы.

Советское правительство прилагала все усилия, чтобы радиотрансляции «Азаттык» не попадали в эфир: были изобретены приборы, заглушающие радиоволны. Население республик Советского Союза не могло слушать передачи названного радио полностью, но благодаря установке специальных приборов передачи радио «Азаттык» мало-помалу доходили до его слушателей.

Стремление наших зарубежных соотечественников сохранить национальные традиции, язык, культуру, любовь к родной земле не угасло, хотя сменились уже несколько поколений. После декабрьских событий 1986 года казахи, проживающие в Турции создали культурно-просветительское общество «Вакиф». Учредителями общества являлись представители казахской диаспоры в Турции.

По инициативе названного общества в марте 1988 года вышел в свет «Бюллетень общества турецких казахов «Вакиф». Вышли в свет всего два номера этого издания, в которых были опубликованы статьи об истории и этнографии казахов, о жизни и быте казахской диаспоры в Турции и странах Западной Европы, интервью с видными представителями казахской диаспоры.

В 1990 году в Федеративной Республике Германия в городах Мюнхен и Кельн было организовано общество для организации культурно-духовных мероприятий среди казахской молодежи. По инициативе этого общества в 1993 году в Мюнхене вышел в свет «Бюллетень европейских турецких казахов». Первый номер вышел на турецком языке, второй – на казахском. Но жизнь и этого издания оказалась недолгой. Причиной тому послужили

организационные недоработки и, самое главное, недостаточное количество сотрудников, владеющих казахским языком.

Хочется отметить, что «Бюллетень европейских турецких казахов», выпущенный в Германии, возможно, является законным продолжением «Бюллетеня общества турецких казахов «Вакиф», издававшегося в 1986 году в Турции.

Конечно, эмигрантская периодическая печать не ограничивается перечисленными нами выше информационными средствами, но история создания названных изданий, их позиции отражают характерные черты эмигрантской журналистики: во-первых, все вышеперечисленные нами издания (начиная с журналов, выпускавшихся М.Шокай, и до бюллетеней) создавались по инициативе эмигрантов и на их собственные финансовые средства; во-вторых, в каком бы государстве они не издавались, они не пропагандировали идеологию того государства: главной их целью было пропагандировать национальную казахскую или общетюркскую идеологию; в-третьих, эмигрантские издания выходили не только на казахском языке, но на каком бы языке они не издавались, они освещали национальные проблемы: восхваляли национальные ценности – язык, религию, обычаи, традиции; осуждали политику колониализма и шовинизма Советского правительства по отношению к другим национальностям; в-четвертых, эти издания были нацелены на пробуждение национального сознания, призывали к борьбе за независимость и свободу.

Если сравнивать эти упомянутые эмигрантские издания, со средствами информации, выпускаемые на казахском языке в Монголии и Китае, то можно увидеть различия.

Например, один из наиболее густо населенных казахами район Монголии – это регион Бай-олке. На данной территории работают школы и детские сады, архивы на казахском языке, выпускаются газеты и журналы, транслируются радио- и телепередачи на казахском языке. С 1941 года, с момента образования данного региона, выпускается первая газета на казахском языке – «Оркендеу». Газета состояла из двух страниц, печаталась латинским шрифтом, некоторые материалы публиковались на монгольском языке [17,66]. С 1956 года газета выпускается под названием «Жаңа өмір» («Новая жизнь») и содержит уже четыре страницы. Также с 1956 года радиостанции Монголии транслируют передачи на русском, китайском и казахском языках. Продолжительность передачи на казахском языке составляла 15 минут. А в 1965 году редакция радиопередач была переведена из Улан-Батора в Бай-олке и передачи транслировались на казахском языке.

Хотя в этих передачах говорилось о казахском языке, о национальных обычаях и традициях и т.п., главной их темой была пропаганда на казахском языке политики и идеологии Монгольского государства. Все эти информационные средства выпускались при поддержке государства, финансировались государством.

На тех же условиях и позициях основаны и издаются газета «Төңкеріс таңы» в Илийском районе Китайской Народной Республики с 1935 года, газета «Шинжияң Алтай» в Тарбагатае и журнал «Гаң шолпан», существующий с 1948 года.

Таким образом, мы можем сказать, что не все информационные средства, издававшиеся за рубежом, затрагивали вопросы, касающиеся советской власти, национальной политики.

А в свою очередь, эмигрантскую журналистику мы можем оценивать, как средство, вдохновляющее на

борьбу за независимость, за построение свободного государства, за рост национального сознания.

Использованная литература

1. Советская энциклопедия. 8-том. – Москва: Издательство. БСЭ. 1972.
2. Советская энциклопедия. 30-том. – Москва: Издательство. БСЭ. 1972.
3. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // ЭО. №2. С42-63. 2000.
4. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы. (1919-1939).- 2007.
5. Алдабергеноулы К., Нускабай Ж., Оразай Ф. История казахской журналистики. – Алматы: Рауан. 1996.
6. Шокай М. Полное собрание сочинений. 12 томов. 1 том. – Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 2012.
7. Журнал «Милли Юл» (1928-1939гг.) в системе татарской эмигрантской прессы». Автореферат диссертаций на соискание степени кандидата филологических наук. Казань, 2012.
8. Насыров Т. Татарская эмигрантская пресса.
9. ЦГА Республики Башкортостан. Ф.4917. Опись 1-А.44.Л.8.
10. БРОММ 4917- кор. 1- тізбе. 44- іс. 8-парақ
12. РГВА. ф. 1358 к. оп.3.д.45 б. л.44
13. РГВА. ф. 1358 к. оп.3.д.45 б. л. 45
14. РГВА.ф.461к.оп.1.д.431.л.174
15. Личный архив М.Шокай во Франции.- Carton 5. Dossier 2. P. 36
16. Turkiye Gumhuriyet Basbakanlik Gumhuriyet Arsivi. Arsiv 080. Dolap 18. Goz 01. Klasor 1197. Dosya 50. Fihrist 57. S.6.
17. Баймолда Д. «Радио Азаттык. История и опыт».- Алматы, 2009.
18. Шарипкызы Р. Зарубежные радиостанции на казахском языке.- Алматы, 1997.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАМОТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ – ПРИОРИТЕТ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Уманцева Лидия Васильевна

канд. филол. наук, доцент кафедры, общеобразовательных дисциплин РФФГБОУВО «РГУП», г. Ростов-на-Дону

В федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» большое внимание уделяется содержанию, структуре, методам и различным образовательным программам. В статье 12. Образовательные программы указанного Закона сказано: «Образовательные программы определяют содержание образования. Содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, обеспечивать развитие способностей каждого человека, способствовать формированию и развитию его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями. Содержание профессионального образования и профессионального обучения должно обеспечивать получение квалификации» [1]. Из данной цитаты вытекает основная мысль – именно в школе прежде всего происходит процесс формирования общечеловеческой личности. Эта трудоёмкая и благородная работа требует особой стратегии и тактики, ведь конечная цель – это воспитание гражданина России. Исходя из этих государственных задач, в первую очередь, школа обучает грамотности. Современная школа всё делает для того, чтобы воспитать грамотных людей. Поясним словосочетание «грамотные люди». Слово грамотный от слова грамота. У данного слова по Словарю древнерусского языка (XI-XIV вв.) мы находим 6 значений. Это письменный знак, буква (см. алфавит); начертание букв (см. графика); умение читать и писать (см. азбука и орфография); письменность (см. письмо, виды письма); то, что написано, текст (синтаксис, лингвистика текста); письменный документ, договор (функциональные стили, официально-деловой стиль) [2, с.381-383]. Заметим, что в большинстве русских пословиц и поговорок отражаются указанные выше значения слова «грамота»: Кто грамоте горазд, тому не пропасть; Грамоте учиться – всегда пригодится; С грамотой вскачь, а без грамоты хоть плачь; Азбуку учат, во всю избу кри-

чат; Азбуки не знает, а читать садится; Без букв и грамматики не учатся и математике и др. Делаем вывод: грамоту, т.е. азы умения писать и читать, мы в большей степени получаем в школе, несмотря на то, что многие дети идут подготовленными в школу. Школа даёт организованную, научную, годами проверенную систему знаний. Муниципальная общеобразовательная сельская или городская, а также частные школы – всё это звенья общего образовательного пространства. Цель такого объединения одна – научить ребёнка грамотно излагать свои мысли, грамотно писать, грамотно составлять документы и грамотно строить связный текст. Конечно, есть и ещё одна благородная цель – привить детям интерес к самостоятельному освоению окружающего мира, дать им основы научного познания, сделать из них покорителей космоса, писателей, поэтов, учителей. Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой всю свою жизнь оберегал русских детей, думал об их просвещении: «Как бы не просмотреть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградского за школьной скамьёй, как бы узнать, кому это нужно из русских детей» [3, с. 447 - 448]. Вот они благородные цели. Воспитательные. Нравственные. Духовные. В этом и заключается суть российской национальной идеи просвещения. Обучаем и воспитываем грамотно детей, наше интеллектуальное богатство России. Заметим ещё раз, что важная, первостепенная роль в реализации национальной идеи просвещения России принадлежит, вне всякого сомнения, нашей общеобразовательной школе. Каждый день школа, обучая и воспитывая учащихся, вносит огромный вклад в формирование общечеловеческой языковой личности. И у неё это получается. Приведём примеры. Акция «Тотальный диктант», проводимая в России с 2004 года, показывает, что из года в год растёт число желающих проверить свои знания. Неравнодушны к вопросам грамотности в области письменной речи разные социальные слои населения, в том числе и школьники, и студенты. Социологические результаты Акции-2014 года показали, что проверить свою грамотность пришло большое количество участников –

более 50 тысяч россиян. Продемонстрировать свои знания, оказать честь Его Величеству Русскому языку, например, в Ростове-на-Дону пришло 806 жителей (ср. в 2013 году 314 ростовчан писали диктант). Скептики были повержены. Можно написать диктант на «5»! Двадцать два человека из Ростова-на-Дону доказали, что можно написать диктант на пятёрку. Они подтвердили тезис о том, что школа даёт прочные, на всю жизнь, знания, умения и навыки в правописании слов и расстановке знаков препинания. Конечно, мало отличников. Но они есть. И число их с каждым годом будет расти. Факты убеждают в этом. Интерес к русской культуре, к русскому языку не ослабевает. Он становится более осознанным, насыщенным духом патриотизма и гражданственности. Свидетельством тому служат всем хорошо известные политические события 2014 года. Россияне с болью в сердце восприняли случившееся в соседней стране – Украине. Там гибнут до сих пор люди. Мирные люди. Осуждая тех, кто развязал гражданскую войну ради исполнения своих низменных страстей, амбиций, уместно вспомнить слова русского поэта Н.А. Некрасова, обращённые не только к поэтам, но и ко всем русским людям: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Знать русский язык и уважать его равносильно исполнению гражданского и патриотического долга перед своей Родиной, Россией, перед своим народом и своим государством. Здесь есть и стратегический компонент. Сохранение языка, сохранение русской культуры является залогом благополучия наших детей и внуков, это культурологический компонент российской национальной идеей просвещения. Это оберег. Святыня. Защищая свою территорию от врагов, мы, россияне, защищаем и язык, и культуру. Такое единое целое спасало наш народ во все времена – и спасёт нас сейчас, и в будущем. Мы не ханжи. Мы уважаем другие народы. Мы восхищаемся искусством Буонарроти Микеланджело, Альбрехта Дюрера, Пьера Огюста Ренуара и др. Затаив дыхание, слушаем музыку Моцарта, Бетховена, Листа. Читаем наизусть произведения Тараса Шевченко и Леси Украинки. Педагоги России учат школьников, студентов, учащихся гимназий, колледжей грамотно оценивать всё происходящее вокруг их. Ведь знания, полученные в школе, помогают им правильно понять мир искусства, приобщиться к красоте, к высокому и торжественному слогу. Обучая их разным языкам, учителя никогда не заражают их расизмом, шовинизмом и ненавистью к другому цвету кожи. Педагоги учат детей лояльности и толерантности. Учат грамотно, с сознанием дела подходить к решению острых проблем, которые, разумеется, есть в нашем современном обществе. Воспитывают словом – основным орудием общения между людьми. Победы российских школьников в Международных олимпиадах по разным дисциплинам есть не что иное, как результат продуктивной работы российской школы, выпускающей грамотных, заинтересованных молодых людей в том, чтобы всегда быть на переднем плане, в центре новейших технологий. Обладать наисовременнейшей информацией – вот девиз жизни школы XXI века. Ни дня без открытий, ни дня без новых имён, стремящихся в мир науки, в мир грамоты, в мир Добра и Свободы. Знания, полученные в школе, делают человека уверенным, целеустремлённым, духовно богатым и светлым в своих помыслах. Оппоненты, люди с радикальными взглядами на современное российское образование, ругают современную школу, им не нравится жёсткая и веками проверенная система контроля за образовательным процессом. Но у них нет своей программы. А у нас она есть. Мы, русисты, отчётливо осознаём все трудности в просвещении граждан России. Жизнь наша состоит из трудностей. И в этом вся прелесть бытия, существования

человека на земле. Без школы, без образования, без грамоты нет и не может быть цивилизованного общества (см. пословицы: Кто грамоте горазд, тому не пропасть; Грамоте учиться – всегда пригодится; С грамотой вскачь, а без грамоты хоть плачь). Без школы, без образования и просвещения, вне всякого сомнения, не может быть достойной жизни. И в этом, как видим, огромная роль отводится школе. Именно в школе учащийся с помощью русского языка обретает знания, умения, навыки (компетенции) в распознавании разных сторон жизни. Узнаёт, что такое хорошо и что такое плохо. Грамотный подход к преподаванию русского языка как в средней, так и в высшей школе может сыграть государственно-культурную роль. Ещё девяносто лет тому назад великий методист России А.М. Пешковский говорил о великой миссии школы: научить учащегося говорить. Обратимся к его мыслям: «... Там, где дети усиленно учатся говорить, там взрослые не теряют бесконечного количества времени на отыскивание в словесном потоке собеседника основной мысли и не изливают сами таких потоков вокруг своих мыслей, там люди не оскорбляют друг друга на каждом шагу, потому что лучше понимают друг друга, там люди меньше судятся, потому что составляют более ясные контракты и т.д. и т.д.» [4, с.59]. Формирование грамотности в школе, разумеется, связано с культурой общения. Правильная речь, о которой говорит методист Пешковский А.М., лежит в основе научного познания, азы науки учащийся получает в школе. Основное коммуникативное качество речи, как правильно напрямую связано с другими качествами – точностью, уместностью, логичностью, чистотой, выразительностью, богатством, понятностью и др. Все эти качества являются основополагающими в формировании грамотности. Ещё раз процитируем А.М. Пешковского: «Уменье говорить, это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы. Если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык, культивируемый как особое искусство, язык нормируемый» [4, с.61-62]. Усвоить «язык в квадрате» как язык общения, понимания; как культурный код нации; как средство межкультурной коммуникации; как искусство учащимся приходится именно в школе. Пройдя все ступени формирования грамотности в школе, учащийся сможет квалифицированно подойти к выбору своей будущей профессии. Осознанное, грамотное отношение к жизни, к людям, к стране, к государству таким образом закладывается в школе, что, выйдя за её пределы, человек всю последующую жизнь испытывает тягу к знаниям, к самосовершенствованию. Вот в этом и заключается суть национальной российской идеи просвещения – сформировать общество духовно обогащённых, нравственно чистых и грамотных людей, созидателей, творцов своего счастья и благополучия своей страны, России.

Список литературы

1. «Об образовании в Российской Федерации» / <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013/>
2. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / гл. ред. член-кор. АН СССР Р.И. Аванесов. В 10 т. – М.: Русский язык, 1989. – Т. II. – С.381-383.
3. Толстой Л.Н. ПСС. В 20т. – М.: Просвещение, 1965. – Т. 17. – С.447-448.
4. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1959. – С.59, 61-62.

РОМАН «ПОЮЩИЕ КАМНИ» А.ЖАКСЫЛЫКОВА КАК ОБРАЗЕЦ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Валикова Ольга Александровна

докторант каф. русской филологии, русской и мировой литературы, КазНУ им. Аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

В центре художественного пространства Жаксылыкова расположено «мифопорождающее устройство» (терминология Ю.М. Лотмана), то есть весь текст оказывается подчиненным циклическому временному движению. В статье «Происхождение сюжета в типологическом освещении» Ю.М. Лотман рассуждает о том, что подобные тексты сложно описываются в системе принятых категорий, более того, они не являются «сюжетными». Их особенностью выступает отсутствие категорий начала и конца. Ткань произведения «синхронизирована» с циклическими процессами природы, а человеческая жизнь развернута в тексте нелинейно.

«В этом случае рассказ может начинаться с любой точки, которая выполняет роль начала для данного повествования, являющегося частной манифестацией безначального и бесконечного Текста» [1, с. 224].

Так, история протагониста «Поющих камней» Жана «выхвачена» из тусклого осеннего дня. Мотив увядания соответствует сюжетному «звену» в мифологической цепи «Жизни – Смерти – Жизни», когда прошлое уже дало свои плоды и «отцвело» (параллель с поздней осенью), а будущее несет забвение (зима) и обновление (весна). Третий роман цикла, «Другой океан», начинается с описания «бесконечного вселенского дня», в котором человеческая жизнь сиюминутна и непрерывна, как и сама Вечность.

Другая значимая тенденция мифологического текста – отождествление различных персонажей. «Поэтому, хотя ночь, зима, смерть не похожи друг на друга в некоторых отношениях, их сближение не представляет собой метафоры. Они – одно и то же (вернее, трансформации одного и того же)» [там же]. Реализацию этого принципа мы находим в цикле Жаксылыкова: Жан, ощущающий в себе бесконечную череду трансформаций (от зернышка до колышущегося безбрежного поля, от пыли земной до небесных светил, от Охотника до Жертвы); Дети, чьи потоки сознания переплетены в единую сеть; система двойников, сопутствующих главному герою. Топологический мир мифологического текста также не дискретен.

Важнейшей функцией подобного Текста становится то, что «он строит картину мира, устанавливает единство между отдаленными сферами» [там же].

«В мире мифологических текстов, в силу пространственно-топологических законов его построения, прежде всего выделяются структурные законы гомеоморфизма: между расположением небесных тел и частями тела человека, структурой года и структурой возраста и т.д. устанавливаются отношения эквивалентности. Это приводит к созданию элементарно-семиотической ситуации: всякое сообщение должно интерпретироваться, получать перевод при трансформации его в знаки другого уровня. Поскольку микрокосм внутреннего мира человека и макрокосм окружающей его вселенной отождествляются, любое повествование о личных событиях может восприниматься как имеющее интимно-личное отношение к любому из аудитории. Миф всегда говорит обо мне» [1, с. 225].

Многогеройность текста – не что иное, как распад одного лица на множество. Чаще всего результатом развертывания циклического текста является введение в структуру повествования «пучка-парадигмы спутников» (двойников). Как мы увидим уже в романе «Поющие

камни», субъектная организация произведения осуществлена Жаксылыковым по гроздевому (кластерному) принципу. Каждое из действующих лиц – та или иная ипостась протагониста, то есть лирический субъект действует «в системе» собственных двойников, которая является вполне исчислимой: несмотря на изменение топоса, (места пребывания героя) количество ключевых персонажей сведено к числу «три». В пространстве города Жану сопутствуют Арман и Айнуур; в локации «пустыня» – старик-китаец и Пастушок; в селении, где Жан провел детство, – отец и мать. Как отмечает Ю.М. Лотман, чем заметнее мир персонажей сведен к единственности, тем ближе он к исходному мифологическому типу структурной организации текста [1, 229].

В романе мифологического типа пространство не дискротно; между топосами существует граница, которую, как правило, может пересечь только герой, в то время как другие персонажи (двойники) неподвижны, то есть становятся функцией этого пространства. В романе «Поющие камни» сюжетная возможная пересечения границы дана только Жану; в романах «Сны окаянных» и «Другой океан» – только Журналисту (Страннику). Отметим, что старый Баксы, приехавший в Москву, (т.е. вышедший за пределы своего топоса) погибает). Айнуур и Арман («Поющие камни») «закреплены» за городом, выражая, таким образом, сам тип городского мышления. Старик-китаец – обитатель пустыни. Привилегия свободного пересечения границы – своего рода сюжетный «двигатель», выводящий мифологический текст в повествовательное русло.

Роман «Поющие камни» разворачивается как «жоктау о конце света». Жоктау – песенный жанр, закрепленный в казахской национальной культуре в значении аннигиляции, поэтапного наступления деструктивных в жизни человека или этноса событий. Это реализация эсхатологической схемы мифа, которая выводит циклический по своей природе Текст на уровень сюжетного развертывания.

«Череда утрат» – биографический принцип, организующий историю главного героя романа – Жана (в переводе с казахского – «Душа»). Ю.М. Лотман предлагает определять подобную схему как «падение – возрождение».

Схема «падение – возрождение» широко представлена и в русской литературе. Она лежит в основе лирических произведений Пушкина (см. «Возрождение»), является конструктивной для романа Л.Н. Толстого «Воскресение» и т.д. Подобную сюжетную траекторию Ю.М. Лотман называет «линейным развертыванием эсхатологического мифа». По мнению исследователя, для полного эсхатологического цикла характерны следующие параметры:

1. Наличие рассказа о существовании героя (который обычно не начинается с рождения). Так, читатель «знакомится» с героем «Поющих камней» в тот момент, когда он приходит в сознание на большой постели. Все события, описываемые в романе, с ним уже произошли. Данная точка пересечения времени и пространства становится «отправной» для череды аналепсисов (авторских возвратов к предшествующим событиям, объясняющим нынешнее положение героя).

2. Факт его взросления/старения. Взросление Жана построено по принципу «анахронической группировки» (Ж. Женетт), т.е. тематически объединено кодом «ДЕТСТВО». Группировка при этом не синтагматична, это, скорее, парадигма, каждый из уровней которой эксплицирует некий биографический факт. Подобные факты разрозненны во времени, они возникают в сознании героя-рассказчика хронологически произвольно. Тем не менее, восстанавливая фабулу, мы возвращаемся к формуле «жоктау». Маленький Жан растет в маленьком поселке, пострадавшем от радиации, излучаемой Семипалатинским ядерным полигоном. В младенческом возрасте умирает его сестра; завистливые мальчишки пробивают его голову камнем, в результате чего отец не выносит горя и погибает; мать оставляет парализованного сына и уходит. Поселок превращается в «призрак», и повзрослевший герой перебирается в город.
3. Стадия «порчи» (впадение в грех неправильного поведения). Жан пытается приспособиться к гедонистическому пресыщению города, но оказывается морально и нравственно неподготовленным к личностной «урбанизации». Он женится на холодной красавице Айнур, требующей от него колоссальных материальных вложений, и много лет дружит со своим антиподом – расчетливым и прагматичным Арманом (в пространстве романа оба они – двойники протагониста, выполняющие для его эго-комплекса компенсаторную функцию). Попытки жить по законам социальной мимикрии, отступление от собственных идеалов и внутренней аксиологии – это и есть прохождение через стадию «порчи», которая заканчивается изменой жены главного героя с лучшим другом.
4. Смерть (духовная или физическая). Жан становится «горьким пьяницей» (1 этап физического умирания), бродягой (т.е. лишается собственного крова), в конечном счете – рабом. Во многих культурах рабство приравнено к смерти.
5. Возрождение. Через каторжный труд, добровольную аскезу и лишения герой переживает «духовный ренессанс».
6. Новое (идеальное) существование. Жан достигает гармонии с собой и с Мирозданием после череды тяжелейших испытаний; верх одерживает человек «внутренний» (Е.Эткинд).

Как видим, смерть приходится на середину повествования и влечет за собой диаметрально переоценку поведения.

Рудиментом мифа в подобном типе текста можно считать то, что конец произведения не совмещен с биологической смертью героя. «Смерть (и ее эквиваленты: удаление и пребывание в неизвестности, за которой должно

последовать новое «явление» героя, чудесный сон о таинственном месте – скале, пещере, завершающийся пробуждением и возвратом и т.п.) располагается в середине повествования, а не венчает его» [1, 230].

На границе, у реки Хоргос, Жана находят пограничники; он попадает в госпиталь. К нему приходит жена, но теперь, на этом синхроническом срезе, она больше не является частью его Эго-комплекса, его Тенью, призывающей к обновлению. Она становится представителем другого, уже пережитого мира.

Интересен модус восприятия ее Жаном: герой видит Айнур актрисой, лицедейкой, надевшей маску «самотверженной» жены. По Р. Кайуа, мимикрическая игра – всегда «знак» фиктивного поведения, рассчитанного на соблюдение некоторых общественных конвенций [2]. Конвенциональность – герменевтическое «условие» для дальнейшего толкования Маски в приведенном контексте.

Во всех культурах Маска наделена сакральным смыслом; ее функции не ограничиваются условным подражанием действительности. Маска – «инструмент» для перевоплощений, посредник между мирами в архаических шаманских обществах; реализатор высшей степени драматического напряжения в театральной культуре древней Греции; «слепок» с жизни в похоронных обрядах Древнего Рима.

А. Жаксылыков, прекрасный знаток символического в культуре, апеллирует к Маске конвенциональной, т.е. мимикрической, восходящей к традициям античности (Рим). Фиктивное поведение Айнур – лишь один из аспектов дешифровки Символа. Второй связан с самобытной традицией Древнего Рима – похоронным обрядом.

Публичность, «игра в жизнь», театрализация – доминанты общественного поведения римлян, которые «переносились» и на похороны. Маска, снятая при жизни, была неразрывно связана с похоронным обрядом; с масок начинается портретопись (неслучайно Айнур сравнивается Автором с картиной). Это «факт присутствия человека в обществе», в истории – присутствия, увы, оконченого. В более ранние периоды римляне (перенявшие этот обычай у этрусков) украшали маски дома, где были захоронены их родственники. Маска – свидетельство того, что ее «прототип» ушел из мира живых. Таким образом, Жан, воспринимающий Айнур как Маску, актрису, «умерщвляет» ее присутствие в собственной жизни. Она – часть пережитого мира.

Как видим, в романе «Поющие камни» эсхатологический цикл полностью завершен, а мифическое развертывание сюжета идеально укладывается в разработанную Ю.М. Лотманом схему.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Избр. статьи: в 3 т. – Таллинн: Александр, 1992. – Т.1. – С. 224 – 229.
2. Кайуа Р. Игры и люди: статьи и эссе по социологии культуры. М, 2007. – 151 с.

О ГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Васильева Надежда Матвеевна

кандидат филологических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Сокращение слов, как способ уменьшения избыточности, в якутской письменной речи имеет два основных вида: а) сокращения графические, свойственные лишь письменной речи, например: «с.» (сыл 'год'), «хол.»

(холобур 'например'); б) сокращения неграфические (аббревиатуры), являющиеся единицами не только письменной, но и устной речи, например, ХИФУ (Хотугулуу-Илинни федеральной университет 'Северо-Восточный

федеральный университет'), ГТ (государственной тэрилтэ 'государственное учреждение'), МТ (муниципальной тэриллии 'муниципальное образование').

В данной статье рассматриваются графические сокращения (далее – ГС) с точки зрения их возможного нормирования, так как относительно их установления в действующем своде правил нет. Практически пишущие якутски руководствуются в этом отношении правилами русской орфографии. Однако такое правило, по нашему мнению, в орфографии якутского литературного языка должно быть.

Графическое сокращение – это условное сокращение часто встречающегося слова или словосочетания, употребляемое только в письменной речи и расшифровываемое при чтении [1, с. 439]. В зависимости от графических приемов образования, ГС в русском письменном языке делятся на точечные, дефисные, курсивные, косолинейные, нулевые, комбинированные [2, с. 75]. Воспользуясь классификацией, предложенной В. З. Санниковым, в якутском языке ГС можно подразделить на: 1) точечные, 2) дефисные, 3) нулевые, 4) комбинированные и 5) косолинейные.

- 1) Точечные сокращения образуются путем опущения правой части слова и постановки точки после оставшейся части слова, например: «с.» (сыл 'год'), «уо.д.а.», «о.д.а.» (уонна да атыттар 'и другие', онтон да атыттар 'и так далее'), «хол.» (холубур 'например'). Также к ним относятся ГС типа «сс.» (сыллар 'годы').
- 2) Дефисные сокращения характеризуются постановкой дефиса вместо опущенной средней части слова, например: «тут-лар» (туттуллар 'употребляется'), «тут-бат» (туттуллубат 'не употребляется').
- 3) Нулевые сокращения – графически невыделенные готовые заимствования. Здесь нет никакого специального показателя сокращения. Например: «м» (миэтэрэ 'метр'), «л» (лиитэрэ 'литр'), «т» (туонна 'тонна').
- 4) Комбинированные сокращения – это применение двух или нескольких графических приемов сокращения. В якутском письме встречаются редко дефисно-точечные сокращения, например: «хат-күүһ.» (хатылыыр-күүһүрдэр форма 'форма повторного усиления'), «т.-х.» (тыа хаһаайыстыбата 'сельское хозяйство'), «суут-сок.» (суут-сокуон тиэрминэ 'юридический термин').
- 5) Косолинейные сокращения употребляются при сокращении словосочетаний, например: «т/х» (тыа хаһаайыстыбата 'сельское хозяйство').

В якутском языке ГС используются в основном в лексикографических изданиях, газетных текстах, журналах, реже в учебных пособиях и др. Сокращению подвергаются обычно наиболее употребительные слова, например: а.э. – атыннык эттэххэ 'иначе говоря', к. – күнэ 'день какого-либо месяца', куорат 'город', с. – сыл, сыллаахха 'год, в ... году', о.э. – ол эбэтэр 'то есть (а именно)', солк. – солкуобай 'рубль', о.д.а. – онтон да атын, атыттар 'и так далее', уо.д.а. – уонна да атыттар 'и другие', тыһ. – тыһыынча 'тысяча' и др.

ГС употребляются в деловых жанрах письма. Здесь довольно часто используются как инициалы, так и другие виды ГС. В художественных текстах ГС не встречаются. В текстах газет используются ГС (например, «с.т.» – сыллаах төрүөх 'года рождения', «с.» – сыл 'год', «о.д.а.» – онтон да атын 'и так далее', «бэй. кэр.» – бэйэбит кэрэспэдьиэммит 'собственный корреспондент'), а также инициалы (например, Ф.В. Габышева, А.С. Владимиров).

Одни из ГС встречаются почти во всех видах делового письма, например, «с.», «к.», «о.д.а.», «уо.д.а.», другие характерны лишь для некоторых типов письменной речи. Так, например, сокращение «б.э. иннинээҕи» (биһиги эрабыт иннинээҕи 'до нашей эры') характерно для исторических текстов, «даҕ.» (даҕааһын 'имя прилагательное') – для лингвистических.

Большая часть ГС относится к устойчивым словосочетаниям, например: «аат т.» (аат тыл 'имя существительное'), «а.э.» (атыннык эттэххэ 'то есть'), «холб. т.» (холбуу тыл 'сложное слово'). Гораздо меньше существительных, например: «тааб.» (таабырын 'загадка'), «дорб.» (дорбоон 'звук'). Что касается глаголов, прилагательных и наречий, то они крайне редки, например: «байыан.» (байыаннай 'военный'), «тэнн.» (тэннээ 'сравни').

ГС слов на письме могут осуществляться: 1) отсечением конечной части слова; 2) изъятием срединной части слова; 3) написанием только согласных букв слова [3, с. 756]. В русской письменной речи графические принципы слов следующие: 1) не может быть опущена начальная часть словоформы; 2) опускаются минимум две буквы (могут сокращаться словоформы, состоящие не менее, чем из трех букв); 3) сокращенная часть не может оканчиваться гласной буквой или буквами й, ъ, ь; 4) опускается только одна, линейно нерасчленимая часть словоформы [2, с. 71]. В якутском языке применимы первые два принципа (универсальные), так как они связаны с тем, что в письме наибольшую информационную нагрузку несут первые буквы слова.

Как было сказано выше, в якутской письменной речи ГС в основном используются в лексикографических изданиях. Нередки случаи, когда в них одна словоформа сокращается по-разному. Поэтому и требуется единообразное написание каждого ГС. Так, например, словоформы «аат тыл» (имя существительное) сокращается как «аат.», «аат т.», харыс тыл (эвфемизм) – как «х. т.», «харыс т.», «сэнээн этэр тыл» (пренебрежительное) – как «сэн. э.», «сэнээн.», «элбэх ахсаан» (множественное число) – как «э. а.», «э. ахс.», «элб. ахс.» и др.

Таким образом, основываясь на всем вышесказанном, попробуем сформулировать правила оформления ГС в якутском языке:

1. При сокращении слова путем отсечения его конечной части к написанию предъявляются следующие требования:
  - а) оно должно заканчиваться на согласной букве, например: ор. (оройуон 'район'), уул. (уулусса 'улица'), төл. (төлөпүөн 'телефон');
  - б) при стечении двойных согласных пишется только одна из них, например: байыан. (байыаннай 'военный');
  - в) при стечении двух различных согласных пишутся оба согласных, например: тэнн. (тэннээ 'сравни');
  - г) при обозначении множества чего-либо однобуквенные ГС удваиваются, например: сс. (сыллар 'годы'), пп. (пууннар 'пункты');
2. В конце сокращенного написания ставится точка, например: с. (сыл 'год'), к. (куорат 'город'), т. х. (тыа хаһаайыстыбата 'сельское хозяйство'), аат т. (аат тыл 'имя существительное'), бэй. кэр. (бэйэбит кэрэспэдьиэммит 'наш корреспондент');
3. При графическом сокращении изъятая часть слова заменяется дефисом, например: тут-лар (туттуллар 'употребляется');

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
2. Санников В. З. О русских графических сокращениях // О современной русской орфографии. – М.: Наука, 1964. – С. 58-87.
3. Соловьев Н. В. Орфографический словарь. Комментарий. Правила: Справочник. 3-е изд., исправл. и доп. – СПб: «Норинт», 2002. – 848 с.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИМВОЛИКА В ТРАДИЦИИ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА

Волосков И.В.,

Grand Doctor of philosophy, профессор, Академия гуманитарных и общественных наук (Сергиев Посад)

Символика относится к особой части культурной традиции, поскольку символ выступает как особая форма знака с размытым содержанием. Через символику культура и ее традиции не только преломляет окружающий мир, но и способна формировать человека как носителя определенной культуры, его мышление.

XVIII век вошел в русскую словесность как уникальное явление рождения светской культуры, литературного направления классицизма. При этом, хотя его творцы и ориентировались на европейские эстетические принципы и нормы, русский классицизм выступает как уникальное явление. Уникальное не только по своей особой системе жанров, но и по особой символике, тесно связанной с религиозной культурной традицией.

Поэтика русского классицизма была разработана М.В. Ломоносовым. Он разработал систему стилей литературы, стал инициатором создания русского литературного языка за счет приближения церковно-славянского к простонародному. В истории словесности он стал известен как автор од, басен, трагедий.

Духовная поэзия Ломоносова тяготеет к высокому стилю классицизма, но вместе с тем, в переложении псалмов ощущается тяга к простонародному языку. В духовной поэзии Ломоносова выделяются оды-размышления и стихотворные переложения псалмов. Среди од-размышлений выделяется «Вечернее размышление о Божественном величии при случае северного сияния». Солнечный свет выступает символом просвещения всего мироздания светом Божественной премудрости. Данный связь символов Солнце- Бог является определяющей целью человеческого существования:

«Творец! К покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Тварить тебя, бессмертный Царь» [1, с.25]

В отличие от Европейского классицизма, где разум человека рассматривался как самодостаточная сила, не нуждающаяся в Боге, Ломоносов ставит человеческий разум в зависимость от Божественной премудрости. Символ мироздания, его красоты и совершенства рассматривается в неразрывной связи с Богом. Показательно, что связь мироздания с Богом ощущает выдающийся ученый, известный своими открытиями в области естественных наук. Данное противоречие показывает консервативность культуры, ее влияние на человеческое мышление. Ломоносов по своему образованию и воспитанию неразрывно связан с религиозной культурной традицией, потому не может сразу мыслить в русле светской рациональной культуры.

Очень важной для понимания мировоззрения Ломоносова и картины мира, созданной им в духовных одах, является переложения отдельных мест из книги Иова

(1743). Как указывает М.М. Дунаев, «сам выбор тех или иных мест для такого переложения всегда характеризует манеру мышления и даже мировоззрения поэта» [2].

Знаменитая «Ода, выбранная из Иова» изображает спор, в котором Бог доказывает сомневающемуся человеку свое величие картинами совершенного Бытия. Пафос этого произведения- гимн Творцу, совершенству его творения. Как и в оде ««Вечернее размышление о Божественном величии при случае северного сияния» познание мира развертывается через постижение мудрости Бога. Ода Ломоносова становится своеобразным ответом российского ученого на необоснованное возвеличивание человеческого разума, его независимости от Бога. Человек ничтожен перед Творческой силой создателя Вселенной и ее законов:

«Сбери свои все ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как Я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда Я твердь земли поставил
И сомн небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!
Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей зажженных вдруг рукою
В бесчисленности безмерных мест,
Мое величие вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи.
Когда взошла луна в ночи?» [1, с. 27]

Ломоносов как естественную добродетель утверждает смирение человека перед властью и волей Зиждителя, усматривает в этом истинную земную премудрость

Символом, тесно связанным с Богом, является Власть. Согласно известной концепции русского самодержавия И. Волоцкого, царь есть воплощение Божие на земле. Миссия царя не открывается обычному человеку. Божественное происхождение власти диктует человеку подчиняться ей и ее законам. Потому царь в одах богоподобен, наделяется высшими нравственными чертами. Ломоносов пишет в оде о Елизавете:

«Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец».
Говорится в оде и о происхождении власти Петра.
«Известный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Тебя прославить в наши дни;
Послал в Россию человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятствия пронес
Главу. Победами венчанну,

Россию. Грубостью попранну
С собой возвысил до небес» [1,28].

М.М. Дунаев отмечает, что «Ломоносов не избежал некоторых предрассудков своего времени, изобразив Петра как идеального монарха. Но основными идеями духовных од Ломоносова стали: власть от Бога, Бог- творец мира, истории, защитник и спаситель человеческой души» [2, с. 15]. Оды Ломоносова вписываются в контекст православной символики Бог- Творение (совершенство, гармония) -Познание- Власть- Человек. Ломоносов как ученый не утверждает роль разума в научном познании, а опирается на божественную премудрость, находя ее проявления в совершенстве и гармонии мира.

Жанр оды развивал и Гавриил Романович Державин. Для его литературной судьбы показательна ода «Фелица», посвященная Екатерине II. Эта ода сыграла большую роль в судьбе Державина. На него обратила внимание императрица, сделала губернатором. В оде интересен образ монарха как религиозный символ.

Ода построена на противопоставлении религиозного образа Екатерины II и самого Державина как типичного дворянина, представителя своего времени.

«Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;...
Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах, и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто всегда возможно
Тебе и правду говорить». [1, с.30]

В отмеченном отрывке Державин отмечает простоту императрицы, ее аскетичность, скромность, благочестивость. Образ императрицы выдержан в соответствии с религиозными ценностями. Христос остается, как и в древнерусской литературе, той призмой, через которую интерпретируются литературные герои. Такое прославление образов российских императоров объясняется направленностью классицизма на прославление государственности, монарха как носителя идеи государства. И обожествление монарха, рассмотрение его деятельности с позиции религиозных ценностей сыграло немаловажную роль в утверждении идеи государственности.

Как и М.В. Ломоносов, Державин интерпретирует символ Бога. Но в отличие от Ломоносова, Бог выступает в контексте символа Троицы, как единство Отца, Сына, Святого Духа. Державин отмечает такие свойства Бога как иррациональность, единство, вездесущность:

«О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух всюду суций и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.» [1, с.34]

Такое подробное поэтическое описание свойств Троицы как единства трех ипостасей божества позволяет охарактеризовать данную оду как проявление поэтического богословия. «Живое дыхание поэзии одухотворяет здесь строгие и четкие вероучительные формы», - отмечает М.И. Дунаев [2, с.16].

Как и у М.В. Ломоносова Бог и его совершенство проявляется через величие и гармонию созданного им мира.

«Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сомн,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры-
Перед Тобой- как ночь пред днем» [1, с.35].

Для Державина Бог остается символом, величие сотворенного мира не исчерпывает его природу, она остается иррациональной, не до конца раскрытой как через величие мира, так и через познание человека, который для автора оды тоже является символом. Как Божие создание, человек является ответом Бога, воплощением его свойств. Однако природа человека двойственна и эту антонимичность отмечает Державин в риторическом восклицании: «Я царь- я раб- я червь- я Бог». Единство человека и Бога проявляется в бессмертии человеческого духа, который приближается к Богу через веру и служение:

«Неизъяснимый, непостижимый!
Я знаю, что души моей
Воображение бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить» (1, с. 37).

Бог для Державина выступает непостижимой, великой, творческой силой, не раскрытой для человека и его разума, воображения. Бог как иррациональная сила побуждает поэта, как религиозного человека, к духовному совершенствованию и почитанию.

Символика царя, Бога и человека представлена и в трагедиях русского классицизма. Если оды Ломоносова и Державина восхваляют царя как образ идеальной, Богом данной власти, то трагедии, обращаясь к русской истории, показывают другие примеры царей. Жанр трагедии получил свое развитие в русской словесности XVIII века в произведениях Алексея Петровича Сумарокова. Трагедия Сумарокова «Дмитрий Самозванец» посвящена «смутному времени» российской истории.

Важнейшими религиозными символами данного произведения является царь и человек. Символ царя воспринимается в традициях русской словесности с позиции нравственности. Противоречие между царем, его волей и нравственностью присутствует в драме «Дмитрий Самозванец». Дмитрий воспринимает себя как божий образ, гордится этим:

«Исчезни, мелкая царю на жертву тварь!
Он- прах земной, а я- венчанный россос царь.» [1, с. 47].
Однако окружение царя, патриарх Пармен, Ксения, дочь Шуйского, осуждают его как тирана, приносящего русскому народу одни страдания:

«Блажен на свете тот порфиноносный муж,

Который не теснит свободы наших душ,
Кто пользой общества себя превозвышает
И снисхождением сан царский украшает,
Даруя подданным благополучны дни,
Страшатся коего злодеи лишь одни». [1, с. 45]

Осознание безнравственности власти Дмитрия приводит к бунту москвичей и его свержению. Данный исход трагедии закономерен и воспринимается как наказание тирану.

Не менее важным символом в трагедии становится человек. Эстетика классицизма предполагает борьбу внутри человека страсти и долга. В контексте трагедии эта борьба между любовью и смирением. Ксения любит Георгия, но понуждаема отцом и Дмитрием, стать супругой царя. При этом верность любви может привести к смерти Дмитрия, отца и самой Ксении. Как призыв к божьему смирению выступают слова Шуйского:

«Мы должны покорять желания и страсти
Закону Божьему и государской власти» [1, с. 49]

Осознать свою роль как супруги царя призывает Ксению и Дмитрий:

«Когда ты будешь супругою моей,
Прибегнут подданные к милости твоей.
Мной должно множество народа помирать,
Тщись миловать сирот, вдов слезы отирати
И сторогости мои умеривай, как друг.

Будь жалостна жена, когда жесток супруг» [1, с.58].

Только события московского бунта и свержение Дмитрия позволяют Ксении спасти Георгия, своего отца и

выбрать любовь, а не смирение с ненавистным ей тираном.

Таким образом, на уровне трагедии реализуется ориентация классицизма на победу справедливости и разума, наказание порочным героям. Проблематика царя и народа останется актуальной в истории русской словесности и неоднократно будет привлекать русских писателей и поэтов XIX-XX века. Сам вектор рассмотрения царской власти с позиции нравственности, ее поддержки народом останется определяющим в восприятии представителями русской словесности данной тематики. Эта тема станет плодотворной для А.С. Пушкина, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого и других русских писателей, и поэтов XIX века. Традиция русской словесности постепенно уходит от символа Бога. Религиозные традиции русской словесности вытесняются увлечением русской дворянской интеллигенции идеями масонства, достижениями западноевропейской литературы и лишь к середине XIX века в творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого проявляется возрождение религиозной символики.

Литература

1. Волосков, И.В., Лагутов, Н.В. История русской литературы. XVII-XVIII век.-Часть 1.- Сергиев Посад, 2013
2. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений// Волосков, И.В., Лагутов, Н.В. История русской литературы. XVII-XVIII век.-Часть 1.- Сергиев Посад, 2013

АББРЕВИАЦИЯ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ

Ярмашевич Марина Аркадьевна

д.филол.н., проф. кафедры иностранных языков и культуры речи ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ» им. Н.И.Вавилова

Несмотря на существующее утверждение, что аббревиация как лингвистическое явление не зависит от структурно-семантических характеристик языка, а попытки установить связь между типологией аббревиатур и типологией языков вряд ли могут быть плодотворными, поскольку в плане структурно-типологическом аббревиация не разъединяет, а наоборот объединяет языки [8], тем не менее, наличие как сходства, так и различия между готовыми аббревиатурными единицами и способами их образования в разноструктурных языках, позволяет проследить определенное влияние структурно-семантических характеристик языков на способы образования сокращений в данных языках, а также установить общность в путях развития, способах структурного и семантического образования и употребления рассматриваемых единиц.

Роль аббревиации в словообразовательных системах разноструктурных языков различна. Так, если в настоящее время аббревиация занимает весьма заметное место в словообразовании русского и английского языков, то генетически близкий русскому, а по структурным характеристикам – английскому болгарский язык не демонстрирует развития собственных словообразовательных моделей, а частотность и специфика употребления аббревиатур не могут служить показателем типичности для него аббревиатурного способа словообразования. Например, Ю.С. Маслов [7] подчеркивает, что получившие распространение в болгарском языке сокращения (в основном сложносокращенные существительные) функционируют преимущественно, в официально-деловой речи. Типы аббревиатур, если их рассматривать как словообразовательные

модели, соотносятся с аналогичными русскими моделями, ср.: ТКЗС [текезесе] < Трудово-кооперативно земеделско стопанство, ВЕЦ < водна електрическа централа, партиздат, рабфак, профсъюз, агитпункт, стенвюстник ‘стенгазета’, концлагер, физкултура. Подобная прямая соотнесенность, а также нетипичность отаббревиатурной деривации не позволяют с полной уверенностью утверждать, что аббревиация как способ словообразования – самостоятельное явление в болгарском языке. Тем не менее в подтипе лексических аббревиатур можно выделить модель, не характерную для русского языка (ср.: МТстанция [метестанџа]), а свойственную немецкому языку и являющаяся специфическим проявлением строя последнего.

Немецкий язык характеризуется довольно высокой степенью синтетизма и по этому показателю значительно теснее примыкает, например, к генетически сравнительно далекому русскому, чем к генетически родственному английскому. Несмотря на то, что доля усечений незначительна, ср.: Schoko < Schokolade, Labor < Laboratorium, Demo < Demonstration, Grill < Kuhlgrill, Konserve < Blutkonserve, они функционируют во всех типах дискурса. Характерными оказываются усечения, вступающие в парадигматические отношения с образованием омонимических рядов, ср.: Schirm < Regenschirm ‘зонтик’, Schirm < Bildschirm ‘телеэкран’, Schirm < Fallschirm ‘парашют’, Schirm < Lampenschirm ‘абажур’.

Тенденция к словосложению, проявляющаяся в немецком языке в стремлении к образованию аббревиатур по модели осложненного усечения [11] (ср.: Audimax <

Auditorium maximum, Euratom < Euripaische Atomgemeinschaft, Fleurop < flores Europaе), а также в высокой продуктивности графо-лексических и графических аббревиатурных моделей, продолжает усиливаться по мере возрастания потребностей социума в номинации (вторичной) новых явлений действительности. Ср.: ASTA < Allgemeiner Studentenausschuss, DIN < Deutsche Industrie Normen, GST < Gessellschaft für Sport und Technik, Do. < Donnerstag, Hbf. < Hauptbahnhof. Производящими основами ГЛС служат как словосочетания, так и сложные слова, ср.: AG < Arbeitsgemeinschaft, APO < Abteilungsparteiorganisation, AWG < Arbeiterwohnungsbaugesellschaft, EWR < Europäischer Wirtschaftsraum, MHV < Multilaterale Handelsverhandlungen, KMU < kleine und mittlere Industriebetriebe, BSG < Betriebssportgemeinschaft, StVO < Straßenverkehrsordnung, EM < Europameister, KMU < kleine und mittlere Industriebetriebe, Feba < Feldbahn, AG < Arbeitsgemeinschaft, EWR < Europäischer Wirtschaftsraum, APO < Abteilungsparteiorganisation, AWG < Arbeiterwohnungsbaugesellschaft, MHV < Multilaterale Handelsverhandlungen. Именно от сложных слов, а не от словосочетаний чаще всего образуются собственно (буквенные) алфавитизмы, ср.: GMD < Generalmusikdirektor, BRT < Bruttoregistertonne, FSKW < Flourchlorkohlenwasserstoff, CT < Computertomographie, EEG < Electroenzephalogramm.

Как графо-лексические, так и графические аббревиатуры в немецком языке широко представлены наименованиями не только коллективов, групп, организаций и предприятий, но и лиц, ср.: GMD < Generalmusikdirektor 'гендиректор музыкального учреждения', RA < Rechtsanwalt 'адвокат', NCHF < Nachfolger 'преемник', Kffr. < Kaufrau 'коммерсантка', Lt. < Leutnant 'лейтенант'. По данной модели чаще всего образуются неологизмы, ср.: EWR < Europäischer Wirtschaftsraum 'Европейское экономическое пространство' ЕЭП, TIDE < Technologieinitiative der Gemeinschaft für Behinderte und ältere Menschen 'Технологическая инициатива (Европейского) Сообщества для инвалидов и престарелых' ТАЙД, IG < Interessengemeinschaft 'объединение по интересам'.

Аналитический характер французского языка оказывает некоторое влияние на аббревиатурные процессы, происходящие в нем, но не является определяющим. Слова часто подвергаются усечению, не изменяя при этом ни своей принадлежности к части речи (в том числе к прилагательным и наречиям, ср: bât < bâtiment (сущ.) 'здание, постройка', formid < formidable (прилаг.) 'громоздкий, отличный, колоссальный', cap < capable (прилаг.) 'способный', directo < directement (нареч.) 'прямо, непосредственно'), ни своего значения, однако стилистическая принадлежность к различным слоям лексики может изменяться (ср.: métro, labo, bac). Усечения подобного рода очень характерны для французского языка и являются проявлением тенденции к использованию двухсложных слов [4]. В ряде случаев по модели простого финального усечения сокращаются оба слова, входящие в словосочетание, а полученная результирующая единица произносится слитно, образуя единый звуковой комплекс, ср.: bat'd'af [bataf] < bataillon d'Afrique. Вместе с тем свойственная русскому, немецкому и английскому языкам модель усеченного усечения не типична для французского.

Активность аббревиатурных процессов во французском языке выражается в образовании большинства неологизмов и сленгизмов (trans < transcendant, récré < recreation, fac < faculté, logo < logotype), в развитии приемов сокрытия формы (ap', app < bon appétit) и деформации

означающего, восходящие к верлану, поскольку сленг быстрее других слоев отражает тенденцию к экономии средств языкового выражения. К малопродуктивным видам сокращений можно отнести усечение конечных гласных верланизированных лексем, ср.: taxi > xita > xit, métro > tromé > trom, femme > meufa > meuf.

Во французском языке получили крайнюю степень выражения многие общие исторические тенденции романских языков [10], в число которых входит, и тенденция к сокращению общей длины слова [16]. Некоторые словообразовательные модели французского языка были заимствованы им из латинского языка. В настоящее время в нем распространены графические и графо-лексические аббревиатуры (f.a.s. < franco le long du navire, caf < coût, assurance et fret, C.E.E. < Communauté Economique Européene), а также телескопные образования, сформированные в рамках общей для европейских языков тенденции к контаминации при создании неологизмов [3] (ср.: franglais < français + anglais).

Таким образом, флективные европейские языки характеризуются высоким потенциалом в образовании аббревиатур, являющихся в этих языках одним из проявлений тенденции к экономии средств языкового выражения. Процессы аббревиации имеют свою специфику, которая главным образом определяется коммуникативно-дискурсивными направлениями развития общества и в меньшей – диктуется синтетическим или аналитическим характером языков. В целом в разноструктурных европейских языках прослеживаются аналогичные аббревиатурные тенденции, вместе с тем приобретающие различные формы выражения в каждом отдельном случае.

Тюркские языки, языки агглютинативного строя, характеризуются прямо противоположной соотносительностью элементов внутренней формы, высокой степенью аналитизма (если понимать его как взаимооднозначность отношения формы и содержания), экономией языковых средств, выражающейся в явлении сингармонизма и упрощении артикуляции в процессе изменений согласных [2] и развитой системой словообразовательной и словоизменительной аффиксации. Корень слова, не будучи отягощенным классными показателями, в именительном падеже может выступать в чистом виде, благодаря чему становится организующим центром всей парадигмы склонения и реальной лексической единицей. В морфологической структуре слова корневые морфемы уже содержат основное лексическое значение, включающее лексическое значение имени или глагола даже без присоединения аффиксальных морфем. Единый структурный стержень, лежащий в основе парадигмы, оказывает влияние на характер фонетических процессов (тенденция к сохранению четких границ между морфемами, препятствие к деформации основы слова и др.). Показателем агглютинации является сингармонизм, при котором слово как морфологическая единица оформляется по единообразному вокалическому принципу. Для фонетического строения тюркских языков также типично отсутствие сочетаний нескольких согласных в начале слов, на стыках морфем и в абсолютном исходе слова. Особенности строения слова в агглютинативных языках оказывают влияние на способы словообразования (аффиксация, парные имена, редупликация и др.), препятствуют развитию процессов сокращения слова.

Основу тюркских языков составляет исконная общетюркская лексика, сфера употребления которой почти не ограничена [5], большое количество заимствований приходится на английский язык. Процессы аббревиации

не были изначально распространены, и появление сокращенных слов представляет собой одно из новых явлений XX в. В частности, начало массового образования аббревиатур в тюркских языках народов бывшего СССР относится к 20–30-м гг., когда заимствуются слова НЭП, МТС, совнарком. В последующие годы происходит пополнение фонда. Кроме созданных в 30-е гг. единиц вуз, фзу, ауатком (казах.) ‘райисполком’, появляется много других, ср.: ЖКМКОБ < Жумыскер кара шаруа милициясынын казак олкелик баскармасы ‘Казахское краевое управление рабоче-крестьянской милиции’, АОШЗК БОК < Ауыл орман шаруашылыгы зиянкестерімен курес бірлестігінін олкелик конторы ‘Краевая контора объединения по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства’, Казмемкоркемддебас (казах.) ‘Казахское государственное издательство художественной литературы’.

В настоящее время в татарском языке продуктивными заимствованными из русского языка способами словообразования являются сращение и приклеивание, ср.: Тасфир < Татарстанская страховая фирма, ВТИУ < Б□тен татат ижтимагый цз□ге ‘ВТОЦ < Всетатарский общественный центр’, КДПУ-КГПУ, РФ, ТР-РТ, драмтцг □рек ‘драмкружок’, распространены также стяжённые гибридные образования из русских морфем и тюркских основ, ср.: аэросана ‘аэросани’ (башк.), драмтцгћрћк ‘драмкружок’ (тат.). В разговорной речи распространённой и вполне продуктивной категорией являются контрактуры. Сложносокращенные слова получили распространение под прямым влиянием аналогичной русской практики [13].

Начавшийся в агглютинативных языках (в том числе тюркских) процесс активного аббревиатурного заимствования, в основном из английского и русского языков или через английский и через русский, тем не менее не производит переворота в лексике и словообразовательной системе, поскольку заимствованными единицами часто являются кальки или полукальки, многие из которых носят интернациональный характер и типичны в целом для всех тюркских языков. Заимствованными являются и модели образования аббревиатур. Однако если И.У. Асфандияров относит любые аббревиатуры, в том числе сложносокращенные слова, в узбекском языке в разряд полностью заимствованных [1], то А.Х. Розьева говорит уже о возникновении собственно тюркских словообразовательных моделей наряду с развитием заимствованных, а условия развития процесса видит в усилении влияния русской и западной культур на тюркские языки в последние десятилетия [12]. Однако причину можно видеть и в том, что эволюция языка, проявляющаяся в движение от иконического (прагматического) кода, не разрешающего компрессию, к синтактизированному (языковому), ее разрешающему, осуществляется постепенно, элементы обоих кодов постоянно присутствуют в языке в меняющихся пропорциях, то есть “по сути каждый язык типологически эклектичен” [9, с. 23].

Таким образом, материал тюркских языков не дает основания говорить об аббревиации в агглютинативных языках как о самостоятельном способе словообразования, тем не менее можно предположить, что большое количество употребляемых заимствованных аббревиатур и аббревиатурных моделей словообразования окажет влияние на создание собственных.

Проявлением тенденции к экономии в изолирующих языках, к которым относятся китайско-тибетские, выступает эризация [15]. Данные языки можно назвать изначально слоговыми, поскольку слог представляет собой основную фонетическую единицу, а его граница является

одновременно и границей морфемы, и границей слова; при этом морфема и слово (корневая морфема) могут употребляться как корневое слово [17]. Это накладывает ограничения на образование и использование многосложных слов и как следствие – на их сокращение. Сфера употребления сокращенных единиц ограничена именами собственными [6], ср.: Юнь-гуй, Дянь-цзянь < провинции Юньнань и Гуйчжоу.

В инкорпорирующих языках (напр., в чукотско-камчатских) экономия языковых средств выражения обнаруживается на уровне синтаксиса предложения, например, глагол-сказуемое может инкорпорировать дополнение, так же путем свертывания двух или нескольких членов предложения в одно слово заменяется целая синтаксическая конструкция или выражается определенный оттенок значения. На уровне словообразования одни и те же аффиксы употребляются в разных частях речи и для образования разных частей речи [15]. Аббревиация в этих языках – явление недавнее, в основном сокращенные единицы заимствуются уже готовыми (в чукотском – из русского языка, в языках индейцев Северной Америки – из английского) [14].

Таким образом, собственно аббревиация как одна из реализаций языковой тенденции к экономии получила широкое распространение в основном в разноструктурных европейских языках, которые демонстрируют высокий потенциал в плане образования слов по аббревиатурной модели, в значительной степени, являющейся для них общей и отражающей коммуникативно-дискурсивную общность европейского социума. Вместе с тем структурно-семантические типы самих аббревиатур в определенной степени также обусловлены и строим конкретного языка, будучи не жестко им детерминированы. Однако если во флективных языках аббревиацию можно назвать одним из ведущих способов словообразования, то в языках других морфологических типов она, очевидно, не может рассматриваться как самостоятельный факт языка, представляя собой результат межкультурных и межъязыковых влияний [6]. В изолирующих и инкорпорирующих языках аббревиация не распространена и является одним из второстепенных способов создания слов, тем не менее имеющим свою оригинальную специфику. Вместе с тем слой аббревиатурной лексики в некоторых из этих языков на современном этапе довольно значителен и представлен готовыми, заимствованными из флективных языков формами (как, напр., в чукотском). Агглютинативные языки наряду с готовыми формами заимствуют и саму модель создания новых единиц (как, напр., в тюркских), не стремясь к формированию собственных моделей, поскольку в самом строе данных языков заложены ограничения для подобного процесса, заключающиеся в усложненности семантики простого агглютинативного слова по отношению к его структуре [15]. Однако внутренние ресурсы данных языков позволяют широко пользоваться аббревиатурами, заимствованными из флективных языков.

Таким образом, роль аббревиации в словообразовательной системе того или иного языка различна и во многом зависит от его типа. Специфические способы создания аббревиатур, типичные для того или иного языка, определяются характером его грамматического строя. Однако данное деление языков по способу выражения грамматических значений во многом условно, поскольку не существует языка, который бы чистым выражением того или иного грамматического строя и языкового типа, например, был бы идеально аналитическим (без всяких признаков синтетизма) или идеально синтетическим. Тем не менее, предпочтительные для того или иного языка способы

грамматического выражения являются важнейшим основанием для классификации языков в структурной типологии, традиционно определяющимся в зависимости от двух аспектов: 1) выражение грамматического значения в слове или вне слова; 2) слитного или членимого характера грамматической формы. Поскольку типология должна учитывать, как изоморфные и алломорфные черты слов, так и изоморфные и алломорфные черты других языковых единиц – морфемы, предложения, их следует рассматривать в естественной связи между разными языковыми уровнями, через их отношения друг к другу, через реализацию трех типов отношений: парадигматических, синтагматических и иерархических. Так как все эти отношения реализуются в слове как центральной единице языка, в нашем исследовании учитывалась и структура слова, и взаимоотношения слова и морфемы, и типы морфем с их свойствами, и отношение слова к предложению. Анализ аббревиатурных единиц с точки зрения синтагматических отношений должен был решить проблему способа соединения морфем в словах и связи слов в предложении; их разбор с точки зрения парадигматических отношений выявить классы морфем и слов; их исследование с точки зрения иерархических отношений поставить вопрос о типе языка.

Для окончательного определения аббревиатуры и степени ее зависимости от класса и типа языка нужно соотнести признаки и свойства данной языковой единицы с признаками и свойствами языкового знака и слова. Аббревиатура является одним из языковых знаков, поскольку наделена всеми его характерными признаками и свойствами. Одновременно аббревиатурные образования обнаруживают все признаки, присущие знаменательным словам, главным из которых является номинативная способность. Аббревиатуры, как и любые знаменательные слова, имеют два типа структурных отношений – парадигматические и синтагматические, поэтому формируют семантические категории и субкатегории, образуют синонимические, омонимические и антонимические ряды и способны на диахронном срезе изменять лексические значения, формируя новые ЛСВ, а также свою формальную организацию. Аббревиатуры часто выступают в качестве производящей основы для новых слов и словоформ. Сказанное позволяет рассматривать аббревиатурные образования в качестве знаменательных слов. Аббревиатура, будучи словом, в флективных языках аккумулирует и развивает номинативную способность исходной формы, в том числе словосочетания. Не все типы словосочетаний одинаково активно производят аббревиатуры в языках разного строя. Однако универсальным является преобладание среди производящих аббревиатуры основ именных атрибутивных и объектных словосочетаний, как простых, так и комбинированных. Любое сокращение выступает

сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания, а затем приобретает характеристики значимого слова и часто переходит в разряд обычных независимых слов.

Список литературы

1. Асфандияров И.У. Русские лексические заимствования в узбекском языке // Вопросы языкознания. – 1982. – №2. – С. 75–80.
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. – М.: Наука, 1988. – 375 с.
3. Гак В.Г. О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. – М.: Книга, 1978. – С. 37–52.
4. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1983. – 287 с.
5. Закиев М.З. Татарский язык // Языки народов СССР: Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – Т. 2. – С. 139–154.
6. Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка: Слово и предложение. – М.: Восточная литература, 1961. – Ч. I. – 266 с.
7. Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. – М.: Лит-ра на иностр. яз., 1965. – 292 с.
8. Могилевский Р.И. Очерки аббревиации славянских языков: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – Самарканд, 1984. – 33 с.
9. Николаева Т.М. От звука к тексту. – М.: Язык русской культуры, 2000. – 680 с. (Язык. Семиотика. Культура).
10. Реферовская Е.А. Формирование романских литературных языков. Французский язык. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980. – 269 с.
11. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. – М.: Просвещение, 1976. – 175 с.
12. Розыева А.Х. Аббревиатуры в современном туркменском языке: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1991. – 20 с.
13. Сахибгареева Л.Ф., Гарипов Т.М. Проблема аббревиации в разноструктурных языках: деривационно-номинативные аспекты // Вестник БГУ. – Copyright © 2001. <http://iz.bspu.ru/index.php?in=lit2.html>. № 1,2 (3,4).
14. Скорик П.Я. Палеоазиатские языки // Советское языкознание за 50 лет. – М.: Наука, 1967. – С. 34–46.
15. Солнцева Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. – М.: Наука, 1985. – 254 с.
16. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М.: Просвещение, 1957. – 279 с.
17. Benedict P.K. Sino-Tibetan: a conspectus. – Cambridge: Camb. Univ. Press, 1972. – 192 p.

ДИНАМИКА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В РАССКАЗЕ С. ЧЕРНОГО «ЛЕБЕДИНАЯ ПРОХЛАДА»

Жданов Сергей Сергеевич

*Кандидат филол. наук, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций,
Сибирский государственный университет геосистем и технологий, г. Новосибирск*

Рассказ Саши Черного «Лебединая прохлада» входит в цикл «Солдатские сказки», созданный автором в эмигрантский период творчества. В данном цикле четко актуализируется русская литературная традиция «взаимовлияния письменной и устной словесности» [3], а также

обращение к фольклорному началу. А.С. Иванов связывает это с обострившимися в ситуации оторванности от Родины поисками писателями-эмигрантами своей культурной идентичности – поисками, неизбежно устремлен-

ными в некое сакрально-идеализированное прошлое, к некой «духовной подоснове» русской жизни, к укладу, «очищенному от обыденщины и скверны» [8, с. 35].

Этот культурный «фон», несомненно, влияет и на образы персонажей в рассказе «Лебединая прохлада», главный конфликт в котором развивается как противостояние образов домового и немца-капельмейстера, возглавляющего полковой оркестр в русском провинциальном городке. Причем оба героя наделены амбивалентными чертами, связанными с динамикой основополагающих ментальных начал «своего» и «чужого».

Так, домовый, с одной стороны, относится к нечисти. Недаром солдаты, чьи вещи он измазал сажей, принимают его за черта: «Никак черт на нашем белье трепака плясал» [10, с. 295]. С другой – он как дух-хранитель дома связан с образом «родного», очеловеченного пространства и является «из всех представителей нечистой силы» «самым близким и понятным народу персонажем» [3]. В этом плане домовый более «свой», чем тот же сказочный черт, связанный с inferнальным локусом. Проказы первого, вызванные нарушением порядка в доме, в корне отличаются от вредительства второго, изначально враждебного людям, о чем в рассказе свидетельствует сам полковой батюшка: если домовый просто отрезает пуговицы у солдатских штанов, то «черт бы пуговицы с мясом вырезал, чтобы казенное добро до тла изничтожить...» [10, с. 300]. В подобном смешении «чужих» и «родных» черт и описывается образ домового как сниженная копия человека. У нечисти есть свои спальня («...на чердаке себе место умял, стружек сосновых понатакал – прямо перина») и столовая («харч был готовый – на помойке...») [Там же, с. 299]. Более того, домовый заводит собственный аналог гарнизона с мышами-солдатами, выступая в роли командира: «Набегит мышей прорва, он ... на две партии и распределит: которые мыши пешком – пехота, которые на крысах верхом – кавалерия. Хлопнет пяткой о притолоку – знак подает, – пошла война» [Там же]. В этой сценке можно увидеть авторскую насмешку над человеческими войнами, которые, по логике подобия, есть не что иное, как мышиная возня, т.е. сниженное уподобление мышей и людей обоюдно, с той, правда, счастливой разницей, что на мышиной войне солдаты «потешных полков» не умирают по-настоящему. В то же время образ мышиной жизни, пародирующей жизнь человеческую, встречается и народной культуре (вспомним, например, лубок «Как мыши kota хоронили»).

Амбивалентен, кстати, и образ самого жилища, в котором обитает нечисть. С одной стороны, оно имеет негативные черты заброшенности, упадка. Это пустой старый дом, который «стоял без надобности, паутинкой-пылью замшился», до заселения музыкантов в нем «жилым духом» [Там же] не пахло. С другой – дом наделен положительными характеристиками: он «крепкий, просторный» и уютный, поэтому домовый не хочет покидать его ради новых хором («...старый деревянный дом куда способнее, что ж камень своими боками обсушивать...» [Там же]).

Таким образом, домовый выступает как «...прежде всего рачительный и заботливый хозяин... узкого мирка...» [3], защищающий свое пространство и связанных с ним обитателей от вторжения извне: «...мышиную команду уж он не выдавал – ни одного kota в дом нипочем не допустит» [10, с. 293]. Но в отечественной литературной традиции таким же хозяином маленького закрытого уютного локуса выступает и герой-немец. Например, Н.Я. Берковский пишет, что «в русской литературе... хорошо известен тип немца-специалиста... маленького хозяина

маленькой мастерской, которая и есть его мир, его кругозор» [2, с. 77].

По сути, конфликт в рассказе сводится к выяснению вопроса, кто в доме хозяин и чей порядок будет в нем – русский (домового) или немецкий (капельмейстера). Надо отметить, что данный «межнациональный» конфликт также пародийно продолжает давнюю литературную традицию борьбы русского (стихийно-хаотического) и немецкого (цивилизаторски упорядочивающего) начал в различных ее вариантах – от иронического противопоставления в пушкинском «Гробовщике» до противостояния в лесковской «Железной воле».

В соответствии с традицией герой-немец в рассказе С. Черного вторгается в отмеченное хаотичностью русское пространство и начинает его упорядочивать на свой лад: «...на малое время... с командой втиснулся, а распорядки заводит, будто он тут и помирать собрался» [10, с. 295]. Немецкая тенденция к упорядочиванию у капельмейстера тотальна – она касается даже музыки (заметим попутно, что немец-музыкант – это тоже литературный типаж). Ее герой не столько создает, сколько делает, словно мастеровой, шлифующий свое изделие. В плане творения капельмейстер не свободный творец, а демиург-ремесленник: «Он... гладко сделал, будто наждачной бумагой отшлифовал...» [Там же, с. 297]. Домовой-трикстер, пародируя его, наоборот, вводит в прямолинейную музыку немецкого вальса изменчивость, затейливые вариации: «...из-за колодца, из садовой чащобы невесть на чем – ни дудка, ни окарина, невесть кто «Лебединую прохладу» насвистывает... Да с такими загогулинами и перекатцами, что капельмейстеру хочь лицо закрыть» [Там же]. Неопределенность («невесть на чем», «невесть что») и хаотичность (садовая чащоба как пародийный аналог леса, чуждого дому внешнего пространства) противопоставляются немецкому порядку.

Еще одной типажной немецкой чертой, повторяющейся во множестве произведений русской литературы и связанной с наведением порядка, является страсть героя-немца к чистоте. Капельмейстер характеризуется как «чистоплюй», который «во все углы носом потыкал» (а там, напомним, «паутинка-пыль») и решил известить мышей домового – «...приказал в мышинные щели толченого стекла насыпать. Тварь Божия ему, вишь, помешала» [Там же, с. 297]. Собственно говоря, после этого случая русская нечисть и начинает активно выживать немецкого «чистоплюя». Мотив противостояния между немецким цивилизаторским началом и началом природным выражается также в описании естественного пения соловья, по сути, противопоставленного искусственно созданной «Лебединой прохладе» немца: «Сквозь форточку оркестр соловьиный достигает, – вот поди ж, никто не учил, а без капельмейстера так и наяривают» [Там же, с. 298]. Жизнь домового встроена и подчинена ритмам русской природы: «Особливо ж он весну обожал. Черемуха округ всей крыши кольцом цветет... Соловьи над малинником гремят, звонкий раскат-пересвист из сада... густо наплывает... Выгащит он (домовой – С.Ж.) из-за водосточной трубы... жилейку, да как начнет соловьев подбадривать...» [Там же, с. 294], т.е. домовый-трикстер оказывается тоже не чуждым музыке.

Еще одно противостояние русского и немецкого миров осуществляется на уровне речи. Это черта также отсылает нас к литературной типажности. Как пишут А.В. Жуковская, Н.Н. Мазур и А.М. Песков, «одним из формальных, внешних признаков противопоставленности немца русскому является его речь. В русской беллетристике немец часто говорит на ломаном русском языке, с

фонетическими и синтаксическими нарушениями...» [7, с. 40]. Так, в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» доктор Герценштубе «...говорил по-русски много и охотно, но как-то у него каждая фраза выходила на немецкий манер, что... никогда не смущало его, ибо он... имел слабость считать свою русскую речь за образцовую, «за лучшую, чем даже у русских»...» [6, с. 104]. В этой уверенности в образцовости собственной речи также проявляется регламентирующая интенция в поведении типажного немца. Капельмейстер же из рассказа С. Черного во время репетиции «...через каждый такт музыке обрывал и... прибалтийскими словами солдат камертонил...» (даже в ругательствах прорывается страсть немца к упорядочиванию), вызывая недовольство домового: «Не любят они, домовые, когда кто по-русски неправильно ругается...» [10, с. 294]. В этом неприятии нарушения немцем речевых норм нечисть, однако, сближается с русским рассказчиком, выступает в качестве «своей». Ведь тот также пренебрежительно выражается о капельмейстере: «Обнаковенно немец, – и выразиться по-настоящему не умел» [Там же, с. 296]. Заметим, что здесь ирония С. Черного обоюдонаправленная, поскольку сам рассказчик (авторская маска «мужицкого пустобреха» [8, с. 35]) выражается далеко не литературным языком.

Также следует отметить, что под влиянием трикстера-домового даже немецкая логика становится инверсированной: «Сначала казните, потом выслушайте» [10, с. 299].

Кроме того, в речевой характеристике капельмейстера актуализируется традиционный для народной культуры образ немца как «немого», не говорящего на «человечьем» (русском) языке. Испуганный и взволнованный из-за проказ домового немец или вовсе теряет дар речи, становясь способным только на механическое бессмысленное повторение слов («Залопотал он тут, как скворец, – и слов других не нашлось: «Что значит? Что значит?! Что значит?!»» [Там же, с. 296]), или перевирает русские фразеологизмы, создавая словесных уродцев («Чепуха на барабанском масле!» [Там же]; «На чужой кровать рот не раздевать», «Глухому попу два обеда на ужин...», «За бритого двух небритых дают...» [Там же, с. 299]). Аналогично доктор Герценштубе переинтерпретирует русские пословицы, к которым «...даже очень любил прибегать...» [6, с. 104]: «Если есть у кого один ум, то это хорошо, а если придёт в гости ещё умный человек, то будет ещё лучше, ибо тогда будет два ума, а не один только...» [Там же, с. 105].

Впрочем, в искажении речи кроется не только отличие капельмейстера от домового, но и их сходство. Несмотря на мотив упорядочивания окружающего пространства, образ немца двойственен и также проявляет черты трикстера, только нарушающего порядок на свой, немецкий манер. Эта амбивалентность становится еще яснее, если вспомнить, что капельмейстер – «прибалтийский судак» [10, с. 293], «крижский балзам» [Там же, с. 300], т.е. родом из остзейских немцев, а не из Германии. Он одновременно и не «свой», и не совсем «чужой», как и домовый, который, однако, все же более «родной» для русского мира. Примечательно, что аналогичную динамику «своего» и «чужого» в юмористической характеристике нечистой силы можно встретить в произведении В.С. Высоцкого «Песня про нечисть», где ведьмы называются «патриотками» и «нашими женщинами», которым противопоставляется трехглавый Змей, «заморский паразит» [4, с. 38].

Сходство образов немца и домового в рассказе С. Черного проявляется через «генетическую» связь этих об-

разов с образом нечистой силы. О том, что домовый до некоторой степени имеет характеристики черта, уже говорилось в начале данной работы. Но и чужак-немец тоже в своем роде черт. Как указывает О.В. Белова, в славянском фольклоре «...представители германского этноса могут соотноситься с демонологическими персонажами. В народной демонологии восточных и западных славян широко распространен образ беса или черта в «немецком» (европейском) костюме» [1, с. 13]. Из народной культуры образ инфернального персонажа-немца переходит в русскую литературу, в которой данная традиция находит свое отражение, в частности, «...в произведениях на простонародные сюжеты: национальность нечистой силы – немец...» [7, с. 49]. Так, в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» черт – «спереди совершенно немец» [5, с. 150]. В рассказе же О. Сенковского говорится, что черти «всегда одеваются» «по-немецки» [9, с. 20].

В образе капельмейстера из произведения С. Черного инфернальные черты, пусть и в неявной форме, тоже присутствуют. Так, немец посылает «к подноготному дяволу» [10, с. 296] своих музыкантов, причем о них в рассказе также говорится, что «...они, черти, фасонистые, писарям не уступят» [Там же, с. 297]. Облитый керосином из-за озорничания домового, капельмейстер «весь провонялся» [Там же, с. 296] этим запахом, как черт – серой. По той же причине образ немца связывается со стихией огня: «Фитиль в меня вставьте – и лампы не надо...» [Там же]. Кроме того, он, желая избавиться от противника-домового, ставит перед полковым ультиматум: «Или я, или черт...» – и просит провести «официальный панихидный молебен» [Там же, с. 300]. По сути, капельмейстер играет роль трикстера, соединяя и тем самым искажая сакральные обряды, на что и указывает батюшка: «Ни панихидных молебнов, ни молебственных панихид, Иван Карлыч, еще не существует. Может, вы сочините» [Там же]. В словах же городского головы и будущая смерть немца превращается в карнавализованное событие, отличающее капельмейстера от обычных людей: «...я уж по тебе, как помрешь, – панихидный молебен... закажу» [Там же]. Наконец, возглавляемую немцем команду предлагается переселить в особое пространство – бесчердачный барак, в котором домовые «не обитают» [Там же], т.е. место, лишённое духа-покровителя, и, соответственно, не вполне человеческое.

Итак, амбивалентность образов русского домового и немца-капельмейстера в рассказе С. Черного «Лебединая прохлада» реализуется в рамках смеховой карнаваловой традиции, подразумевающей смешение высокого и низкого, сакрального и профанного, жизни и смерти, «своего» и «чужого». Эти образы можно представить, как сочетание целого ряда бинарных оппозиций: «стихийное – упорядоченное», «природное – цивилизационное», «русское – немецкое», «нечистое – чистое», в которых реализуется базовое для всякой культуры противостояние элементов «своего» и «чужого». При этом домовый характеризуется как более «свой», а капельмейстер – соответственно, как более «чужой». В то же время эти образы имеют амбивалентные черты и, наряду с различными, имеют сходные черты: это до некоторой степени чужеродность по отношению к человеческому (в нашем случае – русскому) пространству и, соответственно, принадлежность к нечистой силе / связь с ней. Кроме того, оба занимаются музыкой и имеют свои «команды»: мыши – у домового, музыканты – у капельмейстера. Оба они имеют черты трикстеров. Соперничество же их обусловлено конфликтом за право владеть пространством дома, в борьбе

за которое и выигрывает дух-хранитель места, русский домовой.

Список литературы

1. Белова О. В. Мифологизация образа немца в славянской традиционной духовной культуре // Славяне и немцы. Средние века – раннее Новое время. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1999. – С. 10-13.
2. Берковский Н. Я. О русской литературе: сборник статей. Л.: Художественная литература, 1985. – 384 с.
3. Вербицкая В. «Чистая» сила «Солдатских сказок» Саши Черного о «нечисти» // Сибирские огни. – 2004. – № 7. URL: <http://сибирские-огни.рф/content/chistaya-sila-soldatskih-skazok-sashi-chernogo-o-nechisti> (дата обращения: 17.03.2015).
4. Высоцкий В. С. Собр. соч. в 4 кн. Кн. 3: Странная сказка. М.: Надежда-1. – 576 с.
5. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. – 920 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. – 624 с.
7. Жуковская А. В., Мазур Н. Н., Песков А. М. Немецкие типажи русской беллетристики (конец 1820-х – начало 1840-х гг.) // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 34. – С. 37-54.
8. Иванов А. С. Театр масок Саши Черного // Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904-1932. М.: Эллис Лак, 1996. – С. 5-40.
9. Сенковский О. Большой выход у Сатаны // Русская фантастическая проза XIX-XX века // М.: Правда, 1991. – С. 3-33.
10. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904-1932. М.: Эллис Лак, 1996. – 480 с.

КУМИРЫ РУНЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ)

Золотова Татьяна Аркадьевна

доктор филол. наук, профессор Марийского государственного университета

В настоящее время уже определился ряд популярных писателей и поэтов, приход которых в литературу начинался с сетевой литературы. В.Д. Черняк и М.А. Черняк среди них называют, например, Дмитрия Горчева, Алекса Экслера, Макса Фрая, Ксению Букшу и др. [1, с.132]. Что же касается авторов, получивших признание и за пределами Сети (эстрада, театр, крупные издательские проекты), то к ним в первую очередь относится Вера Полозкова. В 2009 году ей была присуждена литературная премия «Неформат», породившая бурную дискуссию, сначала на страницах «Литературной газеты», а потом и в Интернете. В ней приняли участие такие известные поэты и критики, как И. Панин, Д. Быков, Л. Пирогов и др.

Одним из первых, причем с резкой критической статьей в адрес автора, выступил известный поэт и критик Игорь Панин. В статье под говорящим названием «Кукла», отдавая должное таланту Верочки и ее популярности («армия почитателей»), он, тем не менее, ставит в упрек поэтессе отсутствие собственного, индивидуального голоса, называет Полозкову не иначе как «гламурной молодой особой», а ее творчество – «поэзией телесериалов», «стихотчивом», «вторсырьем», «литературным секонд-хендом», пророчит судьбу выброшенной на помойку куклы [2].

В свою очередь в защиту Полозковой выступил Дмитрий Быков [3]. В статье «Немаленькая Вера» он пишет о том, что Полозкова нуждается в объективной и одновременно бережной критике. Примеривая на Панина маску Зоила, отмечает, что его манера так называемого «писаревского пересказа» способна загубить и самого талантливого поэта. Что же касается Веры Полозковой, то, по его мнению, именно она продолжает живую традицию русской литературы, и более того – от этой девушки зависит, по какому пути будет развиваться в дальнейшем поэзия. Критик убежден, что «Полозкова – rarexcellence – настоящий поэт со своей темой». И, несмотря на некоторые недостатки (самовлюбленность, вторичность и др.), вырастет со временем «в первоклассного поэта, гордость отечественной литературы» [Там же].

Новый подход в изучении поэзии Полозковой, имеющий непосредственное отношение и к нашим наблюдениям, намечен в статье Л.Д. Гутриной [4].

По мнению исследовательницы, в стихах второго по времени издания сборника поэтессы «Фотосинтез» актуализируется образ «своего круга», «возникает чувство, что эта книга – некий «пароль», способ безошибочного определения своих и чужих» [4, с.174]. Принципиально важно, продолжает размышлять Гутрина, что «возможность «совпадения», то есть, «события с миром», дает <Полозковой> общение в «своем кругу» – на основе дружбы» [4, с.179]. Отсюда и своеобразная поэтика сборника: шифровки на уровне датировок, именовании авторов, большое количество посвящений, коллективное «мы» и др. Л.Д. Гутрина – первая, кто весьма проницательно обратил внимание на такого рода акценты в творчестве Полозковой. В то же время для екатеринбургской исследовательницы подмена высокой задачи создания кислорода (фотосинтеза) для окружающего созданием его для себя, своей тусовки воспринимается как безусловная и существенная смысловая потеря молодых авторов. На наш взгляд, «понимание в качестве приоритетной жизненной ценности линии взаимопонимания друзей, «своих» [4, с. 180] является выражением одной из универсальных закономерностей молодежной культуры. В отличие от «культуры для молодых», создаваемых профессионалами для сбыта, она создается для себя и в целом типологически близка к ценностным установкам молодежных субкультур. Что же касается Веры Полозковой, то она в своем раннем творчестве убедительно и, что самое главное, художественно выразительно, их демонстрирует. Неслучаен и первый ее ник – «teenspirit».

К настоящему времени особенности организации субкультурных сообществ и способы самовыражения их участников достаточно основательно изучены как в зарубежной, так и в русской культурологии и социологии (см, например, замечательную книгу Т.Б. Щепанской «Система: тексты и традиции субкультуры» [5]. В ней исследовательница детально описывает причины и особенности формирования у подростков так называемой зоны отчуждения («антинормы»), поиски «своих» (незаятых официальной культурой) каналов информации (рок-музыка, молодежный сленг, особые жанры вербального творчества), приоритет духовной и творческой составляющих, «брачный поиск», приобщение посредством посвященных

обрядов к «ядру» сообщества (обретение ника, личного символа и духовного наставника), «бытовое инакомыслие» (термин К.В. Чистова), внимание к эзотерике, формирование собственных (зачастую) эклектических мировоззренческих систем, урбанизм как характерная черта поэтики и некоторые другие (в зависимости от типа субкультуры / сообщества).

Обращаясь к личности Веры Полозковой (см. об этом: эссе Юлии Идлис о Вере Полозковой) [6], обратим внимание на ту целеустремленность и настойчивость, с которой она утверждала себя в ЖЖ (одном из популярных неофициальных каналов информации). Здесь важно отметить следующее: в 60-80 гг. прошлого века, когда Сеть еще только начинала свое победное шествие по миру, альтернативными, «своими» каналами информации для молодежных движений становились, по мнению Т.Б. Щепанской, поиск информации в западных источниках (например, передачи радиостанции «Голос Америки» и др.), приобретение пластинок западных музыкальных групп, внешняя атрибутика (прически, одежда, стиль поведения), по которой узнавали «своих», овладение соответствующим сленгом и др. В настоящее время всю необходимую информацию подросток получает в Интернете, обычно здесь он обретает и своих единомышленников. Именно так поступала и юная Вера Полозкова. Впоследствии, уже в роли «мультитысячницы», поэтесса подтвердила значимость для нее этого канала информации:

Для меня мой ЖЖ – самый длинный в жизни проект, он начат в 16 лет и ведется до сих пор. Это вещь, которая вообще не приносит мне никаких денег, никаких видимых бонусов, кроме некоторых вторичных выгод – типа умер родственник, но зато пожалели. Но ни одна работа, за которую мне платили деньги или обещали все блага мира, не длилась в моей жизни так долго: мне не было так интересно [6, с. 241].

Любопытнейшие вещи в интересующем нас аспекте находим и в сборнике В. Полозковой «Непоэма» [7]. Сборник вышел в свет одновременно с «Фотосинтезом» в 2008 году, но большинство его стихотворений датируются 2004-2005 гг. Уже само название сборника, с одной стороны, подчеркивает обособленность авторской позиции (обречен на непонимание), с другой – его жанровое своеобразие (не поэма, а нечто принципиально другое). Рассмотрим его содержание с точки зрения ценностей молодежной культуры.

1. Выше уже отмечалось, что важнейшей ее чертой является поиск близких по духу людей. Как мне представляется, эта тема занимает принципиально важное место в стихотворениях Веры Полозковой 2003-2005 гг. Искренне восхищаясь друзьями («Что-то есть в этих мальчишках с хриплыми голосами, / дрянными басами / да глянцевыми волосами, – / Такие приходят сами, уходят сами, / В промежутках делается твоей / Самой большой любовью») («Или, к промеру, стоял какой-нибудь август», с. 204)), Полозкова упоминает и такие, свойственные субкультурной молодежи модели поведения, как стремление к эпатажу («Нет, мы борзые больно – не в Южный Гоа, так под арест. / Впрочем, нас, кажется, минует эта участь») («Точки над «i», с. 201)); пристрастие к алкоголю, наркотикам («Выпивали на каждого граммов двести») («Или, к промеру, стоял какой-нибудь август», 204)); «Катя в дугу пьяна, и да будет вовек ...»; «У Кати дома бутылка рома, на всякий случай, а в подкладке пальто чумовой гашиш») («Катя», с. 210)), увлечение сленгом (кричалка, ксива, блеф и др.) и обценной лексикой (альмаматерна, гребаная весна, царевна-б.. и др.).

Названы мекка хиппи – остров Гоа, хотя и вскользь – возможный печальный конец тусовщиков. Лирическую героиню, например, посещает «видение некоего «бомжа»

под «тулупом, что прогнил на треть» («Неправильный сонет, с. 191).

Поэтесса признается, что ее друзья – «все они как один шпана: пусть образованна первоклассно и кашемировое пальто, – но приджазованна, громогласна и надирается как никто» («Life As it Goes», с. 130), но именно этим они ей и дороги: «Я всех их, собственно, и люблю за то...» («Life As it Goes», с. 130). И уже в порядке обобщения – реплика «...мы золоченая. / Но трущобная молодежь» («О, швыряемся так неловко мы ...», с. 71).

2. Следующей особенностью мироощущения представителей молодежной культуры является элитарность, понимаемая как эзотеризм (принадлежность к особому кругу посвященных). Эта установка проявляется в разных формах:

- как прямое безапелляционное утверждение: «Кроме нас, избранных...» («Кроме нас, избранных...», с. 32);
- как горделивое осознание своей молодости и дарованной ею свободы: «Я на старте. Я пахну свежей раскрытой книгой» («Игры», с. 81);
- как разговор на равных со знаковыми персонажами отечественной и мировой культуры: «Мы идем к остановке, словно Пилат с Га-Ноцри ...» («Одно утро», с. 101); («До Владимира Маяковского / Мне – всего сантиметров шесть») («Первой истошной паникой по утрам...», с. 66);
- как своеобразное двойничество (с элементами контраста, либо иронии и ёрничанья): Девочка – черный комикс, ну Птица Феникс, // Ну вся прижизненный анекдот. // Девочка – черный оникс, поганый веник-с / и яд себе же, а антидот. // ... Девочка странно малёх – не щеголиха, // а дядька с крыльями за плечом («Как будто бы», с. 150);
- наконец, и как отчаянная попытка защитить свой мир от «рассчетливого угля взрослых чужих жаровень» («Я могу ведь совсем иначе», с. 104).

3. Определяющей ценностью во всех молодежных субкультурах становится любовь. Т.Б. Щепанская замечала по этому поводу: «, Пожалуй, центральный мотив дискурса Системы, ее магических упражнений, песен, граффити – одиночество и поиск любви» [5, с. 174]; «Поиск возлюбленного составляет смысл тусовок для значительной части их участников» [5, с. 177]. При этом для сексуальных практик молодежных культур, с одной стороны, «характерны пренебрежение табу, исходящие от общепринятой культуры, демонстративный отказ от ее норм» [5, с. 81], с другой – «поисковая направленность, порождающая многообразие сексуальных практик в количественном и качественном смысле» [Там же]. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что «аскетизм, девственность, романтическая любовь получают в этой среде культурную санкцию равно, как и групповой секс, смена партнеров или гомосексуализм (мужской и женский)» [Там же].

В центре внимания Веры Полозковой в данном сборнике также поиск и художественное исследование природы и сущности любви. Вообще достойно восхищения, насколько глубоко и точно изображает она все многообразие ее оттенков (любовь/болезнь, любовь/пытка, любовь/поединок, любовь/ревность /ненависть, любовь/наваждение, любовь/смерть, любовь/проклятие, любовь /безысходность, любовь/предательство, любовь/озарение/высшая точка жизни, любовь/ всепонимание/ всепрощение).

Как видим, начинает с очень личных моментов (перед нами своего рода биография чувства – «Люболь»), затем следует попытка высвобождения из любовного плена («Симеиз») с новыми провалами в чувство, выходы в со-

циальное, поиски осмысления пути поэта, новые увлечения, и, наконец, завершающее сборник стихотворение, в котором повествуется, что главное для нее уже не поиск любви, а поэтическое признание. Трудно сказать, такой финал – это действительно передача ее глубоко личных ощущений в их последовательной эволюции или, поскольку сборник вышел позднее (2008 год), сознательная систематизация стихов.

4. Представляют интерес и экзистенциальные инсталляции (построения) молодой поэтессы. Т.Б. Щепанская отмечала, что в молодежных субкультурах «имеют хождение этнические, религиозные, политические символы, взятые из различных источников и, <очевидно>, изменившие первоначальный смысл» [5, с. 234]. Для того чтобы понять их существо и функции, необходимо иметь в виду изначально протестный характер молодежных движений. Так, например, «в период господства атеизма андеграунд обращается к Богу» [5, с. 121]. Однако, «как только социальный институт (в данном случае православие Т. З.) утверждается, андеграунд ищет альтернативные формы религиозности» [5, с. 122]. Отношение Полозковой к Богу, на мой взгляд, вполне соотносимо с субкультурными представлениями, это действительно «поиск своего Бога»: «... легкость невыносимая – старый бог / Низвергнут, другой не выдан, ты где-то между» («Shamel-Sheikh», с. 159).

При этом данная тема возникает в ограниченном дискурсе, как правило, в процессе рассуждений о смысле жизни, поэтическом даре, времени и любви. Бог Полозковой, с одной стороны, «Верховный электрик», «Всемогущий демиург», Создатель «кружевного вымысла». Это он в «освещении лунном мутненьком, проникающем сквозь окно, небольшим орбитальным спутником / <...> снимает про нас кино...» («В освещении лунном мутненьком», с. 78). Это он, «стиснув мир в своей всемогущей руке», играет им в огромный боулинг («Ты играешь в огромный боулинг», с. 112). Но, с другой стороны, у поэтессы с ним особые, доверительные отношения: «Я танцую тебе, смеюсь, дышу горячо, как та девочка у Пикассо ... И пока я танцую спорю, кричу, ... все живет» («Ты играешь в огромный боулинг», с. 112).

Можно предположить, что Полозкова, как и многие представители субкультурных сообществ, увлечена и восточными вариантами религиозных учений. По крайней мере в ее раннем творчестве встречаются популярные сегодня мотивы «переселения душ»: «Нас...рассадят по вертелам, / Повращают, прожгут, протащат через года, / И мы будем квартировать по своим телам, / Пока Боженька нас не выселит / В никуда» («Время быстро идет...», с. 151).

Как и в творчестве субкультурных авторов, в стихах Полозковой периодически появляется тема суицида и смерти («Почему не спросит: Тебе всегда так сильно хочется умереть?» («Где твоё счастье», с. 178); «... а мы-то нет, мы уйдем за смыслом дорогой желтого кирпича» («Письмо Косте Бузину в соседний дом», с. 188-189)).

5. Молодежные субкультуры принципиально урбанистичны. Поэтом города выступает и Вера Полозкова. Она описывает либо город в разные календарные и временные промежутки, либо морской (преимущественно курортный, получается тоже городской) вариант пейзажа. Вообще у нее потрясающие зарисовки городского пространства. В грандиозности его воссоздания и авторской экспрессивности, она, на мой взгляд, не уступает В. Маяковскому. Например, о Питере: «Там колонны – словно колпак кондитера», («Питер», с. 23); «Небо поизносилось,

прогибается, / Пузом накрыв обломки больших держав» («Войлок», с. 34); «Город носит в седой немой башке башен гирлянды / И гудит недовольно...» («Одно утро», с. 101).

Что касается социальных проблем, то они не рассматриваются Полозковой специально, возникают спонтанно и чаще в связи с рассуждениями о природе поэтического творчества. Например, в демонстративном отказе заниматься политическим пиаром: ее лирическая героиня «трав не курит, водку не глушит» и «уже в общем знает, чего стоит» («Давай будет так», с. 90). Или в хорошо известном русской поэтической традиции противопоставлении поэта и толпы: «Два народа: семи смешных мешан ... / И безумцы ... / Я же пью свой кофе в «Дженнет кошеси», / Что сварила моя Сайде ...» («Все монеты в море ...», с. 30); «Очень страшно не дожидаться той одной фанатской пули, / Рокового передоза, неисправных тормозов. / Это все, что нужно людям, чтоб сказали «аллилуйя!», / Чтоб раскаялись, прозрели и зажгли бы алтари / ... А пока ты жив – ты жертва, пожилой печальный клоун: / Тыкать пальцами, кривиться, морщить глупые носы / И с какого-то момента поднимают – только на смех» («Гумилев Updated», с. 152)).

Разумеется, уже и раннее творчество Веры Полозковой не укладывается целиком в рамки определенной молодежной субкультуры, оно значительно шире по тематическому диапазону, используемым традициям (этот вопрос может стать предметом специального рассмотрения) и приемам, художественной цельности и ценности. Однако не вызывает сомнений и тот факт, что она стала ярким выразителем тенденций, свойственных молодежной культуре. Они находят свое выражение в мотивах поиска «своих», близких в духовном плане людей, поэтизации их образов и моделей поведения, стремлении к неограниченной свободе, утверждению брачного поиска как нормы, мировоззренческом эклектизме, упоминании в творчестве названий отдельных жанров молодежной культуры, использовании приемов (работа с прецедентными текстами), молодежного сленга и в большом количестве – обценной лексики.

Литература

1. В.Д.Черняк, М.А.Черняк. Базовые понятия массовой литературы: словарь-справочник. СПб: РГГУ им. А.И.Герцена, 2010. – 167 с.
2. Литературная газета, №37[624](2009-09-16; URL:<http://encold.lgz.ru/article/10130>).
3. Быков Д. Немаленькая Вера // Вера Полозкова. Официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc_vera_polozkova.ru/other/nemalenkaya-vera (дата обращения: 17.10.2014).
4. Гутрина Л.Д. «Свой круг» как ценность в современной популярной поэзии (книга В. Полозковой и О. Паволги «Фотосинтез» // Культ-товары-XXI: ре-визия ценностей (масскультура и ее потребители): Коллективная монография / под общ. ред. И.Л. Савкиной, М.А. Черняк, Л.А. Назаровой. – Екатеринбург: «Ажур», 2012. – С. 172-180.
5. Идлис Ю. Рунет: Сотворенные кумиры. Москва: Альпина нон-фикшн; 2010.
6. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. – М.: ОГИ, 2004. – 286 с.
7. Здесь и далее цитация по изданию: Полозкова В. Непознание. – М.: Livebook, 2014. – 224 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

АНТИМОНОПОЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПЕРЕДАЧЕ ПРАВ ВЛАДЕНИЯ И (ИЛИ) ПОЛЬЗОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА

Адолина Анастасия Олеговна

магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

В юридической литературе [2] среди мер по защите конкуренции выделяют правовые основы обеспечения состязательного отбора контрагентов при заключении договора, заключение договоров с финансовыми организациями, обеспечение состязательного отбора контрагента при заключении договора отдельными видами юридических лиц, а также установление антимонопольных требований к торгам и определение порядка заключения договора в отношении государственного и муниципального имущества. При этом последние две меры направлены на поддержание конкуренции при осуществлении передачи прав на государственное и муниципальное имущество.

Так, установление Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [6] (далее – Закон) антимонопольных требований к торгам (статья 17 Закона) и определение порядка заключения договора в отношении государственного и муниципального имущества (статья 17.1 Закона) позволяют передавать права на указанное имущество на конкурентных началах при соблюдении оптимального баланса интересов как лица, обладающего правами на государственное и муниципальное имущество, как и лица, желающего реализации перехода на него прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества.

Особенности порядка заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества были установлены Федеральным законом от 30 июня 2008 г. № 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], в соответствии с которым Закон был дополнен статьей 17.1. Целью внесения данных изменений являлось пресечение злоупотребления должностными лицами при передаче прав владения и (или) пользования государственным или муниципальным имуществом, а также недопущение создания необоснованных преимуществ одним хозяйствующим субъектам перед другими путем предоставления государственного или муниципального имущества без торгов [см. 1].

По общему правилу статьи 17.1 Закона заключение договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, может быть осуществлено только по результатам проведения торгов. Указанное антимонопольное требование относится к государственному или муниципальному имуществу, которое:

- 1) не закреплено на праве хозяйственного ведения или оперативного управления;
- 2) принадлежит на праве оперативного управления государственным или муниципальным бюджетным и казенным учреждениям, государственным органам, органам местного самоуправления.

Аналогичный порядок заключения договоров предусмотрен также в отношении недвижимого государственного или муниципального недвижимого имущества, которое:

- 1) принадлежит на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления государственным или муниципальным унитарным предприятиям;
- 2) закреплено на праве оперативного управления за государственными или муниципальными автономными учреждениями.

В соответствии с Законом порядок проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров в отношении имущества, перечисленного выше, а также перечень видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса, устанавливаются федеральным антимонопольным органом. Так, правила проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества утверждены приказом ФАС России от 10 февраля 2010 г. № 67 (далее - Правила).

При этом Правила в соответствии с частью 2 статьи 17.1 Закона не распространяются на имущество, распоряжение которым осуществляется в соответствии с Земельным кодексом РФ, Водным кодексом РФ, Лесным кодексом РФ, законодательством РФ о недрах, законодательством РФ о концессионных соглашениях.

Также торги на право заключения договора, предусматривающего переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, не проводятся в случаях, предусмотренных пунктами 1-16 части 1 статьи 17.1 Закона. При этом в соответствии с разъяснениями ФАС России по применению статьи 17.1 Закона, содержащимся в письме ФАС России от 24 апреля 2014 г. № ЦА/16309/14 [5], исключения, предусматривающие возможность передачи прав владения и (или) пользования на государственное или муниципальное имущество без торгов, «не устанавливают безусловного права требовать от правообладателя заключение такого договора и не являются соответствующей обязанностью последнего» [5]. В соответствии с указанными разъяснениями если на получение прав владения и (или) пользования на одни и те же объекты государственного или муниципального имущества на основании исключений, предусмотренных частью 1 статьи 17.1 Закона, то есть без проведения торгов, претендуют несколько лиц, то «отказ таким заявителям в заключении договоров без конкурентных процедур, и последующая передача указанного имущества на торгах не будет являться нарушением законных прав и интересов таких заявителей» [5].

Однако на практике может возникнуть ситуация при которой на заключение договора в отношении одного и того же объекта государственного или муниципального имущества на основании исключений, предусмотренных частью 1 статьи 17.1 Закона, претендуют два лица, один из которых имеет права на указанное имущество на основании вступившего в силу решения суда (пункт 1 части 1 статьи 17.1 Закона), а другой, к примеру, является медицинской организацией (пункт 6 части 1 статьи 17.1 Закона), то заключение договора по результатам торгов с последним, по мнению автора, приведет к нарушению законных прав и интересов первого претендента, чьи гражданские права на государственное или муниципальное имущество возникли из судебного решения (подпункт 3 пункта 1 статьи 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).

Более того, проведение торгов в указанном выше случае не исключает участия в торгах также претендента, не имеющего в принципе права на заключение договора на основании какого-либо исключения, предусмотренного частью 1 статьи 17.1 Закона, а, значит, и не исключает возможности победы в торгах указанного лица, в случае предложения более выгодных условий заключения договора, чем претенденты, подпадающие под исключения, предусмотренные статьей 17.1 Закона.

По мнению автора, заключение договора на основании исключения, предусмотренного частью 1 статьи 17.1 Закона, без проведения торгов даже при наличии двух и более претендентов на заключение договора в отношении этого же объекта государственного или муниципального имущества, не может приводить к нарушению антимонопольного законодательства.

В подтверждение указанной позиции приведем пункт 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 (ред. от 14.10.2010) «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» [3], в котором указано на необходимость арбитражным судам при рассмотрении дел по заявлениям антимонопольного органа, поданным в связи с нарушением части 1 статьи 15 Закона, учитывать, что в случае, если антимонопольным органом доказано, что акты, действия (бездействие) приводят или могут привести к нарушению конкуренции, а соответствующим органом не указана конкретная норма федерального закона, разрешившая данному органу принять оспариваемый акт, осуществить действия (бездействие), заявленные требования подлежат удовлетворению.

Таким образом, часть 1 статьи 17.1 Закона является той нормой, которая позволяет органу осуществлять действия по заключению договора, предусматривающего переход прав в отношении государственного или муниципального имущества без торгов.

Части 5 - 11 статьи 17.1 Закона содержат процессуальные нормы, регулирующие порядок проведения торгов, заключения договоров и их пролонгацию (заключение договоров на новый срок).

В соответствии с частью 6 статьи 17.1 Закона с 1 января 2011 года информация о проведении конкурсов или аукционов на право заключения указанных договоров размещается на официальном сайте Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации о проведении торгов, определенном Правительством РФ. Постановлением Правительства РФ от 10.09.2012 № 909 [4] официальным сайтом Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов определен www.torgi.gov.ru.

Извещение о проведении конкурса размещается не менее чем за тридцать дней до дня окончания подачи заявок на участие в конкурсе, извещение о проведении аукциона размещается не менее чем за двадцать дней до дня окончания подачи заявок на участие в аукционе (часть 5.1 статьи 17.1 Закона).

Частью 7 статьи 17.1 Закона запрещено заключать договор ранее чем через десять дней со дня размещения информации о результатах конкурса или аукциона на официальном сайте торгов. Соответствующее требование также содержится в подпункте 14 пунктов 40 (114) Правил. Установление такого срока необходимо для обеспечения права обжалования процедуры торгов в порядке, установленном статьей 18.1 Закона. Договор, заключенный ранее указанного срока, в соответствии со статьей 168 ГК РФ будет являться ничтожным, как несоответствующий требованиям закона.

Пунктом 1 статьи 621 ГК РФ установлено, что если иное не предусмотрено законом или договором аренды, арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности, по истечении срока договора имеет при прочих равных условиях преимущественное перед другими лицами право на заключение договора аренды на новый срок.

Статьей 17.1 Закона установлен иной порядок продления договоров аренды государственного и муниципального имущества. Так, в соответствии с частью 9 статьи 17.1 Закона по истечении срока договора аренды государственного или муниципального имущества, заключение такого договора на новый срок с арендатором, надлежащим образом исполнившим свои обязанности, осуществляется без проведения торгов, если иное не установлено договором и срок действия договора не ограничен законодательством Российской Федерации, при одновременном соблюдении двух условий: 1) размер арендной платы должен быть определен по результатам оценки рыночной стоимости объекта. При этом если иное не установлено другим законодательством Российской Федерации, то такая оценка проводится в соответствии с требованиями законодательства, регулирующим оценочную деятельность в Российской Федерации; 2) пролонгация договора аренды осуществляется на срок не менее чем три года. Указанный срок может быть уменьшен только в случае соответствующего заявления арендатора.

При этом согласно части 10 статьи 17.1 Закона арендодатель не вправе отказать арендатору в заключении на новый срок договора аренды в порядке и на условиях, которые указаны в части 9 статьи 17.1 Закона, за исключением, если в установленном порядке принято решение об ином порядке распоряжения таким имуществом или у арендатора имеется задолженность по арендной плате за такое имущество, начисленным неустойкам (штрафам, пеням) в размере, превышающем размер арендной платы за более чем один период платежа, установленный договором аренды. Следует отметить, что поскольку часть 10 статьи 17.1 Закона содержит закрытый перечень оснований для отказа в пролонгации договора аренды, то отказ в продлении договора аренды на новый срок допускается только на основании двух случаев, перечисленных выше.

В случае отказа арендодателя в продлении договора на новый срок по основаниям, не предусмотренным частью 10 статьи 17.1 Закона, и заключения в течение года со дня истечения срока действия данного договора договора аренды с другим лицом арендатор, надлежащим образом исполнявший свои обязанности по договору аренды, вправе потребовать в судебном порядке перевода на себя прав и обязанностей по заключенному договору и возмещения убытков, связанных с неправомерным отказом в продлении такого договора аренды.

Следует отметить, что договор аренды государственного или муниципального имущества, продленный на основании части 9 статьи 17.1 Закона, может быть продлен по тем же основаниям неограниченное количество раз при условии соблюдения требований, установленных частью 9 статьи 17.1 Закона.

При проведении торгов на право заключения договора, предусматривающего переход прав в отношении государственного или муниципального имущества запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции. В частности, частью 1 статьи 17 Закона при проведении торгов запрещаются: 1) координация организаторами торгов или заказчиками деятельности их участников; 2) создание участнику (нескольким участникам) торгов преимущественных условий участия в торгах; 3) нарушение порядка определения победителя (победителей) торгов; 4) участие организаторов торгов или заказчиков и (или) работников организаторов или работников заказчиков в торгах.

При этом нарушение антимонопольных требований, установленных статьей 17 Закона, является основанием для признания судом соответствующих торгов и заключенных по результатам таких торгов сделок недействительными, в том числе по иску антимонопольного органа.

Заявление о нарушении антимонопольного законодательства при проведении торгов на право заключения договора, предусматривающего переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества подается в антимонопольный орган в порядке, предусмотренном статьей 44 Закона.

Также в антимонопольный орган в порядке статьи 18.1 Закона может быть подана жалоба на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров. Подать указанную жалобу имеют право лица, подавшие заявки на участие в таких торгах, а в случае, если обжалование процедуры торгов и порядка заключения договоров связано с нарушением установленного нормативными правовыми актами порядка размещения информации о проведении торгов, порядка подачи заявок на участие в торгах, также другим лицом, чьи права или законные интересы могут быть ущемлены или нарушены в результате такого нарушения.

При этом обжалование действий (бездействия) организатора торгов, оператора электронной площадки, конкурсной или аукционной комиссии в антимонопольный орган в порядке статьи 18.1 Закона не является досудебным порядком урегулирования спора, то есть заявитель также может обжаловать действия (бездействие) указанных лиц в судебном порядке.

Антимонопольный орган рассматривает жалобу на процедуру проведения торгов и порядка заключения договоров в более короткие сроки, чем предусмотрено для рассмотрения заявлений, поданных в порядке статьи 44 Закона, а именно в течение семи рабочих дней со дня поступления такой жалобы.

Своеобразной обеспечительной мерой, предусмотренной частью 18 статьи 18.1 Закона, является то, что в случае принятия антимонопольным органом жалобы на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров, обжалуемые торги приостанавливаются со дня направления антимонопольным органом уведомления, предусмотренного частью 11 статьи 18.1 Закона, до рассмотрения указанной жалобы, по существу.

Список литературы

1. Истомин В.Г. Особенности заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества по законодательству о защите конкуренции // Юрист. – 2014. – № 5. – С. 23 - 27.
2. Петров Д.А. Конкурентное право: теория и практика применения: Учебник для магистров / Под общ. ред. В.Ф. Попондопуло. – М.: Юрайт, 2013. – 377 с.
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 (ред. от 14.10.2010) «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 8. – август.
4. Постановление Правительства РФ от 10.09.2012 № 909 «Об определении официального сайта Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для размещения информации о проведении торгов и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 38. – ст. 5121.
5. Разъяснения ФАС России по применению статьи 17.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». URL: http://www.fas.gov.ru/clarifications/clarifications_30453.html (дата обращения: 10.03.2015).
6. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. – 2006. – № 162 – 27 июля.
7. Федеральный закон от 30 июня 2008 г. № 108-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2008. – № 140. – 2 июля.

ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРЕЗУМПЦИЯ ИСТИННОСТИ ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Алексеева Татьяна Михайловна
Соискатель, кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

В ходе реформы судебных инстанций с 1 января 2013 г. в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации начали действовать нормы, в соответствии с которыми кассационное производство, наряду с надзорным производством и возобновлением дел ввиду

новых и вновь открывшихся обстоятельств, стало проверкой судебных решений, вступивших в законную силу. Таким образом, количество исключительных производств увеличилось. Кроме того, основания отмены (изменения)

судебных решений в исключительных производствах также изменились [13].

Целью реформы проверочных инстанций, по замыслу ее авторов, являлось повышение гарантированного Конституцией Российской Федерации уровня судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства [17].

Вместе с тем, на наш взгляд, говорить о том, что реформа была проведена удачно и достигла своей цели, не приходится.

В частности, в ходе применения судами процессуальных норм, регулирующих основания отмены (изменения) вступивших в законную силу судебных решений, продолжают возникать проблемы, с одной стороны, соблюсти требование о непоколебимости судебного решения, вступившего в законную силу, и, с другой стороны, обеспечить восстановление прав, нарушенных незаконными судебными актами.

В связи с изложенным, нам представляется важным рассмотреть вопрос о соотношении принципа правовой определенности и презумпции истинности, вступившего в законную силу судебного решения в современном уголовном процессе России. Для этой цели автор проводит историческое исследование данных понятий с точки зрения дореволюционного, советского и современного этапов.

Прежде чем перейти к непосредственной теме исследования, отметим, что принцип правовой определенности понимается нами как принцип судопроизводства, появившийся в результате эволюционного толкования Европейским Судом по правам человека положений статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Принцип правовой определенности (или, по терминологии ЕСПЧ, принцип *res judicata*) означает положение, в соответствии с которым отмена или изменение судебного решения, вступившего в законную силу, допускается только при наличии строго установленных законом условий и оснований [15], [16].

Дореволюционный этап.

В дореволюционной науке уголовного процесса термин «принцип правовой определенности» не употреблялся, не было этого понятия и в процессуальном законодательстве. Несмотря на это в доктрине рассматриваемого периода большое значение придавалось обеспечению устойчивости вступивших в законную силу приговоров, иных судебных решений.

И.Я. Фойницкий отмечал, что «главнейшее жизненное основание и задача пересмотра судебного решения заключается в ограждении суда от ошибки. Судебное решение почитается за истину, но если эта презумпция падает, то оно должно быть заменено другим, справедливым» [5, с. 517].

Таким образом, И.Я. Фойницкий указывает на наличие в уголовном процессе презумпции истинности приговора, которая является оспоримой, так как приговор в случаях, установленных законом, может признаваться ошибочным, и тогда приоритет переходит к праву на обжалование.

В.К. Случевский писал, что «вступивший в законную силу приговор приобретает свойство неизменяемости, покоящееся на презумпции, что в основании его лежит материальная истина и правильное применение уголовного закона. Прямым последствием этого является положение, что разрешенное таким приговором судебное преследование, не может быть вновь возбуждено, и как оправданный, так и осужденный не подлежат вновь по

тому же делу следствию и суду иначе, как при наличии исключительных условий, открывающих возможность возобновления дела (*non bis in idem*)» [10, с. 395].

Уделяя особое внимание границам (пределам) обжалования, С.В. Познышев указывал на наличие оспори-мой презумпции истинности приговора как на основной принцип, который следует иметь в виду при обсуждении вопросов обжалования: приговор признается постановленным правильно, пока он не отменен новым судебным рассмотрением его в высшей инстанции [1, с. 308].

Другие процессуалисты рассматриваемого периода, например, С.И. Викторский [6], Н.Н. Розин [7] также отмечали наличие в уголовном процессе презумпции истинности приговора.

Итак, можно заключить, что в отечественном уголовно-процессуальном праве дореволюционного периода презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения имела большое значение для построения всего процесса, поскольку считалось, что вступивший в законную силу приговор или иное судебное решение обладает свойствами устойчивости, неизменяемости, непоколебимости и неприкосновенности, и помимо всего прочего, обеспечивает авторитет судебной системы.

Помимо этого, как нормативное положение, презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения обеспечивала быстроту и соблюдение практических интересов общества в определенности их процессуального статуса и окружающих их процессуальных отношений.

Толкование непоколебимости судебного акта как презумпции истинности вступившего в законную силу судебного решения важно для нас тем, что такое понимание было воспринято в современный период Европейским Судом по правам человека, правовые позиции которого формируются с учетом процессуальной доктрины, заложенной еще в дореволюционный период.

Советский этап.

В советском уголовном процессе свойствам неизменяемости и устойчивости судебного акта после вступления его в законную силу не придавалось такого большого значения как в дореволюционный период.

К *res judicata* относились как к буржуазному институту, и, соответственно, принцип правовой определенности не нашел своего нормативного закрепления в уголовно – процессуальном законодательстве советского периода.

Основное внимание советских исследователей уделялось праву на обжалование судебных решений.

Вместе с тем советские процессуалисты поднимали проблему обеспечения презумпции истинности вступившего в законную силу приговора (иного судебного решения) в уголовном процессе.

В.И. Каминская, например, указывала: «к числу презумпций, вызванных целью обеспечения нормального и налаженного в интересах государства отправления государством функций правосудия, относится действующая в различных странах презумпция истинности судебного приговора. Данная презумпция сильна именно тем, что является в равной степени обязательной в той мере, в какой её провозглашает закон как для населения, так и для всех государственных органов, в том числе и для судов. Презумпция истинности приговора или решения находит свою конкретизацию и признание в законе в весьма разнообразных формах, например, в частности, в виде положения *non bis in idem*, либо и в некоторых других правилах, первое место среди которых занимают так называемые преюдиции» [2, с.115].

Справедливы и рассуждения Н.Н. Полянского о том, что «приговор, вступивший в законную силу, равнозначен закону по конкретному делу. Как государство заинтересовано в стабильности законов, так оно заинтересовано и в стабильности приговоров. Спокойствие отдельных граждан входит составной частью в общественное спокойствие, которое поддерживается и охраняется государством. Советское государство не может не принимать мер к устранению таких условий, при которых над гражданами, уже по суду оправданными или уже отбывшими наказание, висел бы дамоклов меч в виде возможности вторичного привлечения к ответственности за одно и то же преступление. Кроме того, основная гарантия для осуждённого приговором, вошедшим в законную силу, заключается в праве не быть судимым дважды за одно и то же преступление (*non bis in idem*)» [4, с. 211].

А.Я. Вышинский писал о том, что судебный приговор и судебное решение имеют громадное значение не только в силу формальных требований, но и в силу своего морального и общественно-политического веса, и задача повышения качества судебной деятельности есть прежде всего задача повышения качества судебных приговоров. Только тот судебный приговор или судебное решение оправдывают свое значение и служат своей цели, которые исключают какое бы то ни было сомнение в их правильности [3, с. 5].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что, несмотря на идеологию, в доктрине советского периода признавалось существование оспоримой презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу. Она обеспечивала поддержание авторитета судебных актов, повышение качества приговоров и судебной деятельности. При определенных идеологических установках данная презумпция могла даже признаваться принципом правосудия.

Вместе с тем, на наш взгляд, ошибкой советской доктрины являлось необоснованное приращение понятию *res iudicata* не свойственного ему значения ничем не ограниченной абсолютной истины. Между тем, установлению четких оснований обжалования не уделялось должного внимания.

Полагаем, что принцип достижения истины по уголовному делу и положение об обеспечении устойчивости и стабильности судебных решений, вступивших в законную силу, не противоречат друг другу, поскольку о принципе правовой определенности нельзя говорить, как о неоспоримой истине. Наоборот, должны быть установлены специальные условия (критерии) для возможности отмены (изменения) судебного решения в экстраординарных производствах.

Современный этап.

По мнению автора, на современном этапе развития уголовного процесса основой принципа правовой определенности выступает презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения.

Данная презумпция, возникнув еще в доктрине до-революционного уголовного процесса, не только не утратила своего значения, но, сохранив свое содержание и в советский период, приобрела новое толкование в качестве принципа правовой определенности (принципа *res iudicata*).

Подтверждением этому служит многочисленная практика Европейского Суда по правам человека [18], Конституционного Суда Российской Федерации [19] и Верховного Суда Российской Федерации [20].

Как отмечает П.А. Лупинская, в отношении вступившего в законную силу приговора действует презумп-

ция его истинности. Вступивший в законную силу приговор обладает свойством исключительности и имеет преюдициальное значение. Вступивший в законную силу приговор обязателен, так как существует презумпция его истинности и содержащееся в нем решения не могут быть заменены никакими другими. Они имеют исключительное значение для данного уголовного дела и преюдициальное – для всех других правоприменителей, пока приговор не будет отменен или изменен в установленном законом порядке [12, с. 725].

Рассматривая стадию возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, В.А. Давыдов пишет о том, что теоретической основой возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является научная теория о презумпции истинности (*res iudicata pro veritate habetur*) вступившего в законную силу судебного акта по уголовному делу и об опровержимости данной презумпции в порядке, установленном законом. Вступивший в законную силу приговор, определение, постановление суда считаются (презюмируются) истинными, т.е. правосудными (законными и обоснованными) [14, с. 40].

На существование презумпции истинности приговора как презумпции истинности его выводов, доказательств, установленных фактов, влияющей на значение этой презумпции для возобновления производства по делу, обращал внимание и Н.Н. Ковтун [8, с. 313].

О.Н. Сычева определяет презумпцию истинности приговора как признанное на уровне закона положение о том, что вступивший в законную силу приговор, отражает объективную истину и является обязательным для всех субъектов, чьи права, обязанности и законные интересы он затрагивает. Опровергнуть это положение возможно только в исключительных случаях и при помощи экстраординарных методов, установленных законом [11, с. 4].

По мнению В.А. Морквина, презумпция истинности приговора, вступившего в законную силу, основана на требованиях УПК РФ к приговору. Приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым, что невозможно без установления истины по уголовному делу. Суть данной презумпции заключается в том, что приговор, вступивший в законную силу, предполагается истинным, пока обратное не доказано в установленном законом порядке. Презумпция истинности приговора базируется на признании возможности и необходимости установления истины в уголовном судопроизводстве. Однако неверно было бы говорить об абсолютной истине приговора, непрерываемой во всех случаях. Именно наличие ошибочных судебных решений позволяет говорить лишь о предположении их истинности, о правовой презумпции. Поэтому закон устанавливает процедуры, предоставляющие участникам процесса возможность ее опровержения в виде обжалования приговора в исключительных стадиях уголовного процесса – в надзорной инстанции и возобновлении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств [9, с.137-138].

Учитывая изложенное, мы придерживаемся той точки зрения, что презумпция истинности приговора (оспоримая) несомненно существует в современном судопроизводстве, хотя прямо в УПК РФ и не закреплена. Полагаем, что законодательное закрепление этой презумпции в законе будет иметь, безусловно, положительное значение.

В настоящее время презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения выступает

основой принципа правовой определенности, как и в до-революционный период. Указанная презумпция, сохранив свое содержание, приобрела новое современное толкование в качестве принципа *res judicata*.

При этом принцип правовой определенности можно отнести к принципам «переходного вида», поскольку он возник из судебной практики и был признан ею, и, кроме того, также прошел и стадию доктринальной разработки.

Полагаем, что в уголовно-процессуальном законодательстве России необходимо закрепить принцип правовой определенности именно в форме презумпции.

В связи с этим считаем возможным включить в Главу 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Принципы уголовного судопроизводства» статью 19.1 в следующей редакции:

«Статья 19.1. Правовая определенность судебных решений.

Судебное решение, вступившее в законную силу, считается постановленным в соответствии с настоящим Кодексом, пока его незаконность не будет установлена вступившим в законную силу судебным решением, изменяющим или отменяющим это судебное решение в предусмотренном настоящим Кодексом порядке».

Список литературы

1. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. – 337 с.
2. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в советском уголовном процессе. М., 1948. – 132 с.
3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. – 308 с.
4. Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. – 212 с.
5. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.2. СПб., 1996. — 606 с.
6. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. – 448 с.
7. Хрестоматия по уголовному процессу России: учебное пособие // под. ред. Э.Ф. Куцовой. М., 1999. – 272 с.
8. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н.-Новгород, 2002. – 520 с.
9. Морквин В.А. Правовые презумпции в уголовном судопроизводстве России. Дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. – 243 с.
10. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 1: Судостроительство. М., 2008. – 400 с.
11. Сычева О.Н. Презумпция истинности приговора в современном уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. – 182 с.
12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации // под ред. П.А. Лупинской. М., 2009. – с. 1072.

13. Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 30.12.2013, № 52, ст. 6998.
14. Давыдов В.А. Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок. М., 2011. – с. 313.
15. Белозерская Т.М. *Res judicata*: возвращение к истокам // Законодательство. 2013. № 12. С. 73-78.
16. Алексеева Т.М. Реализация принципа правовой определенности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 6. С. 75-84.
17. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
18. См., например, Постановление ЕСПЧ по делу «Колоскова против Российской Федерации» от 21 октября 2010 г. (жалоба № 53051/08) // СПС «Консультант Плюс»; Постановление ЕСПЧ по делу «Сергеев и другие против Российской Федерации» от 6 марта 2012 г. (жалобы №№ 28309/03, 28318/03, 28379/03, 17147/04, 19131/04, 43601/05, 32383/06, 32485/06, 34874/06, 40405/06 и 45497/06) // СПС «Консультант Плюс»; Постановление ЕСПЧ по делу «Величко против Российской Федерации» от 15 января 2013 г. (жалоба № 19664/07) // СПС «Консультант Плюс».
19. См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ, 28.05.2007, № 22, ст. 2686; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других» // Собрание законодательства РФ, 07.04.2014, № 14, ст. 1690.
20. См., например, Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 июня 2013 г. № 9-ПВ12 // Архив Верховного Суда РФ; Определение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2014 г. № 38-КГ14-1 // Архив Верховного Суда РФ; Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 января 2014 г. № ВАС-19379/13 // СПС «Консультант Плюс».

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Баньковский Артур Евгеньевич

Канд. юрид. наук, младший лейтенант полиции, старший преподаватель кафедры конституционного и международного права ФГКОУ ВПО «Барнаульский юридический институт МВД России»

На сегодняшний день, одним из способов обеспечения законности и эффективности деятельности государственных органов является общественный контроль. Становится вполне очевидно, что в современных условиях

его роль и значение многократно возрастают в связи с потребностями модернизации государственного управления, борьбы с коррупцией, повышения качества реализации государственных функций и оказания государс-

твенных услуг. Термин "общественный контроль" все активнее и активнее используется в сфере государственного управления. И если ещё год назад в законодательстве отсутствовало легальное определение данного термина, то сегодня в связи с принятием Федерального закона от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" этот термин получил официальное закрепление. Таким образом, под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [1].

Примечательно, что Президент РФ уже публично заявлял о необходимости общественного контроля. Так, в интервью французской газете "Фигаро" он сказал буквально следующее: "Ясно, что без эффективно действующей правоохранительной системы органов правопорядка не может быть никакой борьбы с преступностью. Но также очевидным является то, что опора только на карательные органы результата не принесет. Поэтому, прежде всего мы должны укрепить демократические основы общества, гражданский контроль, общественный контроль" [2]. И именно для этого необходимо создать систему органов общественного контроля, наделить их эффективным механизмом функционирования, соответствующими правами. Причем, как подчеркивает Л.В. Акопов, этот контроль должен осуществляться в правовой форме [3, с. 37], а Ю.Н. Стариков обращает внимание на необходимость создания многочисленных механизмов контроля общественности за публичной администрацией, и в частности за деятельностью контрольно-надзорных органов [4, с. 34].

Принятый Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" по большому счету воплощает в жизнь вышеназванные теоретические идеи и в статье 9 закрепляет перечень субъектов, имеющих право осуществлять общественный контроль. К ним относятся:

1. Общественная палата Российской Федерации;
2. общественные палаты субъектов Российской Федерации;
3. общественные палаты (советы) муниципальных образований;
4. общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Как видно из приведенного перечня ключевое (первое) место в списке субъектов общественного контроля занимает Общественная палата Российской Федерации. Формы и методы осуществления функции Общественной палаты общественного контроля разнообразны. Прежде всего, в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" общественный контроль Общественной палатой Российской Федерации осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, а также в таких формах взаимодействия с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие

формы взаимодействия [5]. Вместе с тем Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации" устанавливает дополнительные формы и методы участия в осуществлении общественного контроля. Например, статья 20 наделяет Общественную палату России правом инициировать создание общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, при этом процедура их образования и порядок осуществления деятельности дополнительно регулируются рядом нормативных правовых актов. Ещё одна из форм реализации функции общественного контроля - это подписание соглашений об участии Общественной палаты Российской Федерации в осуществлении совместно с государственными органами контрольных мероприятий. Например, на сегодняшний день существует соглашение между Счетной и Общественной палатами Российской Федерации [6, с. 35-38]. Наконец, к числу форм работы Общественной палаты Российской Федерации относятся направление членом Общественной палаты, уполномоченных советом Общественной палаты, для участия в работе комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. Конкретно порядок направления членом Общественной палаты для участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти закреплен Постановлением Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 479 "О порядке направления членом Общественной палаты Российской Федерации для участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти" [7]. Так, в целях обеспечения присутствия на заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти членом Общественной палаты, уполномоченных советом Общественной палаты, федеральные органы исполнительной власти обязаны заблаговременно информировать совет Общественной палаты о дне, времени, месте проведения и повестке дня заседания коллегии. При этом решение всех организационных вопросов, связанных с участием членом Общественной палаты в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти, является обязанностью руководителей данных органов. По просьбе совета Общественной палаты соответствующий федеральный орган исполнительной власти в период подготовки заседания коллегии вправе направить в Общественную палату материалы по вопросам, выносимым на заседание коллегии. Исключение составляют материалы, содержащие государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну. Уведомление совета Общественной палаты об участии членом Общественной палаты в заседании коллегии федерального органа исполнительной власти должно быть направлено в федеральный орган исполнительной власти не позднее чем за пять дней до дня проведения соответствующей коллегии. В случае невозможности присутствия уполномоченных членом Общественной палаты на заседании коллегии федерального органа исполнительной власти совет Общественной палаты должен проинформировать об этом соответствующий орган исполнительной власти. Столь подробное описание такой формы работы Общественной палаты Российской Федерации как направление членом Общественной палаты, уполномоченных советом Общественной палаты, для участия в работе комитетов и комиссий Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Россий-

ской Федерации, а также в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти позволяет, говорить о реальности данной формы и возможности применения её на практике.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать однозначный вывод о том, что Общественная палата Российской Федерации, на сегодняшний день является центральным субъектом, осуществляющим общественный контроль в России, в связи с тем, что осуществляет его как посредством общих форм и методов, так и посредством специальных, присущих только Общественной палате Российской Федерации.

Список литературы

1. См.: Федеральный закон от 24.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (часть I) Ст. 4213.
2. Информационный бюллетень Гражданского форума. Вып. 5. 2002. 21 марта.
3. См.: Акопов Л.В. Демократический контроль как государственно-правовой институт (история, теория, практика). Ростов-на-Дону, 1997.
4. См.: Стариков Ю.Н. Административное право как средство разрушения "синдрома бесправия" в современном правовом государстве // Журнал российского права. 2005. № 4.
5. См.: Федеральный закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.
6. Гриб В.В. Общественная палата Российской Федерации как орган общественного контроля // Юридический мир. 2010. № 3.
7. См.: Постановление Правительства РФ от 2 августа 2005 г. № 479 "О порядке направления членов Общественной палаты Российской Федерации для участия в заседаниях коллегий федеральных органов исполнительной власти" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 32. Ст. 3320.

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РФ

Брякина Анастасия Владимировна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры ГПД г. Воронеж

Интеллектуальная собственность в РФ представляет на данный момент один из факторов роста интеллектуального, культурного, экономического и оборонного потенциала страны. Одной из ключевых проблем современной России является правовое и социально-экономическое обеспечение развития и защиты интеллектуальной собственности. Интеллектуальная собственность сейчас является необходимым условием успешного развития науки, искусства, литературы и многих других видов творческой духовной деятельности человека [3, с. 177].

В рамках правового регулирования в нашей стране закрепление законных прав и интересов объектов интеллектуальной собственности выражается в принадлежности конкретного вида творческой деятельности к правовой норме. Общая форма такого закрепления отражена в нормах гражданского кодекса РФ, частными случаями являются авторское право, патентное право и т.д. [2, с. 312]. Все выше перечисленные конечные формы выражения прав принадлежности результатов интеллектуальной собственности определяет правомерность авторов и соблюдение их гражданских субъективных прав и обеспечение этих прав надежной правовой защитой.

Под защитой гражданских прав (в частности прав на результаты интеллектуальной собственности) в российской юридической науке понимается совокупность мер, направленных на признание или восстановление прав и защиту интересов их обладателей при их нарушении или оспаривании [6, с. 144]. Каждое субъективное гражданское право подлежит защите, а носитель этого права обладает соответствующим правомочием на его защиту с помощью средств, предусмотренных законодательством.

Однако, реальная обстановка в области защиты прав на результаты интеллектуальной собственности открывает неурегулированность вопросов защиты интеллектуальной собственности в России и является важным фактором невключенности нашей страны в мировой рынок

научно-технологической продукции, где уже сложилась четкая специализация разных стран; отрицательно сказывается на развитии в нашей стране науки, изобретательства, создания инновационных продуктов и услуг [2, с. 188].

Таким образом, проблемы защиты интеллектуальной собственности приобретают для России едва ли не ключевое значение на пути интеграции в мировое сообщество, развития внутреннего рынка и становления новой «экономики знаний».

Интеллектуальная собственность - исключительное право гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполненных работ или услуг (фирменное наименование, товарный знак и т. п.). Использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые являются объектом исключительных прав, может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя [1, с. 445]. Результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана, являются:

- 1) произведения науки, литературы и искусства;
- 2) программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ);
- 3) базы данных;
- 4) исполнения;
- 5) фонограммы;
- 6) сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания);
- 7) изобретения;
- 8) полезные модели;
- 9) промышленные образцы;

- 10) селекционные достижения;
- 11) топологии интегральных микросхем;
- 12) секреты производства (ноу-хау);
- 13) фирменные наименования;
- 14) товарные знаки и знаки обслуживания;
- 15) коммерческие обозначения[7].

Исходя из содержания статьи 138 ГК РФ, под объектом интеллектуальной собственности, в первую очередь, признаётся некий результат интеллектуальной деятельности. В литературе указывается, что под объектом интеллектуальной собственности во всех случаях подразумевается благо нематериальное, которое лишь воплощается в определённых материальных объектах, являющихся его материальными носителями». [3, с. 312]

Таким образом, фактически под понятием «интеллектуальная собственность» понимается совокупность личных и имущественных прав на результаты интеллектуальной собственности, при этом данные права «теснейшим образом взаимосвязаны и переплетены, образуя между собой неразрывное единство».

Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности, созданных при выполнении НИОКР и ТР предполагает закрепление интеллектуальных прав в отношении указанных выше объектов интеллектуальной собственности за автором, коллективом авторов, организацией, создавшей его, если это не противоречит условиям государственных контрактов и иных договоров, при выполнении которых получены объекты интеллектуальной собственности.

В РФ существует определенный порядок получения правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, включающий в себя несколько основных этапов:

- 1) Оформление заявки по правилам.
- 2) Подача заявки в Патентное ведомство с предварительной уплатой пошлины.
- 3) Проведение экспертизы заявки Патентным ведомством в определенном объеме, соответствующем виду объекта.
- 4) При положительном исходе экспертизы Патентное ведомство выдает охраняемый документ (патент или свидетельство), который подтверждает исключительное право правообладателя на владение и распоряжение зарегистрированным объектам интеллектуальной собственности на определенный срок.

Правила составления заявки на получение патента или свидетельства для каждого вида объектов интеллектуальной собственности изложены в соответствующих Административных регламентах федеральной службы по интеллектуальной собственности.

Полную информацию о порядке получения правовой охраны для объектов интеллектуальной собственности, правилах составления заявки на получение патента или свидетельства для объектов интеллектуальной собственности и подготовке содержательных материалов заявки предоставляют сотрудники Центра коммерциализации и трансфера технологий (ЦКТТ).

Подготовка содержательных материалов заявки, включающих описание объекта интеллектуальной собственности, составленное согласно требованиям соответствующего Административного регламента, представляет собой итерационную процедуру и осуществляется при непосредственном сотрудничестве создателей объекта интеллектуальной собственности и сотрудников ЦКТТ. Оформленная заявка регистрируется в ЦКТТ и направляется в Патентное ведомство. Подача заявки в Патентное

ведомство и дальнейшее делопроизводство по заявке осуществляется сотрудниками ЦКТТ.

Сведения о состоянии делопроизводства по заявкам на получение патентов и свидетельств аккумулируются в ЦКТТ и предоставляются сотрудниками ЦКТТ по запросам создателей объектов интеллектуальной собственности и администрации университета.

Сведения о поданных заявках и полученных по ним патентах или свидетельствах на имя автора, коллектива авторов, организации на основании сведений, зарегистрированных в ЦКТТ. Эти сведения используются для отчетности перед вышестоящими организациями, государственными заказчиками НИОКР и ТР, для государственной статистической отчетности, а также для решения внутренних управленческих задач, связанных с анализом деятельности научных подразделений университета[9].

Осуществление патентной охраны предполагает ежегодное продление действия патентов путем уплаты годовой патентной пошлины в течение срока действия патента, предусмотренного действующим законодательством РФ в области интеллектуальной собственности. В ЦКТТ выполняется подготовка документов для продления действия патентов и учет сведений обо всех, принадлежащих автору объектов интеллектуальной собственности, действующих на текущий момент. Сведения о действующих объектах интеллектуальной собственности университета предоставляются сотрудниками ЦКТТ по запросам создателей объектов интеллектуальной собственности и администрации университета[7].

Законодательство РФ предусматривает различные способы защиты результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Важным преимуществом промышленного секрета является то, что его обладатель не теряет права на него по истечении 20 лет, как в случае с патентом[8]. Однако существует очевидная опасность, что инновационная организация станет жертвой промышленного шпионажа или другая организация самостоятельно и независимо разрабатывает тот же процесс, метод, устройство или способ.

Список литературы

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации, часть четвертая. – М.: Ось-89, 2014.
2. Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью / В.И. Мухин – М.: Москва. – Издательство «Владос», - 2007. – 514с.
3. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности / С.А. Судариков - М.: Москва. - ТК Велби. - Издательство «Проспект». - 2008. – 412с.
4. Право интеллектуальной собственности: учебник / под ред. И.А.Близнеца; РГИИС. - М.: Москва. – Издательство «Проспект». - 2010. -277с.
5. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А.П. Сергеев – М.: Москва. - ТК Велби, Издательство «Проспект». - 2014. – 553с.
6. Вольнкина М.В. Концепция "исключительных прав" и понятие "интеллектуальной собственности" в гражданском праве // Журнал российского права. - 2007. - №6. – С. 144
7. <http://www.legal-support.ru/services/intellect/international-patent.html>
8. <http://www.wipo.int/treaties/en/general/>
9. http://www.febras.ru/~patent/intellect/0_1.html

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЕТЬМИ-СИРОТАМИ И ДЕТЬМИ, ОСТАВШИМИСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Булгакова Елизавета Валерьевна

магистрант кафедры «Гражданско-правовые дисциплины» ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» Орловский филиал, г. Орел

Для современной России одной из наиболее острых является проблема, связанная с обеспечением надлежащих условий для осуществления всеми гражданами РФ конституционного права на жилище, которое как важнейший составной элемент входит в более широкое по содержанию право, закрепленное на международном уровне – право на достойный жизненный уровень [3, ст. 25; 8, ст. 11]. Однако до сих пор большинство российских граждан испытывают нужду в приобретении комфортного и благоустроенного жилого помещения, несмотря на прилагаемые огромные усилия государства к решению этой насущной проблемы [1, с. 70].

Право на жилище закреплено в ст. 40 Конституции РФ, где определена обязанность органов публичной власти не только создавать благоприятные условия для осуществления этого права, но и также обеспечивать бесплатным или за доступную плату жильем наиболее социально незащищенных граждан [2, с. 241], среди которых особое место занимают несовершеннолетние граждане, являющиеся особыми субъектами любого правоотношения, в том числе, и жилищного. При этом особенности правового статуса детей определяются гражданским и семейным законодательством РФ.

Следует отметить, что, и в международных документах [6], и в национальном законодательстве [10] категорией «дети» охватываются все несовершеннолетние граждане, т.е. не достигшие 18-ти лет, но при этом не уточняются особенности их правового статуса. В данной статье исследуется правовое положение в жилищной сфере такой категории детей как дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, причем, не только несовершеннолетних, но и уже достигших возраста 18-ти лет. Такой подход не случаен, так как, хотя, по общему правилу, государство и берет на себя обязанность по обеспечению и охране жилищных прав несовершеннолетних детей, оставшихся без родительского попечения, но при этом, в случае не обеспечения по определенным объективным причинам (в частности, служба в Вооруженных Силах РФ, пребывание в местах лишения свободы, отсутствие свободного жилья для предоставления его данной категории граждан и т.д.) жильем детей до достижения ими совершеннолетия, государство оставляет за собой эту обязанность до тех пор, пока указанные граждане полностью не реализуют право на жилище, гарантированное им государством.

В российском законодательстве под особой государственной охраной находятся жилищные права детей, оставшихся без родительского попечения. Так, Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) в ст. 148 закрепил право таких детей на сохранение не только права пользования жилым помещением, но и права собственности на него. При этом, ребенок, находящийся под опекой (попечительством), наделен следующими правами, по которым жилое помещение может перейти ему в собственность: правом наследования, как по закону, так и по завещанию; правом приватизации; правом приобретения жилья по договору дарения или купли-продажи и т.д. Реализация этих и других прав, связанных с осуществлением данной категорией

граждан права на жилище, основана на нормах жилищного и гражданского законодательства.

Согласно действующему законодательству, граждане, являющиеся собственниками жилых помещений, по общему правилу, наделены тремя правомочиями: владения, пользования и распоряжения. Что касается распоряжения жилыми помещениями, то они вправе по своему усмотрению определять судьбу данного имущества, т.е. продать, подарить, сдать внаем, передать в пользование на безвозмездной основе и совершить иные сделки по отчуждению. Однако, если в качестве собственника выступает несовершеннолетнее лицо, находящееся под опекой или попечительством, то здесь совершенно иная ситуация. Несмотря на то, что передача несовершеннолетнего ребенка под опеку (попечительство) не влечет за собой прекращение права собственности на принадлежащее ему жилое помещение, закон все же не наделяет этих граждан самостоятельным правом распоряжения данным имуществом, закрепляя требование о том, что для совершения таких сделок с жильем необходимо получить предварительное согласие органов опеки и попечительства [4, ст. 37; 5, ст.ст. 20, 21]. Более того, в соответствии с Письмом Минобразования РФ рекомендовано этим органам при решении вопросов, связанных с отчуждением жилого имущества, находящегося в собственности несовершеннолетних граждан, также запрашивать следующие документы: заявление о согласии несовершеннолетнего старше 14 лет на данную сделку; справки БТИ, удостоверяющие балансовую стоимость жилых помещений на момент обращения; разрешение на регистрацию в населенном пункте субъекта РФ в случае выезда семьи по новому адресу из ОВД (форма 6); выписку (справку) из домовой книги с места регистрации несовершеннолетнего по месту жительства [9].

Рассматривая роль органов опеки и попечительства в решении жилищных вопросов с участием несовершеннолетних, нельзя не остановиться на актуальности вопроса, связанного с необходимостью получения согласия от выше указанных государственных органов на совершение сделок по отчуждению жилого помещения, в которых проживают несовершеннолетние граждане. При этом следует отметить, что в случае решения данного вопроса в суде, наличие такого согласия не принимается судом в качестве достаточного подтверждения законности сделки, так как основным критерием для оценки действительности является реальное соблюдение имущественных прав несовершеннолетнего ребенка. Однако осуществляемый органами опеки и попечительства контроль за совершением сделок в отношении жилого помещения, в котором проживают несовершеннолетние дети (в том числе, если они одновременно выступают в качестве собственников этого жилья), является важнейшей социально значимой задачей российского государства.

Особую остроту данный вопрос приобрел в связи с внесенными в ст. 292 ГК РФ изменениями. Так, с марта 2005 года было отменено содержащееся ранее жесткое требование о необходимости получения разрешения от органов опеки и попечительства на совершение сделок с

жилой недвижимостью для ряда случаев. В юридических кругах разразилась дискуссия в отношении толкования данной нормы. Некоторые юристы пришли к однозначному мнению о том, что теперь такое согласие будет необходимо только в тех случаях, если в отчуждаемом жилом помещении проживают члены семьи собственника, находящиеся под опекой или попечительством, либо несовершеннолетние члены семьи собственника, оставшиеся без родительского попечения [5, с. 46], другие же авторы трактовали эту норму таким образом, что, по общему правилу, для отчуждения такого жилого помещения теперь вообще не требуется согласие органов опеки и попечительства [11, с. 143].

Считаем, что и та, и другая трактовка данной правовой нормы, не совсем правильна, так как это нововведение можно применить лишь к той категории несовершеннолетних граждан, которые обладают лишь правом пользования данным жилым помещением. Что же касается несовершеннолетних, которые являются собственниками такого имущества, то в отношении них закрепленное в законодательстве требование на получение согласия органов опеки и попечительства для совершения сделок с таким жильем сохраняется. Это подтверждается и нормой ст. 37 ГК РФ, которую никто не отменял. Направлено это, прежде всего, на сохранение имущества несовершеннолетнего собственника.

Однако в п. 4 ст. 292 можно усмотреть противоречие с нормой п. 2 ст. 37 ГК РФ в отношении оставшихся без родительского попечения несовершеннолетних граждан, которые обладают лишь правом пользования данным жилым помещением. Так, согласно п. 2 ст. 37 ГК РФ совершение собственником жилого помещения сделки с этим имуществом, в отношении которого несовершеннолетний обладает лишь правом пользования, влечет отказ этого несовершеннолетнего гражданина от права пользования данным жильем. Эта норма идет вразрез с положениями ст. 292 ГК РФ, что приводит к трудностям в их правоприменении. Поэтому считаем необходимым внести изменения в действующее законодательство с целью устранения существующих противоречий.

Интересен еще один момент в толковании нормы п. 4 ст. 292 ГК РФ, который связан с тем, что законодатель делает одну существенную оговорку в отношении органов опеки и попечительства, которым должно быть известно об оставшихся без родительского попечения несовершеннолетних гражданах. При этом законодательно не определено, каким образом данный государственный орган должен получать такую информацию. Обязанность органов опеки и попечительства по выявлению таких детей содержится в п. 1 ст. 121 СК РФ, но только в общем виде. Поэтому считаем важным дополнительно закрепить на законодательном уровне обязанность указанных органов по своевременному выявлению и учету данной категории несовершеннолетних, при этом установив за неисполнение этой обязанности меры ответственности. Однако при этом нельзя забывать и о том, что огромное содействие в осуществлении указанной обязанности надлежащим образом органами опеки и попечительства должны оказывать не только органы полиции и прокуратура, но и обычные граждане (воспитатели, учителя, врачи, соседи и т.д.), которые, как правило, в большей мере располагают всей необходимой информацией, касающейся фактов утраты детьми родительского попечения. Надо сказать, что в семейном законодательстве закреплена данная обязанность граждан и должностных лиц сообщать в органы опеки и попечительства всю имеющуюся информацию о таких детях, однако не предусмотрена ответственность для лиц,

скрывающих данную информацию или равнодушно относящихся к таким негативным жизненным фактам. Поэтому было бы уместно ввести санкцию административно-правового характера для граждан и должностных лиц в случае неисполнения ими надлежащим образом возложенной на них обязанности информирования.

Еще одной актуальной проблемой современного российского общества в рассматриваемой области остается проблема, связанная с использованием, управлением и сохранностью жилых помещений, принадлежащих детям-сиротам и детям, оставшимся без родительского попечения. Нередки случаи, когда лица, на которых возложена данная обязанность либо вообще ее не выполняют, либо осуществляют таким образом, что это приводит впоследствии к негативным для такого ребенка последствиям. Более того, наблюдаются злоупотребления и со стороны органов опеки и попечительства, а также со стороны должностных лиц различных детских учреждений, где находится такой ребенок. Как правило, в период пребывания несовершеннолетних в таких специализированных учреждениях, жилые помещения предоставляются данными лицами для проживания их знакомым или родственникам, причем на безвозмездной основе. В результате чего, при возвращении ребенка от попечителя или выходе из детского дома или другого специализированного учреждения, он сталкивается не только с трудностями, связанными с отсутствием необходимой материальной базы для устройства своей жизни, но и с огромными долгами, которые в течение всего времени его отсутствия накапливались за коммунальные услуги, квартплату, оплату налогов за имущество и т.д. Нередки случаи, когда жилое помещение, принадлежащее данной категории несовершеннолетних граждан, становится вообще не пригодным для проживания в связи с тем, что за ним не был осуществлен должный уход со стороны обязанных лиц. Существование указанной проблемы связано с отсутствием в нашем законодательстве специальных норм, четко регулирующих не только виды и сам процесс заключения необходимых договоров в рассматриваемой области, но и установление санкций в отношении обязанных лиц за их бездействие или незаконные действия в отношении переданного им на сохранность жилого недвижимого имущества.

Это лишь некоторые проблемы, которые встречаются в настоящее время в правовом регулировании жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Безусловно, от того насколько активно и действенно российское государство, и общество включится в процесс решения выше перечисленных проблем, будет зависеть будущее этой наиболее социально незащищенной категории российских граждан и, более того, – будущее всей России.

Список литературы

1. Алексикова О. Е. Конституционное право на жилище в современной России: содержание, обеспечение и защита: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Белгород, 2013. 172 с.
2. Алексикова О. Е. Социальная сущность конституционного права на жилище в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 239–244.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апреля.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2014. № 19. Ст. 2304.
5. Кирсанов А. Р. Правовое регулирование имущественных отношений в жилищной сфере // Судья. 2005. № 2. С. 45–48.
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
7. Об опеке и попечительстве: федер. закон Рос. Федерации от 24.04.2008 № 48-ФЗ (в ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755; 2014. № 45. Ст. 6143.
8. Об экономических, социальных и культурных правах: международный пакт от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
9. О дополнительных мерах по защите жилищных прав несовершеннолетних: письмо Минобразования РФ от 09.06.1999 № 244/26-5 // Вестник образования. 1999. № 8.
10. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2014. № 19. Ст. 2331.
11. Филиппова С. Ю. Новый Жилищный кодекс Российской Федерации о праве собственности на жилое помещение // Новый Жилищный кодекс России: актуальные проблемы. Сб. статей. М.: Ось-89, 2006. С. 140–150.

ПРАВО ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЙ ПОКУПКИ ДОЛИ В ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Черкасова Анна Павловна

студент 2 курса магистратуры, судебная и договорная работа. Федеральное государственное бюджетное, образовательное учреждение высшего профессионального образования, «Российская правовая академия Министерства юстиций, Российской Федерации», Иркутский юридический институт (филиал), г. Иркутск

В настоящее время в России особую актуальность приобретает правовое регулирование общей долевой собственности. Отношения собственности приобретают новые формы, а сама собственность как правовая категория претерпевает ряд значительных изменений, в частности, получают развитие и активно применяются в различных институтах гражданского права.

В 1991 году в России началась массовая приватизация жилья, которая, предопределила широкомасштабную распространенность права общей долевой собственности на жилые помещения, это, в свою очередь, породило ряд вопросов, требующих принципиального решения на законодательном уровне, а также существенного изменения сложившейся правоприменительной практики. Тенденция к расширению сферы использования норм об общей долевой собственности, в частности, за счет включения в круг ее объектов общего имущества жилых помещений.

Каждый участник общей собственности является не только носителем субъективного права собственности, но и пассивной обязанности не нарушать права других управомоченных лиц. При этом пассивная обязанность участника общей собственности отличается существенной особенностью: она предполагает необходимость воздерживаться как от нарушения прав других собственников, так и от осуществления своих прав на общее имущество без согласования с ними.

Отдельному сособственнику принадлежит право собственности на общее имущество, ограниченное в соответствии с законом в своем осуществлении необходимостью согласовывать свои действия с другими сособственниками в связи с наличием у них аналогичных прав.

Каждая условная часть общего имущества принадлежит только участнику долевой собственности, которой он может свободно распоряжаться. Закон признает бесспорным то положение, что каждый из участников вправе распоряжаться самостоятельно своей долей, но вместе с тем, другим соучастникам предоставляется преимущественное право покупки отчуждаемой доли. Здесь следует дать определение преимущественному праву.

Определение преимущественным правам впервые в отечественном гражданском праве было дано В.П. Грибановым, под которыми он понимал такие случаи, когда «при всех прочих равных условиях преимущество предоставлено законом определенной группе лиц, обладающих какими-то особыми признаками», и выделял основные черты преимущественного права, такие как:

- возникает только в случаях и на условиях, которые предусмотрены законом и, соответственно, носит императивный характер;
- обеспечивает участникам общей собственности преимущество (привилегию) перед посторонним лицом при реализации правомочия покупки отчуждаемой доли;
- срок осуществления этого права строго определен;
- только сам управомоченный субъект может отказаться от этого права [1, с. 344].

Кроме того, преимущественное право покупки доли является непередаваемым правом. Согласно п. 4 ст. 250 ГК РФ уступка данного права не допускается. Следуя п. 1 ст. 250 ГК РФ можно определить, что преимущественное право покупки может быть реализовано участником общей долевой собственности в случаях возмездного отчуждения доли постороннему лицу. Такой запрет законодателя защищает долевых собственников в интересах ограничения изменения состава участников долевой собственности, и появления в нем посторонних лиц; и в случаях удержания отчуждаемой доли участниками долевой собственности за собой.

Долевые участники могут воспользоваться данным субъективным правом и осуществить его своей волей и в своем интересе, а могут и отказаться от него.

Изучение современной юридической литературы позволяет отметить, что преимущественное право покупки доли не может быть отнесено к числу тщательно разработанных вопросов гражданского права. Это, скорее всего, является следствием неоднозначного подхода к правовой природе рассматриваемого права. На сегодняш-

ний день можно обозначить три концепции о природе преимущественного права покупки доли в праве общей собственности.

Первая теория аргументирует позицию о вещной природе рассматриваемого права. Так, например, Л.Ю. Леонова обосновывает данную точку зрения следующими доводами: преимущественное право устанавливается не в пользу известного лица, но в пользу определенного имущества; существует до тех пор, пока сохраняется право общей собственности на вещь, оно следует за вещью, а не за обязанным лицом [2, с.18-26].

Вторая теория доказывает обязательственную природу права преимущественной покупки. Так, К. Скловский и М. Смирнова утверждают, что «можно опереться на действительность или ничтожность продажи имущества, совершенной с нарушением права преимущественной покупки в качестве решающего критерия различия вещной или обязательственной природы». Ученые приходят к следующему заключению: «если продажа действительна, несмотря на такое нарушение, то мы имеем дело с правом обязательственным» [3, с. 98].

Третья точка зрения основана на утверждении об особом характере данного права. С.А. Зинченко и П. Н. Тютюник утверждают, что право преимущественной покупки доли не относится ни к вещным, ни к обязательственным правам – это вполне самостоятельное явление, имеющее свое содержание и границы проявления [4, с.11].

На наш взгляд следует поддержать позицию об обязательственной природе преимущественной покупки. Сособственнику принадлежит право приобрести отчуждаемую долю преимущественно перед посторонним покупателем, т.е. право носит обязательственный характер.

Однако закрепление за сособственником данного права, к сожалению, не снимает большого количества проблем, связанных с его нарушением. Согласно п. 2 ст. 250 ГК РФ, прежде чем распорядиться своей долей в праве путем возмездного отчуждения, продавец доли обязан известить в письменной форме остальных участников о намерении продать свою долю постороннему лицу с указанием цены и других условий, на которых продает ее. Из этого следует: а) продавец обязан лишь известить, но не получить согласия на продажу доли у сособственников; б) извещение должно быть сделано в письменной форме; в) необходимо указать цену и другие условия продажи доли постороннему лицу; г) если участник-продавец продает долю кому-либо из числа сособственников, то он не обязан направлять письменное извещение. Достаточно часто при письменном извещении собственник специально завышает сумму за свою долю, тем самым ущемляет права сособственника, и подталкивая в свою очередь последнего, к согласию о продаже отчуждаемой доли третьему лицу. На наш взгляд необходимо в п.2 ст.250 ГК РФ оговорить ситуацию об обязательном учете рыночной стоимости продаваемой доли (продажа без завышения цены). Тем более, что в современном мире достаточно много оценочных фирм, которые специализируются по данным вопросам, и без труда смогут предоставить юридический документ о реальной стоимости отчуждаемой доли. Это позволит снизить и число притворных сделок, достаточно распространенных в данной области общественных отношений.

В развитие этой мысли следует указать и на значительное заключение договоров дарения доли в праве собственности на жилое помещение, которые явно заключаются с намерением обойти нормы о преимущественной покупке, но доказать притворность которых практически не возможно. Для уменьшения подобных нарушений,

предлагаем разрешить дарение долей в праве собственности на жилые помещения только в отношении членов семьи сособственника.

Так же имеется пробел и в статье 244 ГК РФ. Пользуясь тем, что круг оснований, по которым вещь может поступить в общую собственность двух или более лиц, законом практически не ограничен, сособственники нередко пользуются своим правом недобросовестно. По своему усмотрению они разбивают единое право собственности на «маленькие» доли и отчуждают их другим лицам, создавая бесчисленное множество сособственников.

С учетом изложенного необходимо ввести в законодательство норму, которая ограничивала бы возможность собственника выделять с целью последующего отчуждения долю в праве собственности, которая по своим размерам не соответствует установленной законом норме (жилой площади) либо иным образом не соответствует принципу жизнеспособности выделяемой доли.

Следует отметить, что проблема увеличения нарушений права преимущественной покупки является прямым следствием колоссального роста долевых сособственников в жилищной сфере. Как уже отмечалось это связано не только с приватизацией, но и нередко с требованиями публично-правовых норм (например, выделение доли при расходовании средств материнского капитала). Естественным «приростом» долевых собственников является наследование жилых помещений. Наследование имеет очень важное значение в жизни любого человека, независимо от имущественного положения. Для одних вопрос наследования жилья это вопрос выживания, для других это способ сохранить наиболее существенную часть имущества, как жилые помещения в семье, обеспечив ее стабильное развитие, преемственность традиций и память о своих предках. В рамках норм наследственного права также необходимо закрепить нормы, которые блокировали бы возможность увеличения числа долевых собственников на жилое помещение. В частности, установить императивное правило об оформлении права собственности на жилое помещение только за одним из наследников с обязанностью выплаты денежных средств иным наследникам соразмерно их долям.

Как видно на этапе современного правового регулирования и реформирования законодательства РФ в Гражданском кодексе Российской Федерации имеется достаточно большое количество недочетов по вопросу правового регулирования долевой собственности, а также преимущественного права долевых собственников. В связи с этим предложенные поправки могли бы юридически защитить долевых собственников от различных негативных последствий при разделе общей собственности и снизить количество обращений от потерпевшей стороны в суд по данному вопросу.

Список использованной литературы

1. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – 344с.
2. Леонова Л.Ю. Преимущественное право покупки: история возникновения, осуществление и защита // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 18-26.
3. Скловский К.И., Смирнова М. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. – 2003. – № 10. – С. 88-98.
4. Зинченко С.А., Тютюник П.Н. Общая долевая собственность в гражданском законодательстве России: проблемы, решения // Северо-кавказский вестник. – 2004. – №1. С.11.

ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

Дмитриева Ольга Игоревна

студент 2 курса магистратуры, судебная и договорная работа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская правовая академия Министерства юстиций Российской Федерации», Иркутский юридический институт (филиал), г. Иркутск

Добросовестность как юридическое понятие появилась еще в Древнем Риме. Римские юристы постепенно отошли от строгих требований частного права и прикнули к требованиям о справедливости и добросовестности. Современное право не только сохранило данные понятия, но и ввело их в положительное законодательство, закрепив в многочисленных нормах гражданского права.

Для того чтобы понять, что же такое добросовестность, нужно выявить признаки и дать его определение. С этимологической точки зрения добросовестность – это присутствие «доброй совести» у субъекта. Понятие «добрая совесть» употребляется в различных смыслах, далеко не всегда имеет юридическое значение. «Добрая совесть» может рассматриваться ровно как ценность, которая выражает позицию лица, уважающего своего контрагента, видит в нем равного себе и этим актом признания и приравнивания постоянно воссоздает право на элементарном и на всеобщем уровне [1, с. 922]. Таким образом «добрая совесть» может означать разумную осторожность, осмотрительность, уважительное отношение к праву и контрагенту, а именно исправное выполнение своих обязанностей.

Различные определения о добросовестности дают цивилисты.

Л.И. Петражицкий в своей теории поясняет, что понятие «bona fides» не включает в себя никакого нравственного ключа и не отождествляется с честностью или какими-либо нравственными заслугами, при этом выражение «mala fides» не является синонимом слова безнравственность. По мнению ученого «bona fides» – это незнание (извинительное заблуждение), а «mala fides» – знание. Сами же эти категории представляют явления этически безразличные, бесцветные [2, с. 392].

И.Б. Новицкий в своей работе «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права», говорит, что добрая совесть (bona fides, Treu und Glauben), по этимологическому смыслу, таит в себе такие элементы, как: знание о другом, об его интересах; знание, связанное с доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении [3, с. 181].

В.А. Белов определяет добросовестность, как извинительное незнание лица о факте, в том числе его вредоносном эффекте, и извинительное незнание лица о чужом субъективном праве [4, с. 128].

В.Н. Бабаев поясняет, что добросовестность следует понимать, как честное, со всей тщательностью и аккуратностью выполнение обязанностей, старательность, исполнительность [5, с. 124].

М.Ф. Лукьяненко дает определение добросовестности в обязательственных отношениях, поясняя, что это честность, рачительность, старательность, отсутствие скрытности, попыток ввести в заблуждение, обмана в отношении с контрагентами. Для любого субъекта требование добросовестности должно восприниматься, как необходимость в обязательственных отношениях соблюдать права и интересы своего контрагента, делать все, чтобы взаимно облегчить исполнение обязательства. Субъект,

виновный в неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правового обязательства, – это недобросовестный субъект [6, с. 423].

Е.Е. Богданова под добросовестностью понимает сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Нравственность поведения оценивается на противопоставлении категорий добра и зла. Поведение, отражающее представление общества о добре, следует считать добросовестным, а отражающее представление общества о зле – недобросовестным [7, с. 159].

С учетом вышеизложенного представляется правильным то, что добросовестность – это незнание лица о факте, о чужом субъективном праве. Следовательно, когда один субъект не знал о праве другого и совершил свое действие, он поступил в соответствии с признаками добросовестности. Такими признаками можно считать: доброжелательность, порядочность, осторожность, нравственное отношение сторон и честное выполнение обязательств.

Помимо признаков, которые отражаются в определениях, все ученые сходятся на разграничении субъективной и объективной стороны добросовестности.

Так, добросовестность в объективном смысле рассматривается, как принцип гражданского права, стандарт поведения, уважительное отношение к праву, которому отвечает поведение стороны и в соответствии, с которым оно должно быть судимо.

В субъективном же смысле, добросовестность понимается как фактическая ошибка приобретателя: у приобретателя нет уверенности в истинности имеющихся сведений, но и отсутствуют основания сомневаться в данных сведениях. В таких условиях приобретатель доверяет внешнему факту.

Нормы добросовестности весьма часто используются в гражданском законодательстве, для оценки поведения субъектов в гражданских правоотношениях по отношению друг к другу. В 2014 г. ГК РФ был дополнен новыми положениями, в соответствии с которыми «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, так же никто не вправе извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения».

Помимо закрепления принципа добросовестности в ст. 1, добросовестность так же употребляется в других статьях ГК РФ. Например, в ст.ст. 6, 10, 51, 53, 60, 145, 147.1, 147.3, 149.3, 166, 167, 179, 220, 223, 234, 302, 303. Часть из указанных норм уже долгие годы, традиционно присутствует в основном источнике гражданского права (ст.ст. 6, 10, 51, 53, 60, 145, 147.1, 147.3, 149.3, 179, 220, 223, 234, 302, 303), другие нормы были закреплены впервые (ст.1, п.3 ст.10, ст.166, ст.167).

В данных статьях добросовестность употребляется как в объективном, так и субъективном смысле. Так, к объективной стороне добросовестности можно отнести принцип добросовестности, закрепленный в ст.1 ГК РФ,

использование аналогии закона в соответствии с основными принципами ст.6, а так же презумпцию добросовестности для лиц осуществляющих субъективные гражданские права ст.10 (злоупотребление правом).

Объективная сторона выступает определенным регулятором-нормой, с помощью которого субъекты гражданско-правовых отношений должны действовать, сохраняя уважение к праву и друг другу, при совершении различных действий. Применения судами принципа добросовестности прослеживается в правоприменительной практике Верховного суда РФ. Высший суд, учитывая все доказательства по делу, часто ссылается на разумный баланс прав и обязанностей сторон и основополагающие принципы разумности и добросовестности.

Суды общей юрисдикции так же стараются учитывать основные принципы права. Рассмотрев некоторый объем решений за 2014 г. можно увидеть, что судебная защита права осуществляется исходя из принципов разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений. Принцип добросовестности и разумности является объективным критерием оценки деятельности, который закреплен в определениях. Так, принцип добросовестности используется судьями при наличии в деле: добросовестной конкуренции [8], пожизненного содержания с иждивением [9], добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок [10], взыскании сумм по договору займа и кредитному договору [11] и прочее.

Субъективная добросовестность упоминается в ст. 51,53, 60 – добросовестность в корпоративных отношениях; в ст. 145, 147.1, 147.3, где говорится об особенностях истребования документарных ценных бумаг от добросовестного приобретателя; в ст. 149.3 – защита нарушенных прав правообладателей, а так же в ст. 167,179 – недействительность сделок. Так же добросовестность в субъективном смысле нашла свое отражение и в вещном праве. Например, ст. 220 ГК РФ, показывает, что условием для приобретения права собственности на новую вещь является добросовестность переработчика; ст. 223 о моменте возникновения права собственности у приобретателя по договору, при добросовестном приобретении; ст. 234 говорит нам о приобретательской давности, где одним из условий для приобретения вещи по давности является добросовестность владельца; ст. 302-303 о защите добросовестных приобретателей (владельцев).

На практике высшие суды активно применяют добросовестность в субъективном значении, она становится неотъемлемым фактором при вынесении решений. Просмотрев практику, сложившуюся за 2014 г. можно отметить, что Верховный суд принимает во внимание закрепленные нормы о добросовестном приобретателе [12] и добросовестном владельце [13], выносит решения в соответствии с ними.

Практика судов низшей инстанции, сложившаяся после внесения изменений в ГК РФ, говорит нам о том, что суды стали чаще использовать при вынесении решений нормы о добросовестности.

Сравнивая уровень теоретической разработки проблематики добросовестности, следует заметить, что объективная добросовестность в наименьшей степени используется судами при вынесении решений, тогда как субъективная добросовестность, которая конкретно закреплена в нормах, постоянно применяется при вынесении решений.

Согласно сказанному выше нужно отметить, что ссылки на добросовестность стали более активно использоваться судами на практике. В связи с этим можно отметить как положительные и отрицательные стороны.

Положительный момент заключается в том, что добросовестность устанавливает важные ориентиры поведения субъектов гражданско-правовых отношений и позволяет более широко применять меры правовой защиты в случае недобросовестных действий. Отрицательный момент состоит в том, что у субъектов правоотношений, а также у суда при отсутствии объективных критериев появляется возможность широкой трактовки совершаемых действий, что вносит нестабильность в гражданский оборот.

Нормы о добросовестности выполняют несколько функций. Они могут применяться как при нарушении прав субъекта, так и при отсутствии нарушений, как превентивные положения. Применение же нормы напрямую будет зависеть от практики высших судебных инстанций. Учитывая проведенный анализ, хотелось бы отметить, что в данный момент практика применения добросовестности становится все более обширной.

Список использованной литературы

1. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд. – М., 2008. – 922 с.
2. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. – СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1902. – 392 с.
3. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Научный журнал. – М.: ООО «Издат. дом В. Ема», Т. 6. 2006. – 181 с.
4. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. – 1998. – № 8. – 128 с.
5. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. – М.: Горький, 1974. – 124 с.
6. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существование. – М.: Статут, 2010. – 423 с.
7. Богданова Е.Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 159 с.
8. Решение № 2-16/2015 2-16/2015(2-631/2014;)~М-636/2014 2-631/2014 М-636/2014 от 16 декабря 2014 г. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Судебные и нормативные акты РФ.
9. Решение № 2-5793/14 2-5793/2014 2-5793/2014~М-5370/2014 М-5370/2014 от 23 декабря 2014 г. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Судебные и нормативные акты РФ.
10. Определение № 77-2128/2014 от 24 декабря 2014 г. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Судебные и нормативные акты РФ.
11. Решение № 2-985/14Г 2-985/2014 2-985/2014~М-923/2014 М-923/2014 от 15 декабря 2014 г. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Судебные и нормативные акты РФ.
12. Определение от 30 июля 2014 г. по делу № А17-6593/2012 – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Судебные и нормативные акты РФ.
13. Определение от 27 июня 2014 г. по делу № А56-18267/2013 – Режим доступа: <http://sudact.ru/>. – Судебные и нормативные акты РФ.

ДУАЛИЗМ ЧАСТНОГО ПРАВА

Дьячкова Татьяна Николаевна

Студент 2 курса магистратуры ИрЮИ (ф) РПА Минюста России

Проблема единства и дуализма права носит многоаспектный характер. Поэтому, прежде чем подробно остановиться на вопросе дуализма частного права, необходимо затронуть проблему дуализма права, так как это проблема системы права в целом и всех отраслей права, как материальных, так и процессуальных. Суть этого вопроса коренится в соотношении публичных и частных интересов в системе права и системе законодательства.

В поиске оптимального соотношения частных и публичных интересов в правовом регулировании важную роль играет одна из самых популярных в настоящее время правовых концепций – учение о делении права на частное и публичное, которая неизбежно ведет к дуализму в правовом регулировании общественных отношений.

Говоря о историко-теоретическом очерке такого явления как «дуализм» права, невозможно не согласиться с мнением В.В. Ровного, который в своей работе «Проблемы единства российского частного права» говорит о том, что «...если строго следовать логическому подходу, вся совокупность отдельных норм, образующих систему права, не подлежит разделению по признаку принадлежности одних норм к частному, тогда как других – к публичному праву. Об истинности такого вывода можно утверждать уже потому, что в любом, даже, казалось бы, самом частном правовом предписании, всегда можно обнаружить общественную значимость, равно как и в любом сугубо публичном правиле усмотреть заботу о личном интересе» [1, с. 12]. Исходя из этого, совершенно справедливым является вывод В.В. Ровного о том, что «дуализма права как явления в чистом виде не существует» и что классификация «частного» и «публичного» – иррациональна, ибо не основана на строгих логических началах [1, с. 13].

Приходя к такому, казалось бы, однозначному выводу, В.В. Ровный далее заявляет: «Явление дуализма права представляет собой рациональную классификацию права на субъективном уровне и иррациональную на объективном» [1, с. 14]. Другими словами, деление права на частное и публичное опровергается системностью права, которая является объективной закономерностью права как социального феномена.

Наука частного права, пожалуй, одна из самых значимых в системе общего права, поскольку она затрагивает отношения между государством и частными лицами. Актуальность данной темы заключается в том, что в различных национальных правовых порядках, основанных на принципиальном делении объективного права на публичное и частное, единый подход к составу частного права до сих пор отсутствует. Этот факт объясняется наличием ряда особенностей исторического и социально-экономического развития конкретных стран.

В отечественной правовой системе частное право всегда было представлено, прежде всего, гражданским правом – одной из основных, фундаментальных правовых отраслей.

Главной причиной разделения частного права представляется нам то, что в связи с расширением круга общественных отношений, социально-экономическими изменениями в обществе, происходит изменение отношений, регламентирующихся частным правом. Отношения, которые законодатель включал в компетенцию частного права,

могут с течением времени не входить в ранее обозначенные рамки и, как следствие, приобретать публичный характер.

Само понятие «дуализм частного права» возникло в Западной Европе в связи с кодификацией норм торгового права, отличных от иных норм частного права. Данная традиция кодификации сохранилась и по сей день: в развитых государствах, наряду с гражданскими кодексами, существует обособленное торговое законодательство [2, с. 5].

Для нашего государства, в связи со специфическими историческими условиями развития коммерческой деятельности, дуализм частного права характерен не был: когда во второй половине XIX в. в странах Западной Европы торговое право приобрело глобальный характер, в России только происходило формирование купечества.

В советское время гражданское право развивалось в условиях господства известной ленинской установки о непризнании ничего «частного». Соответственно, в это время происходит пик развития хозяйственного права, а частные начала признавались не только противоправными, но и преступными. Таким образом, можем проследить процесс трансформации торгового права в хозяйственное, а затем в предпринимательское [3, с. 44].

На сегодняшний день существует три основных позиции о содержании частного права: 1. Частное право представляет собой гражданское право. 2. Частное право – это совокупность гражданского и предпринимательского права, последнее, в свою очередь, включает в себя торговое, хозяйственное и коммерческое право. 3. В состав частного права входит гражданское, предпринимательское, семейное, трудовое, наследственное и право интеллектуальной собственности. Все точки зрения имеют право на свое существование, но, в свете заявленной темы работы, наибольший интерес представляет вторая позиция, отражающая приверженность дуализму частного права.

В современной российской юриспруденции спор о монизме или дуализме частного права продолжается на разных уровнях. В отличие от ряда стран на постсоветском пространстве, где принят хозяйственный кодекс (например, Хозяйственный кодекс Украины от 16 января 2003 года № 436-IV) или идет активное обсуждение его принятия (например, в Республике Казахстан), в России наиболее ярко в последние годы данный спор можно представить полемикой, затрагивающая вопросы совершенствования номенклатуры научных специальностей по юриспруденции, утвержденной Министерством образования и науки РФ приказом от 25 февраля 2009 г. № 59 [4].

Специальность 12.00.03 (гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право) вызвала наибольшее количество споров при подготовке проекта новой номенклатуры специальностей научных работников в сфере юриспруденции. За период своей деятельности (февраль 2010 г. - июнь 2011 г.) рабочая группа провела ряд совещаний; ею предлагалось «разгрузить» специальность не только в целях последовательного развития данного научного направления, но и в связи с необходимостью оптимальной подготовки аспирантов и соискателей по данному профилю [5, с. 88].

Предполагалось, во-первых, исключить из нее составляющей «Международное частное право» и объединить ее со специальностью 12.00.10 «Международное публичное право»; во-вторых, разделить оставшиеся составляющие специальности 12.00.03 на две самостоятельные специальности: гражданское право (специальность 12.00.03) и предпринимательское право (специальность 12.00.04); в-третьих, дополнить специальность 12.00.03 новой составляющей «Жилищное право», а специальность 12.00.04 – двумя новыми составляющими: «Корпоративное право» и «Энергетическое право».

Таким образом, специальность 12.00.03 по предлагаемому Проекту должна состоять из гражданского права, семейного права и жилищного права, а специальность 12.00.04 – из предпринимательского права, корпоративного права и энергетического права.

Очевидно, что закрепленное рассматриваемым Проектом предложение о разделении единой научной специальности 12.00.03 на две специальности, в основе которых должны будут находиться соответственно гражданское и предпринимательское право, представляет собой очередную попытку организационного обособления предпринимательского (в советское время – хозяйственного) права.

Аргументы против такого подхода отражали доводы противников дуализма частного права. Согласно абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, регулирует именно гражданское законодательство; иначе говоря, эти отношения самим законом включены в предмет гражданского, а не «предпринимательского» права. Следовательно, предлагаемый в Проекте искусственный разрыв единых по своей юридической природе гражданско-правовых отношений, не только прямо противоречит законодательному развитию, но и создает неоправданные трудности в его научно-теоретическом обосновании.

Субъективный подход, который был положен в основу рассматриваемого Проекта, содержал попытку направить диссертационные исследования в узкие и все более сужающиеся рамки искусственно обособленных специальностей. Принятие Проекта потребует исключения из специальности 12.00.03 («Гражданское право») диссертационных работ, посвященных изучению статуса юридических лиц (корпораций), традиционно осуществляемых в рамках гражданского права, и одновременно «замкнет» их в новой специальности 12.00.04 («Предпринимательское право»), формально лишив исследователей данной проблематики возможности использования громадного научного, практического и законодательного опыта, накопленного в этой области цивилистикой. Совершенно очевидно, что номенклатура научных специальностей должна способствовать дальнейшему развитию

правовых знаний, а также экономики, финансов, государственного и правового строительства и т.д.

Итог данной дискуссии оказался неожиданным. С одной стороны, как известно, специальность 12.00.03 не подверглась изменению, что говорит о «победе» сторонников единства частного права. Однако появление новой специальности 12.00.07, которая в настоящее время включает корпоративное и энергетическое право, дает основание говорить о том, что аргументы сторонников дуализма частного права имеют в России определенный вес и были услышаны.

Подводя итоги, необходимо отметить, что споры сторонников и противников дуализма частного права вряд ли завершатся в обозримом будущем. Российская цивилистическая школа, отстаивающая точку зрения о единстве частного права, как представляется, в настоящее время имеет основания говорить о своем доминировании, что выражается и в вопросах законодательного регулирования частноправовых отношений, и в направлениях научного исследования данных проблем. Указанное можно проиллюстрировать оценкой итогов современной кодификации российского гражданского законодательства: «характерной чертой Гражданского кодекса России является удачное воплощение в нем частноправовых норм в соответствии с принципом единства гражданско-правового регулирования. В России нет, да и не было серьезных предпосылок для дуализма частного права, выделения предпринимательского (хозяйственного) или коммерческого права как самостоятельных отраслей права, основанных на отдельных кодифицированных актах» [6, с. 23].

Список использованной литературы:

1. Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права: дис. ... канд.юр.наук. – Иркутск, 1999. – 310 с.
2. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учебник. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.
3. Белов В.А. Гражданское право. Т.1. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2014. – 622 с.
4. Приказ Минобрнауки РФ от 25.02.2009 г. № 59 (ред. от 10.01.2012) «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников»
5. Власенко Н.А., Мацкевич И.М. Новая номенклатура научных специальностей в сфере юриспруденции // Журнал российского права. – 2011. – № 8. – С. 84-93.
6. Медведев Д.А. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права / Под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2008. –149 с.

ГРАЖДАНСКИЙ ИНСТИТУТ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА

Григорян Татевик Вардановна

ассистент кафедры административного права и таможенного дела ЗабГУ, г. Чита

Гуманизм основывается на моральных нормах и культурных правилах общежития, которые не существуют сами по себе, а имеют практическую значимость, право-

вую регламентацию. Он детерминирован интересами социальных слоёв, экономическими, политическими, производственными и иными формами отношений. Гуманная личность придерживается активной жизненной позиции,

не переходящей во вседозволенность, так как вседозволенность предполагает совершение аморальных и противоправных действий. Гуманный человек признаёт наличие индивидуальностей и видит в человеческом многообразии залог его здорового и прогрессивного развития.

Приведём формулировку понятия гуманизма, данную в шестом томе английского толкового словаря *The New Encyclopædia Britannica*: «Гуманизм – способ мышления, который признаёт важность человека и человеческих ценностей, являющихся центральной темой эпохи Возрождения. <...> Хотя гуманизм стал постепенно ассоциироваться с античной философией, он целенаправленно возвысил отношение человека к Богу, его свободе, и его превосходству над природой. С философской точки зрения, гуманизм определил человека как меру всех вещей» [8, 138-139] [перевод Т.В. Григорян].

Принцип гуманизма в юридическом праве реализуется, прежде всего, в защите прав, свобод и законных интересов человека от внешних посягательств. Многие права, свободы и интересы гражданским законодательством отнесены к группе нематериальных благ, характеризующиеся духовно-нравственной направленностью.

Нематериальные блага представляют собой более широкое понятие по сравнению с понятием «личные нематериальные блага». Нематериальные блага включают в себя личные нематериальные блага (естественные права) и результаты интеллектуальной (творческой) деятельности. Нематериальные блага – это такие блага, которые не имеют вещественного (материального, имущественного) оформления, они существуют исключительно в сознании человека. Поскольку нематериальные блага лишены экономического содержания, их невозможно выразить в денежном эквиваленте. Несмотря на это, суд может возложить на нарушителя личных нематериальных прав, либо лица, посягающего на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, – денежную компенсацию причинённого морального вреда. В данном случае размер денежной компенсации определяется судом в каждом конкретном случае сугубо индивидуально.

Согласно ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, при определении судом размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства, а также суд должен учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинён вред. Стоит отметить, что в Гражданском кодексе Российской Федерации федеральным законом от 02.06.2013 № 142-ФЗ выделены отдельные пункты и статьи, регламентирующие порядок: защиты чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152), охраны изображения (ст. 1521), охраны частной жизни гражданина (1522). Можно предположить, что введение указанных пунктов и статей в Гражданский кодекс Российской Федерации преследует цель стимулирования развития института нематериальных благ путём законодательной регламентации позитивных правил, что, безусловно, соответствует принципу гуманизма.

Личные нематериальные блага тесно связаны с социализацией и социальными условиями индивидуализации. Человек не рождается гуманным. Гуманным человек может стать в результате социализации. Благодаря социализации человек усваивает социальные роли, параллельно изучая культурные, моральные, правовые, религиозные и иные нормы, а также занимаясь саморазвитием. Это обуславливает изменение представлений о нравственных ценностях и об их содержании на конкретном этапе социального развития и у конкретного социума.

То же самое положение относится к принципу гуманизма, то есть он не является неизменным, находится в постоянной трансформации, происходящей параллельно с объективными и закономерными изменениями в социокультурной, правовой и иной сфере жизнедеятельности людей. Следовательно, правовые положения о принципе гуманизма должны периодически подвергаться переосмыслению и обновлению в контексте гражданско-правового знания.

Ю. Г. Волков и П. С. Дементьева говорят об актуальности в настоящее время возведения «глобального гуманизма» до уровня идеологии XXI века, пронизывающей современное социокультурное пространство [1, 2]. Господство данной идеологии, по мнению учёных, не должно преследовать цель искажения восприятия человеком окружающей действительности. Напротив, идеология «глобального гуманизма», по утверждению П. С. Дементьевой, должна быть научно-обоснована и содержать рациональное отражение окружающего мира, и направлена «...на то, чтобы вся человеческая деятельность, культура во всех своих проявлениях всё более ориентировалась на выживание человека в окружающей среде и на возрождение гуманистических социальных ценностей, выработанных человечеством» [2, с. 251]. Принцип гуманизма носит общечеловеческий характер, так как он призван сплотить граждан, людей, народы, общества, всё человечество не только для решения возникших локальных и глобальных проблем, но и для их духовно-нравственного совершенствования.

Далее кратко проанализируем именно те права, свободы и юридические интересы, которые принадлежат институту нематериальных благ и направлены на реализацию принципа гуманизма. Начнём анализ с юридически закреплённых прав.

Право как нравственно-правовая категория института нематериальных благ в российском законодательстве закреплено не только в Конституции Российской Федерации, но и в различных кодифицированных законах. Согласно Конституции Российской Федерации каждый человек имеет право на жизнь (п. 1 ст. 20), личную неприкосновенность (п. 1 ст. 22), неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (п. 1 ст. 23), тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (п. 2 ст. 23), охрану здоровья и медицинскую помощь (п. 1 ст. 41), образование (п. 1 ст. 43) и иные [4].

Укажем на то, что данный перечень носит открытый характер, и возможно, это продиктовано принципом гуманизма и вызвано объективными причинами, направленными на соблюдение общепризнанных прав человека и гражданина, способствующих реализации личностного позитивного потенциала и дающими уверенность в возможности правовой защиты.

Точно так же, как и право, свобода является нравственно-правовой категорией института нематериальных благ с позиции российского законодателя. Согласно Конституции Российской Федерации каждому человеку гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28), свобода мысли и слова (п. 1 ст. 29), свобода труда (п. 1 ст. 37), свобода отдыха (п. 5 ст. 17), свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (п. 1 ст. 44) и иные. Данный перечень также не является исчерпывающим.

В частности, труд не только фактор гуманизации, но и один из его объектов. В. И. Добренков и А. И. Кравченко пишут: «Гуманизация труда – это обеспечение нормальных, достойных человека условий жизнедеятельности – здоровых условий труда и быта, благоприятной обстановки, новых рациональных режимов питания и более продолжительного периода отдыха, радикального улучшения медицинского, транспортного и других видов обслуживания» [3, с. 422]. Они полагают, что гуманизация труда, начиная с XXI века, будет заключаться в механизации, ротации рабочих мест, демократизации предприятий.

Учёный Г. В. Петров излагает позицию, согласно которой, без гуманизма не может быть прогресса, а в качестве основных критериев становления гуманного цивилизованного общества им ставятся: свобода личности в политической, экономической и социальной сферах; демократическое устройство государства; удовлетворение насущными материальными и духовными потребностями; здоровое состояние человека на психофизиологическом уровне. Он считает, что в индустриальном государстве гуманизм претерпевает кризис в силу процессов технизации, превращающих человека в орудие труда и отнимающих у него право на свободу и творчество [6].

Противоположной точки зрения придерживаются П. Рикёр и Э. Тоффлер, полагая, что основой развития гуманности служат благоприятные социальные факторы. Э. Тоффлер утверждает, что техника должна быть сконструирована человеком таким образом, чтобы не наносить ущерб природе и приносить общечеловеческую пользу. Современное общество, по мнению Э. Тоффлера, нуждается в демократии и идеологии технореволюционеров: «Технореволюционеры считают “подходящими” технологии, которые гуманизируют труд, способны предотвратить загрязнение и обеспечить охрану окружающей среды» [7, с. 253].

В отношении такой нравственно-правовой категорией института нематериальных благ как «законный интерес», в Конституции Российской Федерации прописано, что каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов (п. 1 ст. 30). В то же время в Конституции Российской Федерации закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (п. 3 ст. 55).

Вышеперечисленные нематериальные блага не могут быть отчуждаемы и передаваемы, они принадлежат гражданину либо от рождения, либо в силу закона. К нематериальным благам относятся: жизнь, здоровье, достоинство, неприкосновенность, честь, доброе имя, деловая репутация, авторство, свобода передвижения и иные. Ещё раз отметим, что исчерпывающего перечня нематериальных благ законодатель не даёт.

Среди указанных нематериальных благ здоровье является одним из главных. Современный учёный и заслуженный юрист Российской Федерации М. Н. Малейна выделяет здоровье физическое и психическое, где и то и другое тесно связаны между собой. Учёный подчёркивает необходимость разграничения следующих понятий: «здоровье» и «нравственное здоровье», «здоровье человека» и «здоровье населения». Причисляя здоровье к сфере здравоохранения, М. Н. Малейна даёт следующее толкование термину здоровья как нематериальному благу: «Это физическое и психическое состояние человека, как благополучие – отсутствие болезней либо патологии (неблагополучия), связанной с потерей, расстройством психологической, физиологической, анатомической структуры и (или) функций организма человека» [5, с. 16].

Итак, принцип гуманизма выражает представления о равноправии людей в гражданско-правовом смысле, которое закрепляется в различных нормативных документах, принятых на государственном и международном уровне, регламентирующих права человека на жизнь, свободу, личную неприкосновенность и тому подобное. Принцип гуманизма предполагает признание в качестве наивысшей ценности – жизнь и здоровье каждого человека на Земле, а социальные нормы и институты должны быть направлены на создание максимально благоприятных условий существования человеческого общества, способствующих личностному совершенствованию и социальному прогрессу.

Список литературы

1. Волков Ю. Г. Гуманистическая перспектива. Статья первая // Безопасность Евразии. 2005. № 3. С. 189-212.
2. Дементьева П. С. Глобальный гуманизм как идеология XXI века // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, № 14. 2008. С. 249-251.
3. Добренков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 12: Экономика и труд. М.: ИНФРА-М, 2007. 1152 с.
4. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. 04 августа. № 31. Ст. 4398.
5. Малейна М. Н. Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // Медицинское право. 2014. № 4. С. 12-16.
6. Петров Г. В. Краткий справочник по философии / Составитель Г. В. Петров. Псков: ПГПИ. 2004. 52 с.
7. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 795 с.
8. The New Encyclopædia Britannica. Volume 6. Encyclopædia Britannica, Inc. Peter B. Norton, President and Chief Executive Officer Joseph J. Esposito. Printed in U.S.A. 984 page.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ

Илюхина Юлия Юрьевна

кандидат юридических наук, ФГБОУ ВПО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского», город Саратов

Современные условия экономического развития России, характеризуясь, прежде всего, воздействием «призрака национального экономического кризиса», нуж-

даются в особом внимании законодателей и правоприменителей. В решении задачи по восстановлению экономического благополучия страны Конституция РФ, иные нормативные акты, развивающие её нормы и регулирующие

экономическое развитие общества, занимают главенствующее место.

Актуальным остается вывод о том, что «в настоящее время оказались востребованными те принципы и нормы Конституции РФ, которые имеют непосредственную связь с развитием экономических отношений. Такие конституционные принципы и нормы, как принцип правового государства (ст. 1), свободы экономической деятельности (ст. 8), неприкосновенности права частной собственности (ст. 35), стабильности гражданского оборота и свободы договора (ст. 8), недопустимости несоразмерного ограничения экономических прав и произвольного вмешательства в частную сферу (ст. ст. 55, 23), составляют своего рода конституционно-правовую систему координат, в которой и должны находиться все нормативно-правовые акты, регулирующие экономические отношения.» [1]

«Конституционные основы законодательства - это связанные с отдельными объектами регулирования конституционные нормы, по отношению к которым конкретные нормативные акты выступают как обоснованные Основным законом и развивающие его положения... В рамках этого понятия раскрываются внутренние связи наиболее конкретизированных конституционных норм с другими подобными нормами, с конституционными нормами более общего характера. Следовательно, конституционные основы преломляют, сосредотачивают, доводят весь потенциал конституционного регулирования до уровня единичных конституционных норм и уже через них переносят этот потенциал на любой отдельный объект воздействия.» [2]

Возможность осуществления прав для свободного развития во всех областях, в том числе, в экономической, закреплена за каждым в соответствии со 22 Всеобщей декларацией прав человека. [3] Сформулированное таким образом международно-правовое понимание права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности было воспринято российским законодателем и изложено в п. 1 ст. 34 Конституции РФ. В Конституции РФ были закреплены также основополагающие нормы, которые обосновывают гарантии реализации и защиты права на предпринимательство и находят свое развитие в законодательстве, регулирующем право на предпринимательство.

Среди норм Конституции РФ, которые можно охарактеризовать как конституционные основы исследуемого права, ключевое место занимает ст. 2 Конституции РФ, в которой утверждаются в качестве высшей ценности человек, его права и свободы. «Отсюда следует, что права и свободы человека выше любой политической или экономической власти, и, таким образом, политика и экономика должны быть подчинены этим общечеловеческим ценностям, а не наоборот» [4]. Анализ норм Конституции РФ позволяет утверждать, что основой механизма правового регулирования предпринимательской деятельности в Российской Федерации должен быть приоритет прав и свобод человека. [5]

Среди общих норм, составляющих конституционные основы права на предпринимательскую деятельность можно выделить свободу экономической деятельности (ст. 8, ч. 1 ст. 34 и ст. 37 Конституции РФ), поддержку конкуренции и защиту национальной экономики от монополий – ст. 8, ст. 34 Конституции РФ. В качестве общей экономической гарантии права на предпринимательство выступает конституционно закреплённый плюрализм различных форм собственности – ст. ст. 8, 35, 36 Конститу-

ции РФ. Имущественная основа права на предпринимательскую деятельность, закреплённая в Конституции РФ – институт собственности, который включает в себя право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами.

Общей гарантией права на предпринимательство служит также единство экономического пространства на территории РФ (п. 1 ст. 8 Конституции РФ). Понятия «единое экономическое пространство» не имеет нормативного закрепления, это - «...объединение географических, экономических, политических, культурных факторов развития общества, обеспеченное правовым регулированием со стороны государства». [6] Единое экономическое пространство обеспечивается закреплением в Конституции РФ запрета на территории Российской Федерации установления таможенных границ, пошлин, сборов и каких-либо иных препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (ограничения могут вводиться в соответствии с федеральным законом – ст. 74 Конституции РФ), единой денежной единицы, правило об осуществлении денежной эмиссии исключительно Центральным банком Российской Федерации (ст. 75 Конституции РФ), отнесением установления общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации к компетенции Российской Федерации (ч. 3 ст. 75 Конституции РФ).

Системный подход позволяет в процессе анализа конституционных основ права на предпринимательство относить к таковым нормы, регулирующие отношения, связанные с предпринимательской деятельностью опосредованно, а также нормы, относящиеся к субъектам, не осуществляющим предпринимательскую деятельность. Так, в частности, в нормах Конституции РФ, закрепляющих основные права, можно выявить положения, в которых сосредоточен потенциал конституционного регулирования правоотношений, связанных с предпринимательской деятельностью. Такие нормы конкретизированы в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность. Речь идет об основных правах человека и гражданина, присущих демократическому обществу с рыночной экономикой:

- 1) право выбирать род деятельности (ст. 37 Конституции РФ);
- 2) право свободно передвигаться, выбирать место пребывания, в том числе в процессе осуществления предпринимательской деятельности (ст. 27 Конституции РФ);
- 3) право на объединение для совместной защиты экономической деятельности (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ);
- 4) право на свободу договора - свобода заключать гражданско-правовые и иные сделки (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ);
- 5) право на обращение для представления и защиты своих интересов в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ)
- 6) право на защиту от недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34 Конституции РФ)
- 7) право на судебную защиту своих прав и свобод (ст. 46 Конституции РФ).

Помимо основных прав, закреплённых в Конституции РФ, нормами, составляющими конституционные основы права на предпринимательство, следует считать положения Конституции РФ, в которых закреплены обязанности предпринимателей:

- 1) обязанность уплачивать установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ);
- 2) обязанность в процессе осуществления предпринимательской деятельности сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ);
- 3) обязанность в процессе осуществления предпринимательской деятельности заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ст. 44 Конституции РФ);
- 4) обязанность воздерживаться от действий, нарушающих запреты, установленные Конституцией РФ.

Таким образом, конституционные основы права на осуществление предпринимательской деятельности в России представляют собой совокупность внутренне согласованных норм Конституции РФ, содержащих основополагающие установления об осуществлении предпринимательской деятельности, конкретизированных в законодательстве России.

Список литературы

1. Ручкина Г.Ф. Конституционные основы предпринимательства в России // Конституционное и муниципальное право. - М.: Юрист, 2002, № 4. с. 14
2. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2004. с.26
3. Всеобщая Декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета 10 дек. 1998 г.
4. Баренбойм П. Д., Гаджиев Г. А., Лафитский В. И., Мау В. А. Конституционная экономика: учебник для юрид. и эконом. вузов. М., 2006. С. 305.
5. См.: Илюхина Ю. Ю. Место конституционно-правовых гарантий права личности на предпринимательскую деятельность в механизме взаимодействия власти и бизнеса // Политико-правовые проблемы взаимодействия власти и бизнеса в условиях кризиса: материалы междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2009. С. 123–127.
6. Бондарева Е. А. Конституционный институт основ экономического строя РФ: Понятие, структура // Конституционные чтения: науч.-практ. конф. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120602> (дата обращения: 31.03.10).

НЕСКОЛЬКО ПРИЧИН НЕ КАЧЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Кашипов Радик Минивалеевич

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Дальневосточный юридический институт МВД России, г. Хабаровск

Современное состояние предварительного расследования в стране оптимизма не вызывает, констатирует в своем исследовании А. А. Капустин [2, с. 2]. И это мягко сказано. Эффективность работы следствия и дознания, качество расследования в настоящее время не достигают минимально необходимого уровня по целому ряду причин. Одной из причин этого является активное противодействие, создание помех, как со стороны должностных лиц, так и граждан, участвующих в уголовном процессе. Сегодня это является результатом не всегда адекватной экономической политики и ее последствий — падения нравов, безработицы, материального расслоения населения, роста преступности и т.д. По вине лиц, противодействующих раскрытию и расследованию преступлений, установлению истины, затягиваются сроки расследования, снижается его качество, затрачиваются огромные средства и силы.

В соответствии со ст. 151 УПК РФ предварительное расследование производится следователями и дознавателями.

В большинстве случаев, к сожалению, дознаватели и следователи не утруждают себя установлением относительной истины при расследовании уголовных дел, т.к. в действующем УПК РФ отсутствует статья, предусматривающая необходимость всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, как один из важнейших принципов уголовного судопроизводства, имевшим место в ст. 20 УПК РСФСР (Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела).

Согласно названной статье, «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств

дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства» [7]. Без такого расследования прокурор не сможет представить убедительные доказательства виновности обвиняемого» [8, с. 122].

В настоящее время приходится констатировать, что возможно все, при желании лиц, обязанных раскрывать совершенные преступления и лиц, обязанных качественно расследовать уголовные дела. Иначе, что заставляет сотрудников правоохранительных органов привлекать к уголовной ответственности невиновных лиц?

Примером может служить уголовное дело по обвинению группы офицеров УФСКН в привлечении к уголовной ответственности невиновных лиц. В период с апреля по июнь 2010 года 30-летние оперуполномоченные Дмитровградского межрайонного отдела УФСКН по Ульяновской области Александр Панков и Сергей Держаев, желая улучшить показатели по работе и незаконно обогатиться, занимались фальсификацией результатов оперативно-разыскной деятельности. Они вносили в официальные документы подложные сведения о причастности граждан к незаконному хранению и сбыту героина, марихуаны и запрещенной курительной смеси JWH-118 («спайс»). На их основании 30-летний старший следователь следственного отдела УФСКН Сергей Любимкин возбуждал уголовные дела в отношении заведомо невиновных лиц, по которым избирал меру пресечения в виде заключения под стражу. Используя сфабрикованные доказательства, члены преступной группы вымогали у родственников арестованных денежные средства в размере до 500 тыс. рублей за освобождение подследственных от уголовной ответственности. В настоящее время уголовное

дело направлено в Ульяновский областной суд для рассмотрения по существу [6].

Уголовное преследование нельзя использовать как средство воздействия на граждан в целях получения «правдивых» показаний и мнимого увеличения показателей раскрываемости преступлений.

Примером может служить уголовное дело по обвинению У. в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 111 УК РФ.

В зале судебного заседания У. пояснил, что оперуполномоченный Х., применил к нему наручники, требовал о чем-то рассказать, а по приезду в ОМВД п. Переяславка, дал лист бумаги и начал ему диктовать явку с повинной, о том, что он якобы был у В. и они с ним подрались. У. испугался, что будут бить, еще с похмелья был, угрожали, что отправят в камеру с лицами нетрадиционной ориентации. Затем следователь Ш. писал его показания под диктовку и задавал наводящие вопросы. Кроме того, когда его жена приехала в п. Переяславка и говорила следователю, что У. в день избиения потерпевшего В. в вечернее время находился дома и спал, то оперуполномоченный и следователь ее стали пугать ответственностью за дачу ложных показаний. Когда на месте происшествия воспроизводили показания, то сотрудники полиции сами устанавливали манекен, говорили показать удары, какие именно, что он и делал.

В итоге, суд пришел к убеждению о непричастности подсудимого У. к совершению инкриминируемого ему деяния. Мера пресечения, избранная в отношении У., в виде заключения под стражу, подлежит отмене, с освобождением подсудимого из под стражи в зале суда. За У. следует признать право на реабилитацию, в случае причинения ему уголовным преследованием имущественного и морального вреда [1].

Для искусственного улучшения статистических показателей в практической деятельности распространено избыточное вменение эпизодов преступлений, списание нераскрытых преступлений на умерших, незаконное прекращение уголовного преследования за истечением сроков давности.

При опросе лиц, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений, выясняется, что в системе МВД России и других ведомствах нет «палочной системы», есть, просто требование руководителей о якобы эффективной работе различных подразделений, а чтобы показать эффективность - нужны показатели.

Мы согласны с тем, что руководители оперативных и следственных подразделений обязаны требовать от своих подчиненных работу, но при этом только качественную, не провоцировать их на нарушение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ, а создавать условия для адекватной работы. Получается, что в настоящее время следователь не является лицом, самостоятельно принимающим процессуальные решения. За него уже приняли решение вышестоящие руководители и требуют от него только одного – выдачи уголовного дела любой ценой и, причем раньше сроков, отведенных по УПК РФ для расследования.

Вместе с тем, бывшим Министром внутренних дел Российской Федерации генералом армии Р. Нургалиевым был подписан приказ МВД России №1310 от 26.12.2011 года «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», который вслед за прошедшим организационно-штатным реформированием ведомства, определил совершенно новый подход к оценке деятельности территориальных органов.

«Исходя из современных требований, с учетом опыта зарубежных коллег и собственной практики были пересмотрены прежние концептуальные положения о порядке и механизме итоговой оценки. В свою очередь, она подразделяется на оценку внутреннюю (определяемую с точки зрения системы МВД) и на оценку внешнюю (с точки зрения общества). Однако сами показатели и критерии внутренней оценки выстроены таким образом, чтобы стимулировать орган внутренних дел на достижение положительной внешней оценки.

Итоговая комплексная оценка территориальных органов МВД России согласно Инструкции, будет складываться из нескольких составных частей.

Во-первых, учитывается оценка эффективности деятельности региональных подразделений по ведомственным статистическим показателям.

Во-вторых, обязательно должно браться в расчет заключение, которое будет основано на полученных в ходе зонального контроля информационно-аналитических материалах.

И, в-третьих, на общую оценку повлияет заключение по результатам изучения общественного мнения.

Таким образом, теперь одним из основных критериев оценки деятельности органов внутренних дел, в том числе и полиции, будет мнение населения о качестве их работы. Важно и то, что новым приказом регламентирован максимальный отход от «валовых» показателей, из-за которых раньше эффективность труда сотрудников зачастую оценивалась по пресловутой «палочной» системе.

В новой Инструкции общее число отчетных показателей сокращено до двадцати, и все они направлены на оптимизацию труда сотрудников и улучшение результатов служебной деятельности органа внутренних дел. В перечень показателей официальной статистики включены такие характерные позиции, как:

- противодействие тяжким и особо тяжким преступлениям против личности и собственности,
- борьба с коррупционными проявлениями,
- качество расследования уголовных дел (выделено автором – Р.К.),
- возмещение материального ущерба пострадавшим,
- исполнение законодательства об административных правонарушениях,
- обеспечение безопасности дорожного движения и другие.

Кроме того, решено отказаться от принципа сравнения показателей с «аналогичным периодом прошлого года» [4].

Таким образом, из приказа следует, что на итоговую комплексную оценку территориальных органов МВД России, будет влиять оценка эффективности деятельности региональных подразделений по ведомственным статистическим показателям.

Известный русский юрист А.Ф. Кони писал: «Уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до передачи суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу» [3, с. 807].

Примеров, когда суды выносят оправдательный приговор достаточно, так например, гражданин А. обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственности.

ности и содержанием под стражей более 10 месяцев, в размере рублей. Исковые требования А. мотивировал тем, что органами предварительного расследования был привлечен к уголовной ответственности, ему было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Приговором Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 25 октября 2011 года он был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, за отсутствием в его деянии состава преступления. Приговор не был обжалован и вступил в законную силу [5].

По мнению автора, причинами не качественного расследования уголовных дел, нарушений законности при производстве отдельных следственных действий, могут быть:

- 1) Отсутствие принципа «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела», а именно установление объективной истины по уголовному делу. Вместо этого, действует принцип «Свобода оценки доказательств» (ст. 17 УПК РФ). Данный принцип позволяет лицам, расследующим дела оценивать совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью.
- 2) Дознавателями и следователями допускаются различные ошибки, как в организации расследования, так и процессуальные вследствие слабой теоретической подготовки (ненадлежащее знание вопросов квалификации преступления; умения отличать преступления от иных видов правонарушений; тактики производства отдельных следственных действий; методики расследования различных видов преступлений; ошибки при проведении осмотра места происшествия и т.д.);
- 3) Не достаточно плодотворная работа оперативно-розыскных подразделений (допускаются случаи формального исполнения отдельных поручений

следователя (дознателя), кроме этого, имеют место случаи, когда доставляют к следователю лиц, не имеющих никакого отношения к уголовному делу, что в свою очередь влечет привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновных лиц и т.д.);

- 4) Отсутствие достаточной материально-технической базы (отсутствие достаточного количества автомашин, компьютеров, принтеров, копировальной техники, возможность выхода в сеть Интернет и т.д.).

Список литературы

1. Архив суда района им. Лазо Хабаровского края / Дело № 1-7/2014.
2. Капустин А. А. Реформа советского предварительного расследования: сущность, предпосылки, основные направления. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992. С. 2.
3. Кони А.Ф. Избранные произведения. М., 1956.
4. Приказ МВД России № 1310 от 26.12.2011 г. «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» URL: [http // police-rf.ru](http://police-rf.ru) (Дата обращения – 25.02.2015).
5. Судебная практика Верховного суда Карачаево-черкесской республики. Апелляционное определение от 3 октября 2012 г. по делу № 33-602/12. URL: [http // advokat-pravo.ru / ugovolnye-dela. html](http://advokat-pravo.ru/ugolovnye-dela.html) (Дата обращения 24.02.2015).
6. Судят офицеров ФСКН, организовавших уголовное преследование невиновных граждан для получения выкупа URL: [http // pravo.ru/news/view/61990](http://pravo.ru/news/view/61990) (Дата обращения – 24.02.2015).
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 URL: [http // democracy.ru](http://democracy.ru) (Дата обращения 22.02.2015).
8. Уголовно-процессуальное право: Учебник / Под общей редакцией профессора, заслуженного деятеля науки РФ П.А. Лупинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. - 591 с.

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВООЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН

Кокоева Луиза Темболатовна,

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского и трудового права ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)»

ABOUT THE EFFICIENCY OF HUMAN RIGHTS ACTIVITY OF COUNCIL ON HUMAN RIGHTS OF THE UN

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируются проблемы правозащитной деятельности Совета, по правам человека ООН; представлен авторский взгляд на эффективность международного сотрудничества Совета по правам человека ООН; обосновывается необходимость корректировок правозащитных механизмов Совета по правам человека ООН; вносятся предложения для обеспечения более широкого подхода к реализации принципа демократии.

THE SUMMARY

In this article problems of human rights activity of Council, on human rights of the UN are analyzed; the author's view of efficiency of the international cooperation of Council for human rights of the UN is presented; need of corrections of human rights mechanisms of Council for human rights of the UN locates; offers for ensuring broader approach to a realizatsiiprintsip of democracy are made.

Ключевые слова: правозащитный потенциал, институты гражданского общества, права человека в политических целях, принципы международного права, международные договоры, специальные процедуры, нищета, социальные механизмы

Keywords: the institutes of civil society, the human right in political goals, the principles of international law, the international contracts, the special procedures, poverty, the social mechanisms

Как известно, Совет по правам человека Организации Объединенных Наций отвечает за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека и за рассмотрение ситуаций, связанных с нарушением прав человека, а также подготовку соответствующих рекомендаций.

Однако, в последнее время в деятельности Совета наблюдается усиление крена в работе Совета в сторону сведения политических счетов, бесосновательного менторства, шельмования государств по политическим мотивам. Это в первую очередь связано с украинским кризисом.

Специалисты отмечают, что практически невозможно выделить четкий набор параметров эффективности деятельности по защите прав человека Совета по правам человека ООН. Разумнее было бы рассматривать тот или иной тип его правозащитной работы в широком диапазоне разноуровневых критериев - гражданских, политических, экономических, социо-культурных, которые в зависимости от внешних и внутренних факторов были бы максимально гибкими. Кроме того, результат правозащитной работы имеет свою специфику. В случае работы с ценностями, будь это демонстрация позиции в той или иной форме или целенаправленная просветительская работа, - результатом зачастую является сам процесс. Многие правозащитные организации работают сегодня ради процесса, в связи с чем эффект их деятельности невозможно измерять результативными характеристиками, к их активности необходимо применять характеристики процесса [4].

Россия не раз отмечала, что намерена добиваться устранения «двойных стандартов» в том числе и в работе Совета по правам человека ООН.

В сфере защиты прав человека и деполитизации решений, сказано на официальном сайте российского МИДа. В сообщении российского внешнеполитического ведомства говорится, что Россия «намерена приложить максимум усилий к тому, чтобы работа Совета ООН по правам человека была максимально деполитизирована, способствовала укреплению международного режима защиты прав человека, а также повышению эффективности данного направления деятельности ООН» [8].

Так, Совет по правам человека ООН неоднократно критиковал Израиль за нарушения, но при этом игнорировал или ограничивался скромным реагированием на сопоставимые или более серьезные ситуации. Например, в свое время небольшой группе государств, традиционно выступающих в поддержку прав человека, удалось добиться проведения спецсессии по Шри-Ланке, где правительственными войсками только что были убиты несколько тысяч жителей, насильственно удерживавшихся «тиграми», и еще 300000 были интернированы после завершения разгрома боевиков. Вместо того чтобы требовать независимого расследования военных преступлений с обеих сторон, Совет в целом поддержал правительство, закрыв глаза на нарушения с его стороны, и сосредоточившись на нарушениях со стороны ТОТИ [3].

Наглядным примером манипулирования, используемого для подавления независимых голосов, служит история с Кубой, даже, несмотря на обозначившийся в последнее время диалог с США, главный ориентир Гаваны - рассмотрение ситуации в стране в рамках механизма универсального периодического обзора. Поскольку само обсуждение проводится преимущественно представителями правительств, Куба сделала все возможное и невозмож-

ное, чтобы как можно больше дружественных ей государств высказались в ее поддержку, что в условиях ограниченного регламента, естественно, сузило возможности для критики. Когда подошло время неправительственных организаций, правительство постаралось нивелировать эффект, организовав высказывания в поддержку от десятков лояльных общественных объединений. Эти усилия позволили Гаване отрицать, хотя и не слишком убедительно, что в стране есть какие-то политзаключенные или ограничивается свобода слова [1].

Совет ООН по правам человека - это межправительственный орган и одним из его достоинств традиционно являются широкие возможности учета независимых голосов. Независимые эксперты и докладчики регулярно представляют свои доклады. Неправительственные организации добавляют свою позицию. Отдельное слово имеет Управление верховного комиссара ООН по правам человека. Все эти составляющие служат укреплению принципов независимости и беспристрастности при оценке Советом по правам человека нарушений в том или ином государстве.

Совет по правам человека должен проявлять беспристрастность и справедливость. Об этом заявил Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун: «Совет не может быть местом, где царит предвзятость и проявляются особые интересы. Он не может быть местом, где предъявляют претензии к одним странам и игнорируют нарушения прав человека в других», - сказал Пан Ги Мун [7]. Он призывал членов Совета не повторять ошибок Комиссии по правам человека, в которой было усиленное политическое противостояние.

Совет по правам человека ООН как главный правозащитный орган должен уделять надлежащее внимание всему спектру прав человека - гражданским, политическим, культурным, экономическим и социальным, и должен решительно выступать против всех форм нарушений прав человека, в том числе, дискриминации, расизма, нетерпимости и сексуального насилия.

Таким образом, несмотря на очевидный прогресс в сфере защиты прав человека, правозащитные механизмы Совета по правам человека ООН нуждаются в корректировке. Права человека пока еще не стали абсолютным приоритетом в государственной политике и деятельности государственных органов всех стран мира. До сих пор во многих странах нет того необходимого уровня понимания и координации действий всех ветвей власти в обеспечении и защите прав и свобод человека. Предлагаемые Советом по правам человека ООН рекомендации и меры после рассмотрения универсальных периодических обзоров направлены, прежде всего, на совершенствование законодательных, институциональных и контрольных механизмов в сфере прав человека конкретного государства. Странам необходимо полнее использовать правозащитный потенциал Совета по правам человека ООН, институтов гражданского общества, обратить пристальное внимание на роль правового просвещения, формирование социально-активной личности, способной отстаивать свои права и требовать адекватного отношения к своим правам и обязанностям от других участников правоотношений, прежде всего от государственных органов и их должностных лиц.

Также можно предложить Совету по правам человека ООН отказаться от использования прав человека в политических целях. Тема прав и свобод человека нередко

используется в ООН в политических целях, в качестве рычага давления в международных отношениях. В некоторых случаях под предлогом необходимости прекращения нарушений прав человека совершались еще более масштабные нарушения, как, например, при вторжении США в Ирак и Афганистан. Положение, при котором в одних случаях преувеличиваются проблемы с реализацией прав и свобод, а в других - преуменьшаются или замалчиваются, неизбежно оказывает негативное воздействие на эффективность международного сотрудничества в области прав человека, подрывает доверие к системе международного сотрудничества в области прав человека в целом.

Совет по правам человека ООН должен уделять пристальное внимание рассмотрению принципа уважения прав человека в контексте других принципов международного права, так как недопустимо противопоставление различных принципов международного права. С одной стороны, недопустимо, ссылаясь на принцип уважения прав человека, вмешиваться во внутренние дела других государств, с другой стороны - нельзя ссылками на принцип уважения государственного суверенитета прикрывать нарушение принципа уважения прав человека. Следует, однако, отметить, что соотношение данных принципов исторически подвижно и некоторые вопросы, которые ранее было принято считать входящими во внутреннюю компетенцию государств, в настоящее время могут быть предметом обсуждения на международном уровне [6].

Одной из главных проблем Совета по правам человека ООН является отсутствие универсальности. Сами договоры о правах человека универсального уровня пока что не стали в достаточной степени универсальными. Применительно к механизмам их имплементации универсальность еще меньше. В тех случаях, когда процедуры имплементации являются факультативными, государства часто не соглашаются на них. Поэтому одной из наиболее важных задач Совета по правам человека ООН в этом направлении является поощрение государств признать соответствующую компетенцию договорных органов по правам человека.

Другой проблемой является то, что контрольные органы нередко дублируют друг друга. В наибольшей степени это относится к процедуре представления и рассмотрения докладов в Совет по правам человека ООН. Большое число докладов в некоторых случаях осложняет задачу государств вовремя подготовить качественные доклады и снижает эффективность всей системы в целом. Например, многие права, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах закреплены более подробно в других международных документах. Поэтому представляется целесообразным в тех случаях, когда государства являются участниками нескольких международных договоров, закрепляющих одно и то же право, более подробно освещать вопрос, относящийся к этому праву, в докладе, представляемом на основании специального договора и лишь в общей форме описывать его в докладе, представляемом на основании международного договора общего характера.

Специальные процедуры - это общее название механизмов, учрежденных Советом по правам человека ООН, и которые занимают какими-либо конкретными проблемами в области прав человека, либо ситуацией с правами человека в какой-либо стране. Совет по правам человека должен выполнять, анализировать и, при необходимости, совершенствовать и рационализировать все мандаты, процедуры, функции и обязанности Комиссии

по правам человека для сохранения системы специальных процедур, экспертных консультаций и процедуры подачи жалоб.

В отличие от договорных органов ООН, специальные процедуры Совета по правам человека ООН могут использоваться вне зависимости от того, является ли государство участником тех или иных международных договоров по правам человека. Кроме того, специальные процедуры дают возможность обращать внимание на ситуацию уже во время совершения нарушений прав человека или даже до того с целью попытаться прекратить такие нарушения или не допустить их. С другой стороны, это оставляет возможность для использования специальных процедур в политических целях. Именно политизация работы Комиссии по правам человека, негативным образом сказывавшаяся на специальных процедурах, была одним из основных аргументов в пользу учреждения Совета по правам человека взамен Комиссии.

К недостаткам специальных процедур можно отнести также дублирование мандатов, причем по мере увеличения количества специальных процедур случаев дублирования становилось все больше. Поэтому необходимо установить более четких критериев использования специальных процедур и выбора экспертов Советом по правам человека ООН.

Для повышения эффективности международного сотрудничества Совету по правам человека ООН следует развивать сотрудничество между неправительственными организациями с одной стороны и международными неправительственными организациями и правительствами - с другой. Между тем, отношение правительств к неправительственным организациям нередко является противоречивым. Правительства, как правило, признают ту роль, которую играют неправительственные организации в поощрении и защите прав человека. Тем не менее, поскольку деятельность неправительственных организаций часто заключается в оказании давления на правительства, последние не всегда склонны сотрудничать с ними [9].

Практически всем странам необходимо укреплять систему обеспечения прав человека через совершенствование норм, институтов, юридических механизмов и правоприменительной практики, создавая благоприятствующие этому экономические условия, поскольку одного законодательства в этой области крайне недостаточно.

Формирование и утверждение таких норм как достоинство человека, свобода и равенство должно возлагаться на все общество, при этом Совет по правам человека ООН должен содействовать повышению уровня информированности. Так, по инициативе ООН во многих странах образование в области прав человека введено в программу школьного образования [2].

Ответственность за наличие правозащитных институтов возлагается на государство, а Совет по правам человека ООН должен оказывать помощь в укреплении этих институтов и в формировании их потенциала. В ряде стран по инициативе ООН, в том числе и в Российской Федерации, созданы независимые национальные комиссии по правам человека для наблюдения за эффективным исполнением законов и норм в области прав человека, институты омбудсмена для защиты людей от произвола государственных должностных лиц, специализированные парламентские органы в области прав человека.

Для обеспечения более широкого подхода к принципу демократии, Совету по правам человека ООН необ-

ходимо организовать мероприятия и внедрить правозащитные механизмы в государствах по следующим пяти направлениям.

1. Учет интересов меньшинств. В рамках многих «демократических форм» проводятся многопартийные выборы, которые лишают меньшинства доступа ко многим аспектам политической жизни, например, к участию в работе законодательных органов и кабинета министров и службе в армии. Такая изоляция и неравенство стали причиной многих конфликтов.
2. Разделение власти. Судебная система должна быть независима, иначе не будет гарантии справедливости правовой защиты при нарушении прав человека.
3. Открытость гражданского общества и свобода и независимость средств массовой информации. Общественный контроль и отчетность государства играют важную роль, тем не менее, в 5% стран государство само осуществляет контроль за средствами массовой информации.
4. Прозрачность (транспарентность) процесса разработки политики. Экономическая политика не должна разрабатываться за закрытыми дверями. Это нарушает право на политическое участие населения и ведет к формированию дестабилизирующей обстановки.
5. Ограничение коррумпированного воздействия крупных капиталов. Необходимо создать такие условия, чтобы голос народа и общественные интересы смогли бы перекрыть настойчивость лоббистов, ратующих за особые интересы корпоративных организаций [5].

Совет по правам человека ООН должен направить свои усилия на борьбу за ликвидацию нищеты - это не только одна из целей в области развития, но и одна из центральных задач в области прав человека в XXI в. Искоренение нищеты и обеспечение средств к существованию, медико-санитарное обеспечение и образование являются важнейшим условием соблюдения прав человека, так как нищета в сущности есть нарушение этих прав. Государства должны реализовывать свои обязательства в области прав человека в интересах осуществления процессов, направленных на обеспечение социально-экономических и культурных прав самых бедных слоев населения, а также их участие в принятии решений. Право на жилье, медико-санитарное обеспечение и прочие требуют отнюдь не бесплатных услуг и государственных дотаций. Наоборот, необходимы социальные механизмы и политика, которые содействуют расширению доступа к этим правам через рынок (жилье), а также через государство (бесплатное начальное образование и гражданское и общественное просвещение и разработку и внедрение на практике законодательных актов по обеспечению равных возможностей). Таким образом, искоренение нищеты - главная задача Совета по правам человека ООН в области сбалансированного развития человека, а также одна из важнейших в ряду защиты и соблюдения экономических, социальных и культурных прав.

В заключение отметим, что все больше глобальных правил появляется во всех областях - от прав человека до окружающей среды и торговли. В то же время эти правила разрабатываются отдельно друг от друга, что чревато потенциальным конфликтом. Обязательства в области прав человека должны быть отражены в единых правилах, ко-

торые может разработать Совет по правам человека, поскольку именно они сегодня оказывают определяющее воздействие на национальную политику.

Совет по правам человека ООН представляет собой новый этап сотрудничества в области прав человека. Обладая более продолжительными и частыми сессиями, возможностью (обязанностью) докладывать непосредственно Генеральной Ассамблее, обязанностью проводить обзор соблюдения всеми государствами (а не выборочно) их обязанностей и обязательств в области прав человека, он может превратиться в более сильный и эффективный механизм, чем Комиссия по правам человека. С другой стороны, нельзя забывать, что полномочия и функции, которыми он наделен, отражают лишь часть реформы. Главная ответственность ложится на сами государства, которые должны выразить свое желание «реально» наделить Совет полномочиями в соответствии с его мандатом. Особо стоит подчеркнуть, что международные институты не вправе каким-либо образом подменять государства в лице их органов, осуществляющих деятельность в области прав человека, а могут лишь содействовать государствам в улучшении состояния в области прав человека.

Список источников

1. Доклад Amnesty International 2013 «Права человека в современном мире» [Электронный ресурс]. – Информационный портал Российский бизнес/ <http://www.rb.ru>
2. Зябкин А.И. Организация Объединенных Наций (ООН) - универсальная международная организация общей компетенции. Монография. – М.: Знание, 2008. С. 274-278.
3. Кеннет Рос. Эскалация нападков на правозащитные институты, организации и активистов [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Совета по правам человека ООН /www.hrw.org/es
4. Козлов С.Г. Деятельность международных организаций: правозащитные аспекты // Права и свободы человека и гражданина: Актуальные проблемы науки и практики: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – Орел: ОРАГС, 2009. С. 273-274.
5. Моисеенко К.А. К вопросу о возможных направлениях совершенствования международной правозащитной системы // Российское право на современном этапе: материалы IV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. 17 апреля 2009 года. – Ростов н/Д: РИНХ, 2009. С. 43-44.
6. Осавелюк А.М. Проблема защиты прав человека современным международным правом // Закон и право. 2010. № 5. С. 5-6.
7. Совет по правам человека не может быть местом, где царит предвзятость. 25.01.2011 г. [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Организации Объединенных наций /www.un.org
8. Участие Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе сегмента высокого уровня 16-й сессии Совета ООН по правам человека, Женева, 28 февраля 2011 года [Электронный ресурс]. – Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации/www.mid.ru
9. Шульга Р.Ю. Защита прав человека неправительственными правозащитными организациями: теоретические и практические аспекты. Монография. - М.: Юрист, 2009. С. 58-65.

СИСТЕМА ПРАВОВЫХ АКТОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Королева Е.А.

Аспирант АНОО ВО «Уральский финансово-юридический институт» г. Екатеринбург

Категория государственных служащих появилась в России под общим названием «служилые люди» в XV в. Служилыми людьми считались дворяне, которые находились на службе у государя и Русского государства, получая за службу вместо денежного жалования земельный надел с крестьянами — поместье.

Правовое положение служащих впервые документально закреплено в уставе гражданской службы от 1720 года «Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не только во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина подданнейше поступать имеют» 1720 г., который действовал в России в XVIII—XIX вв.

В советские времена не существовало официального понятия «государственный служащий», и лишь в Конституции Российской Федерации, в отличие от Конституций советского периода, в которых государственная служба считалась одной из многих разновидностей обычной трудовой деятельности, определено право граждан на равный доступ к государственной службе (ст. 32, ч.4)[2]. С принятием Конституции РФ интенсивно начала формироваться самостоятельная нормативно — правовая база, регулирующая государственно-служебные отношения. В Конституции Российской Федерации очерчены определенные границы, ориентиры деятельности для государственных служащих.

Конституция РФ закрепляет принципы построения и функционирования системы государственной службы, например принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, их непосредственного действия, обязательности их признания, соблюдения и защиты (ст. 2, 10), продублированный в специальных нормативно-правовых актах, регулирующих служебные отношения.

Основополагающая роль Конституции РФ в системе актов, регулирующих государственную службу в РФ, заключается в том, что она устанавливает основы разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации.

Правовые отношения государственной гражданской службы в настоящее время регулируются Законами № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»[13] и № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[14], которые устанавливают правовые, организационные и финансово — экономические основы государственной гражданской службы Российской Федерации.

Действует ряд подзаконных актов, например, Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2005 № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации»[9], Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2005 № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим»[10], Указ Президента Российской Федерации от 16.02.2005 № 159 «О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной

гражданской службы Российской Федерации»[11], Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденный Постановлением Минтруда РФ от 21 августа 1998 г. № 37[6].

В Российской Федерации действуют ведомственные правовые акты о государственной службе.

В качестве примера приведем Письмо ФТС России от 26 октября 2010 г. № 01-11/51938, «О соблюдении принципов служебного поведения», которое обязывает должностных лиц таможенных органов соблюдать общие принципы служебного поведения государственных служащих, утвержденное Указом Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885[12], Приказ Минсельхоза России от 01.10.2013 № 368 «Об утверждении Положения о дополнительных выплатах, премировании и поощрении федеральных государственных гражданских служащих Министерства сельского хозяйства Российской Федерации»[7] и некоторые другие.

Локальные нормативно — правовые акты находят свое выражение в виде положений по проведению конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы, кодексов этики и служебного поведения государственных гражданских служащих в различных департаментах, министерствах.

На государственную службу Российской Федерации оказывают влияние международно-правовые нормы, закрепленные в международных нормативно-правовых актах. Следует отметить международные соглашения, определяющие общий принцип уважения и соблюдения прав человека, а также посвященные принципу равенства и не дискриминации. К примеру, в ч. 2 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека провозглашено право каждого человека на равный доступ к государственной службе в своей стране[1]. В соответствии с п. "с" ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе[5] (и др.).

Отдельные вопросы прохождения государственной службы регламентируют международные договоры, например, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка[3], вопросы, посвященные борьбе с коррупцией, например, Конвенция ООН против коррупции[4], Соглашение между Правительством РФ и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о сотрудничестве в области борьбы с преступностью[8] и др.

Но все эти нормативно правовые акты не решают одну из важных проблем - регулирование дисциплинарно — правовых отношений государственных служащих. Государственной Думой была предпринята попытка разработки и принятия единого нормативно-правового акта Кодекса служебного поведения государственных служащих, задача которого была кодифицировать ответственность государственных служащих, но возникла раздвоенность представлений об ответственности государственных служащих, то как об институте трудового, то как об институте административного или даже служебного права.

Таким образом, законодательство о государственной службе представлено многочисленными и разноречивыми нормативно – правовыми актами, что затрудняет пользование законодательством, приводит к разночтениям в правоприменительной практике и, следовательно, к возникновению проблем с соблюдением законов государственными гражданскими служащими.

Литература

1. Всеобщая Декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., 1996. - с. 460-464.
2. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года // Российская газета от 21 января 2009 г. № 4831.
3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принят Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. - с. 319-325.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. - с. 5-11.
6. Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 21 августа 1998 г. № 37 «Об утверждении квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих» // Российская газета от 23 августа 1998. №59.
7. Приказ Минсельхоза России от 01.10.2013 № 368 «Об утверждении Положения о дополнительных выплатах, премировании и поощрении федеральных государственных гражданских служащих Министерства сельского хозяйства Российской Федерации» // Российская газета от 11 декабря 2013 г. № 6255.
8. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Объединенных Арабских Эмиратов о сотрудничестве в области борьбы с преступностью от 10 сентября 2007 г. // Бюллетень международных договоров. 2008. № 10. - с. 69-73.
9. Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. N 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» // Российская газета от 3 февраля 2005 г. №3689.
10. Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2005 № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» // Российская газета от 3 февраля 2005 г. №3689.
11. Указ Президента Российской Федерации от 16.02.2005 № 159 «О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации» // Российская газета от 18 февраля 2005 г. № 3703.
12. Указ Президента Российской Федерации от 16 июля 2009 г. N 814 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. N 885 "Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих" и в общие принципы, утвержденные этим Указом» // Российская газета от 17 июля 2009 г. № 4955.
13. Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» № 58-ФЗ [Текст]: принят Государственной Думой ФС РФ 25 апреля 2003 г.: в ред. от 6 декабря 2011 г. № 395-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. № 22.
14. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ [Текст]: принят Государственной Думой ФС РФ 7 июля 2004 г.: в ред. от 6 декабря 2012 г. № 31-П // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. №31.

МЕСТО САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УСЛУГ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Кудрявцева Лариса Владимировна

Кандидат юрид. наук, доцент, Заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Российского государственного социального университета филиал в г. Анапе

Санаторно-курортные услуги являются разновидностью медицинских услуг, объединенных с услугами гостиничными, услугами питания. Иными словами, они носят комплексный характер. Однако, наиболее важная часть – это медицинская составляющая данных услуг, – направлены они, прежде всего, на оздоровление населения. Забота о здоровье нации – одна из функций социального государства. Поэтому необходимо выравнивание возможностей доступа населения к получению качественных санаторно-курортных услуг, при условии эффективного использования кадровых, финансовых, материально-технических и природных лечебных ресурсов, а также современной организации здравоохранения [1, с.96].

В связи с тем, что к оказанию санаторно-курортных услуг государство имеет непосредственное отношение либо действует через посредство организаций, данные услуги могут рассматриваться как государственные услуги. Определение категории «государственные услуги» получило нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации № 314. В Указе под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения, или иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и органи-

зациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами [2].

Категория «государственные услуги» стала упоминаться в других нормативно-правовых актах [3]. В той или иной интерпретации категория «государственная услуга» ранее упоминалась в федеральных законах Российской Федерации «Об образовании», «О ветеринарии», «О лекарственных средствах» и др.

Анализируя указанные нормативные акты, можно выделить те виды деятельности, в рамках которых осуществляется оказание государственных услуг: они в основном связаны с социальной сферой.

Кроме того, подавляющее большинство названных выше нормативных актов относится к источникам комплексного правового регулирования, поскольку содержит нормы как публичного, так и частного права.

В юридической литературе услуги, оказываемые с участием государственных образований, авторы относят к так называемым публичным услугам.

Наряду с термином «публичные услуги» нередко можно встретить и другие – «государственные услуги» и «социальные услуги». Однако соотношение данных понятий, порядок и принципы их оказания ни в цивилистической литературе, ни в нормативно-правовых актах не раскрываются.

Понятие «государственные услуги», так же как и «публичные услуги», и «социальные услуги» пока не получило четкого определения в законодательстве, однако уже есть указание на возможную платность или бесплатность государственных услуг.

Рассмотрим значение этих понятий на основе изучения того, как их определяют авторы гражданско-правовых исследований, посвященных оказанию услуг, и попытаемся вывести «формулу» их соотношения.

Для отечественной доктрины публичные услуги – явление новое, поэтому их понятие находится в стадии формирования. В юридической литературе были приведены следующие признаки публичных услуг:

- они направлены на реализацию общественных интересов (обеспечивают деятельность общезначимой направленности);
- имеют неограниченный круг субъектов, пользующихся данной услугой;
- осуществляются либо органами государственной или муниципальной власти, либо другим субъектом;
- основываются как на публичной, так и на частной собственности [8, с.5].

Приведенные признаки публичных услуг характеризуют их как деятельность общезначимой направленности и показывают наличие публичного интереса в осуществлении такой деятельности, которая позволяет утверждать о том, что, независимо от того, какой субъект в каждом конкретном случае их оказывает, публичная власть обязана обеспечить их исполнение на условиях возмездности или безвозмездности.

Исследовав характер публичной услуги, Л.К. Терещенко отмечает, что «...публичная услуга – это деятельность, направленная на удовлетворение публичных интересов, потребностей» [9, с.16].

В этой связи интересно обратить внимание на точку зрения, изложенную Ю.А. Тихомировым, в которой публичная услуга рассматривается «как юридически и социально значимые действия в интересах общества, государства и граждан» [7, с.13]. Приведенное определение

публичной услуги содержит ее расширительное толкование, которое включает в себя как государственные, так и социальные услуги.

Вместе с тем, данное определение не дает принципиального ответа на вопросы: какова правовая природа публичных услуг, кто является субъектом ее оказания и что является основой оказания публичной услуги (платность или бесплатность)? Поэтому представляется чрезвычайно важным определение границ использования термина «публичная услуга».

В научной литературе авторами предпринимаются попытки установления границ публичной услуги путем их классификации.

Наиболее распространенной является классификация публичной услуги в зависимости от сферы, в которой происходит ее реализация.

На этом основании выделяются информационные, консультационные, бытовые, образовательные, медицинские, финансовые, коммунальные и иные услуги. Ю.А. Тихомиров и М.Д. Чеснокова предлагают выделять три вида публичных услуг:

- услуги для граждан (выдача личных документов, осуществление регистрационных действий, предоставление права пользования публичными библиотеками и т.д.);
- услуги для предпринимателей и юридических лиц (регистрация компаний, консультирование по вопросам налогообложения, выдача лицензий, разрешений и т.д.);
- услуги информационного характера, оказываемые органами государственной власти и местного самоуправления [10, с.91].

Представляет интерес и классификация Л.К. Терещенко, в рамках которой выделяются публичные услуги, государственные услуги и социальные услуги, при этом автор их не противопоставляет, а скорее говорит об их соотношении:

«Представляется, что было бы неверным смешивать данные понятия, поскольку они имеют различное содержание и с разных сторон характеризуют оказываемые услуги» [9, с.17].

Анализ представленной классификации показывает, что термин «публичные услуги» шире, чем термин «государственные услуги», поскольку последние характеризуются наличием лишь одного субъекта, их оказывающего, – государственного органа, в то время как публичные услуги могут быть оказаны государственными органами и негосударственными структурами.

Появление термина «социальная услуга» связана не с функциями или субъектами, ее оказывающими, а со сферой реализации данной услуги, то есть имеет другой классификационный критерий.

К данному разграничению понятий, как к наиболее правильному с нашей точки зрения, и следует присоединиться.

В федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» содержится следующее определение понятия «государственная услуга»: «государственная услуга, предоставляемая федеральным органом исполнительной власти, органом государственного внебюджетного фонда, исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органом местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее - государственная услуга), -

деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (далее - органы, предоставляющие государственные услуги), которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги» [4].

Из данного определения следует, что основным признаком государственной услуги является взаимодействие органа с гражданином или организацией, целью услуги – обеспечение прав и свобод, а также законных интересов.

Н.А. Шевелева предлагает разделять публичные услуги на два типа: первый – услуги, оказываемые органами исполнительной власти; второй – услуги, оказываемые подведомственными им бюджетными учреждениями или уполномоченными организациями [6, с.51].

Публичные услуги первого типа являются реализацией одной из функций исполнительной власти, и передача иным субъектам осуществления таких услуг недопустима. Такие услуги предоставляются исключительно на безвозмездной основе. При этом компенсация затрат на такие услуги производится из бюджетов соответствующих уровней. Например, Административный регламент по предоставлению государственных информационно-консультационных услуг Министерством иностранных дел РФ не предусматривает взимание платы в виде сборов за предоставление государственных услуг [5].

Услуги второго типа предоставляются на возмездной основе, при этом источником финансирования могут быть как бюджетные, так и частные средства.

В зависимости от источника финансирования для получателя услуги она может быть платной или бесплатной, а для исполнителя услуги – всегда возмездной.

Особенностью предоставления данного типа публичных услуг является то, что для получателя услуги она обладает потребительской стоимостью, носит для субъекта, его оказывающего, возмездный характер, а правовой основой ее оказания выступает гражданско-правовой договор.

Итак, можно сделать вывод, что публичные услуги являются общезначимыми, государство берет на себя ответственность за их предоставление, но осуществляться

они могут либо в публично-правовой форме (органами государственной власти или местного самоуправления), либо в частноправовой форме.

Список литературы

1. Кудрявцева Л.В., Карчуков Е.Ю. Правовое регулирование санаторно-курортного отдыха в России. //Евразийский союз ученых. – 2014. - №7. – С.96.
2. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 22.06.2010)// Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 11. - Ст. 945.
3. О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг): Постановление Правительства РФ от 11.11.2005 (ред. от 16.05.2011) № 679 // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 476. - Ст. 4933.
4. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 N 210-ФЗ (ред. от 21.07.2014) //Собрание законодательства РФ. - 2010. - N 31. - Ст.179.
5. Об утверждении Административного регламента Министерства иностранных дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оказанию государственных информационно-консультационных услуг: Приказ МИД России от 14.05.2012 N 7063 //Российская газета. – 2012. - N 162. - 18.07.
6. Публичные услуги: правовое регулирование (российский и зарубежный опыт): Сборник /Под ред. Е.В. Гриценко, Н.А. Шевелевой. М., 2007. – С.51.
7. Публичные услуги и право: Научно-практическое пособие. /Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2011. – С.13.
8. Талапина Э., Тихомиров Ю. Публичные функции в экономике //Право и экономика. - 2012. - № 6. - С. 5.
8. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные //Журнал российского права. - 2013. - № 10. - С. 16 -
9. Тихомиров Ю.А., Чеснокова М.Д. Совершенствование организации управления и оказания публичных услуг //Журнал российского права. - 2013. - № 3. – С.91.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПРОЕКТОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ КООРДИНАЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ)

Максуров Алексей Анатольевич

К.ю.н., доцент кафедры теории государства и права, г. Ярославль

Все мы живем в мире проектов. Даже сама наша жизнь, жизнь отдельного человека является проектом, а его судьба, видимо, результатом данного проекта. Проекты бывают очень разными и могут различаться по своему размеру, природе, сложности, отношению к вопросам качества, охвату и т. д.

Классификация (лат. clasis – разряд и facere – делать) – особый случай применения логической операции деления объема понятия [3, 231].

Она представляет собой группировку данных по принципу подобия или различия. Это позволяет дать содержательную характеристику наиболее существенных

классов той или иной системы, раскрывающих их взаимодействие, взаимопроникновение, субординацию и органичное составление ими единой исходной целостности. Правильность и полнота классификации зависят, прежде всего, от выбора ее основания, которым выступает наиболее существенный признак, определяющий все остальные признаки классифицируемого явления. При этом следует помнить, что всякая классификация является результатом некоторого огрубления действительных граней между видами, так как они всегда условны и относительны.

Науке известны различные виды классификаций. Так, в логике классификации принято делить на естественную и искусственную. Естественной считается такая классификация, в основе которой находится существенный признак, определяемый природой изучаемых предметов и явлений. Напротив, в основе искусственной классификации лежит произвольно взятый признак, имеющий значение с практической точки зрения для цели производимого исследования той или иной работы. Существуют распространительные классификации, когда исходный класс объектов последовательно подразделяется на виды и подвиды по различным основаниям. Есть такие классификации, в соответствии с которыми исходный класс объектов делится по независимым, не связанным в строгую систему основаниям. В результате получается несколько рядом расположенных классификаций (соделений), раскрывающих с различных сторон структуру понятия класса объектов.

Следует упомянуть и о дихотомических классификациях. Это деление по наличию или отсутствию признака. С логической точки зрения, дихотомические классификации обладают существенным недостатком – их отрицательное подразделение слишком неопределенно, требует дальнейшего раскрытия объема. Поэтому дихотомические деления рассматриваются в науке как материал для построения более совершенной классификации.

Широко используются приемы классификации и в праве. Например, это классификация в законодательстве – «один из уникальных, относительно самостоятельных, объективно существующих и реально функционирующих приемов законотворческой техники» [2, с. 31]. Классификация – это «государственно-властная, нормативная дифференциация объектов правовой сферы, устанавливающая между ними императивно фиксированный характер взаимосвязи в виде должного, запрещаемого, возможного, поощряемого, либо рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности» [2, с. 29].

На наш взгляд, классификация правовых проектов, как и всякая классификация, служит средством систематизации, предпосылкой научного анализа изучаемого объекта. Разделяя объект на части, она позволяет изучить его в детализированном виде. Одновременно она призвана соединить разнообразные и порой противоречивые проявления объекта, связать их в единую цельную систему. Таким образом, выступая как средство научной систематизации, классификация выполняет свое главное предназначение.

Разнообразие проектов может проявляться в многочисленности форм, объемов, содержания, многообразии поставленных целей, применяемых ресурсов, моделей финансирования, уровней сложности – выполнимости или невыполнимости, состава исполнителей и многом другом. В целях устранения этой сложности и для удобства рассмотрения различных проектов принято классифициро-

вать их по различным признакам. Можно выделить несколько оснований классификации типов проектов. Рассмотренные в совокупности, они позволяют лучше понять природу и типологию этого важного явления организационной деятельности. Это связано с тем, что все существующие проекты очень разнообразны и с некоторыми из них нам приходится сталкиваться изредка, а с некоторыми – постоянно.

Авторы выделяют различные виды классификационных признаков.

И.И. Мазур и В.Д. Шапиро, например, пишут, что «в связи с тем, что методы управления проектами в значительной степени зависят от масштаба (размера) проекта, сроков реализации, качества, ограниченности ресурсов, места и условий реализации, рассмотрим основные виды т. н. специальных проектов, в которых один из перечисленных факторов играет доминирующую роль и требует к себе особого внимания, а влияние остальных факторов нейтрализуется с помощью стандартных процедур контроля...»¹. Указанные авторы классифицируют проекты по масштабам, срокам реализации, качеству исполнения, ограниченности ресурсов, конструктивному исполнению, участникам [1, с.76].

Обратимся первоначально к классификациям проектов, упоминающимся в экономической науке. Нам представляется, что данная классификация вполне применима и в праве. Приведем обычные классификационные признаки.

1. Природа проекта:

- инвестиционные проекты — проекты, подразумевающие использование внутренних или внешних (по отношению к компании) инвестиций и предполагающие их обязательный спланированный и своевременный возврат и увеличение. Например, создание транспортно-логистического центра как бизнес-единицы, создание объекта гражданского строительства и т. п.;
- неинвестиционные проекты — проекты, подразумевающие использование внутренних или внешних затрат и не предполагающие их непосредственный возврат. Например, построение функциональных моделей бизнес-процессов, обучение компании, внедрение технологии управления проектами, спонсорские или благотворительные мероприятия, проекты развития и т. п.

2. Вид проекта: учебно-образовательные проекты; исследований и развития; инновационные; комбинированные.
3. Функциональная направленность проектов: маркетинговые проекты; организационные; технические; информационные; социальные; экономические; смешанные.
4. Место проекта в структуре бизнес-процессов компании: проекты, связанные с основным бизнес-процессом; проекты, связанные со вспомогательным бизнес-процессом; проекты развития бизнеса.
5. Объекты проекта, например проекты, связанные с: бизнес-процессами или их функциями; товарами (услугами) компании; подразделениями, дочерними и зависимыми предприятиями компании; техническими объектами или персоналиями; социально-культурными объектами (учреждения культуры, образования, спорта, религии, социальной поддержки граждан и т. п.); экологией.

¹ Мазур И.И., Шапиро В.Д. и др. Управление проектами. Справочник для профессионалов. - С.76.

6. Цели проекта, где выделяют проекты, нацеленные на прирост объема продажи товаров (услуг); увеличение доли компании на рынке; расширение (обновление, сокращение) ассортимента товаров (услуг); повышение качества товаров (услуг) компании; снижение издержек обращения товаров (затрат на услуги) компании; решение общественно значимых проблем (политических, социальных, благотворительных, экологических и др.).
7. Длительность проекта: краткосрочные проекты; среднесрочные; долгосрочные.
8. Объемы необходимых для проекта финансовых ресурсов: проекты с малыми затратами; проекты со средними затратами; проекты с большими затратами.
9. Степень новизны (неопределенности) целей проекта и процесса их достижения: проекты, новые по отношению к бизнесу компании или исполнителю; проекты, родственные бизнесу компании или исполнителю; повторяющиеся; типовые.
10. Способ финансирования проектов, где выделяют проекты, финансируемые за счет: внутренних источников; дополнительных средств владельцев бизнеса (в том числе за счет первичной или дополнительной эмиссии ценных бумаг компании); кредитов (займов); проекты с бюджетным финансированием; проекты со смешанными источниками финансирования.
11. Класс проектов (сфокусированность на одном или нескольких результатах): монопроект; мультипроект; мегапроект.
12. Сложность проекта: простые; сложные; очень сложные.
13. Масштаб проекта (количество подрядчиков, количество участников): мелкие; средние; крупные; очень крупные.

Особую роль играет классификация по роли и связи со стратегией компании. Любая компания имеет миссию и соответственно связанное с ней видение бизнеса. Последнее, в свою очередь, определяет стратегию предприятия на конкретный срок. Стратегия также может распадаться на заданный набор микростратегий, которые и могут (или должны) достигаться посредством реализации проектов. Таким образом, возникает очевидная классификация на стратегические, оперативные и вспомогательные проекты. Причем стратегические проекты могут получать приоритет при отборе.

Принцип классификации должен быть разработан в каждой компании, которая имеет портфель проектов. Классификация может быть комплексной, например, учитывать несколько критериев одновременно. Она позволяет систематизировать портфель, предложить принципы отбора проектов. Участники проектной деятельности легче понимают специфику проектов, в которых они работают. Классификация проектов — также очень важная часть цивилизованного управления проектами в компаниях, где присутствует портфель проектов. Это позволяет стандартизировать терминологию, упростить взаимопонимание всех участников. Классификация проектов является неотъемлемой частью регламента или стандарта по управлению проектами компании.

Использование в качестве критерия классификации показателя «Место в структуре бизнес-процессов компании» позволило предложить следующие категории: основные бизнес-проекты (проекты, ориентированные на основных заказчиков, использующие основную компетенцию компании и приносящие основную прибыль), неосновные бизнес-проекты (проекты, ориентированные на второстепенных заказчиков, использующие основную

компетенцию компании и приносящие дополнительную прибыль), проекты развития или корпоративные (вспомогательные затратные проекты, поддерживающие основные и неосновные проекты), имиджевые и благотворительные проекты (затратные проекты, работающие на повышение имиджа компании).

Многообразие правовых проектов, с которыми приходится сталкиваться в реальной жизни, крайне значительно. Правовые проекты могут существенно различаться по сфере приложения, составу, предметной области, масштабам, длительности, составу участников, степени сложности, влиянию результатов, целевым установкам, затратности, ресурсообеспеченности и т.п., Следовательно, неизбежно возникает вопрос о классификации правовых проектов, что имеет важное не только теоретическое, но и сугубо практическое значение.

Основываясь на выделении признаков, предложенном М.Л. Разу [2, с.37], мы полагаем возможным выделить следующие классификационные признаки правовых проектов.

Прежде всего, речь должна идти о классе проекта.

Классы возможно выделять по составу и структуре проекта: монопроект (отдельный проект различного типа, вида и масштаба), мультипроект (комплексный проект, состоящий из ряда монопроектов и требующий применения многопроектного управления) и мегапроект (например, целевые программы, включающие в себя ряд моно- и мультипроектов). Используя этот критерий выделения типов проектов, мы можем говорить об отдельных, единичных программах различного вида и объема, а также о сложных, многосоставных проектах, компонентами которых являются уже вышеназванные единичные программы. Кроме того, здесь можно выделить наиболее сложные по структуре программы развития целых регионов или сфер. В определенном смысле это, одновременно, и классификация проектов по структуре.

Некоторые специалисты-практики, однако, полагают, что здесь же возможно и выделение видов проектов по объему. При этом выделяя типы существующих проектов по данному принципу, необходимо учитывать, как размер самого проекта, так и количество исполнителей, задействованных для его осуществления. Предлагаемые этим критерием типы проектов весьма условны: их можно поделить на мелкие, средние и крупные.

Например, расследование конкретного уголовного дела является монопроектом. Правоохранительная деятельность Следственного Комитета РФ или всей правоохранительной системы России является уже мультипроектом. Охранительную функцию государства и права можно считать мегапроектом. Право, таким образом, выступает в качестве системы мегапроектов, где все иные правовые явления являются совокупностью его составляющих элементов.

Понятно, что данное деление весьма и весьма условно и изменчиво. Мы и не стремимся предложить раз и навсегда некую единую устойчивую классификацию и, в большей степени, нацелены на ориентирование читателя в самостоятельном выделении проектных классов. Принципиальным для нас является четкая фиксация разницы между правовыми проектами различных классов и если для монопроекта и мегапроекта она достаточно очевидна, то в отношении мультипроектов она объективно неустойчива и волатильна.

Малые проекты невелики по масштабу, просты и ограничены объемами. Они допускают ряд упрощений в процедуре проектирования и реализации, формировании

команды проекта (можно просто кратковременно перераспределить интеллектуальные, трудовые и материальные ресурсы). Вместе с тем затруднительность исправления допущенных ошибок в связи с дефицитом времени на их устранение требует весьма тщательного определения объемных характеристик проекта, участников проекта и методов их работы, графика проекта и форм отчета, а также условий контракта. Для таких проектов рекомендуется: назначать одного управляющего (координация должна осуществляться одним лицом); гибкую организацию команды проекта, обеспечивающую взаимозаменяемость ее членов; максимально простую форму графика проекта; четкое знание каждым членом команды своих задач и объемов работы и т.п.

Мегапроекты — это целевые программы, содержащие множество взаимосвязанных проектов, объединенных общей целью, выделенными ресурсами и отпущенным на их выполнение временем. Такие программы могут быть международными, государственными, национальными, региональными (например: в отношении свободных экономических зон, республик, малых народностей Севера и т. д.), межотраслевыми (запрашивать интересы нескольких отраслей экономики), отраслевые и т.п.

Остальные типы проектов стоят «посередине» между малыми проектами и мегапроектами.

В отношении данного деления важно подчеркнуть их иерархичность, что требует и их взаимной непротиворечивости: монопроекты должны соответствовать мультипроектам, а первые и вторые — мегапроектам. К сожалению, в современной российской (да и не только) действительности многие мегапроекты высших должностных лиц государства по своим целям, задачам и т.п. непонятны не только рядовым гражданам, но и, зачастую, нижестоящим должностным лицам, призванным участвовать в реализации этих мегапроектов, обеспечивая реализацию своих собственных монопроектов.

Список литературы

1. Мазур И.И., Шапиро В.Д. и др. Управление проектами. Справочник для профессионалов. – 215 с.
2. Разу М.Л. Управление программами и проектами. – М., 2000. – 341 с.
3. Чуманов Е.В. Классификация в российском законодательстве. Автореф. дисс. канд. юр. наук. Н.Новгород, 2005. – 101 с.
4. Философский словарь. - М., 1975. – 981 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ»

Милорадов Сергей Альбертович

канд. пед. наук, доцент, декан юридического факультета Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Иркутск

Категория «правовое воспитание» в теории права используется, когда говорят об условиях, закономерностях, принципах и процессе формирования правосознания и правовой культуры. Принимая во внимание непосредственную взаимосвязь правосознания и правовой культуры со всеми правовыми явлениями и позитивным правом, включая отношение к последнему со стороны членов общества, следует признать важность и принципиальность категории «правовое воспитание» для теории права. Кроме того, наиболее оптимальное и корректное теоретическое осмысление данной категории имеет принципиальное значение в области практической деятельности по формированию правосознания и повышению уровня правовой культуры личности и общества.

Термин «правовое воспитание» употребляется во многих нормативно-правовых актах Российской Федерации, так или иначе касающихся организации деятельности правоохранительных и иных государственных органов и учреждений, а также вопросов образования, правового сознания, правовой культуры, правовой грамотности, правовой информации и т.п. О правовом воспитании говорится в Федеральных законах (например, в «Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ; «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1; «Семейном кодексе Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ и др.); указах Президента РФ (например, «Об изучении Конституции Российской Федерации в образовательных учреждениях» от 29.11.1994 № 2131; «О Концепции правовой информатизации России» от 28.06.1993 № 966; «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 — 2017 годы» от 01.06.2012 № 761); в постановлениях Правительства РФ, в нормативных актах министерств и ведомств, в государственных образовательных стандартах юридиче-

ского образования для всех ступеней высшего профессионального образования и др. Развитие правового обучения и воспитания является основным направлением государственной политики России, что отражено в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденных Президентом России 28.04.2011 г. № Пр-1168.

В этих документах определяется цель правового воспитания, а именно формирование правовой культуры личности; устанавливается необходимость участия государственных органов и учреждений в обеспечении условий для развития системы правового воспитания в обществе.

Однако, во всех нормативно-правовых актах термин «правовое воспитание» употребляется без разъяснений того, что под ним понимается. Хотя в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ даётся определение педагогической категории «воспитание» (см. ниже), юридический термин «правовое воспитание», безусловно, требует своей дефиниции, которая была бы закреплена нормативно. Предполагается, что законодательное закрепление данного термина (равно как и других рядоположенных: гражданское воспитание, патриотическое воспитание и др.) обеспечит большую структурированность гражданско-правового аспекта теории педагогики и, как следствие, большее разнообразие способов его реализации в педагогической практике. Возможно, что это упущение обусловлено отсутствием общепринятого определения и множественностью подходов к пониманию термина «правовое воспитание».

Осмысление категориальных понятий в любой науке отражается, прежде всего, в их определении. Оче-

видно, что понятие «правовое воспитание» является видо-вым по отношению к родовому понятию «воспитание», то есть имеет все его признаки при наличии своих отличительных особенностей. Понятие «воспитание» выражается междисциплинарным термином «воспитание», используемым в философии, психологии, социологии, педагогике и смежных с ними научных дисциплинах. Учитывая, что правовое воспитание является одним из средств формирования правосознания и, как следствие, повышения уровня правовой культуры, что актуально как для теории права, так и для криминологии, представляется целесообразным рассмотреть категорию «правовое воспитание» как общую для теории права и педагогики. Следует отметить, что, например, для криминологии термин «правовое воспитание» не является категориальным, но результаты теоретических правоведческих и педагогических исследований важны и для этой отрасли юридической науки.

Анализ определений понятий «правовое воспитание» в теории права и «воспитание» в педагогике, приведённых в учебниках, монографиях и статьях по соответствующим научным дисциплинам, выявил неоднозначность подходов к толкованию данных понятий.

Во-первых, в теории права понятие «правовое воспитание» рассматривается, как правило, в одном значении (Акимова Т.И., Бабаев В.К., Венгеров А.Б., Власенко Н.А., Григорьева И.В., Кваша А.А., Малько А.В., Мелехин А.В. и др.), хотя некоторые авторы рассматривают его в широком и узком смыслах (Алексеев С.А. [2], Емельянов Н.С. [6]). Различаясь в субъективном осмыслении данного понятия, практически, все определения толкуют «правовое воспитание» как процесс формирования правового сознания и повышения уровня правовой культуры. Например, «... представляется возможным определить правовое воспитание как целенаправленную систематическую деятельность государственных органов, общественных организаций, граждан и их коллективов по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры личности, для обеспечения эффективного правового регулирования общественных отношений, соблюдения в обществе законности и правопорядка» [19, с. 442].

Во-вторых, определяющие части исследованных дефиниций различаются в трактовке сущности понятия. Это и «систематическое воздействие на личность» (Акимова Т.И.) [1]; и «деятельность по трансляции (передаче) правовой культуры, правового опыта» (Перевалов В.Д. [18, с. 218]); и «целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан» (Бабаев В.К. [14, с. 488]); «процесс воздействия на сознание личности, социальных групп и общества» (Матевосова Е.К. [10, с. 30]); и передача, накопление, усвоение правовых знаний и опыта (Кваша А.А. [7]); и «система мер» (Венгеров А.Б. [3, с. 585], Науменкова К.В. [13]), и «процесс ... воздействия на сознание и культуру поведения» (Мелехин А.В. [11, с. 474]), и «система средств целенаправленного воздействия» (Власенко Н.А. [4, с. 328]), и даже «внедрение в сознание» (Мельников В.Ю. [12, с. 11]).

Ни в одном из приведённых выше примеров не отражена важнейшая сущностная характеристика воспитания (правового воспитания) — совместность деятельности воспитателя и воспитуемых. Возможно, что для категориального определения это значение будет избыточным, но в этом случае следует избегать и таких определителей как «воздействие», «трансляция», «передача», «внедрение» и т.п., носящих односторонний, однонаправленный характер. Для более полной определённости, сле-

дует отметить, что эти действия могут являться частью педагогического процесса, но никак не характеризующими категорию «воспитание» («правовое воспитание»).

Нельзя согласиться и с положениями, что объектом такого воздействия («внедрения в сознание») является «психология граждан» и их сознание. Вообще, психология, прежде всего, определяется как наука о человеческой психике. В значении, употребляемом, например, Бабаевым В.К. (см. выше), термин «психология» синонимичен термину «психика» и отражает, скорее, его общеупотребительное понимание, чем научное. Сознание — это субъективное отражение в человеческой психике объективной реальности и является одной из трёх составляющих личности человека. В самом общем понимании личность есть единство биологического, рационального и духовного, реализующаяся в разнообразных социальных отношениях, что проявляется в её общественном поведении. В юридическом смысле такая реализация подразумевает использование своих прав и свобод, а также исполнение обязанностей и может проявляться как в правомерном, так и в неправомерном поведении. Таким образом, правовое воспитание подразумевает формирование правовой личности, где формирование правового сознания будет частью такого процесса.

В-третьих, определения различаются в отношении установления объекта воспитания. В большинстве дефиниций в качестве объекта выделяется личность, но также встречается и иное понимание объекта, как то «член общества» и «трудовой коллектив» (Мелехин А.В.), «человек» (Перевалов В.Д.), «гражданин» (Григорьева И.В. [5, с. 57]), «граждане и должностные лица» (Венгеров А.Б., Малько А.В. [9, с. 53]), «индивиды и социальные группы» (Чепурнова Н.М., Серёгин А.В.) [20, с. 421], «социальные группы и общество» (Матевосова Е.К.).

В-четвёртых, в качестве субъекта воспитания правоведы выделяют либо государство (Власенко Н.А., Григорьева И.В.), государственные органы и учреждения (Малько А.В., Юрковский А.В.), общественные структуры, средства массовой информации (Григорьева И.В.), трудовые коллективы (Чепурнова Н.М.), общественность (Малько А.В.), либо не указывают на субъект.

В педагогике, однако, также нет единого подхода к пониманию данной научной категории, но в этой науке она более изучена и, как следствие, более структурирована, несмотря на различие подходов.

Один из распространённых подходов к определению воспитания в современной педагогике отражён в следующей дефиниции: «Воспитание понимают: в широком социальном смысле, когда речь идет о воздействии на человека всей окружающей действительности; в широком педагогическом смысле, когда имеется в виду целенаправленная деятельность, охватывающая весь учебно-воспитательный процесс; в узком педагогическом смысле, когда под воспитанием понимается специальная воспитательная работа; в еще более узком значении, когда имеется в виду решение определенной задачи, связанной, например, с формированием нравственных качеств (нравственное воспитание), эстетических представлений и вкусов (эстетическое воспитание)» [15, с. 7]. Таким образом, Ю.К. Бабанский выделил четыре возможных подхода к пониманию категории «воспитание». В «Российской педагогической энциклопедии» понятие «воспитание» освещается в трёх значениях, совпадающих с точкой зрения Ю.К. Бабанского, но без третьего значения [6, с. 165]. Не все учёные-педагоги разделяют эту точку зрения. Так Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. расширяют количество толкований понятия «воспитание» до семи [8, с. 23]. Также

существует в современной педагогике и такой подход, когда воспитание рассматривается в двух смыслах: широком и узком. «Воспитание в широком смысле рассматривается как общественное явление, как воздействие общества на личность. В данном случае воспитание практически отождествляется с социализацией. Воспитание в узком смысле рассматривается как специально организованная деятельность педагогов и воспитанников для реализации целей образования в условиях педагогического процесса» [16, с. 235].

В связи с вышеизложенным встаёт вопрос о соотношении понятий «правовое воспитание» в теории права и «воспитание» в педагогике. В решении этого вопроса усматривается, как минимум, два подхода. С одной стороны, если к этим понятиям подходить с точки зрения иерархичности и многозначности определений, то правовое воспитание можно рассматривать как правовой аспект содержания воспитания, присутствующий во всех возможных значениях, предлагаемых разными учёными. То есть, в значении «социализация» — говорить о правовой социализации; в значении деятельности, охватывающей весь учебно-воспитательный процесс [15, с. 7] — о правовой составляющей такой деятельности; в значении решения конкретной воспитательной задачи — о формировании правовых знаний, ценностей, норм, правомерного поведения и т.д.

С другой стороны, правовое воспитание можно определить однозначно, основываясь на определении, приведённом в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ: «Воспитание — деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства».

Анализ педагогических и правоведческих определений позволяет сделать выводы, на основе которых можно дать определение понятия правового воспитания, способного удовлетворить потребностям законотворчества и правореализации в рассматриваемом аспекте:

Во-первых, представляется целесообразным не рассматривать понятия «воспитание» и «правовое воспитание» в широком смысле, который все авторы обоснованно отождествляют с социализацией, и использовать в этом смысле термин «социализация», в правовом аспекте — «правовая социализация». При этом социализация будет иметь свои, отличающиеся от педагогических, цели, условия их реализации, своё содержание и методы его претворения в жизнь.

Во-вторых, научный термин стремится к однозначности вообще, поэтому необходимо придерживаться однозначности и в определении правового воспитания, в частности. В то же время, такое определение должно быть достаточно общим, охватывать лишь существенные признаки понятия, чтобы быть способным удовлетворять как теоретическим, так и практическим потребностям.

В-третьих, необходимо в определении выделить субъект и объект процесса воспитания как обязательные элементы педагогической системы. В предлагаемой ниже дефиниции это будут «воспитатель (коллектив воспитателей)» и «воспитуемые», что отражает функциональное, а не институциональное или должностное содержание субъекта и объекта.

В-четвёртых, во всех определениях присутствует понимание воспитания как специально организованной деятельности, направленной на формирование личности,

что передаёт сущность этой категории в общем. Все попытки более детально раскрыть сущность воспитания в определениях, по убеждению автора данной статьи, суть попытки охватить все аспекты процесса воспитания, отразить признаки, не являющиеся ключевыми. В этом отображается многосложность, разнонаправленность и полифункциональность воспитания.

В-пятых, определение должно в общем виде отражать цели воспитания.

Всё вышеизложенное позволяет определить понятие «правовое воспитание» следующим образом:

Правовое воспитание — это совместная деятельность воспитателя (коллектива воспитателей) и воспитуемых, направленная на формирование личности, обладающей высоким уровнем правосознания и правовой культуры (правовой личности), создание условий для её правовой социализации на основе принятых в обществе норм правомерного поведения в интересах человека, семьи, общества и государства.

По мнению автора, предложенная трактовка определения категории «правовое воспитание» в самом общем виде отражает сущностные характеристики данной научной категории, что позволяет эффективно пользоваться дефиницией в правовых и педагогических теоретических исследованиях и практической деятельности, имеющих разнообразные цели и задачи. Возможно, именно такой подход к определению позволит рассмотреть вопрос о её законодательном закреплении.

Литература

1. Акимова Т.И. Правовая пропаганда как способ формирования позитивных элементов правового сознания, определяющих показатель лояльности правосознания [Электронный ресурс]. URL: <http://tsu.tmb.ru/nu/kon/arhiv/2004/kon1.11/sek2/2/> (26.02.2015).
2. Алексеев С.А. Теория государства и права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading-lib.com/chapter.php/1566/146/Alekseev> (дата обращения 17.03.2015).
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Новый Юрист, 1998. — 456 с.
4. Власенко Н.А. Теория государства и права. М.: Проспект, 2011. — 416 с.
5. Григорьева И.В. Теория государства и права. Тамбов: Изд. Тамб. гос. техн. унта, 2009. — 304 с.
6. Емельянов Н.С., Бережкова Н.Ф. Правовое воспитание и предупреждение правового конфликта // Административное право и процесс. 2012. N 3.
7. Кваша А.А. Правовые установки граждан: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Волгоград, 2002. — 18 с.
8. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 176 с.
9. Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях. М.: Проспект, 2010. — 144 с.
10. Матевосова Е.К. Значение правового воспитания в условиях построения правового государства // Юридическое образование и наука, 2012. N 2.
11. Мелехин А.В. Теория государства и права. М.: Маркет ДС корпорейшн, 2007. — 633 с.
12. Мельников В.Ю. Правосознание и правовое воспитание личности в демократическом, правовом государстве // Культура: управление, экономика, право. 2012. N 3.

13. Науменкова К.В. Проблемы правового воспитания граждан России на рубеже веков. [Электронный ресурс]. URL: <http://tsu.tmb.ru/nu/kon/arhiv/2004/kon22.03/sek1/13.htm> (26.12.2014).
14. Общая теория права. Курс лекций / Под общей редакцией профессора В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. — 544 с.
15. Педагогика / Под ред. Ю.К. Бабанского. М., 1983. — 384 с.
16. Российская педагогическая энциклопедия. // Под ред. В.В. Давыдова. М., 1993. — 608 с.
17. Сластенин В.А. Педагогика / Под ред. В.А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 576 с.
18. Теория государства и права / Отв. ред. В.Д. Перевалов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 496 с.
19. Юрковский А.В. Теория государства и права. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2011. — 595 с.
20. Чепурнова Н.М., Серёгин А.В. Теория государства и права. М.: ЕАОИ, 2007. — 465 с.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ – ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Муратова Эльмира Муратовна
Магистр юридических наук

Важнейшим средством обеспечения прав ребенка в Республике Казахстан является дальнейшая гармонизация национального законодательства, с международноправовыми актами, направленными на охрану лиц несовершеннолетнего возраста, создания «внутриотраслевого» механизма предупреждения нарушений прав ребенка, наиболее полная имплементация универсальных стандартов ювенальной юстиции в казахстанское законодательство и социальную практику. В Послании главы государства народу Казахстана, в одном из приоритетов названа «необходимость софокусировать наше внимание на растущей проблеме подростковой преступности и предусмотреть меры для ее снижения» [1].

«Ювенальная юстиция в Казахстане» признана уникальным проектом благодаря созданию так называемой «групп защиты».

Ювенальная юстиция – понятие в Казахстане новое и непривычное, прежде всего это совокупность правовых норм в отношении несовершеннолетних жертв преступления и несовершеннолетних преступников. Сама система ювенальной юстиции – это сеть как государственных, так и негосударственных учреждений, и организаций, совместно работающих с несовершеннолетними правонарушителями, деятельность которых осуществляется на основе законоположений и процессуальных норм. В целях дальнейшего развития и совершенствования ювенальной юстиции в Казахстане, ученые принимают участия в совместных проведенных республиканских конференции. Данное направление социальной политики в области детства является формированием и развитием ювенальной юстиции в Казахстане.

Фундаментом создания ювенальной юстиции в Казахстане послужил международный опыт стран Европы и США.

В преамбуле Декларации по правам ребенка в 1959 году предложено реализовать обязанность человечества – дать ребенку наилучшее, что оно имеет, ради обеспечения детям счастливого детства и использования лишь на их благо и благо общества гарантированных прав и свобод человека [2]. Правила ООН 1999 года по защите прав несовершеннолетних, говорят о необходимости создания «системы правосудия в отношении несовершеннолетних», т.е ювенальной юстиции [3]. Разработан проект КУИС Минюста РК, госорганов и НПО; который одобрен 19 августа 2008 года Указом Президента Республики Казахстан «О

Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы». Нерешенный вопрос заключается в создании полноценной системы кадров в ювенальной юстиции и института социальных работников.

В ст. 1 Конституции РК приоритет прав и свобод человека и гражданина должен иметь в первую очередь обеспечение их в отношении несовершеннолетних [4].

Несовершеннолетний, оказавшийся в конфликте с законом, нуждается в помощи, а именно в комплексном сопровождении и поддержке в процессе судопроизводства. Для всех или почти всех несовершеннолетних, вставших на путь совершения преступлений, выбор такого варианта поведения непосредственно или в конечном счете связан с личностными деформациями. В отличие от личности с позитивными, одобряемыми обществом интересами и потребностями, развитие их у правонарушителей часто идет как бы в обратном направлении. Бесцельное время препровождение формирует соответствующий негативный интерес. Он закрепляется в привычках, которые, в свою очередь, ведут к формированию социально-негативных потребностей. Соответственно, искаженному развитию потребностей на поведенческом уровне вырабатываются привычки к общественно опасным, противоправным способам их удовлетворения. Чаще привлекаемые к ответственности это безработные, нигде не обучающиеся подростки, которые из неблагополучных и неблагоприятных семей. Привлекаются в основном за хулиганство, грабеж, изнасилование, угон автотранспорта, где большая часть несовершеннолетних находились в алкогольном и наркотическом состоянии.

К числу характерных личностных особенностей несовершеннолетних, совершающих преступления, относятся и существенные деформации их нравственных и правовых ценностных ориентации. В эмоционально-волевой сфере подростков, совершивших преступления, чаще всего фиксируются ослабление чувства стыда, равнодушное отношение к переживаниям других, несдержанность, грубость, лживость, несамокритичность. Выраженное ослабление волевых качеств констатируется лишь в 15-25% случаев. Аномалии психики оказывают влияние на механизм формирования противоправного поведения, выступают в качестве условия, ускоряющего процесс деградации личности, а также фактора, оказывающегося на выборе формы реакции на конфликтную ситуацию, на

формирование специфической преступной мотивации. Основной причиной более интенсивного возникновения и развития психогенно обусловленных аномалий у воспитания, выражающиеся в том числе и в наличии различных нервно-психических заболеваний у родителей, в их алкоголизме и пьянстве, противоправном и аморальном образе жизни, жестокости в семьях. Неокрепшая психика подростка ломается еще быстрее, а процесс восстановления становится еще более затратным и трудоемким. В этой связи возникла необходимость изменения методов работы с несовершеннолетними в системе уголовного правосудия, и было принято решение о создании ювенальной юстиции в республике.

В Семей со 2 июля 2012 года заработали специализированные ювенальные суды. Несовершеннолетние – это самая незащищенная категория граждан и роль ювенального суда вернуть в общество лиц, не достигших 18 лет. Судами в отношении несовершеннолетних применяются в основном меры наказания, не связанные с лишением свободы. Суды все чаще применяют нормы Уголовного Кодекса РК предусматривающие освобождение подростков от уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой либо средней тяжести. При этом судами

назначаются принудительные меры воспитательного воздействия.

Применяя разнообразные формы и методы правовой пропаганды, правового воспитательного воздействия в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних, сотрудники органов внутренних дел доводят юридические знания не только до подростков, но и до их родителей, педагогов, общественного актива, участвующего в воспитательной работе с подрастающим поколением.

Использованная литература

1. Послание Президента Республики Казахстан от 27.01.2012г.
2. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной ассамблеи ООН от 20 ноября 1959года.
3. Правила ООН 1999года по защите прав несовершеннолетних.
4. Конституции Республики Казахстан от 30.08.1995г.
5. Королев В.В. – «Спорные аспекты, проблемы криминальности психических нарушений у несовершеннолетних», М.1981г.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ, КАК ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Палехин Максим Валерьевич

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела этической, правовой и социологической экспертизы в медицине Государственного бюджетного учреждения «Волгоградский медицинский научный центр», г. Волгоград

Исследование механизма гражданско-правовой защиты прав военнослужащих представляет интерес в силу особенностей военной службы, ибо данная категория граждан никогда не может быть полностью защищена от негативных последствий исполнения обязанностей военной службы. Важно создать условия для беспрепятственной реализации военнослужащими своих прав, т.е. исключить существование каких-либо иных, кроме юридически установленных, ограничений для их осуществления.

В то же время действующие нормативно-правовые акты, призванные регулировать общественные отношения с участием военнослужащих, отличаются определенной несогласованностью, что снижает эффективность их применения. Судебная практика по защите прав военнослужащих нередко носит противоречивый, несистематизированный характер, требует тщательного анализа и научно-практического комментария.

Статья 59 Конституции РФ закрепляет, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации, который несет военную службу в соответствии с федеральным законом.

Военнослужащие выступают отдельной социальной группой граждан, состоящей из индивидуальных субъектов права, которые осуществляют функции по вооруженной защите государства и выполняют функциональные задачи в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых законом предусмотрена военная служба.

Не вызывает никакого сомнения, что указанная категория граждан подвержена повышенному риску в отно-

шении нарушения базовых прав и свобод человека и гражданина. Данный риск подтверждается внесением в ноябре 2013 г. Главной военной прокуратурой представления о принятии дополнительных мер по обеспечению безопасности военной службы и в частности, об отказе от привлечения к опасным работам военнослужащих, не прошедших специальную подготовку, в адрес начальника Генерального штаба ВС РФ - первого заместителя Министра обороны РФ [1].

Указанное подтверждается заявлением Президента РФ В.В. Путина о том, что неизменным приоритетом остается решение социальных проблем и вопросов военнослужащих, сделанное 19 декабря 2014 года на Расширенном заседании коллегии Министерства обороны РФ [2].

Согласно Конституции в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. Гражданско-правовая защита конкретизирует эту конституционную норму: каждый, чье субъективное право нарушено или оспорено, вправе обратиться за защитой в компетентные организации. Государство возлагает на себя обязанность при помощи своих органов способствовать восстановлению нарушенного правового состояния гражданина или иного субъекта, в том числе военнослужащего.

Существуют различные средства охраны прав и законных интересов военнослужащих. Среди них значительная роль принадлежит гражданско-правовым нормам. Хотя они не выступают регулятором отношений власти и подчинения, но охрана прав военнослужащих, а также ее

гражданско-правовая составляющая, являются немало-важной составляющей полноценной деятельности, как отдельных военнослужащих, так и воинских подразделений в целом. Исследование способов охраны прав военнослужащих имеет важное научное и практическое значение, ибо вопрос об их применении имеет важное значение в практической правоприменительной деятельности.

Законодательство, как известно, не содержит легального определения способов защиты. В литературе также не выработано единого подхода к решению этого вопроса, а представленные варианты достаточно многообразны. Рассмотрение данных вариантов показывает, что практически все они схожи в тех юридически значимых признаках, которые влияют на определение способа защиты.

А.П. Вершинин определяет способы защиты как предусмотренные законом действия, непосредственно направленные на устранение препятствий в осуществлении субъективных прав [3, с. 55].

Т.И. Илларионова рассматривает средства защиты как элемент содержания санкции [4, с. 46]. Данной позиции придерживается также М.Г. Пронина, которая полагает, что гражданско-правовые санкции выполняют функцию защиты прав путем их восстановления, предотвращения убытков, нормализации положения сторон [5, с. 106].

Т.И. Илларионова рассматривает способы защиты гражданских прав в качестве элементов гражданско-правовой охранительной системы. Под ней автор подразумевает совокупность мер правового принуждения, подчиненных началам всесторонней охраны нарушенных интересов. С этой позиции способы защиты (меры охраны) представляют собой «предписываемые (дозволяемые) варианты поведения управомоченных лиц (компетентных органов) по пресечению нарушений, восстановлению (компенсации) нарушенного интереса, созданию условий надлежащего осуществления субъективных прав, а в необходимых случаях – по имущественному ущемлению интересов нарушителя с целью активного «карательного воздействия» [4, с. 47].

А.А. Павлов также под способами защиты понимает законодательно закрепленные меры, посредством которых производится восстановление нарушенного субъективного права. Он уточняет, что способы защиты гражданских прав представляют собой закрепленные законодательством материально-правовые меры, применяемые в целях пресечения и предупреждения нарушений субъективных прав и охраняемых законом интересов, а также восстановления прав в случае их нарушения. По мнению этого автора, термин «меры» – синоним слова «способы». Мера – средство для осуществления, мероприятие. Другими словами, обеспечение реализации субъективных прав невозможно без эффективной системы мер охраны (защиты) [6, с. 18].

В Федеральном законе «О статусе военнослужащих» термин «способ защиты» гражданских прав не употребляется. Однако, на наш взгляд, учитывая особенности правового статуса указанной категории лиц, необходимо законодательно закрепить понятие способов защиты гражданских прав военнослужащих. Под способами защиты гражданских прав военнослужащих автор понимает закрепленные в федеральном законе материально-правовые меры принудительного характера, с помощью которых могут быть достигнуты: пресечение, предотвращение, устранение нарушения права военнослужащего,

восстановление права и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных прав данной категории граждан.

Ввиду многообразия правоотношений по защите прав военнослужащих важное значение приобретает надлежащая систематизация используемых в этих отношениях способов защиты. Обоснование системы способов защиты необходимо для их надлежащего научного и практического использования. Многогранность понятия «способы защиты» позволяет выделить в качестве их классифицирующих оснований широкий спектр различных признаков. Критериями классификации могут служить те свойства способов, которые оказывают наиболее заметное влияние на характер их использования и правового применения.

Одной из наиболее распространенных является классификация способов защиты по сфере их применения: на общие (универсальные) и специальные.

Сущность общих способов защиты состоит в их универсальном характере. Как отмечается в научной литературе, общие способы применяются «для защиты, как правило, любого нарушенного права», «когда для этого содержатся основания в самом характере совершенного действия» без особого, адресованного данному виду правоотношений, указания закона. Применение общих способов защиты может быть ограничено законом или иным нормативным актом, считает Ю.Г. Басин, кроме того, подобные ограничения могут также вытекать из особенностей защищаемых прав и характера правонарушений [7, с. 33]. В.В. Витрянский полагает допустимыми ограничения использования универсальных (общих) способов защиты в зависимости от существа правоотношения, самого способа защиты и субъекта гражданского права, исключающих возможность такого применения [8, с. 132].

На наш взгляд, между названными позициями нет кардинальных разногласий. По этому поводу А.А. Павлов пишет, что «особенности субъекта» должны быть включены в «особенности защищаемых прав», а «существо правоотношения» именно в этих последних находит свое отражение в наиболее принципиальном «выкристаллизованном» виде, в силу чего позиция Ю.Г. Басина наиболее приемлема.

Т.И. Илларионова подразделяет способы защиты на пресекательные, восстановительные, компенсационные и обеспечительные. Основанием для выделения группы мер пресечения является, по мнению автора, единый прием, определяющий их общее содержание, – лишение деяния силы юридического факта. Группа обеспечительных мер строится по единой модели – в качестве дополнительной гарантии осуществления своих прав управомоченным лицом. Характеристика компенсационных мер при этом сопровождается оговоркой об их относительной самостоятельности, и дальнейший их анализ проводится совместно с восстановительными мерами [9, с. 43]. Однако такой подход имеет недостатки. Компенсационный способ защиты выделяется в отдельную группу и одновременно признается несамостоятельным, что вызывает затруднение при выборе способа защиты. Кроме того, вне пределов классификации остаются такие способы защиты, как признание права, запрещение деятельности, содержащей опасность причинения вреда в будущем, и т. п.

Т.Б. Шубина предлагает разделить все способы защиты на две группы. Первая группа – это способы защиты

универсального характера (признание права, восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, нарушающих право или угрозу его нарушения; самозащита). Ко второй группе она относит способы защиты, вытекающие из однородных правоотношений (признание сделки недействительной, присуждение к исполнению обязанности в натуре) [10, с. 12].

Наиболее полное обоснование и анализ данной дифференциации представлены в работах А.П. Вершинина [11, с. 37-38]. Он разграничивает способы защиты на материально-правовые и юрисдикционные (процессуальные). Указанная классификация основана на сформулированном автором принципиальном выводе о том, что несмотря на перечисление способов защиты гражданских прав в ГК РФ, природа некоторых из них является не материально-правовой, а процессуальной. Мы видим, что в данном случае классифицирующим критерием выступает правовая природа (сущность) того или иного способа защиты.

Под материально-правовыми способами защиты А.П. Вершинин понимает действия субъектов материально-правовых отношений, направленные на защиту нарушенных прав [12, с. 13-18]. Основным классифицирующим признаком данных способов защиты является то, что они осуществляются самостоятельно субъектами материально-правовых отношений, без обращения в юрисдикционный орган [13, с. 16]. К таким действиям относятся возмещение убытков, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, отмена органом государственного управления своего акта, расторжение договора сторонами, уплата неустойки и ряд других способов защиты. Процессуальные способы являются действиями юрисдикционных органов, направленными на защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав. К ним А.П. Вершинин относит признание права, признание недействительной сделки или акта государственного органа, присуждение к исполнению обязанности в натуре.

Необходимо отметить выявленные А.П. Вершининим взаимосвязи и различия в характере и формах применения отдельных способов защиты. Вместе с тем предложенная им концепция существования материально-правовых и процессуально-правовых способов защиты в последние годы вызывает множество споров в праве. Справедливо доказывается существование двух взаимосвязанных институтов защиты: защиты в материальном смысле и защиты в процессуальном смысле, а также необходимость их четкого разграничения. Несмотря на тесную взаимосвязь и общую конечную цель, два соответствующих права не объединяются в единое целое. Форма реализации не определяет отраслевую принадлежность меры защиты, не подменяет ее содержание. Действительно, все перечисленные в ГК РФ способы защиты носят материальный характер, так как непосредственно обеспечивают защиту прав.

Г.Я. Стоякин в качестве критерия классификации способов защиты называет субъекта, управомоченного на реализацию способов [14, с. 7]. Однако мы присоединяемся к мнению А.А. Павлова, в соответствии с которым использование термина «форма реализации» более полно характеризует механизм применения того или иного способа, а также отражает взаимосвязь и взаимозависимость категорий «форма защиты» и «способ защиты» [6, с. 32].

Все способы защиты, согласно критерию классификации «форма реализации способа защиты», можно разделить на три группы:

1. неюрисдикционные или способы самозащиты (способы, реализация которых может осуществляться самим управомоченным субъектом без обращения в соответствующие юрисдикционные органы);
2. смешанные (способы, реализация которых может быть осуществлена как с помощью юрисдикционных органов, так и самим управомоченным субъектом);
3. юрисдикционные (способы, реализация которых может быть осуществлена только юрисдикционными органами).

А.А. Павлов полагает, что система способов защиты гражданских прав представляет собой объединенную общей целью и внутренне скоординированную выполняемыми функциями структурную совокупность отдельных взаимосвязанных элементов – мер защиты. Он считает, что при делении способов защиты по такому основанию, как их целевая направленность, необходимо исходить из анализа самого понятия защиты субъективного права. Защиту гражданских прав можно определить, как совокупность мер, направленных на устранение препятствий на пути осуществления субъектами своих прав и пресечение правонарушения, восстановление положения, существовавшего до правонарушения. Необходимость в защите возникает при наличии определенной «напряженности в осуществлении субъективного права». А.А. Павлов сводит подобные случаи «напряженности» к трем разновидностям: 1) субъективное право нарушено, и требуется его восстановление; 2) право нарушается (не может быть осуществлено), и необходимо пресечение данного нарушения (устранение препятствий в осуществлении права); 3) субъективное право находится под угрозой нарушения, носящей реальный характер. Соответственно можно сконструировать конкретные цели по возможности их реализации при применении того или иного способа защиты: либо восстановление, либо пресечение, либо предупреждение [6, с. 39]. Исходя из этого, все способы защиты по конкретно-целевой направленности могут быть дифференцированы на восстановительные, пресекающие и превентивные.

Важное значение для правоприменительной деятельности приобретает систематизация способов защиты прав военнослужащих. Она позволяет четко отграничить один вид способов защиты от другого и применять каждый из них в строгом соответствии с законом и с наибольшей эффективностью, обеспечивающей полное восстановление нарушенного (оспоренного) права. Способы защиты составляют важнейшее звено в обеспечении нормальных условий деятельности военнослужащих, а потому проблемы правоприменительной деятельности по защите их гражданских прав решаются наиболее эффективно на базе научно обоснованной системы.

Итак, учитывая вышеизложенное, способы защиты гражданских прав военнослужащих можно классифицировать по следующим основаниям:

- 1) по форме реализации способа защиты (по субъекту, управомоченному на реализацию способа защиты): на неюрисдикционные, или способы самозащиты; смешанные; юрисдикционные;

- 2) по результату (цели), на который направлено применение того или иного способа защиты: на пресекательные, восстановительные, компенсационные и обеспечительные;
- 3) по сфере применения (законодательного закрепления): на общие (универсальные) и специальные.

Приведенная классификация способов защиты прав военнослужащих представляется нам наиболее удачной, полной, ибо имеет практическую значимость.

Таким образом, на наш взгляд, систему гражданско-правовых способов защиты субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов военнослужащих необходимо унифицировать с учетом особенностей гражданско-правового статуса указанной категории лиц; из имеющегося инструментария защитительных мер определить наиболее действенные и целесообразные.

Список литературы

- 1) Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. Дата публикации: 08.04.2014 г. – Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2014/04/08/doklad-site-dok.html>, свободный – (Дата обращения: 23.03.2015).
- 2) Расширенное заседание коллегии Министерства обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. Дата публикации: 19.12.2014 г. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/transcripts/47257>, свободный – (Дата обращения: 23.03.2015).
- 3) Вершинин А.П. Проблемы совершенствования законодательства о защите субъективных гражданских прав: сб. науч. тр. / Ярославск. гос. ун-т; [редкол.: В.В. Бутнев (отв. ред.) и др.]. – Ярославль: ЯрГУ, 1988. – 121 с.
- 4) Илларионова Т.И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск, Изд-во Томского ун-та, 1982. – 170 с.
- 5) Пронина М.Г. Обеспечение исполнения норм гражданского права / М.Г. Пронина. – Минск: Беларусь, 1974. – 226 с.
- 6) Павлов А.А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях / А.А. Павлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 203 с.
- 7) Басин Ю.Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав / Ю.Г. Басин // Проблемы применения основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – Саратов: Саратовск. ун-т, 1971. – С. 31.
- 8) Витрянский В.В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике [Текст] // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. – М., Статут, 2008. – 634 с.
- 9) Илларионова Т.И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер: учеб. пособие / Т.И. Илларионова. – Свердловск: Уральск. ун-т, 1980. – 76 с.
- 10) Котарев С.Н. Гражданско-правовые способы защиты прав недееспособных и ограниченно дееспособных граждан и роль органов внутренних дел в их обеспечении. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Котарев С.Н. – С.-Пб., 2006. – 22 с.
- 11) Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Б. Шубина; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 1997. – 16 с.
- 12) Вершинин А.П. Выбор способа защиты гражданских прав / А.П. Вершинин. – СПб.: СПбГУ, 2000. – 382 с.
- 13) Вершинин А.П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. в виде научн. докл. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 1998. – 56 с.
- 14) Вершинин А.П. Судебная форма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток, 1989. С. 16.
- 15) Стоякин Г.Я. Меры защиты в советском гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. – 197 с.

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА ЗАЩИТЫ ПРАВ СТРАХОВЩИКОВ

Паулов Павел Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета, г. Самара

Паулова Елена Олеговна

аспирант, Самарский государственный экономический университет, г. Самара

Очень часто автовладельцы невнимательно относятся договорам страхования, обращая внимания только на страховую премию и страховую сумму. Однако, несмотря на все ухищрения страховых компаний, у страхователей остается достаточный инструмент по отстаиванию своих прав.

В данной статье мы попытаемся разобрать новый для российской страховой сферы прием, позволяющий виновникам в дорожно-транспортных происшествиях, ущерб от которых превышает установленные в Федеральном законе «Об обязательном страховании ответственности владельцев транспортных средств» (ОСАГО) [2] лимиты

ответственности страховщика, хотя бы частично компенсировать материальные требования потерпевших (в статье приводятся лимиты, действовавшие на момент заключения договора страхования – 120.000 рублей).

Рассмотрим конкретный пример. Риск наступления гражданской ответственности автовладельца А. застрахован. Он попадает в дорожно-транспортное происшествие (далее - ДТП). Согласно документам, составленным сотрудниками ДПС, причиной ДТП явилось нарушение гражданином А. Правил Дорожного Движения Российск-

ой Федерации. Указанные обстоятельства подтверждаются материалами дела об административном правонарушении.

Транспортное средство второго участника ДТП застраховано по КАСКО. Он обращается в свою страховую компанию с заявлением о признании указанного ДТП страховым случаем, направлении застрахованного транспортного средства на осмотр, оценку стоимости восстановительного ремонта и выплате страхового возмещения. На основании заявления гражданина А. страховая компания определяет стоимость восстановительного ремонта его транспортного средства, которая составляет 260.000 рублей. Страхователь выбирает натуральную форму возмещения ущерба путем направления его автомобиля на ремонт. Страховая компания производит страховую выплату в вышеуказанном размере.

После это страховая компания, которая произвела выплату потерпевшему в ДТП, руководствуясь п. 4 ст. 931 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ[1]), согласно которому «в случае, когда ответственность за причинение вреда застрахована в силу того, что ее страхование обязательно, лицо, в пользу которого считается заключенный договор страхования, вправе предъявить непосредственно страховщику требования о возмещении вреда в пределах страховой суммы», обращается в суд к компании гражданина А.

Согласно п. 1 ст. 965 ГК РФ, если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования (суброгации).

Страховая компания, в которой застрахована гражданская ответственность гражданина А., в свою очередь производит выплату компании потерпевшего в установленном лимите 120.000 рублей.

Таким образом, к страховой компании потерпевшего перешло право требования возмещения вреда непосредственно к гражданину А. в пределах выплаченной суммы в порядке ст. 965 ГК РФ. То есть гражданину А. предъявляются иски в размере 140.000 рублей.

Первым, что должен сделать гражданин А. в рамках судебного разбирательства, должно быть ходатайство о проведении судебной экспертизы. Перед экспертом нужно поставить вопрос о стоимости восстановительного ремонта автомобиля, поврежденного в результате ДТП с участием гражданина А. С большой долей вероятности сумму исковых требований на основании заключения судебной экспертизы возможно будет снизить. Но на этом не стоит ограничиваться, нужно продолжать отстаивать свои интересы в этой непростой ситуации.

Следует внимательно ознакомиться с материалами дела, а также Правилами страхования компании потерпевшего, которые очень часто не прикладываются к исковому заявлению.

Практически у всех страховых компаний в Правилах страхования содержится пункт, согласно которому после выплаты страхового возмещения страхователь отказывается от своих прав на все замененные запасные части (детали, агрегаты и т.п.) в пользу страховщика.

Затем гражданин А. должен обратить внимание на акт осмотра транспортного средства, поврежденного в ДТП с его участием. Из акта гражданин А. может выяснить, какие детали страховщиком были поставлены под замену, то есть которые в дальнейшем перешли в его собственность.

Суть вышеуказанных действий гражданина А. заключается в следующем. Поврежденные детали, которые страховая компания заменила потерпевшему в ДТП, несмотря на невозможность их использования по прямому назначению, все еще имеют цену.

Предъявляя требования к гражданину А. о полном возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, страховая компания фактически злоупотребляет правом, так как получает двойную выгоду в части стоимости замененных деталей.

К сожалению, в настоящее время не выработано специальной методики по определению стоимости деталей транспортного средства, которые невозможно использовать по прямому назначению, поэтому приходится определять стоимость только металлических деталей, исходя из стоимости металла.

Гражданин А. должен в течение времени проведения судебной экспертизы заказать на основе акта осмотра независимую оценку стоимости замененных запасных частей. В случае замены 3 элементов кузова их стоимость в среднем составляет 5.000 рублей.

Гражданин А. вправе обратиться с встречным иском требованием о передаче ему замененных запасных частей. Как правило, они утилизируются сервисом в случае, если страховая компания не забирает их в указанный в заключенном между ними договоре срок. Поэтому, предъявив заключение независимой экспертизы, гражданин А. может потребовать уже компенсировать ему стоимость замененных запасных частей в случае, если иски в отношении него будут удовлетворены.

Не стоит забывать, что затраты, понесенные гражданином А. на проведение независимой оценки, также будут взысканы со страховой компании.

Вышеуказанный пример показывает еще один из инструментов, который помогает отстаивать страхователям свои интересы. К сожалению, на данный момент судебная практика по данной категории дел еще не является однозначной, но есть явная положительная динамика. В случае ее продолжения возможно принятие законодателем новых методических рекомендаций для определения стоимости поврежденных деталей. Это позволит либо дисциплинировать страховые компании, заставив их хранить замененные детали до полного урегулирования убытков, либо позволит автовладельцам в более существенной части компенсировать предъявляемые к ним требования.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон «Об обязательном страховании ответственности владельцев транспортных средств» от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

О РОЛИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПОДРОСТКОВОЙ НАРКОЗАВИСИМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Серов Юрий Васильевич

Канд. педагог. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, г. Воронеж

Щеголева Анна Николаевна

Канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, г. Воронеж

Польшиков Александр Васильевич

Канд. юрид. наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Воронежского института МВД России, г. Воронеж

По данным ФСКН России в стране насчитывается около 8,5 млн. человек, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, причем более 70% наркозависимых – это молодые люди самого активного возраста (18-35 лет) [1]. По потреблению наркотиков Россия занимает одно из ведущих мест в мире и опережает в 5-8 раз европейские страны (более того, например, Германию в 20 раз!). Смертность от употребления наркотиков в России ежегодно превышает 100 млн. человек (по другим данным, ежедневно умирает 80 молодых людей) [2, с. 124]. Экономический ущерб от потребления наркотиков оценивается в 1,2 триллиона рублей, что составляет 3% ВВП страны. Согласно данным Росстата, 57% опрошенных россиян считают наркоманию угрозой №1 для национальной безопасности страны [3]. На медицинском учете состоят 650 тыс. наркозависимых лиц, диагноз «наркомания» поставлен почти у 450 тыс. человек. За последние пять лет привлечено к уголовной ответственности около 600 тыс. наркозависимых, более 250 тыс. человек (треть всех осужденных в России) отбывают наказания за преступления, связанные с наркотиками [4]. Среди зависимых наркоманов 1 млн. — это дети и подростки; возраст начинающего наркомана снизился до 11 лет [2, с. 149].

Необходимо учитывать, особую роль в механизме преступного поведения играет нахождение лица во время совершения деяния в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения [5, с. 14]. Так, согласно официальным данным ГИАЦ МВД России, в 2014 г. более 30% преступлений совершаются в общественных местах и на улицах именно в состоянии опьянения [6]. Число лиц, совершивших убийства и покушения на убийство в состоянии наркотического опьянения (по нашему мнению, наиболее опасного вида опьянения), за период с 2010 по 2014 гг. возросло более чем на 10%, умышленно причинивших тяжкий и средней тяжести вред здоровью - на 11,5%; разбойные нападения - на 9,5% и грабежи - на 12%; а главное, хулиганств - на 35% и вандализм – 28,5%! В среднем, каждое пятнадцатое такое преступление совершается несовершеннолетними и при их соучастии. Коварные мотивы совершения преступлений у наркозависимых подростков постепенно начинают «уступать» желанию противопоставить себя принятым в обществе нормам поведения и в целом правопорядку. Во многих случаях состояние наркотического опьянения у подростка своевременно не диагностируется, поскольку нет объективной возможности провести медицинское исследование, как следствие незаинтересованность в этом правоохранительных органов.

С учетом сказанного, основная проблема борьбы с такими преступлениями – это проблема ранняя профилактика наркозависимости у несовершеннолетних.

Многие исследователи пришли к выводу, что сильнее всего риск употребления наркотиков выражен у под-

ростков и молодежи в возрасте 12-18 лет. В то время молодые люди должны справляться с большим количеством задач развития: они должны подготовить свой уход из дома, достичь признания в своей возрастной группе, завязать дружеские и партнерские отношения, определить перспективу своей будущей профессии, создать собственную шкалу ценностей как основу собственного поведения. Поэтому необходима психологическая поддержка этой возрастной группы в школьный период жизни [7, с. 193]. Исследования показывают, что удержаться от употребления одурманивающих средств необходимо в 20-21 года, потом вероятность обращения к таким средствам и появления зависимости почти равна нулю [8, с. 79]. Однако следует учитывать, что некомпетентная антинаркотическая контрпропаганда может наоборот спровоцировать у подростков и молодежи интерес к наркотическим средствам и психотропным веществам [9, с. 122]. Нельзя забывать о профилактике и других вредных пристрастий, поскольку употребление наркотиков почти всегда предшествует употреблению алкоголя и табака, «спайсов» и т.п. [10, с. 10].

Указанный выше возрастной интервал от 12 лет и до 20-21 года характерен тем, что молодые люди как правило, проживают в семье, посещают школу и получают образование, и если получается удержать их от употребления наркотических средств и психотропных веществ в этот период, то риск их наркотизации будет сведен к минимуму. В этом возрасте молодые люди сталкиваются с рядом проблем: первая любовь и без взаимности, предательство друзей, непонятная депрессия, невнятная тоска в глубине души, конфликты с родителями и педагогами, ощущение ненужности и одиночества, сексуальные проблемы и др. Растерянность перед проблемами, бездуховность, депрессия, одиночество души, непонимание со стороны близких людей или неумение выбирать друзей – все это характеризует внутреннее неблагополучие, что и может являться причиной обращения к наркотикам. В этой связи можно сделать вывод о том, что именно в этот возрастной период должна оказываться скоординированная помощь молодым людям со стороны семьи, школы и других учебных заведений, где они продолжают обучение, т.е. в образовательной среде.

Как правило, именно проблемы в семье толкуют человека в «группу риска», создают почву для обращения к наркотикам. Психологами давно доказано, что неполная семья сама по себе порождает патологии развития. У детей с одним родителем чаще всего возникают трудности общения, такие дети должны получать «тройную дозу» внимания и любви. Существуют понятия «семейный дефицит» и «социальный голод», когда ребенок растет без внимания и заботы, без необходимого общения, что часто является причиной обращения к спиртному и наркотикам в период взросления.

Отсутствие гармонии в полной семье также является фактором риска. В семье, где не могут избежать конфликтов, где притесняют, подавляют одного из членов семьи, где у родителей постоянные «секреты» и недоверие по отношению друг к другу и к детям, где ребенок изолирован от окружающих, от сверстников, где низкий материальный и культурный уровень, избиение и психологическое насилие детей, насилие между родителями. У таких детей возникает чувство одиночества, скуки, легко рождаются зависть к ровесникам, беспокойство, депрессии, страхи или же агрессивность, лживость, драчливость, связанные с переживанием одиночества, пустоты, ненужности. У избиваемых детей отмечают склонность к разрушению и протесту, низкий самоконтроль, слабость познавательных интересов, нежелание трудиться. Все это, в случае встречи с наркотиком, делает их неспособными противостоять тягиванию, в то время как дети, не переносившие стресс, получившие в семье позитивный заряд, уверенность в своих силах, даже попробовав наркотик, могут отказаться от его дальнейшего употребления, удовлетворив свое любопытство. Дети с грузом неблагоприятных жизненных событий отличаются сниженной самооценкой, комплексами неполноценности, переживают чувство мести и ненависти к родителям и учителям, не желая понять их. Не имея возможности объяснить дурное к себе отношение, они обращаются к спиртному, наркотикам, попыткам самоубийства. Отвержение, холодность, отсутствие тепла и ласки со стороны родителей сначала травмируют ребенка, а затем ожесточают его, подталкивают к «другой жизни», в другое общество, где он будет понят, принят, где его не осудят. В благополучных семьях родители часто не способны обеспечить развлечения ребенку, он нуждается не только в заботе о пище, здоровье и учебе, но не менее, а даже более, в организации его свободного времени, в поддержании интереса к окружающему миру. Известно, что чем выше культурный уровень семьи, чем интереснее и спокойнее ребенку дома, тем позже он уходит из-под влияния взрослых, тем больше он доверяет жизненным ценностям родителей, тем реже попадает под власть сиюминутных впечатлений и развлечений, предлагаемых ему «на улице», тем менее подвержен влияниям моды.

Гиперопека, другая крайность воспитания, заставляет ребенка «спасаться» от родителей «на улице». Это чрезмерное внимание, постоянный присмотр, отказ ребенку в самостоятельности, желание воспитать свою копию. Сверхзабота становится в тягость взрослому человеку, он стремится «сбросить оковы», что приводит к тем же результатам: к старанию уйти от контроля родителей, для чего он сознательно идет на конфликты, вызываясь противопоставляя свой новый «асоциальный» облик тому образцу, который навязывает ему заботливая семья. В данном случае причина употребления - чувство безвластия над своими собственными решениями и действиями.

Как отмечают специалисты, еще одним из плодов гиперопеки является инфантилизм растущего человека, его затянувшаяся «детскость», неготовность к жизненным трудностям, неспособность самостоятельно решать вопросы. Такой ребенок легко попадает под влияние более опытных приятелей, его легко уговорить попробовать наркотик или подбить на любую хулиганскую выходку, поскольку у такого «тепличного растения» не выработано противоядие против дурных влияний. Для него привычны вседозволенность, неограниченная власть над родственниками, которые не накажут, и в конечном итоге - презрение к ним, а заодно и к учителям, сверстникам. Кумиры, привыкшие быть объектом всеобщего восхищения, часто демонстративны, для них хороша любая эксцентрическая

выходка и любой шокирующий поступок, какими и кажутся им в их юные годы употребление алкоголя и наркотиков [2, с. 178].

Нельзя не остановиться на так называемых проблемных семьях. Чаще всего подростки и молодежь, которые приобщались к злоупотреблению наркотиков и психоактивных веществ, воспитываются и живут в так называемых проблемных семьях. Необходимо выделить общие принципы работы с семьей по профилактике наркомании:

- 1) Обеспечение приращения нового бытийного опыта членов семьи. Независимо от реализуемой формы, усилия специалистов, занимающихся семейной проблематикой, должны быть направлены на расширение возможностей семьи в понимании ситуации, взаимоотношений, причин последствий и их последствий.
- 2) Взаимодействие в условиях неопределенности. Исследования показывают, что даже «полный набор» факторов наркориска не приводит к наркотизации подростка, а иногда достаточно лишь ситуативного проявления одного из них. Решая задачу профилактики наркомании, психолог может столкнуться с любой сколь угодно сложной семейной проблематикой. С другой стороны, создание и поддержание психологом ситуации неопределенности способствует тому, что в процессе взаимодействия с родителями (или семьей в целом) актуализируется наиболее значимый аспект семейной проблемы. Таким образом, работа с семьей по профилактике наркомании - это деятельность в условиях неопределенности. Очевидно, что в этом случае важнейшими факторами эффективности психолога становятся не его «методическая оснащенность», а его готовность поступать свободно и ответственно.
- 3) Ответственность. Важно, чтобы в процессе работы члены семьи осознали и приняли меру своей ответственности за то, что происходит с ними. Принятие ими авторства собственной судьбы является важнейшей предпосылкой позитивной семейной динамики.
- 4) Открытость и незавершенность работы. Решая задачу профилактики наркомании, никто не может дать гарантии того, что в семье не появится наркоман. В связи с этим, одним из важнейших результатов профилактической работы с семьями, должна быть принципиальная готовность родителей к получению специальной профессиональной помощи, и мотивация на сотрудничество с социальными центрами.
- 5) Реалистичность ожиданий. Необходимо, чтобы с самого начала и социальные работники (психологи, педагоги и др.), и члены семей, вовлеченные в профилактическую работу, понимали, что каждый из них вносит свой посильный вклад в успех и что перед работниками социальных служб не стоит задача обеспечить беспрепятственное существование семьи. Задача социальных работников заключается в том, чтобы помочь семье преодолеть «зацикленность» и обеспечить минимальную динамику развития. Вопрос дальнейшей работы - это вопрос инициативы семьи.
- 6) Плюрализм форм и методов работы с семьей. Факторы наркотизации семейной природы могут иметь различный характер, поэтому трудно себе представить существование какого-либо единственного, эффективного метода профилактической работы с семьей.

- 7) Включенность (внеаходимость) - в соответствии с этим принципом специалист, реализующий ту или иную форму работу с семьей, должны находиться в непрерывном контакте с людьми, с которыми он работает, обеспечивая или насыщенную и адекватную обратную связь, и при этом находиться за пределами семейных отношений, сохраняя свою профессиональную и личностную независимость и суверенитет, и самостоятельность семьи.
- 8) Принцип «здесь-и-теперь» - в соответствии с этим принципом специалист, работающий с семьей, должен обращать внимание, прежде всего на то, что реально происходит в ситуации «здесь-и-теперь». Сущность данного принципа можно передать с помощью афоризма: «не важно, о чем говорят члены семьи, важно, что реально происходит».

Все вышесказанное не означает, что употребление наркотиков - результат депрессивных состояний, свойственных молодым людям со сложностями развития и творческим натурам. Мотивы употребления наркотиков часто не зависят от личности и ее психической предрасположенности. Встреча с наркотиками может быть случайной, в определенной ситуации, вызванной временными потребностями, например, «пробование» в компании сверстников с познавательными целями, что заставит сделать парадоксальный вывод: пробование наркотиков в молодости - проявление не отклонения, а скорее нормального поведения.

Одна из ведущих исследователей наркомании И.Н. Пятницкая делает вывод о том, что шаг подростка к наркотикам - это проявление исследовательской реакции, свойственной их возрасту. Подростков интересуют возможности их сознания, получение нового, неизведанного чувственного опыта, небывалых впечатлений, сексуального опыта, они стремятся познать мир, «все в жизни попробовать», ощутить свою полноценность в компании ровесников, самостоятельность в принятии решений, солидарность со сверстниками [11, с. 25]. Возможные семейные причины наркотизации вытесняются, не осознаются родителями. Столкнувшись с фактом употребления наркотиков, родители испытывают крайне острые эмоциональные состояния, приводящие к неадекватным, хаотичным и, как правило, бесполезным действиям.

В связи с этим работа с проблемными семьями должна быть направлена на решения нескольких взаимосвязанных задач: информирование родителей о роли и месте семьи в развитии наркомании у подростка; информирование родителей о возможных признаках употребления подростком наркотиков; участие в разрешении латентного семейного кризиса; оптимизация системы внутрисемейного воспитания; нормализация родительско-детских отношений и снижения их конфликтности; повышение адекватности реагирования подростком на семейную ситуацию; повышение ответственности членов семьи за свое внутрисемейное поведение; создание позитив-

ного эмоционального фона семейных отношений; развитие готовности к творческому реагированию на проблемы в поведении и наркоманию ребенка; повышение психологической компетентности и расширение сознания; изменение реакции на проблему (от поиска причин к поиску решений); развитие реалистичности мышления и осознания отношений; повышение способности к наблюдению [12, с. 115].

Таким образом, задача-минимум формулируется как активизация и обеспечение позитивной динамики семейных отношений. Задача-максимум – это участие и содействие в нормализации и реконструкции основных функций семьи, активизация личности подростка, как субъекта ответственности за свою жизнь и судьбу. Как результат – реальное снижение уровня противоправных действий, совершаемых подростками и с их участием.

Список литературы

1. Материалы официального сайта УФСКН по Воронежской области. – режим доступа к изд.: <http://fskn.gov.ru>
2. Ювенальное право: учебник / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева. - М., 2014. – 306 с.
3. Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ. – режим доступа к изд.: <http://www.gks.ru>
4. Материалы официального сайта Генеральной Прокуратуры России. – режим доступа к изд.: <http://genproc.gov.ru>
5. Польшиков А.В. Об основных проблемах предупреждения преступлений, связанных с изготовлением и оборотом порнографических изображений несовершеннолетних в сети Интернет // Вопросы ювенальной юстиции. - 2013. – № 3.
6. Материалы официального сайта МВД России. – режим доступа к изд.: <http://www.mvdinform.ru>
7. Польшиков А.В. Криминологическая характеристика лиц, совершающих изготовление и оборот детской порнографии в сети «Интернет» // Общество и право. - 2009. - № 3.
8. Щеголева А.Н. Особенности ранней профилактики преступности несовершеннолетних // Научный портал МВД России. - 2009. - № 3.
9. Популярная медицинская энциклопедия / под ред. Б.В. Петровского. — М., 2013.
10. Перемолотова Л.Ю. Преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2012. - 28 с.
11. Пятницкая И.Н. Профилактика наркомании несовершеннолетних // Проблемы борьбы с девиантным поведением. - М., 1989.
12. Щеголева А.Н. Викимонологические аспекты ранней профилактики преступности несовершеннолетних: монография. - Воронеж, 2009. - 129 с.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Пронина Мария Петровна,

кандидат юридических наук докторант Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород

На сегодняшний день институт толкования права вновь в области пристального внимания ученых и практических сотрудников. О толковании речь все чаще ведется

как о способе преодоления несовершенств в праве, которых с каждым годом не только не становится меньше, но и увеличивается с прогрессией. В связи с этим, вопрос о

возможности судебного нормотворчества, о свободе судебного усмотрения и его пределах вновь приобретает свою актуальность.

Дефиниция «толкование» является многозначным. Своим происхождением данный термин обязан древнегреческому богу Гермесу, который был покровителем красноречия и глашатаем воли богов, причем Гермес не только доставлял людям послания богов, но и толковал их, чтобы сделать понятными для смертных.

Если обратиться к толковым словарям и энциклопедиям, то, например, С.И. Ожегов трактует толкование как «высказывание, содержащее объяснение чего-нибудь, отражающее точку зрения на что-нибудь» [2, с. 789]. В.И. Даль под словом «толковать» имеет в виду такие термины, как рассуждать, переговариваться, беседовать, разбирать, советоваться, объяснять и т.д. » [1, с. 132, 166, 204, 294].

С нашей точки зрения, толкование представляет собой опосредованный уровень познания, основывающийся на логических приемах, который дает доступ к сведениям, которые отражают содержание норм права. Эти сведения, полученные в процессе мыслительной деятельности, углубляют изучение связей жизни общества, регулируемые нормами права. Толкование - это не только познание содержания юридических норм, но и понимание содержания юридических норм (смысла).

Таким образом, толкование права есть многогранный организационно-волевой процесс, протекающий во времени и пространстве и включающий в себя две условные стадии: уяснение и разъяснение.

Следовательно, толкование права можно охарактеризовать как легитимную юридическую деятельность субъектов права с целью единообразной трактовки и применения предписаний правовых норм.

Толкование присутствует на всех стадиях процесса правового регулирования и имеет значение для всех сторон юридической деятельности.

Необходимость толкования обоснована несколькими важными причинами, к числу которых относятся следующие:

- громоздкость или неконкретность юридических формулировок, излишняя их краткость, абстрактность либо, напротив, пространность;
- специфика юридических дефиниций, использование которых требует специальных познаний, высокой квалификации;
- несовершенство правотворческой техники, поспешность в принятии тех или иных правовых актов, их слабая проработанность, декларативность, неконкретность;
- коллизионность норм и статей правовых актов, применение бланкетных и отсылочных норм, нетипичных предписаний;
- отсутствие у законодателя ясности и четкости выражения своей воли в той или иной норме или акте.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что значение толкования норм права является одним из основных условий эффективности реализации норм права и помогает устранению пробелов и коллизий в законодательстве. Теоретики и практики утверждают, что неправильно истолкованная норма права представляет собой грубое нарушение законности, приводящее к неэффективному применению уголовного законодательства и вынесению подчас неправомочных решений.

Роль толкования уголовного закона исключительно велика, ибо оно представляет собой необходимую составную часть процесса установления органами правосудия

правовой значимости рассматриваемых фактов, событий и явлений.

Одним из видов толкования уголовного закона является, как известно, его судебное толкование, значение которого в правоприменительной деятельности трудно переоценить. Ведь насколько грамотно судьи смогут истолковать сложные аспекты и тонкости уголовного закона, настолько зависит законность, обоснованность и справедливость вынесенного ими решения.

Судебное толкование уголовного закона выступает особым видом толкования УК РФ. Специфические свойства судебного толкования основываются на том, что данное толкование является стадией процесса правоприменения, что предполагает прямое исполнение законодательных норм.

Судебное толкование уголовного закона возникает в связи с конкретным фактом, в качестве которого выступает противоправное деяние, содержащее признаки состава преступления. Важно также учесть, что судебное толкование предполагает четкое разъяснение содержания уголовного закона с целью реализации уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния.

Юридическая обязательность результатов судебного толкования уголовного закона основывается также на статусе субъекта толкования. Все лица, являющиеся правоприменителями уголовного закона, принимают директивные, обязательные к исполнению решения в рамках уголовного процесса. Свои решения они основывают на результатах уяснения ими положений уголовного закона, и таким образом, эти результаты исполняются через решения, принятые данными лицами.

Таким образом, судебное толкование уголовного закона выступает индикатором согласованности уголовного законодательства и является обязательным условием обеспечения его единства.

Мы приходим к выводу, что законодательно закрепленные критерии и правила преодоления коллизий и пробелов в уголовном законе помогли бы в установлении наибольшей эффективности уголовного законодательства России. Поэтому судебные прецеденты Европейского суда по правам человека, постановления Конституционного Суда РФ, судебная практика высших судебных инстанций должны занять прочное место среди источников права как минимум в той части, в которой они помогают преодолевать пробелы.

Общепризнанными, базовыми принципами толкования права выступают принципы объективности, всесторонности, законности, обоснованности и единообразия толкования. Значимость данных принципов заключается в том, что они носят общеправовой характер и устанавливают общие правила толкования норм права. При этом эти принципы в полной мере проявляют себя при толковании уголовно-правовых норм.

Специальные уголовно-правовые принципы основываются на общеправовых принципах и в рамках данной отрасли права являются как бы их логическим продолжением. К таковым следует отнести принципы защиты прав и свобод личности от преступных посягательств, обеспечения правопорядка, толкования всех сомнений в пользу обвиняемого и гуманизма

Выделяют нормативное и казуальное судебное толкование.

Казуальное толкование - это такое разъяснение содержания правовой нормы, которое дается в связи с рассмотрением конкретного юридического дела.

Нормативное толкование - это официальное разъяснение, которое обязательно для всех лиц и органов, применяющих определенную норму или нормы права. Такое разъяснение распространяется на все случаи, предусмотренные толкуемой правовой нормой. Речь идет, например, о разъяснениях, даваемых Пленумом Верховного Суда РФ в своих постановлениях.

Нормативное толкование так же подразделяется на аутентическое (аутентичное) и легальное (делегированное) толкование.

Аутентическое толкование является нормативным толкованием уголовного закона и осуществляется самим законодателем, то есть Государственной Думой РФ.

Делегированное толкование уголовного закона должно рассматриваться как правоприменительное. Казуальное делегированное толкование уголовного закона по своей природе является правоприменительным толкованием. Нормативное делегированное толкование занимает в рамках правоприменительного толкования то же положение, что и аутентическое. Однако здесь следует учиты-

вать, что делегированное толкование имеет как бы «подчиненный» характер по отношению к аутентическому толкованию. Поэтому аутентическое толкование является первичным при нормативном толковании уголовного закона и делегированное толкование не должно ему противоречить.

Судебные решения вне зависимости от уровня инстанции, принявшей его, не могут рассматриваться как правовые (в том числе и судебные) прецеденты. В качестве прецедента допустимо рассматривать только постановления Пленума Верховного Суда РФ. Однако в связи с тем, что данные постановления не являются источниками уголовного права, разъяснения Верховного Суда РФ уместно рассматривать только как прецеденты толкования уголовного закона.

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. - Т. 4. - М., 2001.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. - М., 1995.

ПРАВОМЕРНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ДЕЙСТВИЯМИ ВРАЧА В ИНТЕРЕСАХ ПАЦИЕНТА БЕЗ ПОРУЧЕНИЯ

Родионов Леонид Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, Самарского филиала Городского образовательного учреждения высшего образования города Москвы, Московского городского педагогического университета, г. Самара

Скачков Павел Валерьевич
Магистрант юридического факультета, Самарского филиала Городского образовательного учреждения, высшего образования города Москвы, Московского городского педагогического университета, г. Самара

С развитием медицинской науки вмешательства в здоровье пациента приобретает новые формы, которые в свою очередь, вызывают новые проблемы реализации прав пациентов.

Практика медицинских вмешательств вынуждает нас признать, что вред, причиненный в ходе большинства медицинских вмешательств, сопряжен с потерей отдельных органов в целях спасения жизни пациента. Однако, причиненный здоровью пациента вред не всегда является условием наступления юридической ответственности вообще и гражданско-правовой ответственности в частности.

Правовым основанием ответственности за причинение вреда при ненадлежащем оказании медицинской услуги являются нормы главы 59 Гражданского кодекса РФ «Обязательства вследствие причинения вреда».

Шиманская С.В. в диссертационном исследовании проводит разграничение условий наступления гражданско-правовой ответственности при осуществлении обычного вида медицинской деятельности и медицинской деятельности, создающей повышенную опасность. Так при осуществлении обычного вида медицинской деятельности необходимо наличие вреда, вины, противоправности и причинно-следственной связи. Между наступлением вреда и противоправностью действий. [6. с.10]

Институт *negotiorum gestio* заслуживает особого внимания, так как действие в чужом интересе без поручения в целях предотвращения опасности для жизни и здоровья является новеллой современного гражданского законодательства. В настоящее время норма, закрепленная в ст. 980 ГК РФ указывает и на другой легитимный интерес доминуса: предотвращение вреда личности. В отдельных

случаях институт *negotiorum gestio* утверждает допустимость предпринятого без согласия пациента лечения при невозможности получить от него такое согласие.

Так, во время хирургической операции врач обнаруживает непредвиденные осложнения, требующие немедленного вмешательства. Дополнительные меры могут быть приняты без предварительного согласия больного, если его состояние является угрожающим. Такое поведение может считаться правомерным, поскольку будет соответствовать ч.2 ст. 983 ГК РФ, закрепившей, что действия с целью предотвратить угрозу для жизни лица, оказавшегося в опасности, допускаются и против воли этого лица. В связи с этим уместно обратиться к приведенному примеру Е.Г. Афанасьевым, когда хирург оперировавший женщину по поводу внематочной беременности, в ходе операции обнаружил у больной аппендицит. [3.с.153].

Отдельного рассмотрения требует существующая коллизия ч. 2 ст. 983 ГК РФ, устанавливающей, что действия с целью предотвратить угрозу для жизни лица, оказавшегося в опасности, допускаются и против воли этого лица, и ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3], согласно которой необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие гражданина. По мнению М.И. Брагинского выражен особый публичный интерес к совершаемым в подобных случаях действиям гестора. [4.с.398]

Авторы полагают, что в данном случае норма Гражданского кодекса РФ должна быть признана приоритетной по отношению к положению, установленному Федеральным законом.

Особый интерес вызывает возможность применения во врачебной практике исключения из общего правила об уведомлении пациента. В действующей редакции гл. 50 ГК РФ «Действия в чужом интересе без поручения» формулировка п.2 ст. 981 применительно к медицинской сфере представляется крайне неудачной. Кодексом устанавливается: «не требуется специально сообщать заинтересованному гражданину о действиях в его интересе, если эти действия предпринимаются в его присутствии. [1. с.317] Вопрос состоит в том, что пациент физически присутствует в момент совершения действий в его интересе, однако, в этот же момент может быть в бессознательном состоянии. Руководствуясь положением п.2 ст. 981 ГК РФ, врачу не требуется специально сообщать данному пациенту о произведенных действиях в его интересе. Это противоречит ст.22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которой каждый гражданин имеет право получать в доступной для него форме информацию о состоянии своего здоровья, в том числе методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных видах медицинского вмешательства, его последствиях и результатах оказания помощи. Мы разделяем позицию А.В. Тихомирова что под присутствием заинтересованного лица при оказании ему медицинской помощи следует понимать, наличие у пациента способности к волеизъявлению при осознании происходящего. [5. с.41] Эта позиция распространяется и на экстренную госпитализацию, подготовку к неотложной операции и ранний послеоперационный период когда стресс, остаточные проявления наркоза не позволяют пациенту проявлять осознанно свое волеизъявление. [5. с 43]

Авторы полагают, что содержание п.2 ст.981 ГК РФ в данной редакции не применимо в случаях медицинского вмешательства, когда пациент не осознает такого вмешательства. Здесь применимо правило, предусмотренное п.1 ст. 981 ГК РФ, когда врач, действующий в интересах пациента, обязан при первой же возможности сообщить пациенту об этом и выждать в разумный срок его решение, если только такое решение не повлечет серьезного ущерба для заинтересованного лица.

Представляется, что содержание п.2 ст. 981 ГК РФ целесообразно изменить, в части указывающей на отсутствие требования специально сообщать заинтересованному гражданину о действиях в его интересе, значение которых он понимает, если эти действия предпринимаются в его присутствии. Такая корректировка будет необходимой не только в целях защиты интересов пациента во врачебных отношениях, но и в других сферах.

Пределы правомерного причинения вреда здоровью в рамках действий врача и интересов пациента без его поручения обусловлена целью такого вмешательства, качеством и безопасностью его реализации, а также невозможностью получить согласие на него пациента. Таким образом, вред, причиненный жизни, здоровью, физической неприкосновенности и человеческой индивидуальности пациента в рамках действий врача в интересах пациента без его поручения, правомерен, когда он вызван безопасным и качественным медицинским вмешательством, направленным на улучшение или восстановление здоровья пациента, не способного понимать значение такого вмешательства с последующим его уведомлением.

В завершении следует отметить, что рассмотренные в данной статье правовые категории и их правовые решения носят дискуссионный характер, предопределенный сравнительно молодой доктринальной цивилистической разработкой в российском праве на стыке с медицинской отраслью права и проблематикой правоприменительной практики на современном этапе.

В России не ведется официальная статистика причинения вреда в медицинских организациях, ни при обращении пациента в суд, ни при получении возмещения за повреждение здоровья. Это затрудняет выявление недоработок и противоречий в нормативных актах и правоприменительной практике. [6. с.4]

Список литературы Нормативно-правовая

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая.- М: Проспект, КноРус. 2015.- 608 с.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ (с изм. на 28.12.2013) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» \СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; 2013. № 52. ч.1. Ст. 6951.

Научная литература

1. Афанасьев Е.Г. Право на информированное согласие как основа юридического статуса пациента// Современное медицинское право России и за рубежом. М. 2003.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказания услуг. М. 2002. 398 с.
3. Тихомиров А.В. Медицинская помощь вне пределов медицинской услуги// Главный врач: хозяйство и право. №1 2005. 58 с.
4. Шиманская С.В. Особенности гражданско-правовой ответственности при осуществлении медицинской деятельности. Автореферат. М. 2013. 47с. (интернет ресурс [shimanskaya.pdf](#))

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Рубцова Майя Викторовна

Ст. научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва

Термином «прокурорский надзор» обозначается не только одна из отраслей научного российского права, но и одна из отраслей научного знания, или одна из отраслей юридической науки. Рассматриваемая наука представляет систему понятий, взглядов, идей, раскрывающих сущность прокуратуры, закономерности ее возникновения и

развития. Как отрасль юридической науки, «прокурорский надзор» имеет общий объект изучения—объективные закономерности возникновения, развития и функционирования государства и права, а также общие методы изучения этого объекта. Самостоятельность (обособленность) науки прокурорского надзора, как и всякой иной

юридической науки, определяется ее предметом (как частью объекта) и методом изучения. Под предметом науки «прокурорский надзор» следует понимать объективные закономерности возникновения, развития и функционирования во взаимосвязи с иными государственными органами и негосударственными органами [1]. В соответствии с Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [9] прокуратура Российской Федерации – прокуратура единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Прокуратура Российской Федерации выполняет и иные функции, установленные федеральными законами (п.1 ст.1). Предметом надзора являются: соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, субъектами осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций; соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами, указанными в настоящем пункте (п.1ст.21). В том числе органы прокуратуры осуществляют надзор за деятельностью таможенных органов при предоставлении ими государственных услуг. В целях обеспечения правопорядка в таможенных органах, эффективной реализации поставленных перед органами прокуратуры задач, издан приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.06.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» [6]. Согласно п.2.1 приказа на управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Генеральной прокуратуры Российской Федерации возложены функции надзора за исполнением законов за исполнением федеральными органами исполнительной власти и их должностными лицами законов в таможенной сфере и в сфере обустройства Государственной границы Российской Федерации, соблюдением прав и свобод человека и гражданина в указанной области правоотношений, а также за соответствием Конституции и законам Российской Федерации издаваемых ими нормативных правовых актов; надзор за законностью осуществления оперативно-розыскной и процессуальной деятельности ФТС России. В соответствии с п. 5 приказа при реализации надзорных полномочий транспортные прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов, регламентирующих применение таможенных процедур, осуществление таможенного и валютного контроля, контроля таможенной стоимости, порядок уплаты и взыскания таможенных пошлин, налогов и иных обязательных платежей, производство по делам об административных таможенных правонарушениях и взыскания штрафов; обеспечить действенный надзор за реализацией, уполномоченными органами, государственной политики, нормативно-правовому регулированию, управлению государственным имуществом, оказанию государственных услуг в сфере обустройства

Государственной границы Российской Федерации, создания, развития, и обеспечения деятельности пунктов пропуска через Государственную границу Российской Федерации и мест пересечения Государственной границы Российской Федерации. В случае выявления нарушений в деятельности таможенных органов и их должностных лиц прокурор обязан реагировать соответствующим образом. Законом предусмотрены три формы реагирования прокурора на нарушения законности: принесение протеста, внесение представления и вынесение соответствующего постановления, возбуждение дел об административных правонарушениях.

Таможенная деятельность страны оказывает одно из ключевых влияний на развитие и состояние экономики. Являясь регулятором внешней торговли и существенным источником бюджетных поступлений, таможня играет важную роль – именно поэтому качество оказания таможенных услуг является определяющим во внешнеэкономическом направлении экономики страны. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 № 2575-р «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года» [8] предусмотрено совершенствование системы государственных услуг (п.6). В данном документе указано на необходимость развития сектора государственных услуг в области таможенного дела, что обусловлено тенденциями административной реформы в Российской Федерации, а также принятием Таможенного кодекса Таможенного союза, закрепившего идеологические основы, направленные на улучшение предоставляемых услуг в области таможенного администрирования, то есть на оказание качественных государственных услуг в области таможенного дела.

Таможенная система решает задачу формирования экономико-правовых и процедурно-технологических условий функционирования внешнеторгового сектора российской экономики и задачу контроля за соблюдением таких условий в процессе реального функционирования. Решая подобные задачи с использованием своих специфических технологий, система оказывает комплекс услуг государству по достижению его целей, прежде всего в сфере ВЭД, в частном случае - в международной цепи поставки товаров. В результате решения задач таможенного администрирования внешнеторговый сектор российского рынка определенным образом структурируется и технологизируется, а успешное регулирование внешнеторговой деятельности России таможенными методами и инструментами обеспечивает устойчивость позиции самой таможенной системы в сфере государственных услуг [2].

Совершенствование системы государственных услуг, предоставляемых участникам внешнеэкономической деятельности, нацелено на расширение их спектра, повышение качества и доступности при внешней их простоте, оперативности и надежности. В связи с прогнозируемым спросом на услуги в области таможенного дела предполагается совершенствовать предоставление государственных услуг путем решения следующих задач: повышение качества и доступности государственных услуг в области таможенного дела; интеграция единой автоматизированной информационной системы таможенных органов в существующую инфраструктуру предоставления услуг и функций в электронном виде в целях обеспечения доступности и повышения качества предоставления государственных услуг в области таможенного дела; разработка системы показателей, методического обеспечения и системы мониторинга качества предоставления государственных услуг в области таможенного дела. При осу-

шествованию надзора за организацией предоставления государственных услуг таможенными органами, органы прокуратуры обращают внимание на соблюдение законодательства в сфере данных правовых отношений. Так, Федеральным законом от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [11] определена система таможенных органов (ст.10). Полномочия таможенных органов регламентированы постановлением Правительства РФ от 16.09.2013 № 809 «О Федеральной таможенной службе», где Федеральная таможенная служба (ФТС России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в области таможенного дела, функции агента валютного контроля, функции по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, функции по проведению транспортного контроля в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также санитарно-карантинного, карантинного фитосанитарного контроля и государственного ветеринарного надзора в части проведения проверки документов в специально оборудованных и предназначенных для этих целей пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации (специализированные пункты пропуска), функции по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов Российской Федерации, а также иных связанных с ними преступлений и правонарушений (п.1). ФТС России не осуществляет в установленной сфере деятельности функции по оказанию платных услуг, кроме случаев, устанавливаемых федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации (п.7).

В соответствии с Регламентом, утвержденным Приказом ФТС России от 26.12.2012 № 2656 ФТС[7] России в порядке и в сроки, установленные Правительством Российской Федерации, осуществляет разработку административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг, которые определяют административные процедуры, обеспечивающие осуществление функций ФТС России, эффективную работу главных управлений (управлений) ФТС России и должностных лиц, реализацию прав граждан (п.1.20.). Предоставление государственных услуг осуществляется на основе административных регламентов предоставления государственных услуг, устанавливающих необходимый уровень их качества и доступности. До утверждения в установленном порядке административного регламента предоставления государственной услуги ее предоставление осуществляется на основе требований, установленных законодательством Российской Федерации (п.1.21.).

Определение таможенной услуги находится как бы на смежности двух наук юриспруденции и экономической науки. Поэтому не имеет четко обоснованного юридического или экономического содержания, поскольку объединяет в себе отдельные элементы обеих наук. В тоже время понятие «таможенные услуги» включает в себя абсолютно любое действие или мероприятие, которое существует между таможенными организациями или посредниками и потребителями их услуг. Нормы, регулирующие отношения в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг включены во многие федеральные

законы, Постановления Правительства Российской Федерации, Указы Президента Российской Федерации. Более четкое определение государственной услуги приводится в статье 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [10] (далее-Закон № 210-ФЗ). В соответствии с Законом № 210-ФЗ органы, предоставляющие государственные услуги, и органы, предоставляющие муниципальные услуги, обязаны предоставлять государственные или муниципальные услуги в соответствии с административными регламентами. Государственные услуги, оказываемые таможенными органами, также определены Административными регламентами. С 1 октября 2011 года оказание ФТС России государственных услуг осуществляется в новых условиях в соответствии с положениями части 2 статьи 7 Закона № 210-ФЗ. Новый, упрощенный порядок относится к следующим государственным услугам:

«Принятие предварительных решений по классификации товаров по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза»; «Ведение реестра таможенных перевозчиков»; «Ведение реестра банков, иных кредитных организаций и страховых организаций, обладающих правом выдачи банковских гарантий уплаты таможенных пошлин, налогов»; «Ведение реестра владельцев складов временного хранения»; «Ведение реестра владельцев таможенных складов»; «Ведение реестра таможенных представителей»; «Ведение реестра уполномоченных экономических операторов»; «Ведение таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности»; «Ведение реестра владельцев магазинов беспощинной торговли»; «Осуществление в пределах своей компетенции контроля за валютными операциями резидентов и нерезидентов, связанными с перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу Таможенного союза, а также ввозом в Российскую Федерацию и вывозом из Российской Федерации товаров, в соответствии с международными договорами государств - членов Таможенного союза, валютным законодательством Российской Федерации и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами органов валютного регулирования[3]. Прокурорский надзор направлен на выявление нарушений, допускаемых таможенными органами в сфере предоставления государственных услуг. В соответствии с законом ФТС России обязана предоставлять государственные услуги в соответствии с административными регламентами; обеспечивать возможность получения заявителем государственной услуги в электронной форме, а также в иных формах по выбору заявителя; предоставлять в иные государственные органы, организации документы и информацию, необходимые для предоставления государственных услуг, а также получать от них такие документы и информацию. Законом № 210-ФЗ запрещается требовать от граждан и предпринимателей предоставления информации или документов, которые уже имеются в соответствии с законодательством в распоряжении государственных органов, органов местного самоуправления, а также информации или документов, предоставление которых не предусматривается напрямую нормативными актами. Определяются конкретные случаи взимания платы за предоставление государственных и муниципальных услуг – либо на основании Налогового кодекса Российской Федерации, либо на основании Перечней платных услуг, утверждаемых Правительством Российской Федерации, законом субъекта Российской Федерации, представительного органа муниципального образования. Прокурорами выявлялись факты

некачественного оказания государственных услуг населению, установления незаконных платежей.

Многочисленные нарушения выявлялись в деятельности органов власти при предоставлении субъектам предпринимательской деятельности государственных. Наиболее характерные нарушения заключались в необеспечении надлежащего нормативного регулирования данной сферы; несоблюдении порядка предоставления услуг, установленного административными регламентами, в том числе сроков предоставления услуг; истребовании излишних документов, не предусмотренных правовыми актами; отсутствии возможности предоставления услуг в электронной форме; нарушениях при информационном обеспечении предоставления услуг. За нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг предусмотрена административная ответственность, установленная ст.5.63 КоАП РФ[4]. Полномочия возбуждать дела об административных правонарушениях по данной статье КоАП РФ отнесены к исключительной компетенции прокурора. При предоставлении государственных услуг с одной стороны, требуется полное соблюдение всех требований таможенного законодательства; с другой – необходим инновационный, местами нетрадиционный, подход к оказанию таможенных услуг, который бы позволил вывести сервис на новый уровень. В этой связи принят Федеральный закон от 05.05.2014 № 113-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [12], направленный на совершенствование административных процедур при предоставлении государственных услуг в сфере таможенного дела. В современных условиях при наличии изменений в таможенном деле, формирования системы таможенных услуг международной цепи поставки товаров качественное их решение, несомненно, значимо как в научном, так и в прикладном плане. В процессе решения проблем институционального характера целесообразно создать иерархическую организационную систему (институт) государственных таможенных услуг в сфере ВЭД, включающую как общегосударственный уровень, так и организационные уровни таможенных органов. При этом если на общегосударственном уровне должна формироваться государственная политика в сфере таможенных услуг, то на уровне таможенных органов должны решаться конкрет-

ные задачи по их качественной и эффективной реализации[2, с.21].

Список литературы

1. Галустьян О.А., Ендольцева А.В., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: учебник -6-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010 г.С.9-10.
2. Ершов А.Д., Макрусев В.В., Калинина О.В., Сизова К.А. Таможенные услуги в международной цепи поставки товаров: монография / М.: РИО РТА, 2007. С.10.
3. Информационное письмо ФТС России от 30.09.2011 «Разъяснения о порядке предоставления ФТС России государственных услуг с 1 октября 2011 года» //СПС-Консультант плюс.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ//СПС-Консультант плюс.
5. Постановлением Правительства РФ от 16.09.2013 № 809 «О Федеральной таможенной службе»//СПС-Консультант плюс.
6. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.06.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере»//СПС-Консультант плюс.
7. Приказ ФТС России от 26.12.2012 № 2656 ФТС России//СПС-Консультант плюс.
8. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2575-р «О Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года»//СПС-Консультант плюс.
9. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»//СПС-Консультант плюс.
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»//СПС-Консультант плюс.
11. Федеральный закон от 05.05.2014 № 113-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации»//СПС-Консультант плюс.
12. Федеральным законом от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»//СПС-Консультант плюс.

ОГРАНИЧЕНИЕ И ОБРЕМЕНЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Шляхтина Н. К.,

2 курс магистратуры, студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская правовая академия Министерства юстиций Российской Федерации», Иркутский юридический институт (филиал), г. Иркутск

Обращение к данной теме обусловлено широким использованием в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) понятий «ограничения» и «обременения» и вытекающих из них производных, например, «ограничить», «ограничивающие» или «бремя», «обременить». Однако до настоящего времени законодатель не определил четкую разницу между категориями «ограничения» и «обременения». В пункте 2 статья 674 ГК РФ ограничение (обременение) трактуется как синонимы: «права собственности на жилое помещение, возникающее

на основании договора найма такого жилого помещения, заключенного на срок не менее года, подлежит государственной регистрации в порядке, установленном законом о регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». В иных нормах речь идет только об использовании понятия «обременение» и отождествление с ограничением не происходит. Например, в статье 275 ГК РФ закреплена норма, которая сохраняет сервитут как обременение при переходе права. Существующее расхождение в терминологии нельзя приветствовать, поскольку это, в

том числе, может оказать негативное влияние на практику применения законодательства.

Проанализируем некоторые случаи использования данных понятий в ГК РФ. Так в статье 1 ГК РФ категория «ограничения» выступает как запрет, который существует в реализации гражданских прав. Категория «обременения» в данной статье не обозначается как синоним «ограничения». В пункте 1 статьи 8.1. «В случаях, предусмотренных законом, права, закрепляющие принадлежность объекта гражданских прав определенному лицу, ограничения таких прав и обременения имущества (права на имущество) подлежат государственной регистрации». Можно предположить, что под ограничением понимается стеснение прав субъекта в осуществлении его правомочий.

Вещные права также могут иметь «ограничения» и «обременения». В статье 209 ГК РФ указано, что «собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, ... отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом». Из выше изложенного можно видеть, что собственник уже ограничен в осуществление своих прав, так как он может реализовывать свои права в рамках, установленных законом. Также собственник может обременять имущество, например, заключить договор ренты, в таком случаи, возникает обязательство обеспечить содержание собственника этого имущества на протяжении определенного периода времени.

В пункте 1 статье 274 ГК РФ закреплено, что «собственник недвижимого вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком». Право сервитута выступает как обременение права собственности. В пункте 2 статьи 274 ГК РФ «обременение земельного участка сервитутом не лишает собственника участка прав владения, пользования и распоряжения этим участком». Законодатель говорит о категории обременения уже применительно к объекту, а не к конкретному субъективному праву.

В разделе обязательственного права в пункте 1 статьи 336 ГК РФ оговаривается, что «залог отдельных видов имущества может быть ограничен или запрещен законом», например, сторона приобрела имущество в ипотеку, в силу договора имущество будет являться залогом до исполнения обязательств, соответственно заемщик будет ограничен в своих правомочиях, и объект обременен залогом.

Анализ данных норм позволяет увидеть, что единообразного подхода в законодательных актах на соотношение понятий «ограничение» и «обременение» не сложилось. В доктрине данному вопросу также уделяется достаточное внимание.

Существует различные точки зрения исследователей теории права и цивилистов по данному вопросу. Среди позиций представителей теории права можно выделить мнение А.В. Малько и М.И. Приходько. Так, А.В. Малько отмечает, что «ограничения» – это «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [1]. Нельзя не согласиться с таким подходом, поскольку основными функциями ограничения это охрана защиты общественных отношений, социального контроля. Однако следует обратить внимание, что автор

дает определение лишь категории ограничения, не обращаясь к его соотношению с понятием «обременение».

М.И. Приходько определяет «ограничения» как «правовое средство, направленное на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрагента» [2]. Ученый также выделяет ограничения права как нечто сдерживающее субъекта правоотношений и не использует категорию обременения.

Среди цивилистических позиций по данному вопросу приведем мнение В.А. Белова и В.А. Микрюкова.

В.А. Белов в своих трудах дает определения указанным категориям как отдельным видам паровых форм, отличных от категории правоотношения: «изъятия их юридической возможности, составляющих субъективные права, элементы правоспособности и вторичные права, устанавливаемые в пользу либо неопределенного круга лиц - ограничения или конкретного частного лица – обременения» [3, с. 321]. Цивилист один из немногих исследователей, которых объясняет разницу между указанными категориями. Главным отличием ученый называет субъектный состав: если сдерживание касается прав конкретного лица, то это «обременение», а если стеснение прав обозначается в пользу неограниченного лица – «ограничение». С указанной позицией следует согласиться, однако, В.А. Белов в трактовке определений осветил лишь одну сторону применения указанных категорий. Необходимо рассмотреть другие варианты их соотношения, отраженные, в том числе и в законодательстве. Например, в пункте 3 статьи 149 ГК РФ речь идет об обременении объекта, а об ограничении ведется речь применительно к праву конкретного или неопределенного субъекта. Следовательно, категория «обременение» выступает как стеснение имущества; категория «ограничение» ставит правовые рамки осуществления права субъекта.

В.А. Микрюков считает, что ограничения – это «запрет одному субъекту правоотношений совершать определенные активные действия, в приостановлении деятельности другого субъекта» [4]. Соответственно можно говорить, что это установленная на законодательном уровне граница в осуществлении прав субъекта. Определение обременения в исследовании отдельно не формулируется.

Таким образом, проблема терминологического определения анализируемых понятий до конца не изучена и не имеет общепризнанного понимания. Анализ ГК РФ и обзор научных исследований позволяет говорить о неких сходствах и отличиях в данных понятиях.

Обременения – категория, сущность которой заключается в стеснение объекта (недвижимое имущество). Ограничения – категория, направленная на сужение прав субъекта; рамки могут быть установлены в силу закона или самим субъектом правоотношений.

Объектом обременения может быть любое имущество (за исключением нематериальных благ, неотделимых от личности их обладателя и не отчуждаемых, работ и услуг), обладающее индивидуально-определенными признаками. Имущество, имеющее родовые признаки, не способно быть объектом обременения.

Ограничения – это не субъективное право, так как установлено в пользу неопределенного круга лиц, влияют только на правоспособность, соответственно лишь косвенно взаимодействуют с субъективными правами. Обременение – это субъективные права, так как априори определяются в пользу конкретного субъекта и по умолчанию устанавливаются господства над данными объектами правоотношений.

Способом обременения является та или иная форма субъективных прав (заклад, сервитут, рента и п.), в свою очередь итог ограничений может принадлежать любому субъекту.

Природа ограничения и обременения различна. Определенное значение имеют данные явления в системе правоотношений, отличает их свойства, а также конечный результат.

Ограничения – это правовая мера, в рамках которых субъекты правоотношений складывают свои действия. Цель ограничений – предотвратить противозаконное действие субъектов.

Категория «ограничения» встречается в разных отраслях гражданского права: вещном праве (сужения прав субъекта в силу законы в интересах других лиц и др.); в обязательственном праве ограничением выступает – срок (срочное обязательство); в договорной отрасли (свобода договора ограничивается законом); наследственном праве (субъектами наследство по закону имеет права могут быть лишь отдельные категории граждан).

Таким образом, правовое ограничение можно разграничить по видам: А) по объекту права; Б) по субъекту правоотношений; В) по форме (временные и постоянные).

Правовое ограничение также выполняет ряд функции для правоотношений: 1) охранительная (охраняет интересы субъектов правоотношений); 2) информационную;

3) систематизированную (выражается в обусловленной системе осуществление права); 4) защитную (предоставляет границы осуществления правомочий).

Описанные многовариантности подходов по решению данного вопроса важны для правоприменения и влекут необходимость разъяснения данных вопросов на уровне высших судебных инстанций.

Список использованной литературы

1. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): дис. ... д-ра юрид. науки. – М., 2007. – 30 с. <http://www.dslib.net/teoria-prava/stimuly-i-ogranichenija-v-prave.html> (дата обращения 08.12.2014 г.)
2. Приходько И.М. Ограничения в российском праве: Проблемы теории и практики: автореф. дис... к. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 50 с.
3. Белов В.А. Введение в гражданское право: общая часть. Т.1. – М.: Юрайт, 2012. – 528 с.
4. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. – М., Статут. – 2007. – 255с. // <http://www.lawmix.ru/commlaw/1084> (дата обращения 08.12.2014 г.)

КОНФЛИКТ ОБЩЕСТВА И ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ВЛАСТИ КАК ПРИЧИНА ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

Сосновских Александр Валерьевич

*Аспирант второго года очной формы обучения, Уральский Финансово-Юридический Институт,
город Екатеринбург*

Среди множества факторов, повлиявших на падение монархии в России в феврале 1917 года исследователи выделяют в основном следующие: Первую мировую войну, персону Николая II, действия немецких агентов, взаимоотношение государства с церковью. Несомненно, вышеуказанные обстоятельства сыграли свою роль, как и сыграли другие десятки и сотни факторов. Смотря на события столетней давности современным взглядом, можно предполагать какой факт сыграл наибольшую роль, можно составлять схемы и графики их влияния на дальнейшую судьбу монархии. Естественно, что только совокупность причин могла вылиться в революционный Февраль. Однако известный писатель и лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын считает, что всё же не Первая мировая война определила революцию в России: «ее определил конфликт общества и власти, на который наложилась война». [11, с. 627].

Данная позиция несколько не вписывается в существующую историографию. Так, считается, что следствием войны стало обострение противоречия между властью и обществом. Тем не менее, позиция А.И. Солженицына имеет право на существование и, более того, его мнение заслуживает более пристального внимания.

Если масштабная война в Европе была неизбежной, то неизбежна ли была революция? Исторически известно, что революции произошли во всех крупнейших государствах, потерпевших поражение в Первой мировой – но следует ли из этого, что революция должна была произойти и в России? Тем более, что Россия 1917 года не

принадлежала к терпящему поражение блоку. Таким образом, причину февральской революции нужно искать в специфических условиях, существовавших в то время в России.

Одной из возможных причин Февральской революции следует искать в проблеме взаимоотношений власти в лице монарха и общества, которая была одной из важнейших для нашего государства. В условиях политического кризиса российской государственности элита государства, в лице дворян опасалась повторения революционных событий. О том, что дворянство было обеспокоено происходящими событиями существует множество подтверждений. Например, управляющий делами Постоянного Совета объединенного дворянства В.И. Гурко писал: «В самой стране были крупные общественные беспорядки, то, что произошло в последние месяцы войны с Японией, теперь повторилось снова, и мы почувствовали приближение событий, напоминающих собой 1905-1907 годы» [6, с. 644].

Отношение дворянства к императору с давних пор считалось одним из главных индикаторов устойчивости общества. К началу XX века большинство дворян сохраняло в отношении к императору все те же возвышенные стандарты, что и в прошлом. Однако образ монарха в сознании дворянства постепенно видоизменился. Положительные оценки постепенно уступают место отрицательным. На VI съезде объединенного дворянства В.Л. Кушелев заявил о том, что ряд дворян неправильно полагают, что «не Бог же он, такой же человек, ведь он тоже работник» [9, с. 417]. Однако негатив к императору стал

ярко проявляться только после событий кровавого восстания. И даже шаги императора на пути к демократизации, например, созыв первой Государственной Думы, не изменили этого мнения. К 1914 году дворянство уже было уверено, что «вырождение династии, так очевидно и безнадежно, что надеяться не на что» [1, с. 615].

Отрицательное отношение дворян к императору можно обусловить консервативным политическим мировоззрением Николая II. Он не разделял либеральных взглядов. Дворяне же в своей основной массе были либерально настроены. Во многом поэтому к февралю 1917 г. Николай II остался практически без всякой поддержки со стороны дворянства. Более того, даже среди правых дворян сложилось недовольство царем. Дворян все больше волнует господствующее вокруг «безвластие настроений». Газета «Утро России» отмечала, что «наиболее дальновзоркая часть дворянства поняла, куда ведут Россию «исконные пути» [2, с. 103-104]. Анализ взаимоотношений власти и ее опоры в лице дворянства подтверждает системный характер кризиса российского общества.

Массовый протест против помещичьего землевладения фактически перешел в протест против государства, а значит царской власти. Первоначальные восстания были подавлены еще в 1905-1907 годах, но в возникла волна ненависти к царскому режиму, что ярко проявилось в статистике преступности: количество преступлений «против порядка управления» возросло после революции 1905 года в шесть раз [8, с. 90]. Подавив события 1905-1907 года, действующая власть оттеснила на второй план внутренние проблемы. Вскоре началась мировая война, и крестьянские бунты трансформировались в «городскую» революцию.

К концу 1916 года все политические партии и группировки объединились в оппозицию к монархии. Впрочем, это было их единственной точкой соприкосновения — ни в чём другом они не сходились [10, с. 312]. Волнения в городах убедили оппозицию, что страна стоит на грани революции. 1 октября 1916 года на заседании Московского отделения ЦК кадетов Д. И. Шаховский, Ф.Ф. Кокошкин и В. А. Маклаков сравнивали страну с «бушующим огненным морем» [5, с. 221]. Видя, что насильственный путь будет, все равно, избран и помимо Государственной Думы, парламентское большинство стало готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который оно предпочитало получить не снизу, а сверху» [7, с. 38]. Таким образом, либеральная оппозиция не взывала к поддержке народа, как это было в 1905 году. Руководство социалистических партии, находилось в эмиграции и не ориентировалось в обстановке. Как

вскоре выяснилось, «революция произошла без революционеров».

Солдаты выходили на улицу и направились поднимать другие полки. Началась цепная реакция. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме, и полки один за другим с криками ликования и стрельбой в воздух присоединялись к восстанию. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем — 26 тысяч, вечером — 66 тысяч, на следующий день — 127 тысяч, 1 марта — 170 тысяч, то есть весь гарнизон Петрограда. [3, с. 193]. М.А. Волошин 12 марта 1917 г. под впечатлением происходящих событий сказал: «Внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени». [4, с. 26]. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу в значительной мере неожиданно для самих масс». [12, с. 373].

Список литературы

1. Ананьич Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Отв. ред. СПб., 1996. — 801 с.
2. Бибин М.А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. — 268 с.
3. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. — 413 с.
4. Волошин М.А. Россия распятая // Юность. № 10. 1990. — 24—31 с.
5. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914- весна 1917 г.). М., 2003. — 458 с.
6. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. М., 2000. — 278 с.
7. Милуков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. — 686 с.
8. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XIX в.). Т. II. СПб., 2002. — 583 с.
9. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т.2. Кн.1. М., 2001. — 608 с.
10. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994. — 266 с.
11. Солженицын А.И. «Размышления над Февральской революцией» изд-во. Публицистика. 1999. — 752 с.
12. Троцкий Л. Д. История русской революции// К истории русской революции. М. 1990. — 447 с.

ПРИНЦИП ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Суворова Александра Александровна

Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Омская юридическая академия, г. Омск

THE PRINCIPLE OF JUSTICE ONLY BY THE COURT AT THE CONCLUSION OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

Suvorova Aleksandra, Graduate student of the chair of criminal process and criminalistics, Omsk Law Academy, Omsk

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются проблемы реализации принципа осуществления правосудия только судом в условиях особого порядка судебного производства, предлагаются пути оптимизации процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

ABSTRACT

In this article investigates problems of realization of the principle of justice only by the court in the special conditions of judicial proceedings, the ways of optimizing the procedure of the conclusion of the pre-trial cooperation agreement.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, принципы уголовного судопроизводства, принцип осуществления правосудия только судом

Keywords: pre-trial cooperation agreement, principles of criminal legal proceedings, the principle of justice only by the court.

Развитие в отечественном уголовно-процессуальном праве системы ускоренного судебного производства породило множество спорных моментов. Одним из них стал вопрос соотношения, с одной стороны, ускоренного судебного производства, в виде досудебного соглашения о сотрудничестве (далее – ДСС), как элемента англо-американской системы права, и правил (способа) достижения цели и самой цели уголовного процесса, как особенностей континентальной системы права, с другой стороны. Ограничивает ли процедура заключения ДСС принципы уголовного судопроизводства? Не теряется ли при чрезмерном стремлении к ускоренному правосудию цель уголовного процесса – поиск объективной истины? В Постановлении Пленума ВС РФ от 28.06.2012 г. № 16 указано: «При проведении судебного разбирательства и постановлении приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежат соблюдению общие для всех форм уголовного судопроизводства принципы осуществления правосудия. Недопустимо понижение уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства, установленных в том числе главой 40.1 УПК РФ» [6].

Отметим, что принцип осуществления правосудия только судом не является новым явлением в отечественной юриспруденции. Данное положение, представленное в статье 7 Основ уголовного судопроизводства 1958 г., ученые относили к принципам советского уголовного процесса [2, с. 33]. Согласно действующему уголовно-процессуальному кодексу, осуществление правосудия по уголовным делам в Российской Федерации возможно только судом (ст. 8 УПК РФ). Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ (ч. 2 ст. 8 УПК РФ). Статья 118 Конституции РФ устанавливает, что правосудие по уголовным делам в Российской Федерации осуществляется только судом. Только судебная власть, как одна из ветвей власти осуществляет полномочия по рассмотрению и разрешению уголовных дел [5].

Процедура заключения ДСС позволяет прокурору гарантировать подозреваемому или обвиняемому сокращение тюремных сроков. И хотя эта гарантия не является полной и обязательной (т.к. суд, установив в результате проверки проводимой в ходе судебного разбирательства факт несоблюдения условий, предусмотренных ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ, может принять решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначить судебное разбирательство в общем порядке), сам факт ее предоставления ограничивает принцип уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, необходимо, чтобы судья принимал участие либо при рассмотрении ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым ДСС, либо при подписании соглашения. В противном случае получается, что гарантии сокращения сроков отбывания наказа-

ния дают лица, которые не принимают решения в судебном процессе. Похожие предложения высказывались учеными. Так, А.С. Шаталов указывал, что «... в интересах дела было бы правильно передать полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве суду, т.е. участнику уголовного судопроизводства, наделенному полномочиями не по осуществлению надзора, а по созданию необходимых условий для реализации сторонами их процессуальных обязанностей и предоставленных им прав» [12, с. 60]. Н.В. Софийчук считает очевидной необходимость закрепления контролирующей функции суда на ранних стадиях уголовного судопроизводства «... в целях разрешения проблемы доминирующего положения стороны обвинения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [7, с. 105]. На необходимость введения судебного контроля на стадии предварительного расследования уголовного дела в целях обеспечения прав и свобод лиц, привлекаемых к уголовной ответственности указывали и другие ученые [1; 3; 11; 13].

Прокурор выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено ДСС. Особое внимание при этом заслуживают временные рамки процедуры рассмотрения материалов уголовного дела в прокуратуре и суде. Так уголовное дело № 816179 было завершено и поступило в прокуратуру 15.01.2013 г. в порядке ст. 221 УПК РФ, а уже 24.01.2013 г. прокурор вынес представление с просьбой применить к обвиняемому по уголовному делу особый порядок судебного заседания и вынести в отношении него приговор с учетом положений п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 62 УК РФ [10]. Подобная ситуация наблюдается и по другим уголовным делам [8; 9]. Прокуратура только подтверждает соблюдение всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных заключенным с обвиняемым (подозреваемым) досудебным соглашением о сотрудничестве. Постановление о назначении судебного заседания по уголовному делу № 816179 было подписано 31.01.2013 г. Подобная скорость рассмотрения уголовных дел, не способствует всестороннему и объективному изучению. Это свидетельствует о том, что подписавший ДСС обвиняемый (подозреваемый), для стороны обвинения уже лицо виновное.

Степень вины и возможность смягчения наказания может установить только суд. Ситуацию могло бы исправить детальное исследование материалов уголовного дела судом. Однако, Постановление Пленума ВС РФ от 28.06.2012 г. № 16 обращает внимание судов, «... что в судебном разбирательстве по уголовному делу в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (ч. 5 ст. 316 УПК РФ)» [6].

При поступлении уголовного дела в суд выясняются вопросы, указанные в ст. 228 УПК РФ, и судья принимает одно из трех решений: направить уголовное дело по подсудности, назначить предварительное слушание или назначить судебное заседание (ч. 1 ст. 227 УПК РФ). Суд проверяет содержат ли материалы уголовного дела документы, необходимые для его рассмотрения в особом порядке.

Затем суд должен удостовериться в том, что представитель стороны обвинения подтверждает активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, а также в добровольности заключения досудебное соглашение о сотрудничестве при участии адвоката (ст. 317.6 УПК РФ).

После этого применяется особый порядок проведения судебного заседания и вынесение судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено ДСС.

Судебное заседание начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего государственный обвинитель подтверждает содействие подсудимого следствию, а также разъясняет суду, в чем именно оно выразилось (ч. 3 ст. 317.7 УПК РФ). Суд в некотором роде вообще дистанцируется от рассмотрения уголовного дела (например, не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу [6]). Исследованию в ходе судебного заседания подлежат следующие вопросы: характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления и т.д.; значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым; степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица; обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» (ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ).

Если подходить к сложившейся ситуации формально, то признание гражданина виновным происходит только после вступления приговора суда в законную силу. И с этой точки зрения принцип уголовного судопроизводства – осуществление правосудия только судом – не нарушен. Но, учитывая время и глубину рассмотрения обстоятельств уголовного дела сотрудниками прокуратуры и суда, виновность гражданина, подписавшего ДСС, под сомнение не ставится. По моему мнению это является одним из элементов формализма в уголовном процессе современной России о котором писали Г.А. Печников и В.М. Шинкарук, когда «основной вопрос, действительно ли виновен человек, признавший свою вину, ... отодвигается на второй план. В суде проверяется добровольность признания, а не его истинность» [4, с. 111]. Тем сложнее понять роль судебных органов в процессе реализации норм института ДСС, учитывая функцию суда, как гаранта соблюдения основополагающих принципов уголовного судопроизводства [7, с. 103].

Таким образом:

1. прокурор при подписании ДСС гарантирует обвиняемому (подозреваемому) возможность применения смягчающих обстоятельств и норм законодательства;

2. представитель судебных органов не участвует при рассмотрении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и подписании досудебного соглашения о сотрудничестве в рамках судебного контроля;
3. суд формально подходит к выполнению своих функций, вынося приговор о виновности (невиновности) обвиняемого по уголовному делу. Обвиняемый (подозреваемый), подписывая ДСС (и не опровергая добровольность подписания соглашения в суде), фактически становится виновным, до вынесения приговора.

Список литературы

1. Ветрова Г.Н. Решения в механизме правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. – 2009. – № 6. – С. 1341 – 1364.
2. Добровольская Т.М. Принципы советского уголовного процесса // Принципы уголовного процесса. Учебно-методические материалы. – Красноярск, 1998. – С. 7 – 35.
3. Луценко П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
4. Печников Г.А., Шинкарук В.М. Сокращенная форма дознания и объективная истина // Вестник Волгоградской Академии МВД России. № 3 (26). 2013. – С. 108 – 112.
5. Пикалов И.А. Уголовный процесс Российской Федерации (краткий курс) [Электронный ресурс] URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum4772/> (дата обращения: 10.04.2013 г.).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 “О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве” // [Электронный ресурс] URL: <http://www.vsrff.ru/second.php> (дата обращения 05 февраля 2015 г.).
7. Софийчук Н.В. Роль суда в реализации досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная реформа и правосудие в России: эволюция, проблемы и тенденции. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. – Вологда, 2012. – С. 102 – 106.
8. Уголовное дело № 345536 // Архив Первомайского районного суда г. Омска.
9. Уголовное дело № 515004 // Архив Полтавского районного суда Омской области.
10. Уголовное дело № 816105 // Архив Кировского районного суда г. Омска.
11. Чашин А.Н. Порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Советник юриста. 2010. № 1. – С. 4 – 12.
12. Шаталов А.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве – новый институт российского уголовного судопроизводства // Право. – 2009. – № 4. – С. 56.
13. Яблоков В.А. Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2001.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРОРИЗМА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Танкенова Лаура Кумаровна

Старший преподаватель, магистр юриспруденции, Казахского гуманитарно – юридического, инновационного университета, Республики Казахстан, ВКО, г. Семей

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются вопросы уголовно-правовой характеристики состава преступления акта терроризма. Рассматриваются уголовно-правовые характеристики элементов в составе преступления. Изучается объект преступления и его юридические особенности. Анализируется субъективная и объективная сторона преступления. Исследуются субъекты преступления.

Выявляются актуальные вопросы толкования состава преступления и новые подходы к их характеристикам. Проводится сравнительный анализ составов преступления, связанных с терроризмом. Определяется ряд утверждений и мнений позволяющих включить их в состав преступления.

Ключевые слова: объект преступления, субъект преступления, объективная сторона, акт терроризма, состав терроризма.

В соответствии со статьей 1 закона «О борьбе с терроризмом» к преступлениям террористического характера отнесены преступления, предусмотренные статьями 255 - 260, УК РК, а также предусмотрено, что к таковым могут быть отнесены и иные преступления, если они совершены в террористических целях.

Данный закон не содержит в себе норм уголовно-правового характера и отсылает правоприменителя к действующему УК РК [1].

В юридической науке не выработалось единого подхода к вопросу о необходимости моделирования самостоятельного состава терроризма. «Суть проблемы, - как считает профессор С.А. Денисов, - заключается в том, что Особенная часть Уголовного закона знает случаи, когда в отдельных составах присутствуют элементы терроризма».

К таким видам можно отнести статьи 262, 263, 264 УК РК и ряд других преступлений. «В связи с этим, отмечает профессор С.А. Денисов, - полагается, что специальные нормы призваны бороться с отдельными, конкретными проявлениями терроризма».

Законодатель, исходя из необходимости формирования самостоятельного состава, установил ответственность за терроризм (статья 255 УК РК).

В рамках анализа терроризма возможно разделение всех преступлений с элементами терроризма на три большие группы: 1. терроризм как самостоятельный состав преступления (ст. 255 УК РК); 2. преступления террористического характера (ст. ст. 256-260 УК РК); 3. иные виды преступлений, где элементы терроризма выступают в качестве цели или способа совершения преступления (вымогательство, все виды угроз, посягательств либо убийств в отношении должностных лиц различных звеньев государственного аппарата и т.п.).

Все эти виды объединяют следующие черты: во-первых, характерная для всех преступлений с элементами терроризма открытость, а зачастую и ультимативность действий и требований; во-вторых, применение психического или физического насилия в отношении неопределенного круга лиц, в том числе и случайных жертв; в-третьих, подрыв престижа и авторитета власти, угроза общественной безопасности как средство воздействия на людей и общественные институты; в-четвертых, общественно опасный способ совершения преступлений, и в-пятых, транснациональный (международный) характер.

Объектом терроризма выступает общественная безопасность. Понятие и содержание безопасности определяется в Законе Республики Казахстан от 1 мая 2007 года «О безопасности» как «состояние защищенности жизненно

важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Безопасность - понятие очень сложное, широкое и многоаспектное. В зависимости от содержания различаются стороны безопасности. Так, выделяются экономическая, политическая, правовая, экологическая информационная, военная, государственная, личная и т. д.

Общественная безопасность как объект преступления, - это система отношений, возникающих по поводу создания безопасных условий жизнедеятельности общества, развитие различных ее институтов.

Исследователи различают объективный и субъективный критерии общественной безопасности. Объективный критерий - это уровень реальной защищенности системы законодательного регулирования, организационные меры по использованию материальных средств, реализация этих мер правоохранительными и другими органами.

Субъективный критерий отражает часть общественной психологии. В нем находит выражение ощущение своей безопасности и безопасности других лиц, состояние спокойствия, уверенность в нормальной работе государственных и общественных институтов власти и управления.

В качестве дополнительного объекта в рассматриваемом составе могут выступать личные и имущественные интересы граждан и юридических лиц.

Объективная сторона терроризма является сложной и может быть выражена в совершении одного из трех видов действий, указанных в диспозиции ст. 255 УК РК: 1. совершение взрыва, поджога; 2. совершение иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного материального ущерба, либо наступление общественно опасных последствий; 3. угроза совершения указанных действий.

Совершение взрыва - это действие, сопряженное с использованием взрывных устройств или взрывчатых веществ.

Поджог - это искусственное вызывание пожара с использованием воспламеняющихся средств.

Взрывные устройства - это самодельные, кустарного либо заводского изготовления мины, бомбы, снаряды, конструктивно предназначенные для производства взрывов. Взрывчатые вещества - это химические соединения, или механические смеси веществ, способные к быстрому взрыву (тротил, аммониты, пластиды, различные типы пороха).

Взрыв - мгновенное, мощное самораспространяющееся химическое превращение взрывчатых веществ, сопровождающееся взрывной волной, возгоранием и громким звуком.

Иные действия - это самые различные активные действия, сопряженные с использованием радиоактивных, ядовитых, сильнодействующих веществ, посягательство на информационные, энергетические, продуктовые ресурсы, системы жизнеобеспечения общества.

Угроза совершения указанных действий выражается в реальном, возможном обещании выполнить указанные выше действия. Признаки терроризма будут иметь место лишь тогда, когда у одного или нескольких лиц существует реальная возможность выполнить указанные выше действия.

Обязательным признаком терроризма является создание опасности наступления следующих видов последствий: 1. опасность гибели людей; 2. опасность причинения значительного имущественного ущерба; 3. наступление иных общественно-опасных последствий.

Опасность - это универсальная уголовно-правовая категория, которая в смысле рассматриваемого состава понимается как угроза наступления указанных в диспозиции статьи последствий [2, с. 78].

Опасность гибели людей означает совершение таких действий, которые бы объективно, в силу своих внутренних свойств вызвали реальную возможность гибели двух и более людей, или фактическую смерть хотя бы одного человека.

Опасность значительного имущественного ущерба, как последствие действий, содержанием которых является терроризм - сугубо оценочное понятие. Это означает, что значительность, либо, напротив, незначительность ущерба рассматривается в каждом конкретном случае совершения терроризма.

В уголовно-правовой литературе существует предложение по квалификации и установлению этой разновидности последствий терроризма аналогично толкованию этих преступлений против собственности. «Эта позиция, - как считает профессор С.А. Денисов, - представляется не совсем верной».

Ибо, значительность причинения имущественного ущерба в таком преступлении как, например, кража, устанавливается с учетом не только стоимости самого похищенного, но и с учетом материального положения лица, у которого совершено хищение.

Естественно, данный критерий не может быть применен в случае квалификации терроризма. Данный признак устанавливается с учетом целого ряда обстоятельств. Во-первых, с какими целями совершаются террористические действия; во-вторых, какие средства необходимо затратить на их предотвращение и расследование. Иные общественно-опасные последствия в своем содержании могут заключать срыв работы государственных учреждений, предприятий, блокирование аэропортов, автомобильных и железнодорожных магистралей, вокзалов, создание паники среди населения и т.п.

Названный состав является формальным, т.е. уголовная ответственность может наступить при совершении какого-либо из указанных в диспозиции действий или угрозы их совершения, но в обозначенных целях.

Другими словами, можно сказать, что законодатель так сконструировал модель объективной стороны терроризма, что преступление признается оконченным, завершённым уже при наличии таких действий, которые создали опасность наступления последствий в виде гибели

людей, причинения значительного имущественного ущерба либо иных последствий.

К такой конструкции законодатель прибегает в следующих случаях: во-первых, - установление последствий от совершенного действия невозможно, поскольку они находятся в толще различных проявлений (моральный, имущественный, организационно-управленческий и т.п.) во-вторых, само по себе действие настолько опасно, что законодатель не считает возможным связывать момент окончания преступления с наличием фактически причиненного вреда. Терроризм, с объективной стороны, подпадает под оба указанных выше случая.

Опасность причинения указанных в законе последствий выступает, таким образом, сама как специфическое последствие. В соответствии с этим, при квалификации признаков, характеризующих объективную сторону терроризма, необходимо установление и причинной связи между действиями и причинно-обоснованной опасностью наступления последствий.

С субъективной стороны терроризм характеризуется умышленной формой вины и, более того, это преступление может быть совершено только с прямым умыслом.

На это обстоятельство указывают следующие признаки: во-первых, наличие специальной цели при совершении терроризма и, во-вторых, конструкция объективных признаков.

Прямой умысел означает, что лицо при совершении этого преступления сознает, что оно совершает взрывы, поджоги, иные действия, либо угрожает подобного рода действиями, предвидит неизбежность создания опасности гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба и иных последствий, и желает совершения подобного вида действий, преследуя при этом специальные цели: нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений органами власти [3, с. 98].

По мнению отдельных авторов, все цели в совершении терроризма условно разделяются на две группы: 1. основная цель - оказание воздействия на принятие решений органами власти. Именно ради этих целей совершаются в подавляющем большинстве все акты терроризма. 2. вспомогательные или промежуточные цели. К ним мы относим нарушение общественной безопасности и устрашение населения. Именно через достижение этих целей решается и основная задача террористов - воздействовать на решения, принимаемые органами власти.

Следует иметь в виду, что мотивация терроризма не обязательно носит политический характер в собственном смысле этого слова. К тому же то, что в источниках в настоящее время обозначается как явление терроризма, имеющее политические мотивы (осложнение международных отношений, воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государства, дестабилизация обстановки и т.д.), является скорее целью.

Мотивы же, т.е. внутренние побуждения участников, могут быть самыми разнообразными - от фундаменталистского или сектантского, религиозного, националистического, социального фанатизма до стремления к самоутверждению, «прославлению» себя, мести и т.д.

Эти мотивы надо иметь в виду и во взаимодействии с собственно политическими мотивами, связанными с оппозиционной деятельностью, конфронтацией относительно существующего строя и органов власти.

Поэтому мы солидарны с мнением профессора С.А. Денисова, который считает, что «мотивация проявлений

терроризма уголовно-правового квалифицирующего значения не имеет. В качестве побудительных мотивов совершения терроризма, как правило, желание достигнуть каких-либо экономических, политических, сепаратистских, криминальных целей».

Субъектом терроризма выступает террорист, т. е. лицо, непосредственно участвующее в совершении действий, указанных с диспозиции ст. 255 УК РК. Закон «О борьбе с терроризмом», подписанный Президентом Казахстана 29 января 2014г., содержит в себе несколько расширенное понятие террориста - лицо, участвующее в осуществлении террористической деятельности в любой её форме[4, с. 20].

Анализ положений этого закона даёт основание полагать, что здесь мы имеем дело с более общим представлением о лице, совершившем террористические действия. В орбиту этого определения входит не только сам исполнитель, но и целый круг лиц, причинно и виновно обуславливающих совершение преступления. Обращает на себя внимание предельно низкий возраст уголовной ответственности за терроризм (ч. 2 ст. 52 УК РК). Данное обстоятельство лишней раз доказывает специфическое свойство терроризма - его повышенную общественную опасность.

Список использованной литературы

1. Уголовный кодекс РК 3 июля 2014 года
2. А. С. Наумов Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник.
3. – М.: Спарк, 1999 -78с
4. Б.В. Здравомыслов Уголовное право. Особенная часть: Учебник. – Юрист, 1997 -98с
5. О.А. Аксенов «Ответственность за преступления против общественной
6. безопасности, здоровья населения и общественной нравственности»-Юрист – 1997-20с

References

1. Uголовniiy kodeks RK 3 iyuly 2014 g.
2. A.S. Naumov Rossiskoe ugovolnoe pravo. Osobennay chast: Uchebnik-M.: Spark, 1999 -78s
3. B.V. Zdravomyslov Ugovolnoe pravo. Osobennay chast: Uchebnik.- Yrist,-1997 - 98.s
4. O.A.Aksenov «Otvettstvennost za prestupleniy protiv obchestvennoy bezopasnosti, zdoroviy naseleniy i obchestvennoy nrvastvennosti» - Yrist,-1997 -20 s

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА НОТАРИАТА И АДВОКАТУРЫ, КАК ОРГАНОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ПРАВА И СВОБОДУ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Тимошкина О.А.

к.ю.н., доцент кафедры, «Правоохранительная деятельность», Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза

Федулов А.В.

Адвокат, Региональная коллегия адвокатов г. Пензы, и Пензенской области «Правовед», Россия, г. Пенза

Конституция Российской Федерации закрепляет права и свободы человека, как наивысшую ценность, кроме того, устанавливается обязанность государства по их защите. Данное положение Конституции РФ нашло свое отражение и в Основах законодательства РФ о нотариате, и в Федеральном законе РФ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности». Само возникновение таких институтов как адвокатура и нотариат, непосредственно связано с реализацией государственной функции по защите прав и свобод граждан и юридических лиц.

Как нотариат, так и адвокатура – это древнейшие правовые институты человечества.

Нотариат, в современном его понимании возник еще в Древнем Риме и получил свое развитие в эпоху Римской Империи. Однако, организацию со стороны законодательства и название «нотариат», данный институт получил в Италии в XIV веке. Позже данный институт был воспринят и в Германии, и во Франции, и, конечно в России. Окончательное законодательное закрепление института нотариата в России произошло после принятия Положения о нотариальной части в 1866 году. С принятием указанного Положения был создан самостоятельный нотариальный институт с обширным и независимым кругом действий. С изменением государственного строя в России с 1918 изменились и все правовые институты, исключением не стал и нотариат. Постоянные изменения законодательства о нотариате (в 1918, 1922, 1923, 1947 годах), сокращение нотариальных контор, сужение полномочий нотариата, поставили под угрозу существование всего института в целом. Однако,

после перехода контроля над нотариусами к судебной системе (середина 50-х годов), нотариат становится стабильной структурой.

В 1970 – 80-е годы деятельность нотариальных органов сводилась к обеспечению реализации приобретаемых гражданских прав, их закреплению в установленной юридической форме, удостоверению тех фактов, которые связаны с возникновением различных гражданских правоотношений.

И только в 1993 году, нотариат пережил «второе рождение». Были приняты Основы законодательства РФ о нотариате. С этого периода нотариат из «зажатой» государственной структуры преобразовался в обновленный частный правовой институт.

Общеизвестным стало высказывание Фио-де-ля-Марша, который говорил, что «адвокатская профессия восходит до Божественного Слова, которое защищало перед Господом потомство Адама, более несчастное, чем виновное».

Первые упоминания об адвокатуре можно найти в Евангелие от Луки и Деяний Апостолов.

«Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, почтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла».

Прообразом современной адвокатуры принято считать древнеримскую адвокатуру. Древнеримская адвокатура, как и древнегреческая, начала свое формирование как родственная.

Можно отметить, что предвестниками адвокатуры в Древнем Риме являлись деятельность понтификов и заступническая адвокатура.

Римские понтифексы «составляли особую жреческую коллегию, которая занималась не совершением литургических действий и церемоний, а внешними управлениями делами культа. Они были также верховными блюстителями сакрального (священного) права. Так как сакральное право во многих частях соприкасалось, а в других сливалось с правом светским, то не удивительно, что понтифексы начали заниматься и вопросами светского права...» [1, с. 15].

Что касается развития адвокатуры в России, то предшественником российской адвокатуры можно условно назвать институт судебного представительства, существовавший в Древней Руси. Первые упоминания о нем имеются в памятниках права еще пятнадцатого века. В частности, Псковская судная грамота позволяла женщинам, детям, монахам и монахиням иметь поверенных.

Судебное представительство имело черты свободной профессии, не связанной корпоративными обязательствами вплоть до Судебной реформы 1864 года.

В соответствии с Судебными Уставами 1864 г. адвокатура разделялась на 2 категории: присяжные поверенные и частные поверенные. В качестве присяжных поверенных допускались следующие лица: достигшие 25-летнего возраста, имеющие русское подданство, высшее юридическое образование и опыт практической деятельности. 2 мая 1866 г. был избран первый в России Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных, т.е. была создана адвокатская корпорация и появилась первая дисциплинарная практика.

Период 1917 - 1920 гг. характеризовался тотальным уничтожением русской адвокатуры. Декрет о суде №1, принятый 22 ноября 1917 г., упразднил адвокатуру.

Вопрос возрождения института адвокатуры встал уже после Гражданской войны. Деятельность адвокатуры регламентировалась в Положении о коллегии защитников от 5 июля 1922 г.

Через год Положение о коллегии защитников Постановлением ВЦИК от 7 июня 1923 г. было включено в Положение о судеустройстве в качестве отдельной главы.

Следующим существенным событием в истории адвокатуры стало принятие 16 августа 1939 г. Советом Министров СССР Положения об адвокатуре.

С середины 50-х годов начались активные попытки по возвращению былого положения адвокатуры в

обществе, которое было утрачено в 1917 году. Очень важное значение, в этой связи имело создание Положения об адвокатуре 1962 года.

Конституция СССР 1977 г. впервые признала адвокатуру конституционным органом. Принятый в 1980 году Закон об адвокатуре не повлиял существенно на положение адвокатуры и по-прежнему она оставалась в зависимости от Министерства юстиции СССР (РСФСР).

Итогом всех преобразований и событий 90-х годов стало принятие в 2002 году Закона об адвокатуре и адвокатской деятельности, который стал отправной точкой для развития независимой адвокатуры. Хотя в настоящее время назрела необходимость внесения многочисленных изменений в этот закон, недооценивать его значения нельзя.

Таким образом, в юридической литературе не сложилось единого мнения по поводу периодизации истории развития адвокатуры в России. Представляется возможным согласиться со следующим разделением на этапы:

- до 1866 г. - докорпоративная адвокатура;
- 1866 - 1917 гг. - присяжная адвокатура;
- 1917 - 1988 гг. - советская адвокатура;
- 1988 - 2002 гг. - вольная адвокатура;
- 2002 г. - современная (чиновничья) адвокатура.

Анализ исторического развития нотариата и адвокатуры позволяет сделать вывод, что нотариусы и адвокаты всегда решали задачи, связанные с защитой прав и свобод человека и оказанием содействия в их реализации. В настоящее время, в связи с активными социально-экономическими преобразованиями, изменениями в гражданском законодательстве, развитием рыночных отношений, необходимость максимального обеспечения и защиты, социально-экономических прав граждан становится все явнее. В этих условиях резко возрастает роль таких правовых институтов, как адвокатура и нотариат [1, с. 4].

Список литературы

1. Егоров С. Историко-правовые изыскания В. Сокольского // «Законность». – 2006. - № 11. – с. 14-15.
2. Гуляков, А.Д. Конституционно-правовые основы защиты социально-экономических прав граждан в нотариальной деятельности [Текст]: моногр. / А.Д. Гуляков, О.А. Тимошкина. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. – 106 с.

ВЕТЕРИНАРНЫЕ НАУКИ

ОПЫТ ЛЕЧЕНИЯ АЛЛЕРГИЧЕСКОГО ДЕРМАТИТА У КОШЕК

Клейменова Наталья Викторовна,

кандидат ветеринарных наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и хирургии ФГБОУ ВПО «Орел ГАУ», г. Орел

Смагина Татьяна Валентиновна,

кандидат биологических наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и хирургии ФГБОУ ВПО «Орел ГАУ»

Цветинский Сергей Геннадьевич

главный ветеринарный врач клиники «Охотник» г. Орел

В настоящее время вопрос лечения аллергического дерматита (АД) у животных обретает все большую актуальность. То, что многие заводчики, да и ветеринарные специалисты, всё чаще и чаще рекомендуют повседневно использовать разнообразные средства гигиены для животных (шампуни, муссы, очищающие и антибактериальные средства и т.д.) приводит к неизбежной сенсибилизации организма и возникновению аллергических реакций различного типа [3, с. 32]. А неверно подобранные рационы кормления, приводящие к нарушению обмена веществ, ещё больше усугубляют ситуацию.

На современном этапе разработано и широко применяются две основные схемы лечения АД. Наиболее действенной из них является так называемая десенсибилизация организма («обучение» организма нормально реагировать на безопасный антиген, ставший аллергеном). Но из-за своей дороговизны и долгосрочности, данный метод используется редко. Так, в среднем продолжительность курса десенсибилизирующей терапии составляет 1-1,5 года, а цена может достигать до 100 тыс. руб.

Второй способ лечения АД является эмпирическим. По большей части это симптоматическое лечение проявлений аллергических реакции. Чаще всего для снятия воспаления используют различные кортикостероиды, либо антигистаминные препараты, добавляя в схему лечения антибиотикотерапию для предупреждения (подавления) вторичных инфекций кожи.

В нашей практике, мы обычно назначаем клемастин (тавегил) в дозе 0,4 мг/кг 2 раза в день для снятия зуда, при кожной инфекции, как антибиотики выбора, используем Синулок (амоксциллин с клавуновой кислотой) в дозе 20 мг/кг 2 раза в день или цефалексин в дозе 25 мг/кг 3 раза в день. Для получения устойчивого эффекта всегда рекомендуется нормализация рациона. Чаще используются готовые гипоаллергенные кормовые диеты марок Hills, Purina, Royal canin, Eukanuba. Продолжительность диетотерапии при лечении АД составляет не менее 6-8 недель.

Исследование проводилось в 2013-2014 годах на базе ветеринарной клиники «Охотник» (г. Орел) и Инновационного научно-исследовательского испытательного центра в лаборатории патоморфологии ФГБОУ ВПО «Орловский Государственный Аграрный Университет».

Целью наших исследований явилось получение устойчивого эффекта лечения АД на фоне медикаментозной терапии (описанной выше) с нормализацией рациона кормления кошек. В опытах использовали готовые гипоаллергенные кормовые диеты марок Hills, Purina, Royal canin, Eukanuba. Продолжительность диетотерапии при лечении АД составила не менее 6-8 недель.

Для выяснения влияния гипоаллергенной кормовой диеты был проведен опыт, в котором участвовало 3

группы разнопородных кошек с АД. Контрольной группе назначался только диетический корм prescription diet Hills Z/D. Второй группе животных вместе с диетическим питанием prescription diet Hills Z/D задавался капсулированный рыбий жир с комплексом омега 3,6,9 жирных кислот (из расчета одна капсула в сутки на 5 кг массы). Третьей группе вместе с кормом prescription diet Hills Z/D задавали льняное масло, как наиболее дешевый источник омега-3 жирных кислот (в дозе 1 ч. л. на 5 кг массы).

Общеизвестен тот факт, что омега-3 и омега-6 жирные кислоты не вырабатываются в организме животных, но являются для них необходимыми. Немного коснемся механизма их действия. Омега-3 принадлежит группе полиненасыщенных жирных кислот, и состоит из альфа-линоленовой, эйкозапентаеновой и докозагексаеновой кислот.

Докозагексаеновая кислота снабжает мозг энергией для передачи межклеточных импульсов, что повышает когнитивные способности. Она также важна при беременности, благодаря ее способности проникать через барьер плаценты, что способствует полноценному развитию плода. Эйкозапентаеновая и докозагексаеновая жирные кислоты (EPA и DHA) в составе Омега-3 необходимы для поддержания гомеостаза воспалительных реакций. Влияя на выработку активных иммуновоспалительных регуляторов, эти кислоты обеспечивают противовоспалительные и защитные свойства организма [2, с. 66]. Омега-6, преобразующиеся в линолевую кислоту и ее модификации, способствуют выработке простагландина E1 – важнейшего медиатора, присутствующего во всех тканях организма и выполняющего защитные функции по предупреждению сердечно-сосудистых, аллергических, онкологических, суставных и дерматологических заболеваний. Омега-9, в отличие от омега-3 и омега-6 жирных кислот, не считаются незаменимыми жирными кислотами, так как создаются организмом из ненасыщенных жиров. Так же, как и с омега-3 и с омега-6 очень важен правильный баланс с омега-9. Отсутствие омега-3 и омега-6 жирных кислот, организм компенсирует производством омега-9 жирных кислот, которые не являются такими же эффективным в питательном смысле.

Результаты исследования приведены в таблице 1. Мы видим, что во второй группе кошек, использующей капсулированный рыбий жир с омега 3,6,9 жирными кислотами, симптомы исчезали на более ранней стадии, а качество кожно-шерстного покрова восстанавливалось быстрее, чем в первой группе, при монокармлении (prescription diet Hills Z/D). Шерсть, большинства животных во второй группе стала менее ломкой и сухой уже ко второй недели терапии, исчезли участки мокнувших экзем. Со слов хозяев, проявление зуда либо исчезало, либо заметно снизилось.

В третьей группе, использующей диету prescription diet Hills Z/D в сочетании с льняным маслом, улучшения состояния животных тоже наступали раньше, чем в контрольной группе, но появлялись животные, с симптомами которых не было отмечено раньше. Кожа пяти животных становилась более жирной, а в шести случаях регистрировалось визуальное утолщение пораженных участков кожи. Все эти кошки выглядели крайне неопрятно (растрёпанная жирная шерсть, отслаивание когтей). Этот факт, скорее

всего, связан с тем, что льняное масло является длинноцепоччатым источником белка, который плохо усваивается в организме семейства кошачьих, и установить необходимую точную дозу сложно. Так же, немаловажным отрицательным фактором является механизм дачи масла животному. Необходимо иметь немалую сноровку, чтобы заставить кошку выпить невкусное масло, не пролив его на животное и избежав травм.

Таблица 1

Влияние диетотерапии на кожно-шерстный покров

Показатели кожно-шерстного покрова	Диета Hills Z/D (20 кошек)	Диета Hills Z/D рыбий жир с омега 3,6,9 жирными кислотами (17 кошек)	Диета hills Z/D Льняное масло (25 кошек)
Начало опыта			
Состояние шерсти:			
Ломкая	18	17	25
Сухая	15	17	22
Жирная	5		3
Гускляя	20	17	25
Состояние кожных покровов			
Мокнущие экземы	10	11	15
Участки некроза	2		3
Сухие корочки, раны (самотравмирование)	10	15	5
Кожа тонкая сухая	18	15	19
Кожа утолщена	5	2	3
Кожа жирная	2	2	3
21 день			
Состояние шерсти:			
Ломкая	15	10	20
Сухая	15	7	20
Жирная	5		5
Гускляя	20	17	25
Состояние кожных покровов			
Мокнущие экземы			15
Участки некроза			3
Сухие корочки, раны (самотравмирование)	10	7	5
Кожа тонкая сухая	18	10	19
Кожа утолщена			
Кожа жирная	2		3
42 день			
Состояние шерсти:			
Ломкая	8	5	10
Сухая	18	17	22
Жирная	2		2
Блестящая	15	17	17
Гускляя	10	5	12
Состояние кожных покровов			
Мокнущие экземы			
Участки некроза			
Сухие корочки, раны (самотравмирование)	5	1	2
Кожа тонкая сухая	5	3	1
Кожа утолщена			
Кожа жирная	1		3
63 день			

Показатели кожно-шерстного покрова	Диета Hills Z/D (20 кошек)	Диета Hills Z/D рыбий жир с омега 3,6,9 жирными кислотами (17 кошек)	Диета hills Z/D Льняное масло (25 кошек)
Состояние шерсти:			
Ломкая	1	1	1
Сухая	19	17	22
Жирная	1		3
Блестящая	19	17	22
Гускляя	1		3
Состояние кожных покровов			
Мокнущие экземы			
Участки некроза			
Сухие корочки, раны (самотравмирование)	1		3
Кожа тонкая сухая			
Кожа утолщена			
Кожа жирная	1		3

Макроскопически регистрировали утолщение (акантоз) эпидермального слоя.

Цитологическому исследованию подвергали скотч-препараты и глубокие соскобы. Препараты высушивали

на воздухе и фиксировали метанолом. Для окраски использовали модифицированный краситель Райта (Diff-Quick). Просмотр препаратов проводят последовательно с использованием объективов 4x, 10x, 40x, 100x.

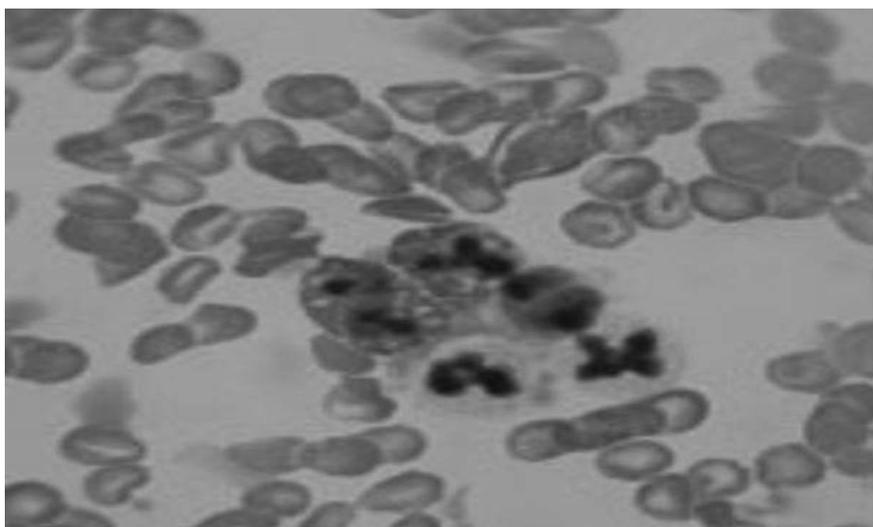

Рисунок 1. Инфильтрация мононуклеарными лейкоцитами

Гистологические изменения в коже при АД не специфичны. В начале исследования наблюдали инфильтрацию дермы мононуклеарными лейкоцитами (рис. 1), прежде всего, вблизи кровеносных сосудов и потовых желез. Эпидермис гиперплазирован и также инфильтрирован мононуклеарами (спонгиоз). Затем доминировали везикулярные изменения, а также акантоз. В эпидермисе визуализировались пузырьки, соединяющиеся с образованием булл. Заполняющая их серозная жидкость содержала гранулоциты и мононуклеары.

Микроскопические изменения при заболевании имеют тенденцию варьировать в разных участках пораженного эпидермиса. Таким образом, наблюдалась пятнистость гистологической картины.

Таким образом, при использовании диетических рационов prescription diet Hills Z/D в комплексе с капсулированным рыбьим жиром с омега 3,6,9 жирными кислотами на фоне медикаментозной терапии, получен наиболее устойчивый эффект лечения аллергического дерматита у кошек.

Список литературы

1. Герке А.Н. Эрозивно-язвенные поражения кожи у кошек. Диагностика и лечение. VetPharma Выпуск № 1(12) / 2013 Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/erozivno-yazvennye-porazheniya-kozhi-u-koshek-diagnostika-i-lechenie#ixzz3PSZ9IHqw>.
2. Лусс Л. В., Ерохина С. М., Успенская К. С. Новые возможности диагностики аллергического контактного дерматита // Российский аллергологический журнал. 2008. № 2.-65-72с.
3. З.Рыбничек Ян Кожные соскобы, трихоскопия, цитология и гистология кожи VetPharma 2013. №2(13).-32-40с.
4. Cowell R.L., Tyler R.D., Meinkoth J.H., DeNicola D.B. Diagnostic Cytology and Hematology of the Dog and Cat, 3rd ed., Mosby Elsevier, 2008.
5. Mc. Cullough S., Brinson J. Clinical Techniques in Small Animal Practice, Vol.14, No.4, November, 1999.-21-28p.

ПРОТИВОМИКРОБНЫЕ И АНТИРЕЗИСТЕНТНЫЕ СВОЙСТВА ПРЕПАРАТА ЛОЗЕВАЛЬ

Онищук Филипп Давидович,

Д-р. биол. наук, профессор, Сочинский Институт РУДН, г. Сочи,

Мигина Елена Ивановна,

Кубанский ГАУ, ассистент, г. Краснодар,

Эффективность лекарственных препаратов в последнее время значительно снизилась из-за изменения биологических свойств микроорганизмов. Устойчивые, не поддающиеся или очень трудно поддающиеся уничтожению обычно применяемыми лекарственными препаратами формы возбудителей в качестве новой биологической популяции циркулируют в природе и инфицируют животных. Возрастает роль новых инфекций, вызванных условно-патогенными микроорганизмами и вирусами. Болезни приобретают характер смешанных бактериально-вирусных инфекций. Все это требует поиска и разработки новых химиотерапевтических средств с широким спектром действия – эффективных в борьбе с заразными заболеваниями различной этиологии.

Для практической ветеринарии нами предложен оригинальный препарат лозеваль, являющийся представителем новой группы химиотерапевтических средств – производных триазола, обладающий высокой лечебной и профилактической эффективностью [2, с.43]. Практическая ценность лозеваля подтверждена положительными результатами широких производственных испытаний. Наставление по применению его в ветеринарии одобрено

Ветфармбиокомиссией и утверждено Департаментом ветеринарии в установленном порядке. Препарат зарегистрирован Федеральной службой Россельхознадзора РФ (N 000096 от 24.02.2011г.).

Исследования антибактериального действия проводили с препаратами изатоний и лозеваль в сравнении с отдельными их компонентами (контроль сравнения), используя широкий спектр тест-микроорганизмов - 60 штаммов 16 видов: *Escheria coli*, *Klebsiella pneumoniae*, *Salmonella typhimurium*, *S.weslaco*, *S.newport*, *S.abortusegui*, *S.gtenley*, *Shigella sonnei*, *S.flexneri*, *Pseudomonas aeruginosa*, *Proteus vulgaris*, *Staphylococcus epidermidis*, *S.aureus*, *S.haemolyticus*, представленные музейными и клиническими штаммами. Все изученные препараты в большей или меньшей степени обладали антимикробным действием, однако спектр условно патогенных и патогенных микроорганизмов, использованных в качестве культур и уровни воздействия на них исследуемых веществ существенно различались. Наибольшая степень активности была характерна для препаратов изатоний и лозеваль. Отдельные компоненты, составляющие эти препараты оказались низкоактивными (таблица 1).

Таблица 1

Антимикробная активность препаратов изатоний, лозеваль и их компонентов

Виды тест-микроорганизмов	Число штаммов	Минимальная подавляющая концентрация МПК, мкг/мл				
		Изатоний	Лозеваль	ДМСО	Этоний	ДМСО морфолиний
<i>E.coli</i>	16	15,5-31,5	31,5-63	1000-2500	125-250	250-1000
<i>S.typhimurium</i>	3	31,5-63	31,5-63	2500	250	500-1000
<i>S.abortus-equi</i>	2	31,5-63	31,5	2500	250	1000
<i>S.weslaco</i>	1	31,5	31,5	1000	250	500
<i>S.newport</i>	1	31,5	31,5	2500	250	500
<i>S.reading</i>	2	31,5	15,5-31,5	1000	250	500
<i>S.stenley</i>	1	31,5	15,5	1000	125	500
<i>S.flexneri</i>	3	31,5-63	31,5-63	2500	2500	500
<i>S.sonnei</i>	3	63-125	31,5-63	2500	2500	1000
<i>P.vulgaris</i>	5	250	63-250	500	500	1000
<i>K.pneumo-niae</i>	13	63-125	63-125	1000-2500	125-500	500-1000
<i>S.aureus</i>	11	31,5-125	15,5-125	1000-2500	31,5-125	1000
<i>S.haemolyticus</i>	2	63	63	1000-2500	125	1000
<i>S.epidermi-dis</i>	2	15,5	15,5	500	31,5	500
<i>S.pneumo-niae</i>	4	31,5-63	31,5	2500	31,5-63	1000

С целью сравнения особенностей формирования устойчивых вариантов микроорганизмов к препаратам изатоний и лозевалью по сравнению к широко используемым антибиотикам ампицилина и левомецетина, была проведена серия пассажей. Для этого было отобрано 5 представителей музейных и клинических штаммов *Staphylococcus aureus* 209, *Staphylococcus aureus* 20 k, *Escherichia coli* 0 127, *Escherichif coli* 51 k, *Salmonella typhimurium* 11.

Формирование устойчивых вариантов бактерий к известным антибиотикам происходило на 10-15 пассаже

(таблицы 2, 3). Так, чувствительность стафилококков к левомецетину и ампицилину была сравнима, но темпы формирования резистентных форм штаммов были различными. Клинический штамм *S.aureus* 20k к 5 пассажу резко снижал уровень чувствительности к антибиотикам и был устойчивым к ним на 15 пассаже. Однако на 10 и 15 пассажах сформировались их устойчивые варианты. Начальная не высокая чувствительность сальмонеллы дольше сохранялась в отношении левомецетина по сравнению с чувствительностью к ампицилину.

Таблица 2

Формирование резистентности бактерий к препаратам сравнения

Препарат	Тест-культуры	Зоны задержки роста в мм (M±m)			
		1-й пассаж	5-й пассаж	10-пассаж	15- пассаж
Изатоний	S.aureus 20k	17,4±0,3	16,9±0,5	6,4±0,7	0
	S.aureus 209	21,2±1,2	19,3±1,3	12,3±0,6	3,7±0,09
	E.coli 0127	29,2±1,4	27,7±0,9	12,3±1,3	7,5±0,3
	E.coli 51k	18,3±0,9	16,5±0,7	9,7±0,4	0
	S.thyphi-murium	15,5±0,7	15,1±0,2	10,5±0,1	3,7±0,1
Левометицин	S.aureus 20k	16,1±1,2	10,2±0,5	4,2±0,8	0
	S.aureus 209	23,1±1,3	19,6±1,1	11,1±0,5	3,4±0,5
	E.coli 0127	22,4±0,6	20,2±0,1	8,8±0,4	4,6±0,3
	E.coli 51k	17,3±0,2	8,3±0,5	0	0
	S.thyphi-murium	14,7±1,1	11,6±0,2	5,1±1,2	0
Ампицилин	S.aureus 20k	16,8±0,4	7,2±0,9	3,8±0,4	0
	S.aureus 209	20,6±0,2	15,5±0,3	9,2±0,6	3,6±1,2
	E.coli 0127	19,4±0,8	18,4±0,4	6,4±0,1	0
	E.coli 51k	16,5±1,1	13,1±1,2	5,6±0,2	0
	S.thyphi-murium	13,4±0,2	5,0±0,5	0	0

Таблица 3

Формирование резистентности патогенных и условно-патогенных бактерий к препарату лозеваль

Тест-культуры	Зоны задержки роста в мм (M±m)				
	1-й пассаж	5-й пассаж	10-й пассаж	15-й пассаж	20-й пассаж
S.aureus 20K	20,7±0,7	18,2±1,1	16,0±1,0	10,2±0,4	8,3±0,2
S.aureus 209	25,8±1,5	24,1±1,2	20,3±0,9	15,2±0,5	10,4±0,6
E.coli 0127	24,0±0,2	21,9±1,3	12,6±0,8	7,8±0,7	3,6±0,08
E.coli 51K	16,4±0,4	13,2±0,2	10,0±0,8	4,5±0,2	0
S.thyphi-murium	17,6±0,7	16,8±0,4	14,3±0,4	9,1±0,5	5,5±0,5

При изучении развития устойчивости этих же тест-культур к изатонию и лозевалу установлено, что только клинический изолят кишечной палочки E.coli 51 K смог выработать устойчивость к 20 пассажиру. Чувствительность особенно к лозевалу у всех других испытуемых штаммов к этому времени оставалась довольно высокой (табл. 3).

Таким образом нами усановлено, что формирование резистентности патогенных бактерий к изатонию и, особенно, к лозевалу происходило значительно позже, чем к другим антибиотикам. Это является основанием для практического применения этих препаратов в ветеринарной практике. Широкие производственные испытания лозеваля показали, что препарат обладает выраженными бактериостатическими и бактерицидными свойствами по отношению к кишечной палочке, золотистому стафилококку, сальмонеллам, стрептококку.

При этом бактериостатическое действие препарата на кишечную палочку проявлялось в концентрации 28-40 мкг/мл, на золотистый стафилококк - 19 - 32, клебсиеллу - 28 - 43, сальмонеллу - 34 - 61 и протей - 37 - 69 мкг/мл.

Препарат проявляет выраженную терапевтическую активность при пероральном введении при экспериментальной стафилококковой и эшерихиозной септицемиях. Он обеспечивал 100%-ное выживание инфицированных стафилококком мышей при внутреннем введении 440 мкг/кг. При этом ЕД50 лозеваля при заражении белых мышей летальной дозой золотистого стафилококка составила 275 ± 3,95 мкг/кг. Эти показатели в отношении эшерихиозной септицемии были соответственно 520 и 380 ± 12,4 мкг/кг.

Оптимальная терапевтическая доза препарата составляет 1,5 - 2 мл на 10 кг массы при двукратном еже-

дневном назначении его внутрь до выздоровления, а профилактическая - 1 мл на 10 кг массы тела животного при однократном ежедневном назначении в течение от 2 до 10 дней при разных показаниях.

Эффективность лозеваля при профилактике коли-бактериоза телят и поросят, дизентерии поросят и сальмонеллезе цыплят составила 87 - 99,5 %, при диспепсии и гастроэнтерите телят - 81,9 - 84,6 %, а при гастроэнтерите поросят - 94 %, гастроэнтерите птицы (цыплят) - 98 - 99,6 % и гастроэнтерите норок и нутрий - 97-98,5%.

Лечебная эффективность препарата при диспепсии телят и гастроэнтеритах поросят и цыплят составила 91 - 98%. Выздоровление больного молодняка наступало на 3 - 5-й дни лечения [3, с.47].

Лозеваль был эффективным при респираторных заболеваниях молодняка крупного рогатого скота. При ингаляционном назначении препарата при парагриппе-3 и бронхопневмонии, его лечебное действие составило 97,3 - 99,2%.

Применение препарата при лечении эндометритов и маститов коров дало положительный эффект в 81 - 86% и 84,3 % случаев соответственно [1, с.34].

Назначение препарата здоровым и больным животным и птице с целью профилактики и лечения заболеваний способствовало улучшению их общего состояния и аппетита, быстрому купированию клинических признаков заболеваний, нормализации функций пораженных систем и органов, снижению процента заболеваемости и отхода, лучшему росту и развитию животных и птиц. При этом побочных явлений от применения препарата, как больным, так и интактным животным не регистрировали.

Широкие производственные испытания и внедрение в ветеринарную практику в условиях животноводческих и птицеводческих хозяйств Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской области и других регионов Северного Кавказа, подтвердили его высокую эффективность при различных заболеваниях сельскохозяйственных животных и птицы как инфекционного, так и незаразного происхождения.

Список литературы

1. Новикова Е.Н. Бактерицидная и антимикозная активность препарата лозеваль. Краснодар, Труды

Кубанского государственного аграрного университета. Т.6 – 2014. – С.32-36.

2. Онишук Ф.Д. Фармако-токсикологическая характеристика и лекарственные свойства препарата лозеваль. Вестник ветеринарии, Ставрополь. 2008, №3 – 2008. – С.42-49.
3. Онишук Ф.Д., Таймасуков А.А. Препарат лозеваль в комплексной химиотерапии заболеваний вирусно-бактериальной этиологии у животных и птицы. Краснодар, Труды Кубанского государственного аграрного университета Т. 39 – 2012. – С.46-50.

БОЛЕЗНИ СЕТКИ У КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА

Шишков Николай Константинович
канд.вет. наук, доцент кафедры хирургии, акушерства, фармакологии и терапии, г. Ульяновск

Казимир Александр Николаевич

канд. вет. наук, доцент кафедры хирургии, акушерства, фармакологии и терапии, г. Ульяновск

Мухитов Асгат Завдетович

канд. биол. наук, доцент кафедры хирургии, акушерства, фармакологии и терапии, г. Ульяновск, ФГБОУ ВПО «Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина».

Травматический ретикулит и ретикулоперитонит – это воспаление сетки и перфорация брюшных органов различными острыми металлическими предметами, сопровождающиеся гнилостным процессом. Заболевают коровы, буйволы, реже овцы и козы.

Заболевания сетки в последние годы занимают одно из первых мест среди незаразных болезней крупного рогатого скота [3, с. 98].

Причиной заболевания является заглатывание с кормом инородных тел (куски проволоки, гвозди, остатки электродов, иглы др.). Этому способствуют жадный прием корма, недостаточное пережевывание корма, особенность строения языка с обилием на нем сосочков, направленных в сторону глотки [4, 112].

Наблюдения показывают, что травматические болезни внутренних органов животных чаще встречаются у высокопродуктивных животных, а также у всех животных при недокорме, неполноценности рационов, особенно по витаминно-минеральному составу.

Другой причиной травматического ретикулита и ретикулоперитонита является засорение инородными предметами кормов и мест пребывания животных. Распространению травматических болезней преджелудков способствует и слабо поставленная на местах организационно-хозяйственная и ветеринарно-профилактическая работа [1, 122 2, 105].

Проглоченные инородные тела попадают в рубец, затем в сетку. Тупые тела могут долгое время находиться в сетке, острые тела при сокращении сетки повреждают ее стенку и вызывают воспалительный процесс, развивается ретикулоперитонит [5, 211 6, 53].

Наиболее характерными признаками травматического ретикулита являются: угнетение животного, уменьшение аппетита, продуктивности, отсутствие жвачки. Больные животные малоподвижны, стоят согрившись с вытянутой головой и шеей, конечности подставлены под живот, локти широко раздвинуты. Появляется фибриллярная дрожь. В этот период выражены температурная и болевая реакции. Пульс и дыхание учащены, отмечается синюшность слизистых оболочек, переполнение яремных

вен, отеки подгрудка, межжелудочного пространства. Животное стонет, особенно при вставании [7, 268 8, 37 9, 239].

Целью наших исследований явилось изучение распространения металлоносительства у коров в 3 хозяйствах Ульяновской области, выявление симптомов травматического ретикулита, проведение зондирования и извлечение инородных металлических тел у животных при помощи магнитного зонда Коробова.

Материалы и методы.

Работа выполнялась с июня 2012 года по июль 2014 года на кафедре хирургии, акушерства, фармакологии и терапии ФГБОУ ВПО «Ульяновская ГСХА им. П.А. Столыпина» и на базе ООО «Дружба» Чердаклинского района, ООО КФК «Возрождение» Чердаклинского района и СПК «Карлинское» Майнского района Ульяновской области.

Для изучения травматического ретикулита проведено исследование 464 голов коров в ООО КФК «Возрождение», 188 голов в ООО «Дружба», 216 голов животных в СПК «Карлинское».

У животных проводили следующие исследования:

- клинические – определяли общее состояние, аппетит, температуру тела, частоту пульса и дыхания, количество сокращений рубца;
- лабораторные – исследование крови, мочи, содержимого рубца.

В крови определяли количество лейкоцитов, эритроцитов, содержание гемоглобина. Мочу исследовали на белок и кетоновые тела, в содержимом рубца определяли уровень рН, количество инфузорий. Лабораторные исследования проводили по общепринятым методикам, используемым в ветеринарии.

Результаты исследований и их обсуждение.

В результате проведенных клинико-лабораторных исследований и магнитного зондирования установлено, что ретикулометаллоносительство у коров в ООО КФК «Возрождение» было у 241 головы, что составило 52% от общего поголовья, в ООО «Дружба» у 87 голов (46% от обследованных коров), в СПК «Карлинское» у 93 голов (43% от общего поголовья). (рис.1).

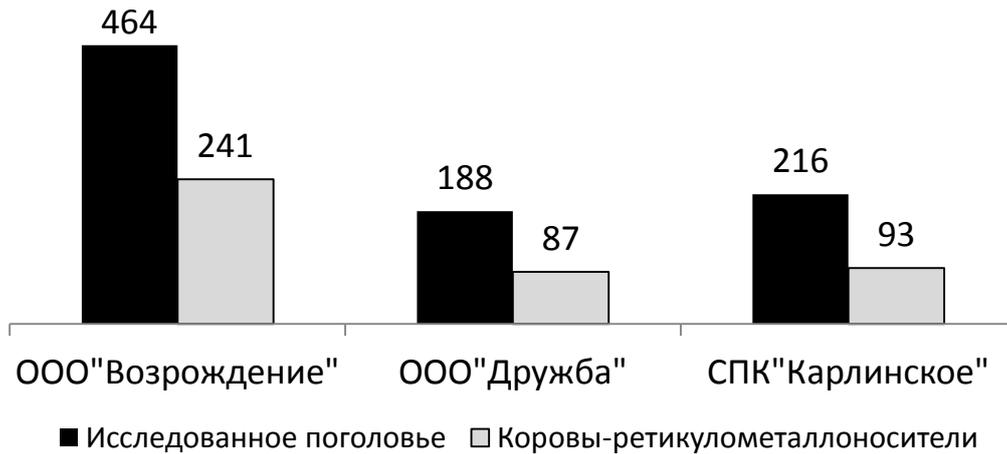

Рис.1 Показатели проведенных исследований и выявленных коров-ретикулометаллоносителей.

Степень поражения металлическими предметами варьировала от слабой до сильной.

Из клинических признаков ретикулита были следующие: угнетение, уменьшение или отсутствие аппетита, повышение температуры тела на 0,4-10С, учащение пульса (до 94-100 ударов в минуту) и дыхания (до 32-40 дыхательных движений в минуту), дистония преджелудков, периодическое беспокойство, у животных вытянутая шея, опущена голова, снижена молочная продуктивность, болезненность при надавливании на холку, стоны при

вставании. Животные стоят в позе с подведенными под живот тазовыми конечностями, спина несколько сгорблена, отрывание жвачки у коров болезненно.

Клинический диагноз подтверждался металлоиндикацией, применяли металлоиндикатор Метокс 351 и извлечением инородных металлических тел с помощью магнитного зонда Коробова.

У животных извлекали металлическую стружку, обрезки жести, куски проволоки, огарки электродов, гвозди различной длины (рис.2,3).

Рис.2,3 – Инородные тела, извлечённые из сетки коров.

При исследовании морфологических показателей крови у больных коров по сравнению со здоровыми значимых изменений содержания гемоглобина и числа эритроцитов не отмечалось. Число лейкоцитов было увеличено у 18-24 % животных, что свойственно воспалительным процессам, происходящим при травматическом ретикулите.

В моче увеличено содержание кетоновых тел у 10-18%, обнаруживался белок у 26-34% коров; в содержимом рубца уровень рН был снижен у 18-28%, количество инфузорий уменьшено у 24-32% животных.

Большинство животных на 3-4 сутки после магнитного зондирования выглядели более активными в передвижении, у них улучшился аппетит, исчезли другие признаки, характерные для травматического ретикулита; показатели крови, мочи, содержимого рубца были близки к физиологическим нормам.

Заключение

Проведённые исследования позволяют констатировать, что у коров травматический ретикулит имеет значи-

тельную степень распространения, в отмеченный нами период исследования с поражениями сетки выделена 241 голова (52%), 87 голов (46%) и 93 головы (43%) от общего поголовья в ООО КФК «Возрождение», ООО «Дружба» и СПК «Карлинское» соответственно.

Для диагностики травматического ретикулита необходимо применение металлоиндикатора Метокс 351 наряду с учетом симптомов заболевания и лабораторных исследований крови, мочи, содержимого рубца.

У животных, с травматическим ретикулитом, отмечали следующие клинические признаки: беспокойство, повышение температуры тела, понижение аппетита, учащение пульса и дыхания, дистонию преджелудков; в крови - лейкоцитоз, в моче – протеинурию и кетонурию, в содержимом рубца – уменьшение количества инфузорий, уровня рН.

Список литературы

1. Казимир А.Н., Шишков Н.К., Мухитов А.З. Ветеринарная пропедевтика: учеб. пособие. Ульяновск: УГСХА им. П.А. Столыпина, 2013.- 188 с.

2. Казимир А.Н., Шишков Н.К., Мухитов А.З., Степочкин А.А., Богданов И.И., Богданова М.А. Клиническая диагностика с рентгенологией: учебно-методический комплекс. Том 1, Ульяновск: УГСХА, 2009.-136 с.
3. Хайруллин И.Н., Шишков Н.К., Мухитов А.З., Казимир А.Н. Травматические болезни сетки у коров. Современный научный вестник, Белгород.-2014.- №1(197).-С. 97-100.
4. Шишков Н.К., Казимир А.Н., Мухитов А.З. Металлоносительство у крупного рогатого скота. Известия Оренбургского ГАУ.-2013.- №3(41).-С. 112-115.
5. Шишков Н.К., Казимир А.Н., Мухитов А.З. Травматический ретикулит у крупного рогатого скота. Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения: Материалы V Международной научно-практической конференции.- Ульяновск: УГСХА, 2013.-С.210-214.
6. Шишков Н.К., Богданов И.И., Мухитов А.З., Хайруллин И.Н., Степочкин А.А., Казимир А.Н., Богданова М.А. Внутренние незаразные болезни животных: учебно-методический комплекс. Ульяновск: УГСХА, 2009. Часть 2.-302с.
7. Шишков Н.К., Казимир А.Н., Мухитов А.З. Заболевания сетки у коров. Сборник статей Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития науки», Уфа.-2014,- С. 267-269.
8. Шишков Н.К., Казимир А.Н., Мухитов А.З. Металлоносительство у коров. Аграрная наука и образование на современном этапе развития: опыт, проблемы и пути их решения: Материалы VI Международной научно-практической конференции.- Ульяновск: УГСХА, 2015.- С. 36-38
9. Шишков Н.К. Распространение болезней сетки у коров. Теоретические и практические вопросы науки XXI века: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 239-241.

ПРИЧИНЫ ПЕРИОДИЧНОСТИ ЭНЗООТИЙ КОНТАГИОЗНОЙ ЭКТИМЫ ОВЕЦ

Симонов Александр Николаевич

Доцент, кандидат биологических наук, Ставропольский Государственный аграрный университет, г. Ставрополь

Контагиозный пустулезный дерматит (контагиозная эктима, контагиозный пустулезный стоматит, «губарь») - инфекционная болезнь овец и коз, характеризующаяся поражением слизистых оболочек ротовой полости, кожи губ, головы, молочных желез или конечностей, сопровождающаяся образованием узелков, везикул, пустул и корок, с преимущественным поражением одного какого-либо участка тела [3, с.52; 6, с.85].

Заболевание регистрируется в регионах с развитым овцеводством и козоводством [1, с.6; 4, с.49].

Контагиозная эктима весьма заразное заболевание и в силу устойчивости вируса во внешней среде [11, с.58] в большинстве случаев характеризуется стационарностью, повторяясь из года в год в одних и тех же отарах, и хозяйствах. Особую опасность заболевание представляет для животных с пониженной иммунобиологической реактивностью [2, с.26].

Однако в отдельные годы заболевание не отмечается на большей территории целого ряда ранее неблагополучных районов и даже в тех хозяйствах и отарах, в которых болезнь имела стационарный характер и широкое распространение [8, с. 6; 12, с. 93].

О периодичности энзоотических вспышек контагиозной эктимы сообщали отечественные исследователи. Явление периодичности отмечено и нами и в Ставропольском крае [9, с.56]. Периодам благополучия предшествовали периоды снижения интенсивности распространения заболевания в неблагополучных зонах.

Оно встречалось во многих районах и хозяйствах края [5, с.342; 7, с. 85; 10, с. 24]. Достоверно объяснить явление периодичности энзоотии контагиозной эктимы расположением хозяйств в той или иной агроклиматической зоне края не представляется возможным, так как болезнь может наблюдаться в хозяйствах всех природно-климатических зон в одни и те же годы. Из этого следует, что в основе периодичности проявления заболевания преобладающее влияние имеют другие, наиболее существенные факторы, общие, для всех зон.

Наиболее вероятными причинными факторами периодичности заболевания являются: уменьшение степени инфицированности внешней среды вирусом и снижение возможностей пастбищного травматизма у животных. Эти два фактора являются основными звеньями в эпизоотической цепи при контагиозной эктиме, и они оказывают существенное влияние на возникновение и распространение заболевания.

Установлено, что проникновению вируса контагиозной эктимы в организм овец способствуют ранения кожи и слизистых оболочек ротовой полости. Воспроизвести заболевание в эксперименте путем нанесения вируса на неповрежденные покровы тела подопытных животных не удается. Основываясь на этом, следует полагать, что и в естественных условиях заражение происходит только при наличии ворот для проникновения вируса.

До годовичного возраста ягнята встречаются дважды с такими условиями, при которых они получают массовые ранения: вскоре после рождения, когда при недостатке хороших кормов их подкармливают грубостебельчатым сеном и в летне-осеннее время при выпасе на пастбищах с выгоревшей, огрубевшей растительностью. Выгорание пастбищ в хозяйствах края обычно происходит в засушливые годы при незначительном выпадении осадков в летние месяцы.

Нами проанализированы некоторые метеорологические данные нескольких метеостанций в зонах распространения заболевания и установлена взаимосвязь между степенью распространения контагиозной эктимы, количеством выпадающих атмосферных осадков в зимне-весеннее и летнее время и изменениями температуры воздуха в весенние и летние месяцы.

Одним из звеньев эпизоотической цепи заболевания является степень контаминированности пастбищ вирусом. На снижение контаминированности пастбищ существенное влияние оказывает количество атмосферных

осадков, выпадающих в зимнее время, и температура воздуха в весенне-летние месяцы.

При достаточном выпадении осадков в зимне-весеннее время пастбища в условиях Ставропольского края освобождаются от вируса, погибающего в дождевых и талых водах при механическом смывании с поверхности почвы.

Высокая температура воздуха с преобладанием солнечных дней в мае-июне также способствует уничтожению вируса на объектах внешней среды.

Из-за недостаточного количества осадков, при довольно высокой температуре воздуха травостой на пастбищах в июле в отдельные годы почти выгорают. Ягнята, выпасавшиеся на таких пастбищах, легко ранят кожу губ. Если в хозяйствах смена пастбищ не практикуется и овцы по ним пасутся ежегодно, независимо от эпизоотической ситуации по контагиозной эктиме, создаются благоприятные условия для проникновения вируса в организм восприимчивых ягнят через мелкие ранения на коже губ с учетом того, что возбудитель болезни весьма устойчив во внешней среде.

Повышенное количество атмосферных осадков в особенности в зимне-весеннее время, способствует уничтожению вируса во внешней среде и в сочетании с понижением температуры в летнее время, благоприятствует росту пастбищного травостоя. Это почти исключает возможность заражения животных на пастбищах, так как выпадают два фактора способствующие возникновению болезни: пастбища освобождаются от вируса, а также резко снижается пастбищный травматизм у ягнят.

В силу этих причин заболевание не имеет широкого распространения. Если в некоторых отарах и были случаи заболевания отдельных животных, то болезнь протекала доброкачественно, без охвата большого количества животных. Но заболевшие животные являются потенциально опасными источниками возбудителями болезни.

Проведенные наблюдения дают основание полагать, что периодичность возникновения вспышек контагиозной эктимы овец в Ставропольском крае связана с изменением количества выпадающих атмосферных осадков по периодам года и колебаниями температуры воздуха в летние месяцы.

Обильные осадки в сочетании с преобладанием солнечных дней способствуют санированию пастбищ от вируса. Кроме того, при достаточном количестве атмосферных осадков предотвращается выгорание пастбищ, и создаются благоприятные условия для роста травостоя. Выпас, овец на пастбищах с хорошим травостоем предупреждает ранения кожи губ и слизистых оболочек ротовой полости, вследствие чего выпадает одно из важнейших звеньев эпизоотической цепи механизм заражения, так как отсутствуют ворота инфекции для проникновения вируса в организм ягнят.

Таким образом, при возникновении эпизоотических вспышек контагиозной эктимы в Ставропольском крае наблюдается периодичность, характеризующаяся сменой периодов массового распространения заболевания периодами относительного или полного благополучия стационарно неблагополучных отар и хозяйств. Периодичность вспышек контагиозной эктимы (контагиозного пустулезного дерматита) ягнят в Ставропольском крае связана с погодно-климатическими условиями: количеством выпа-

дающих атмосферных осадков по периодам года, колебаниями температуры воздуха и количеством солнечных дней в летние месяцы. Эти метеорологические факторы влияют на повышение или снижение степени контаминированности объектов внешней среды вирусом и степень пастбищного травматизма у животных.

Список литературы

1. Алиев М.А. К вопросу о распространенности контагиозной эктимы животных // Диагностика, лечение и профилактика заболеваний сельскохозяйственных животных: сб. науч. тр./ СтГАУ. – 2014. – С. 6–8.
2. Дмитриев А.Ф., Постников Е.И., Эдиев А.У., Симонов А.Н., Исабаева Д.А // Прогнозирование жизнеспособности новорожденных ягнят/ Овцы, козы, шерстяное дело. – 2001. – № 4. – С. 26–29
3. Закутский Н.И., Гузалова А.Г. Контагиозный пустулезный дерматит (контагиозная эктима) овец и коз // Российский ветеринарный журнал. Сельскохозяйственные животные. – 2012. – № 3. – С. 52-56.
4. Нехуров Л.Б. Химиотерапия контагиозной эктимы овец// Аграрный вестник Урала. – 2010. –Т. 74. –№ 8. –С. 49-50.
5. Симонов А.Н. Клиническое проявление контагиозной эктимы у овец //Актуальные проблемы повышения продуктивности и охраны здоровья животных: сборник науч. ст. по материалам Междунар. науч. - практ. конф. / СтГАУ. – Ставрополь, 2006. – С. 342–345.
6. Симонов А.Н. Контагиозная эктима // Диагностика, лечение и профилактика заболеваний сельскохозяйственных животных: сб. науч. тр./ СтГАУ. – 2007. – С. 85–89.
7. Симонов А.Н. Особенности клинической картины контагиозной эктимы у ягнят и методы ее лечения // Состояние, перспективы, стратегия развития и научного обеспечения овцеводства и козоводства Российской Федерации: материалы междунар. науч.- практ. конф. / СНИИЖК. – Ставрополь, 2007. – Часть III – С.85–88.
8. Симонов А.Н. Складов С.П., Поветкин С.Н. Клиническое проявление контагиозной эктимы у ягнят и методы ее лечения // Ветеринария Кубани. – 2010. – № 4. – С. 6–7.
9. Симонов А.Н., Бажанов А.А. О причинах периодичности энзоотий контагиозной эктимы овец //Диагностика, лечение и профилактика заболеваний сельскохозяйственных животных: сб. науч. тр./ СтГАУ. – 2013. – С. 55–58.
10. Симонов А.Н., Вергун А.А., Цапко А.П. Контагиозный пустулезный дерматит у овец // Ветеринарная служба Ставрополя. – 2011. – № 3. – С. 24–27.
11. Симонов А.Н., Гришкин М.А. Выживаемость вируса контагиозной эктимы овец на различных объектах внешней среды // Диагностика, лечение и профилактика заболеваний сельскохозяйственных животных: сб. науч. тр./ СтГАУ. – 2013. – С. 58–59.
12. Шатохин И.А., Симонов А.Н. Опыт борьбы с контагиозной эктимой овец // Диагностика, лечение и профилактика заболеваний сельскохозяйственных животных: сб. науч. тр./ СтГАУ. – 2012. – С. 92–94.